

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

В АЛМАНАХ
БИБЛИОФИЛА „
РАССКАЗЫВАЕТ
О КНИГАХ
И КНИЖНИКАХ

ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ,
БИБЛИОТЕКАХ И БИБЛИОФИЛАХ,
О ПОИСКАХ И НАХОДКАХ
В КНИЖНОМ МИРЕ,
О ДЕЛАХ МИНУВШИХ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
КНИГОЛЮБОВ
В РАЗНЫХ КОНЦАХ
НАШЕЙ СТРАНЫ
И В ДРУГИХ СТРАНАХ

Альманах БИБЛИОФИЛА

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

МОСКВА «КНИГА» 1978

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. М. Акутин
(ответственный секретарь),

В. И. Безъязычный
(зам. главного редактора),

И. А. Котомкин, А. И. Маркушевич,

А. Э. Мильчин, Л. М. Наппельбаум,

А. И. Овсянников, А. А. Сидоров,

В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

Редакция «Альманаха библиофила» продолжает анкету, начатую в предыдущем выпуске. Обсуждаются ведущие проблемы современного библиофильства и книговедения, библиотечного и книгоиздательского дела. Открываем разговор статьей действительного члена Академии педагогических наук СССР, профессора А. И. Маркушевича. Мы публикуем диалог в форме переписки известных знатоков книги, председателя Воронежского клуба книголюбов О. Г. Ласунского и председателя Кировского клуба любителей книги Е. Д. Петряева. Предлагаем вашему вниманию также статью директора Москниги, одного из старейших книжников С. Е. Поливановского.

А. Маркушевич

СЧАСТЬЕ С КНИГАМИ

Посвящаю Т. В. К.

Потребность поделиться с другими своими взглядами на «счастье с книгами» возникла, когда один из моих корреспондентов, также библиофил, живущий далеко от Москвы, сознался, что он завидует своим московским собратьям. Им, дескать, во много раз легче, чем провинциалам, стать счастливыми обладателями тех вожаделенных для всех книг, о выходе которых возвещает «Книжное обозрение». Я ответил ему, что книжные реки Москвы никак нельзя уподобить сказочным молочным, с кисельными берегами, и что вообще-то счастье совсем не в этом. Но, конечно, в моем письме тема только намечалась.

Беда, однако, в том, что вскоре я припомнил, что сходная попытка уже делалась до меня в литературе. «Glück mit Büchern»¹ — так и называлась книга, выпущенная полтора десятка лет назад в небольшом и не очень старом западногерманском городе Гютерсло.

Это — изящно оформленный сборник эссе, в котором участвуют современные немецкие прозаики и поэты, а также книжные деятели. Особенно заметно участие в нем двух поэтов и эссеистов старшего поколения: Бернхарда фон Brentано, из славной семьи, давшей немецкой литературе, Клеменса и Беттину, и еще Мартины Бехай-Шварцбах.

Сборник этот многоплановый: здесь рассказывается в прозе и стихах о счастье писать книгу, отбирать рукописи для издания и публиковать их, иллюстрировать книгу, продавать, читать, обладать ею, собирать книги, и, наконец, критиковать их.

Авторы часто говорят на чужом для нас языке, и вовсе не потому, что это язык немецкий, а не русский. Достаточно одного примера. Кульминационным пунктом очерка Brentано, озаглавленного «О счастье обладать книгой», является воспоминание автора о том, как он осенью 1945 г. в маленькой лавчонке на вокзале в Винтертуре (Швейцария) за гроши купил первое издание «Истории Фридриха Великого» Франца Куглера

¹ «Счастье с книгами» (немецк.).

(Берлин, 1840), высоко ценимое не ради текста, а из-за превосходных украшающих его гравюр на дереве по рисункам Адольфа Менцеля. «...Я заплатил мои 4 добрых франка,— вспоминает он,— и покинул лавочку — счастливый обладатель сокровища, которого я долго дождался».

Не могу здесь не сделать шаг в сторону и не напомнить, что те же гравюры, отпечатанные с подлинных досок, украшают и русское издание книги, появившееся в Петербурге в 1844 г. в издании М. К. Липса. Текст в нем приписан Федору Кони, который на самом деле был только переводчиком.

Но вернемся к нашему сборнику. Несмотря на широту охвата темы, далеко не все грани «книжного счастья» в нем затронуты. Например, здесь не говорится о счастье приобщать к любимой книге других людей, о счастье библиотекаря, счастье одевать книгу подобающим ее достоинству переплетом, возвращать искаленную книгу к новой жизни, счастье создавать и собирать экслибрисы...

Я называю эти пробелы вовсе не для того, чтобы потом их восполнить. Для этого понадобился бы целый том, да, пожалуй, это и не под силу одному человеку. Моя цель иная. Мне хочется не расширять, а предельно сузить тему, ограничившись размышлениями вполне субъективного характера о счастье библиофила, т. е. того чудака, над которым нередко снисходительно посмеиваются и на которого иногда, к моему глубокому огорчению, смотрят с известной долей недоверия и даже опасения: не в себе, мол, человек, что с него взять?

Может быть потому, что сам я библиофил и даже отчасти библиоман, я считал себя вправе выступить два года назад в московском Доме ученых с импровизацией на тему «О суетности библиофилов». Теперь она появилась в свет в форме эссе в тридцать четвертом выпуске сборника «Книга». Но сегодня я хочу говорить не о слабых, а о сильных сторонах библиофила, точнее, о счастье, которым его одаривает бескорыстная и пламенная любовь к книге!

Не жди счастья тот, кто тратит силы и время на погоню за книгой, за которой охотятся все! Удивительное дело, но чаще всего (сужу по собственному опыту) теряет именно библиофил. Либо он вообще не может достать модную новинку, либо, заполучив ее каким-нибудь путем, прямым или обходным, испытывает вслед за тем неожиданное разочарование. У М. А. Осоргина в его, в общем-то, превосходном эссе², есть такой образ книги, которая раскрывает свои объятия всякому по первому его зову. И эту книгу он нежно называет возлюбленной! Я понимаю, конечно, что он хочет выразить с помощью этого образа, и все же такое представление о «возлюбленной» вызывает у меня внутренний протест.

² Альманах библиофила. (Вып. 1), М., 1973.

В самом деле, для меня, как наверное и для большинства библиофилов, книга не является абстрактным, собирательным понятием. С моей точки зрения, отдельные экземпляры одного и того же издания отнюдь не тождественны, как, например, не тождественны в глазах орнитолога птицы одного и того же вида. Чтобы отметить одну из них, орнитолог надевает ей на лапку колечко. Мы, библиофилы, пользуемся для сходной цели подписью, экслибрисом, или облекаем книгу в подходящий переплет. Будем считать все это разновидностями обручального кольца. Теперь эту книгу я ни с какой другой не спутаю! Свои объятия она откроет только мне и никому другому, ибо хорошая книга целомудренна. Поймите меня правильно: речь идет здесь об очень тонком и интимном ощущении библиофила, а отнюдь не о попытке возвеличения себялюбия и скупости, которые мне отвратительны. Любимая мною книга может и должна быть другом (но только другом!) моих друзей и, вообще, всегда быть готовой спешить ко всякому, кто нуждается в ее утешении или помощи... Однако, любое сравнение должно знать меру и останавливаться где-то на полпути, чтобы не повредить истине!

Теперь позвольте мне сравнить настоящего библиофила со странствующим рыцарем. Сердце вновь и вновь зовет его в путь за приключениями, в которых он может встретить нового друга или достойного врага, волшебника, уродливого карлика и, конечно же, прекрасную даму, черты которой лишь смутно и неопределенно рисуются его вечно деятельному воображению.

Он не знает, наступит ли встреча через час, день, месяц или год. Главное — это распознать сразу, при одном первом взгляде, длящемся мгновение, то, что должно принадлежать ему по праву рыцарской доблести.

Десятки и сотни глаз могут безучастно скользить по книге, выставленной под стеклом в витрине букинистической лавки или чуть виднеющейся в пыльной груде на полу.

Но сердце уже усиленно забилося у нашего искателя необыкновенных приключений. «Пожалуйста, покажите вот эту», — произносит он сдавленным от волнения голосом, тщетно стараясь казаться равнодушным. — «Какую? Вы можете ее назвать?» — переспрашивает продавщица. А он часто не знает полного наименования своей находки, но каким-то еще неведомым психологам чувством сознает, что она ждала его и только его.

Наконец, все объясняется, и в вагоне метро или салоне троллейбуса он может разорвать нетерпеливыми пальцами ломкую бумагу, в которую завернута его покупка, и обнаружить, что таинственное чувство не подвело.

Подлинный библиофил хранит в памяти, иногда помимо своей воли, десятки тысяч сведений о книгах, которые сторонний человек мог бы по большей их части счесть бесполезными. Кроме того, ему услужливо помогают сотни каталогов и других справочных изданий самого различного характера. Все вместе взятое должно обеспечить первое знакомство. Но сколько вопросов нужно при этом выяснить!

Что это — первое издание? Перевод или оригинал? А если имя автора встретилось впервые, то это подлинное имя или псевдоним? Кем он был и какое место эта книга занимает в его творчестве? Вот на титуле приведен явно вымышленный город (например, какой-нибудь Библиополь) и, может быть, отсутствует подлинная дата выхода. Где, когда и кем была издана книга на самом деле и зачем понадобилось скрывать издателя? Оставила ли она след в истории литературы, науки, общественной мысли? Упоминают ли о ней прославленные справочные издания, вроде Брюне или Грессе, претендующие на то, чтобы охватить все редчайшие, ценнейшие или курьезнейшие книги с начала книгопечатания? Оказывается, нет. Но что отсюда следует? Книга продолжает пленять нашего библиофила. Быть может, знаменитые библиографы просто никогда не встречались с ней (вот было бы здорово!) или видели, да не сумели оценить!

Все ли в ней гравюры, чертежи, карты? Кто создавал их? Чьей работы этот красивый переплет? Кому она принадлежала? Что скрывается за этими трудночитаемыми рукописными строчками на титуле или на полях?

Поиски ответов на все эти вопросы представляют в миниатюре некое научное исследование. В этом, обычно скромном поиске, неоспоримое творческое начало, здесь неиссякаемый источник библиофильского счастья и вместе с тем источник постоянного приращения его духовных сил и его познаний.

После первого знакомства начинается вживание в книгу. Библиофил с чувством перелистывает ее, задерживаясь на отдельных местах. Он прочитывает их и вновь ощущает обаяние и живой трепет той мысли, которая впервые в истории человеческого духа была выражена именно здесь, на этих пожелтевших страницах. Отсюда она начала свое триумфальное шествие, обошла весь свет и ныне застыла в юбилейных изданиях, в учебниках и хрестоматиях. Может случиться, что это произведение и даже его автор совсем не были знакомы нашему рыцарю книги, и тогда до него впервые доносятся слова, произнесенные много, много лет назад. Это как свет далекой звезды! Но сколько здесь неумирающих чувств, оттенков смысла, сколько идей и фактов, позволяющих мгновенно ощутить дуновение далекой эпохи и соприкоснуться с творческой личностью, доверившей вот этой самой книге свое посмертное существование!

То, что библиофилу удалось узнать о книге, он записывает на листочке и вкладывает в нее. Может быть, состоявшееся знакомство приведет к находкам и даже открытиям, которыми захочется поделиться с другими. Ну, а если нет, то все равно это первое знакомство обогатило ум и взволновало душу.

Он с трудом отыскивает на переполненных полках место для книги, ставшей теперь частью его самого, и снова пускается в путь, в поисках новых волнующих открытий. Но та книга, которую он только что познал, все же не будет им покинута. Если чутье его не обмануло, он еще не раз к ней вернется один или вместе с друзьями, вспоминая то, что в ней было найдено, и с удивлением и радостью обнаруживая, что она хранит еще нечто, ранее не замеченное или не оцененное.

Одним из самых волнующих свойств, которым обладает книга, является то, что она упорно и настойчиво влечет библиофила за собой к другим книгам, с которыми она готова объединиться, как объединяются звенья одной цепи, цветы в венке или гирлянде. Природа подобной связи, способы сцепления бесконечно многообразны. Проще всего обстоит дело, когда недостающие звенья подсказываются самой литературой вопроса, библиографическими источниками. Здесь обычно нас привлекает то, что позволяет дополнить, углубить или оспорить прочитанное в книге, сыгравшей роль исходного звена. Но, конечно, существует и множество других принципов объединения книг в своеобразную цепь. Ее могут составить, например, различные издания одного и того же произведения на языке оригинала, к которым, если не бояться чрезмерно громоздких объединений, можно присоединить важнейшие переводы на другие языки. Близкий для русского библиофила пример звеньев такой цепи, растянувшейся на полтора века, это различные издания басен Крылова.

Цепь может состояться из всех произведений одного и того же автора вместе с критическими откликами на них и воспоминаниями или исследованиями о его жизни и творчестве. Еще ходовой пример — совокупность всех изданий одного и того же издателя, или только части их, выделенной по какому-либо признаку. Классический пример — малоформатные издания Эльзевиров. Впрочем, внутреннее родство, по моему убеждению, должно стоять на первом месте, и мне трудно разделять восторги любителей миниатюрных изданий, чувства которых так сильно зависят от показаний масштабной линейки. Зато моему уму и сердцу много говорят гирлянды, сплетенные из различных изданий одного и того же великого произведения мировой литературы (например, «Дон-Кихота» или «Гаргантюа и Пантагрюэля»), по-разному иллюстрированного художниками разных времен и народов.

Примеров, подобных только что указанным, можно приводить сколько угодно. Не особенно много радостей доставляют мне совсем короткие цепочки, где звенья соединяются по причудливым и даже парадоксальным законам, неожиданным для самого библиофила. Ограничусь одним примером, не имеющим самостоятельного значения, но вполне пригодным для иллюстрации высказанных соображений.

Я отправляюсь от лажечниковского «Ледяного дома», изданного впервые в Москве в 1835 г. в четырех частях с гравюрами. С ним, конечно, совершенно естественно связывается ученая книжица Георга Крафта «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге, в январе 1740 года, Ледяного дома...», ставшая редкостью уже во времена Лажечникова. Лажечников обильно цитирует Крафта, но для меня сейчас книжка последнего скорее боковое ответвление или подвесок к замысловатой цепочке, которая наполовину в шутку, наполовину всерьез должна привести к поэме Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан Л'Этранже». Вот как это можно сделать. Лажечников рассказывает в седьмой главе третьей части, озаглавленной «Родины козы», о любимом шуте Анны Иоанновны — Педрилло, родом из Неаполя, который, объявив всем, что женился на козе, собирает обильные приношения от императрицы и всех придворных под предлогом, что супруга его разрешилась от бремени хорошеньким козленочком. От этого Педрилло прямой путь ведет к «Словарю русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского. Оказывается, Педрилло удостоился в нем биографического очерка именно благодаря козе.

Дело в том, что за четыре года до ее родин немецкий шут Трёмер, приехавший, как пишет Ровинский, искать место первого придворного дурака при дворе Анны Иоанновны, захотел высмеять своего соперника Педрилло и написал ему в стихах ругательное новогоднее поздравление, к которому приложил гравированную картинку. На ней были изображены: во-первых, в виде рогоносца сам Педрилло, от которого, якобы, еще в Италии, ушла красавица жена, затем сама неверная жена со своим «вице-мужем», и, наконец, утешающая беднягу коза (вот где впервые появилась коза!). Мы видели, как Педрилло сумел обратить пасквиль Трёмера в свою пользу. Что касается упомянутой гравюры, то она неоднократно воспроизводилась в сборнике стихотворных сочинений Трёмера. Она-то и послужила пропуском для Педрилло в словарь Ровинского. Можно сказать, что шут этот въехал в «Словарь русских гравированных портретов» на козе!

Но теперь, вслед за словарем Ровинского, к нашей цепочке присоединяется еще одно звено — книга Трёмера, имевшая большой успех в XVIII в. В моем собрании находится экземпляр издания 1845 г., напечатанного в Нюрнберге; он снабжен двумя различными экслибрисами

достно передаешь ее в другие руки. Это могут быть руки любимого или дорогого тебе человека, друга; учреждения, в котором она может принести неизмеримо больше пользы, чем оставаясь у тебя; наконец, руки совсем малознакомого человека, в котором ты сумел, однако, распознать чувство глубокого и искреннего влечения именно к этой книге, представляющейся ему несбыточной мечтой! Я много раз испытывал это волнующее чувство и каждый раз обнаруживал, не без горделивого сознания, что сожаления о книге, с которой расстался в обстоятельствах подобного душевного порыва, потом не возникало.

Я еще раз убедился в этом, когда передавал в дар Библиотеке им. В. И. Ленина собрание инкунабул, на составление которого было затрачено почти 30 лет жизни. Этот дар удалось осуществить весной прошлого года.

Как примирить это свободное и счастливое ощущение с той искренней любовью к книге, о которой так много говорилось выше? Наверное, здесь нет никакого противоречия. Настоящая любовь не может быть эгоистична, и убеждение в том, что драгоценное собрание нашло себе место в прекраснейшей библиотеке нашей Родины, дает глубокое удовлетворение и сердцу и уму.

Москва

КАКОВ ОН, СОВРЕМЕННЫЙ БИБЛИОФИЛ?

1

О. ЛАСУНСКИЙ — Е. ПЕТРЯЕВУ

Дорогой Евгений Дмитриевич!

Тема нашего эпистолярного диалога посвящена библиофилу сегодняшнего дня. Книголюбие стало органичным явлением нашей духовной жизни. Создано Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Но обратите внимание: «любителей книги», а не «библиофилов». Означает ли это рецидив прежней недооценки библиофильства? Нет, конечно! Просто понятия «книголюб» и «библиофил» не вполне совпадают.

Между книголюбом и библиофилом сходства, разумеется, неизмеримо больше, чем различия. Ведь предметом увлечения для обоих является книга, печатное и рукописное слово вообще. Книголюб уделяет внимание преимущественно, а часто исключительно содержательной стороне книги. Его волнуют идеи, образы, мотивы, выраженные автором, т. е. наиболее существенное, так сказать, золотосное в книге.

Смешно было бы утверждать, что человека, считающего себя истинным библиофилом, это не интересует. Однако в отношении к книге у библиофила вплетается еще и утонченное любование внешней, материальной ее оболочкой. Не секрет, что порой это любование становится самоцелью, интеллектуальное и нравственное богатство книги заведомо не берется в расчет. Но подобное отношение к книге является выражением библиоманства и не имеет ничего общего с настоящим, подлинным библиофильством.

Для библиофила книга, это величайшее достижение земной цивилизации, драгоценна со многих точек зрения — и как источник познания и просвещения, и как памятник типографского искусства, и как яркое свидетельство жизненной диалектики, связующей в единую историческую цепь различные времена и человеческие судьбы. Библиофил радуется не просто книге, а данному, конкретному ее экземпляру.

Если книголюбя в основном интересуют современные издания во всем их тематическом разнообразии, то библиофилу милее книги старые и старинные, то, что мы называем антиквариатом. Каждый конкретный

экземпляр постепенно обрастает дополнительной информацией, приобретает со временем свою родословную. В этом смысле книгу можно, пожалуй, уподобить благородному вину: чем она старше, тем опьянительнее.

Практика подсказывает, что книголюб — не обязательно книго-собираатель. Его подчас устраивают фонды государственных и общественных библиотек. Он часто выступает в благородной роли книгораспространителя. Нашей благодарности достойны тысячи любителей, которые через систему народных книжных магазинов и киосков пропагандируют среди товарищей печатное слово.

Нелепо, когда о библиофильстве судят по старинке, с примитивных, вульгаризаторских позиций. Некоторые предлагают изъять у библиофилов книги и передать их в публичные библиотеки — дескать, их будет там читать больше людей. Нет смысла вступать в полемику с такими «ревнителями» общественных интересов. Скажу только, что, во-первых, государство достаточно богато книгами, чтобы снабдить ими желающих. А во-вторых, — и это самое главное, — все частные собрания, если только подходить к ним не с меркой сиюминутной пользы, а с позиций «долговременного прогнозирования», в своей совокупности представляют резерв государственного хранения и входят составной частью в общенациональный книжный фонд.

Библиофилов нередко критикуют за то, что полки с золочеными переплетами стали для них сейчас всего лишь деталью интерьера. Не берусь категорически утверждать, что это мнение полностью несправедливо. Видимо, в семье не без уroda. Должен, однако, заметить, что тип псевдокнигочия свойствен, наверное, всем эпохам. Докажу это одним литературным примером.

«...В прекрасных шкафах красного дерева, за стеклом, стояли в дорогих переплетах сочинения лучших французских, английских и немецких авторов. Аглаеву захотелось посмотреть издание Бюффона in folio, которое видно было за стеклом. Он отворил шкаф, но с удивлением увидел, что ни одной книги там не было, а сделаны были фальшивые переплеты, с одними названиями книг; за ними же, напротив, стояло несколько бутылок и штофов с разными ликерами, настойками и водками».

Знаете, из какого произведения я взял эту любопытную цитату? Из бытоописательного романа Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских», вышедшего в 1832 г. Сейчас хоть, слава богу, до устройства подобных шкафов у нас не дошло!

Разумеется, цвет библиофильства всегда составляли и составляют не маньяки и лицемеры, а пылкие рыцари своего увлечения, эти «донкихоты века», как выразился поэт.

Как-то молодежная газета обратилась ко мне с вопросом: «Библиофилами рождаются или становятся?» Я ответил: «Кажется, все-таки рож-

даются...» Действительно, библиофилом нельзя сделаться по принуждению или по собственному капризу, как нельзя стать писателем или художником, не имея особых задатков от природы. Лучшие из библиофилов — натуры глубоко талантливые. Мне приходилось встречать в жизни многих собирателей. Лично меня привлекают прежде всего сами библиофилы, а уж потом книги, какими бы уникальными они ни были.

А как думаете Вы, Евгений Дмитриевич?

2

Е. ПЕТРЯЕВ — О. ЛАСУНСКОМУ

Дорогой Олег Григорьевич!

Вы правы. Понятия «книголюб» и «библиофил» далеко не совпадают, хотя четкой границы тут нет. При собирании библиотеки вначале обычно на первом плане стоят утилитарные цели. Но уже смолodu профессиональные обязанности заставляют вдумчивого читателя расширять свой «книгозор», следить за новинками и в смежных областях. Характерно, что в более пожилом возрасте в его библиотеке обычно возрастает удельный вес художественной литературы, изданий по истории и искусству. Чаще всего с полок снимается «балласт» — устаревшая литература по вопросам профессии. Так библиотека отражает эволюцию книголюбия.

Обладание даже большой библиотекой, высокая общая культура, знание языков далеко не всегда делают книголюбя библиофилом. Для этого необходимо еще своего рода «книжное чувство» — всепоглощающий интерес к самой книге, к библиографическим и историко-культурным разысканиям.

В статье «Библиофильство» («Большая Советская Энциклопедия», том 3, М., 1970, с. 312—313) Вы называете библиофильством собирательство редких и ценных изданий. Следует, вероятно, отметить, что в библиофильстве важное место занимает творческий элемент. Библиофил заботится не только о полноте подбора и внешнем виде дорогих его сердцу изданий, но и детально изучает «среду обитания» и историю каждого своего экземпляра, пытаясь определить вес и значение его в ряду явлений культуры. Правда, иногда библиофилы несколько преувеличивают ценность своих собраний. Это можно понять: поиски и изучение книжных редкостей требуют больших знаний, изобретательности и упорного труда. Хорошо известно, что разыскания библиофилов обогатили историю культуры множеством новых сведений. Недавно изданные каталоги библиотек Н. П. Смирнова-Сокольского, А. К. Тарасенкова, И. Н. Розанова стали ценным вкладом в книговедение.

Многочисленные примеры показывают, что начинающему библиофилу, особенно на далекой периферии, приходится самостоятельно овладевать немалым запасом книговедческих, общеисторических и краеведческих знаний. Важнейшее значение приобретает умение хорошо ориентироваться в библиографии своей темы. В этом большую помощь он всегда найдет со стороны специалистов областных и столичных библиотек. Много может дать общение с другими собирателями в клубах книголюбов или путем переписки.

Конечно, в библиофильстве прежде всего интересны сами библиофилы. Некоторые считают, что у библиофила обязательно должны быть какие-то редкости — уникамы. Мне кажется, что главной «редкостью» будет то, чему собиратель отдал жар своей души. Ведь личная библиотека — это своеобразный «барометр» знаний, стремлений и ожиданий книголюбца.

Мне приходилось встречать библиофилов еще с дореволюционным «стажем». Они были крупными специалистами в своих областях (медицина, этнография, геология и др.) и не видели в библиофильстве несовместимости со своими профессиональными занятиями. Конечно, в крайних формах оно может приобретать болезненный и даже неэтичный, антиобщественный характер. Анатолий Франс как-то сравнил его с «медленным» алкоголизмом. Видимо, в этих случаях требуется лечение.

Нельзя не разделить радость библиофила, когда он после долгих поисков находит недостававшее ему издание, книги с инскриптами, авторские и подносные экземпляры, не говоря уже об инкунабулах, эльзевирах и других подобных книгах — шедеврах своего времени. Такие удачи запоминаются на всю жизнь. Иногда они открывают ранее неизвестные связи, дают толчок к новым поискам.

Тип старинного книжника-одиночки давно ушел в прошлое. В наши дни библиофилы все чаще объединяются в кружки, клубы и секции, где получают возможность знакомить друг друга со своими находками, ведут обмен и коллективные разыскания, пополняя каталоги и фонды государственных и профсоюзных библиотек.

К сожалению, призывы к изъятию книг у библиофилов раздавались не раз. Обычно они исходили от лиц, далеких от книг и библиотек. Иногда неприязнь к библиофилам имеет простую причину — не хотят мириться с превосходством эрудиции.

Опыт и знания библиофилов могут найти широкое использование в работе общества книголюбов. Сошлюсь на пример нашего клуба. На одном из заседаний мы с интересом познакомились с докладом юриста К. А. Палкина об истории его личной библиотеки (3500 томов). Четырехтомный каталог ее послужил наглядным образцом, по которому стали составлять свои каталоги некоторые молодые собиратели. Эти занятия по-

могли им освоить элементы библиографии и книговедения. К сожалению, огромное познавательное значение таких каталогов еще многими не осознается. А ведь «король библиофилов» Анатолий Франс писал: «Не знаю чтения более легкого, приятного и завлекательного, нежели чтение старых каталогов».

Когда личные библиотеки не имеют даже простейших перечней книг, то вне поля зрения владельцев порой оказываются экземпляры, не только не «работающие», но в первую очередь попадающие в макулатуру.

Каталог позволяет опытному глазу библиофила заметить такие книги и передать их в «понимающие» руки.

Согласен с Вами: научить библиофильству нельзя. Это особый и редкий дар. Тем внимательнее и активнее мы должны поддерживать подлинных библиофилов. К сожалению, многие возможности далеко не полностью используются. Так, например, некоторые клубы книголюбов издают памятки о своих заседаниях. Отличным образцом служат билеты вашего, Олег Григорьевич, клуба «Воронежский библиофил». Но даже в памятках ленинградских коллег крайне мало книговедческой информации: нет тезисов докладов, не указаны фамилии руководителей клуба, отсутствуют портреты, библиографические справки и проч. А еще совсем недавно именно такие издания высоко ценились библиофилами!..

Подвижнический собирательский труд библиофилов — своеобразных «дон-кихотов», рыцарей печатного слова и просвещения — умножает культурный потенциал нашего народа. Поэтому они достойны почета и уважения.

Повторим же еще и еще: таланты надо беречь!

3

О. ЛАСУНСКИЙ — Е. ПЕТРЯЕВУ

Дорогой Евгений Дмитриевич!

Вы затронули интересный вопрос о том, обязательно ли у библиофила собрание должно быть уникальным, то есть единственным в своем роде? Ответить на него непросто. В буквальном смысле уникальных личных коллекций в стране не так уж много. Но, с другой стороны, каждое серьезное библиофильское собрание может рассматриваться как уникальное, ибо в чем-то оно непременно отличается от десятков других.

Библиофильство — деятельность прежде всего индивидуальная. Личностная неповторимость владельца накладывает невольную и неизгладимую печать и на библиотеку. Какие бы то ни было шаблоны и стандарты библиофильству противопоказаны.

Мне часто присылают письма начинающие любители и просят дать совет: как и какие книги собирать? Я всегда становлюсь в тупик. Отвечаю, наверно, выпренне, зато откровенно: идите собственным путем, как он у вас сложится, пусть будут на нем срывы, огорчения, неудачи! Лишь бы впереди сияла звезда, освещающая вам дорогу поисков!

Ведь главное, по-моему,— не столько находить, сколько все-таки искать! Рано или поздно, следуя этому правилу, библиотека примет оригинальные очертания. Уникальность же — это конечный идеал, который, чем ближе к нему приближаешься, тем он кажется недостижимее.

Я вообще в библиофильстве ценю, повторяю, не столько практический результат (накоплено столько-то тысяч томов, среди них такие-то раритеты), сколько сугубо этическую сторону. Подлинное библиофильство нравственно очищает, облагораживает человека, делает его жизнь внутренне насыщенной и значительнее.

Способы составления библиотек бывают разные. Есть собиратели, которым старинные волюмы приносят на дом,— нужно только заплатить. Другие за огромные деньги покупают сразу целые библиотеки. Честно говоря, мне милее собирательство иного рода.

Приятно строить библиотеку по книжнице, как дом по кирпичику. А еще приятней — сам ход такого «строительства», процесс возведения из книг-«кирпичиков» сводов своей, непохожей на другие, библиотеки... Многое значит для меня азарт, собирательский пыл. Я бы сравнил библиофила со страстным охотником, идущим по следу. Его увлекает сама погоня за ускользающей целью. И разве не бывает так: поставил на полку какой-то давно разыскиваемый том, вычеркнул его из списка своих дежидератов, и... стало как-то грустно на душе. Очень важно не погасить в себе чувства вечной неудовлетворенности, жажды новых открытий!..

Вы, Евгений Дмитриевич, правильно сказали о творческом элементе в библиофильстве. Мне думается, что незаурядная личная библиотека, собранная на протяжении нескольких десятилетий,— это не просто определенный жизненный итог, но и своего рода произведение искусства. Да, библиофильство есть деятельность созидательная, а сам процесс составления библиотеки — это творчество, акт художественный. Древние греки, если хотите, чего-то явно не досмотрели, лишив библиофильство особой музы.

Но в библиофиле запрограммировано и исследовательское начало. Собрание книг, особенно старинных, малоизвестных, чем-то примечательных, самой своею логикой влечет к их изучению. Коллекционер должен обладать достаточным объемом книговедческих познаний. Как установить истинную ценность нового приобретения? Не обращаться же всякий раз за консультацией к специалистам! Библиофильство, таким обра-

зом, активно побуждает человека дружить с академическими трудами, заниматься самообразованием.

Отношения библиофила к науке отнюдь не иждивенческие. При возможности он способен оказать ей и серьезную услугу, особенно в области библиографии. Вот свежий пример. Недавно вышел новаторский по своему характеру указатель миниатюрных книг СССР. Он не лишен недостатков, но важно, что он открывает перспективу последующего теоретического освоения этой любопытной сферы издательского дела. В значительной степени составление и сама идея этого каталога принадлежали московскому библиофилу П. Д. Почтовнику, председателю клуба любителей миниатюрных книг.

Да, библиофильство — увлечение на редкость сильное и пленительное. Люди к нему равнодушные говорят: нужна, дескать, не «власть книги», а «власть над книгой». Это, конечно, верно, но и сладостный плен книги имеет свое очарование. Библиофильство способно захватить человека целиком, подчинить себе. Как в таком случае соотносятся профессиональные интересы с библиофильскими?

Чаще всего они соперничают между собой, не ввязываясь, впрочем, в «вооруженный конфликт». Но законы жизненной диалектики и здесь дают о себе знать: противоборствующие стороны в совокупности своей составляют гармоническое единство. Библиофильская страсть делает человека духовно и морально богаче, что опосредованно сказывается и на его трудовой деятельности.

Мне представляется, что к библиофильскому собирательству нынче в большой мере склонны стали представители технических профессий и точных наук. Инженер, профессор физики или математики, сотрудник заводской или университетской лаборатории — вот довольно типичные фигуры сегодняшнего библиофильства. Это совершенно естественно. Научно-техническая революция предполагает в людях внутреннюю раскованность и свободу. Узкая профессиональная специализация, свойственная современной эпохе, требует какой-то разрядки, выхода в иные, далекие от повседневных забот сферы. Загляните в квартиры ленинградских собирателей Я. С. Сидорина или К. А. Брусиловского — один из них кораблестроитель, другой — радиоэлектроник — и вы встретитесь с первоклассным подбором библиофильской литературы.

Но не надо отказывать в библиофильстве и представителям гуманитарных наук. Можно вполне органично сочетать подход к книге и как к чисто рабочему инструменту, и как к предмету высокой собирательской страсти. Об этом правильно писал профессор П. Н. Берков. Кстати, для самого Павла Наумовича библиофильские интересы стали еще и профессиональными, как и для Н. П. Смирнова-Сокольского или И. Н. Розанова. Я считаю, что такой синтез весьма плодотворен.

Каждому библиофилу кажется, что его библиотека ничуть не хуже, чем у других; во всяком случае в собрании найдется, мол, несколько раритетов, отсутствующих у коллег. Коллекционерское тщеславие надо понимать, с ним надо считаться как с явлением почти неизбежным. И не обязательно видеть в нем зло, выражение подспудных дурных сторон собирательства. Конечно, чрезмерно развитое тщеславие, осложненное привходящими факторами, может привести к пагубному библиоманству. Зато часто честолюбивое желание быть впереди является для библиофила мощным стимулом, придает новую энергию и в конце концов действительно помогает составить незаурядное собрание.

С чем, на мой взгляд, следует в библиофильстве бороться, так это со стихийной установкой на моду, подражательство. Вторичность, несамостоятельность непременно приводят библиофила к краху. Надо выходить на собственную, непроторенную тропу. А ведь диапазон библиофильства необычайно велик. Я лично очень симпатизирую тем, кто избрал скромный, но полезный во многих смыслах предмет собирательства — материалы по истории местной культуры, по краеведению. Какое это чудесное, увлекательное занятие — разыскивать книги, брошюры, летучие издания, вышедшие много лет назад в родном городе!.. И, кстати, это огромной научной важности дело — сберегать старые провинциальные издания, особенно те, которые выпущены уездными и даже сельскими типографиями.

А теперь хочется сказать о другом. Библиофильская ценность экземпляра весьма относительна: падает, когда он попадает в чужеродную компанию и, наоборот, резко поднимается, когда он оказывается среди родственных книг. Настоящий собиратель всегда помогает редкому изданию найти именно то единственное пристанище, где в нем особенно нуждаются. Можно говорить о миграции частновладельческой книги, о ее постоянном движении в пространстве и времени, от одного лица к другому. Выскажу собственное давнее наблюдение: не только библиофил ищет «свою» книгу, но и книга ищет своего хозяина. Обоим бывает приятна встреча, которая с неизбежностью когда-нибудь происходит.

Важно, повторяю, чтобы книга пришла к человеку, у которого ее «коэффициент полезного действия» сильно возрастет. Настоящие любители это понимают и готовы на определенные жертвы ради высших библиофильских интересов.

Библиофил не может жить в одиночестве, в изоляции. Ему требуются постоянные контакты с товарищами по увлечению. Такова сама природа книголюбия: начало индивидуальное, личностное тесно связано в нем с коллективистским началом. Библиофила наших дней в особенности отличает стремление поделиться радостью своих находок и открытий с другими людьми. Стихийная тяга к взаимному общению приводит библиофи-

лов к прилавкам букинистических магазинов, в разнообразные по профилю клубы и кружки и, будем откровенными, толкает на «черный» книжный рынок...

4

Е. ПЕТРЯЕВ — О. ЛАСУНСКОМУ

Дорогой Олег Григорьевич!

Да, в мире книг так много соблазнов, что начинающий библиофил долго не может определить главное направление своих поисков. На первых порах сильно сказывается влияние моды, элемент подражания и другие случайные стимулы. Вспомните период увлечения стихами «эстрадных поэтов». Иногда с этого начиналось составление поэтических библиотек.

Многое зависит и от личности собирателя. Один — «романтик» — берется за дело по настроению, рывками, попутно «прихватывает» модные и дефицитные издания («впрок»). Он ведет лихорадочные и бессистемные поиски раритетов, возится с тройным обменом и проч. Уже вскоре он накапливает множество совершенно случайных изданий, на изучение которых у него нет ни времени, ни знаний. Другой собиратель — «классик» — строит библиотеку со знанием дела, методично, основательно, без излишеств. Книга для него — своего рода «хлеб». Но если и в этом случае «глаза бывают больше желудка», книги омертвляются и библиотека делается книжным кладбищем.

Подобные крайности во многом смягчаются тем, что библиофил редко бывает Робинзоном. О его находках и уникамах знают другие книжники. Поэтому его библиотеку всегда окружает незримая стена ценителей. Вы считаете, что у библиофилов есть стихийная тяга к общению? Мне кажется, что она вполне осознанна и диктуется органической потребностью в новых сведениях о книге, естественным стремлением расширить свой «книгозор».

Огромная, иногда просто феноменальная эрудиция была характерна не только для знаменитых библиофилов, но и для многих букинистов. В наши дни, к сожалению, книговедческие знания нового поколения букинистов зачастую весьма ограничены и порой касаются только наличного «товара». Не говорю уже об эмоциональной стороне дела. Поэтому о библиофильских беседах у книжного прилавка теперь можно лишь вспоминать...

Характерно, что среди ученых книговедов, библиотекарей и работников книжной торговли не часто встречаются библиофилы. «Ведь фармацевты не собирают коллекции лекарств», — ответил мне один книговед

(кандидат наук), имевший в доме не более десятка случайных книг. «Для души» он находил книги на служебных полках.

Видимо, постоянный профессиональный контакт с книгой как-то гасит библиофильские интересы и притупляет «книжное чувство» такого читателя.

В общении библиофилов много душевности. В этом кругу книжный подарок — действительно высокая *взаимная* радость, она согревает человеческие отношения на многие годы.

Сейчас очень большой и тревожной остается проблема защиты книги. Известно, как много редких и ценных книг попадает в макулатуру, гибнет в холодных руках случайных людей при всяких списаниях. Мне самому приходилось покупать книги... на вес.

Масса книг преждевременно изнашивается из-за отсутствия переплета. Качество переплетов вообще крайне низко. В личных и общественных библиотеках вы встречаете полки, заполненные прекрасными книгами, но в грубых и непрочных переплетах, нелепой, какой-то казарменной расцветки и с корешками, написанными от руки порой криво и неумело. Зрелище, надо прямо сказать, унылое.

Попробуйте заказать для своего редкого издания, например, пушкинской поры, достойный и стильный переплет с бинтами, с золоченым или мраморным обрезом. Даже в столичных мастерских такой заказ не примут: нет кожи, нет умелых мастеров и (главное!) не выгодно.

А цены на переплетные работы и так непомерно высоки. За рядовой кустарный переплет берут в 2—3 раза больше стоимости книги.

Многие библиофилы вынуждены сами переплетать свои книги, но добиться хороших результатов удается редко: в продаже почти нет переплетных материалов. Известны отличные переплетные работы ленинградского библиофила В. А. Меньшикова. Он спас от гибели многие бесценные издания, но и для него главная трудность — найти материалы.

Один из моих книжных наставников, доктор Н. И. Грязнов (1876—1952) в молодые годы жил в Париже и встречался с тамошними библиофилами. Однажды, как вспоминал Николай Иванович, стоя у прилавка, «король библиофилов» Анатоль Франс сказал букинисту: «Книгу в разбитом переплете — как дырявые штаны — носить стыдно».

Часто приходится видеть самодельные суперобложки, но они отнюдь не заменяют переплета, скоро выцветают и ветшают. Даже на выставках в клубах библиофилов и в витринах магазинов у нас не стыдятся показывать буквально растерзанные книги. Как тут не вспомнить о «книжном чувстве»!..

Обществу книголюбов следует энергично взяться за охрану и бережение наших книжных богатств и за возрождение переплетного искусства, образцами которого мы могли когда-то гордиться.

О. ЛАСУНСКИЙ — Е. ПЕТРЯЕВУ

Дорогой Евгений Дмитриевич!

Я думаю, что сейчас, когда в стране создано Общество книголюбов, появились новые возможности для выхода частных собраний на общественную арену. Зададимся вопросом: в каких формах наиболее целесообразно привлечение библиофилов к работе ВОК? Возможностей я вижу очень много. И все же есть среди них традиционные, себя хорошо зарекомендовавшие. Это прежде всего широкая, но реальная сеть клубов и кружков книголюбов. Складываются они подчас трудно, испытывают организационные неурядицы, отсюда отсутствие стабильности в их работе. Общество должно им оказать реальную помощь. Плодотворным делом представляется мне организация специальных выставок из частных коллекций. Москвичи уже провели несколько таких очень интересных выставок. На местах об этом пока не слышно.

Сейчас учреждаются при областных отделениях ВОК лекторские бюро. Можно только приветствовать это начинание. Многие библиофилы умеют рассказом о книгах вообще и своих собственных библиотеках, в частности, зажечь в слушателях огонек увлеченности. Пропаганда культуры чтения, знакомство с литературными новинками, раскрытие «технологии» библиофильства — все это под силу лекторам-общественникам.

Возможны и другие формы. В свое время, скажем, на страницах журнала «Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф» велись любопытные разделы: «Почтовый ящик», «Вопросы и ответы читателей читателям». Особенно поучителен опыт последнего раздела, когда сами библиофилы отвечали печатно друг другу на многие недоуменные вопросы.

Тут невольно приходится говорить о наболевшей, давно требующей своего разрешения проблеме. На мой взгляд, обществу книголюбов жизненно необходим специальный журнал, который объединил бы вокруг себя всех друзей книги. Его не в состоянии заменить ни предполагаемые ведомственные бюллетени (они хороши сами по себе), ни газета «Книжное обозрение», ни журнал «В мире книг» — в силу универсальности их тематики. При такой масштабности современного библиофильства, право, грешно не иметь в нашей книжной державе особого иллюстрированного научно-литературного ежемесячника. Кстати, он знакомил бы нас с деятельностью родственных организаций за рубежом, прежде всего в социалистических странах, о которой мы знаем до обидного мало.

Необходимо сказать еще об одной существенной и перспективной связи между ВОК и библиофилами... Но сначала несколько предварительных слов. Каждый владелец библиотеки озабочен ее последующей

судьбой. В последнее время этот вопрос широко дебатруется. Ряд участников дискуссии склоняется к тому, чтоб частные собрания после смерти их обладателей непременно переходили целиком в государственные хранилища. В этом даже усматривается едва ли не гражданское назначение библиофильства. Мне кажется, здесь допущено немало путаницы. Государству нужны в полном составе только выдающиеся библиотеки, вроде тех, которые составили Н. П. Смирнов-Сокольский или И. Н. Розанов. Надо ли скорбеть по поводу того, что более или менее примечательные собрания (а таких сотни) будут распроданы через букинистический магазин? Ведь наиболее ценные в научном отношении экземпляры все равно попадают, как правило, в руки комплектаторов государственных библиотек: здесь им обеспечен приоритет. Зато остальные книги вместо того, чтобы отягощать и без того громоздкие резервные фонды общественных хранилищ, попадут в руки нового поколения любителей. Ведь эстафета библиофильства не должна прерываться.

Но не наносится ли в таком случае обида библиофильской чести того, чье детище расплылось по десяткам новых собраний? Наверное, нет, — при условии, если о бывшей библиотеке сохранится память в виде наклеенных на переплетах экслибрисов, а главное, в виде аннотированного печатного каталога. Вот об издании описаний частновладельческих библиотек мне и хочется сказать.

Мало городским или областным отделениям ВОК вести только картотеки крупных личных книжных собраний и даже наиболее примечательных экземпляров. Следует в содружестве с библиофилами приступить к подготовке и выпуску каталогов. Это — дело огромной общественно-культурной важности. Вопрос о том, достойна ли данная библиотека печатного указателя, следует решать со всей ответственностью, коллективно, с участием экспертов-библиографов. Наиболее удобной формой таких изданий в современных условиях представляются мне каталоги избранных разделов собрания или вообще избранных книг. Ничего страшного не будет, если в рамках одного каталога объединятся описания двух или трех не слишком обширных библиотек.

Создание таких указателей — занятие кропотливое и неспешное. А вот «адресные книги» библиофилов типа известных дореволюционных справочников М. Я. Параделова и Е. А. Шуманского надо выпускать как можно быстрее. Такие издания с адресами библиофилов и самой краткой характеристикой их собирательского профиля позволят тысячам любителей вступить в контакт с коллегами. Выпуск и распространение подобных справочников удобнее всего осуществлять по линии ВОК.

Словом, у общества книголюбов работы — непочатый край. И если библиофилов там по-настоящему приветить, они за нее с большой охотой возьмутся. Впрочем, во многих местах уже взялись...

Е. ПЕТРЯЕВ — О. ЛАСУНСКОМУ

Дорогой Олег Григорьевич!

Вы совершенно справедливо перечислили ряд важных сторон связи библиофилов с активистами Общества книголюбов. Мне хочется сказать вот о чем.

В последние годы важнейшим направлением библиофильства стало разыскание литературы о родном крае. В перечнях старых провинциальных изданий множество белых пятен. Вновь обнаруженные книги, малотиражные и «летучие» издания (отчеты, афиши, либретто и проч.) часто расширяют сведения о культурном прошлом, помогают открыть имена незаслуженно забытых подвижников просвещения.

Позволю себе сослаться на свой пример. В одной из моих книг «Нерчинск», 1959) по архивным сведениям перечислялись некоторые издания, вышедшие в Нерчинске — старейшем городе Забайкалья — и не учтенные сибирской библиографией. Самих изданий не было ни в центральных книгохранилищах, ни у местных краеведов. Особенный интерес представлял печатный каталог Нерчинской общественной библиотеки, созданной при участии политических ссыльных. Но этого каталога не было даже у знаменитого библиофила Д. В. Ульянинского, который специально и весьма успешно собирал подобные издания (прямо по «живому следу»). Многие нерчинские старожилы помогали в поисках каталога, но безуспешно. Правда, нашелся другой уникам — устав «Чайного клуба» (1881), одного из первых в Сибири кружков библиофилов-читателей.

И все же в груди полуистлевших бумаг на чердаке старого дома нерчинец Василий Михайлович Суриков (1883—1974) сумел заметить небольшую книжицу (всего 100 страниц) в зеленой обложке. Он прислал ее в подарок по случаю присвоения мне звания почетного гражданина Нерчинска. Книжка оказалась тем самым каталогом, который я искал почти 20 лет!.. Открылась любопытная деталь: каталог вышел весной 1890 г., а в июне того же года по дороге на Сахалин в Нерчинске побывал А. П. Чехов. Местный литератор и краевед И. В. Вагашев встречался с Чеховым, рассказывал ему о Нерчинске и, конечно, показал писателю только что вышедший каталог. В разделе беллетристики имелись четыре книги Чехова. В письме домой Чехов сообщил о Нерчинске: «Городок не ахти, но жить можно», а о Чите заметил: «Городок это плохой...»

В каталоге отмечены имена создателей библиотеки, приведены сведения о местных изданиях. Все это дает много нового для истории Нерчинска и для дальнейших поисков. Интересно, что уже вскоре удалось

найти печатную афишу первой постановки в Нерчинске пьесы Чехова «Иванов» (1891).

Историко-культурное значение каталогов весьма велико, они открывают, как в археологии, настоящие культурные слои. Вспомним недавно вышедший первый том (в двух книгах) «Библиотеки Л. Н. Толстого в Ясной Поляне» (М., 1974—1975). Показывая книжное окружение великого писателя земли русской, каталог дополнил его биографию волнующими подробностями. Для библиофила этот каталог навсегда останется еще и незаменимым справочником.

Полностью разделяю Ваше мнение о том, что Общество книголюбов должно содействовать составлению и публикации каталогов. Они могут в наиболее полной и практичной форме зафиксировать результаты работы библиофила, отметить состав и особенности важнейших разделов его собрания. Подумать только, какой мощный поток новых сведений получит наша библиография, вся наша культура, если мы сможем учесть все пока что разрозненные и рассыпанные по личным библиотекам книжные богатства!..

Возьмите область экслибриса. Успехи тут как будто велики, но мы видим и явную инфляцию. Из лавины вновь появляющихся и даже публикуемых экслибрисов лишь ничтожная часть используется по прямому назначению. Все остальное — в лучшем случае проекты (стрелки без часов), не имеющие никакого книговедческого интереса и часто лишь засоряющие коллекции. Отражая вкусы библиофила, экслибрис должен украшать, а не портить книгу. Но удачный экслибрис — большая редкость. Неудивительно, что многие библиофилы, получая от художников экслибрисы в подарок, совсем не наклеивают их на книги.

Будь моя воля, я бы на выставках экслибрисов показывал не бесчисленные проекты, а *книги* с экслибрисами. Вот тогда была бы видна связь экслибриса с библиофилом, с характером данной книги! Только так может определиться художественная весомость, глубина замысла и мемориально-книговедческое значение экслибриса. Прекратится и спекуляция именами почтенных лиц, которые порой и не догадываются, что их фамилия сделалась предметом эксплуатации со стороны шустрых, тщеславных и далеких от книги людей. Когда у экслибриса будет книжный «паспорт» — тогда он возродится и для истории книги.

Давно назрела потребность и в адресной книге библиофилов. Такой справочник помог бы расширить и упростить связи между клубами книголюбов и библиофилами. На первых порах адресники могли бы выходить в областных отделениях общества книголюбов.

Как Вы помните, на Второй конференции по книговедению (апрель, 1974) отмечался растущий интерес к библиофильским изданиям. Думаю, что совершенно необходим специальный библиофильский журнал. В ка-

честве примера можно сослаться на «Маргиналии», издаваемые Обществом Пиркгаймера в ГДР.

Хочу сказать еще об одном важном обстоятельстве. В докладах и прениях на заседаниях книголюбов нередко поднимаются целые пласты совершенно неизвестных материалов. Но эти сведения вскоре забываются и исчезают из поля зрения историков книги. Множество уникальных, интереснейших фактов было в рассказах хотя бы тех книжников-ветеранов, которых я знал.

Теперь наша техническая оснащенность позволяет позаботиться о своевременной и полной фиксации таких рассказов. Проще всего это достигается записью на магнитофонную пленку. Такая запись может быть переведена в машинописный текст и подготовлена к публикации.

Когда наш клуб отмечал свое официальное трехлетие, то на этот скромный юбилей откликнулись многие библиофилы. Приветствия, доклады и сообщения прислали академик М. П. Алексеев (Ленинград), писатель В. Г. Лидин (Москва), кандидат филологических наук И. Я. Каганов (Харьков) и другие. Часть материалов получена в магнитозаписи.

Наша фонотека будет использоваться на заседаниях других местных клубов и организаций ВОК (например, в Слободском, где активно работают два клуба — при библиотеке фабрики «Белка» и при городской библиотеке), а также в передачах радиоальманаха «Вятский библиофил».

Думаю, что общество книголюбов могло бы организовать подготовку и обмен магнитозаписей по вопросам книговедения. Давно назрела необходимость создания цикла или курса лекций для факультетов книговедения народных университетов и для клубов, объединяющих молодых библиофилов.

Важно наладить регулярный обмен памятками-билетами между клубами и организациями ВОК. Хотел бы отметить исключительно высокое полиграфическое оформление памяток «Воронежского библиофила». Очень ценно то, что на памятках даются сведения о членах клуба и составе их библиотек. Документально-справочное значение таких памяток с годами будет только возрастать. К сожалению, многие клубы весьма неохотно присылают свои билеты. Лишь недавно мы стали получать билеты ленинградских книголюбов. В 20-х годах, в трудную пору становления советской книги, памятки Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ) были настоящими свидетелями новой культуры. В наши дни общество книголюбов просто обязано возродить славные традиции ЛОБ, которыми мы все с полным основанием гордимся. Наши «вятские умельцы», к сожалению, еще нередко оказываются не на должной высоте, хотя и среди полиграфистов появились настоящие книголюбы.

Мы затронули ряд важных вопросов, которые волнуют библиофилов. Но наши темы и заботы, конечно, не исчерпываются сказанным. Большие

надежды мы возлагаем на Всесоюзное общество книголюбов. Предстоит многое сделать. Тут на первый план надо выдвинуть не погоню за числом членов, а улучшение качественной стороны работы. Главным катализатором в этом сложном процессе обязаны стать библиофилы.

7

О. ЛАСУНСКИЙ — Е. ПЕТРЯЕВУ

Дорогой Евгений Дмитриевич!

Приветствую Вашу идею создания обменного фонда магнитозаписей по вопросам книговедения, в частности — библиофилии. Дело это стоящее и перспективное! К тому же не без подтекста: чтобы реализовать эту идею, нужно наладить контакты между клубами книголюбов. Пока это осуществляется на самодеятельном уровне. Вероятно, ВОК со временем сможет организовать такие контакты более основательно.

В нашем кружке «Воронежский библиофил» тоже практикуется запись на магнитофонную ленту, но редко. Мы пошли по другому пути — стенографируем выступления на заседаниях «ВБ» (благо, в наших рядах оказалась профессиональная стенографистка Р. А. Данилова) и затем оформляем подробный протокол. Отчет за минувшие 42 заседания составляет три толстых тома, которые вскоре передадим на вечное хранение в областной государственный архив (туда же поступят комплект наших памяток, альбом с фотографиями, автографами гостей, журнально-газетными вырезками и др.). Так что любой историк книги и библиофильства сможет ознакомиться с деятельностью «ВБ» по этим материалам.

Согласен, что следы деятельности даже самого скромного библиофильского сообщества не должны исчезнуть с ее прекращением. Непременно нужно сохранять в первую очередь протоколы заседаний и памятки-билеты, если они печатаются. Кстати, о памятках клуба «Вятский книголюб». Они содержат на редкость ценный материал по многообразным вопросам местной (и не только местной) книговедческой жизни. Даже эпитафии придадут им неповторимое своеобразие.

Я поддерживаю мысль о необходимости регулярного обмена памятками-билетами между различными клубами и организациями ВОК. В качестве первого практического шага я бы предложил Центральному правлению ВОК подготовить представительную выставку (возможно, передвижную) современных библиофильских памяток с изданием каталога на соответствующем художественном и полиграфическом уровне.

ЧИТАЯ «АЛЬМАНАХИ»

На моей книжной полке все «Альманахи библиофила», изданные за годы Советской власти. Их в один присест не прочтешь. Первый был издан Ленинградским обществом библиофилов в 1929 г. в количестве 300 экземпляров. Мой экземпляр — из числа 44 именных, оформленный особенно хорошо.

Все альманахи ценны тем, что в них мы находим статьи и библиографические справки о замечательных изданиях. Сколько еще существует по частным собраниям, да и в библиотеках общественных, редких и ценных книг, которые ждут, чтобы их нашли, узнали о всем непреходящем, что хранится в них, приумножили бы ими наше общенародное культурное богатство.

Директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Н. М. Сикорский опубликовал такие данные: общий фонд всех сохранившихся до нашего времени печатных изданий может выразиться цифрой в 40 миллиардов экземпляров, из которых примерно 5 миллиардов находится в государственных, общественных хранилищах, а 30—35 миллиардов — в домашних библиотеках.

В «Альманахе библиофила», выпущенном в 1973 г., опубликована статья писателя В. Б. Шкловского, в которой он замечает, что в библиотеках еще «много книг, которые никогда не берутся и не читаются. Это не значит, что они не нужны. Каждая книга, может быть, когда-нибудь понадобится. Но слишком многие лежат без движения. Это говорит о несовершенстве постановки библиографического дела, о нашем неумении работать с книгой». И действительно, как следует организовать библиографическую работу, чтобы любой человек мог быстро и без всяких помех найти необходимую ему книгу? Как узнать о личных собраниях, хранящих великое множество ценных книг? Ведь многие современные владельцы библиотек собирают их годами, а есть и такие собрания, которые создавались несколькими поколениями. В подобных библиотеках наверняка есть книги уникального значения.

Таким образом, наряду с проблемой более полного использования фондов публичных библиотек, назревает другая: как уникальные собрания, хранящиеся в частных фондах, сделать общим достоянием, как извлечь их на свет, приобщить к действующим культурным ценностям. Этих сокровищ, скрытых до поры до времени, гораздо больше, чем многие могут предположить.

С первых дней Советской власти книга стала важным подспорьем в овладении культурой для многих миллионов людей. Во много раз выросли общественные и государственные фонды книг, начали создаваться личные, порой из нескольких революционных брошюр, библиотеки. В первые месяцы после революции многие помещичьи усадебные и дворянские библиотеки были переданы народу.

В «Альманахе библиофила» за 1929 г. приводятся сведения о поступлениях в общественный фонд из крупнейших частных библиотек: так, например, библиотека Н. Я. Колобова, состоявшая приблизительно из 500 тыс. томов, поступила в распоряжение государственных хранилищ. Благодаря бережливому отношению к книге, мы и располагаем сегодня такими большими книжными богатствами. От нас самих зависит сегодня, чтобы эти богатства не лежали мертвым грузом.

Сейчас, пожалуй, нет в нашей стране семьи, где бы не было хоть маленькой библиотеки. Нередко можно встретить и замечательные личные собрания. Мы знаем домашние библиотеки рабочих семей, где насчитывается до 2—3 тыс. названий книг. Ученые располагают личными библиотеками до 5—10 тыс. названий. Существуют и особо ценные собрания у библиофилов, в которых более 10 тыс. названий книг. Настало время внимательней присмотреться к нашим книжным богатствам. Самым универсальным и коротким путем для достижения этой цели служит развитие библиографии и повышение культуры букинистической торговли.

Наши читатели давно мечтают о создании такого библиографического издания, которое охватило бы все многообразие изданных книг и в котором указывалось бы место хранения каждой из них. Выдающиеся русские книгоиздатели и книгопродавцы высоко ценили роль библиографии в развитии книготоргового дела. А. Ф. Смирдин как-то сказал: «Дотоле не буду спокоен, пока не издам библиографию, дотоле не умру, пока не напечатаю русских классиков». Много сделал для отечественного книгоиздательского дела Смирдин. Русская книжная торговля со времен Новикова, Сопикова, Смирдина, Черенина славится своей демократичностью.

Читая новые выпуски «Альманаха», я обратил внимание на ряд статей, посвященных букинистической торговле. Из года в год растет покупка и продажа подержанных книг, выпущенных за последние 10—15 лет, и все меньше и меньше продается и покупается антикварных изданий. Если

*Титульный лист
«Альманаха библиофила»,
1929 г.*

исключить из ассортимента книжной торговли брошюры, учебники для начальных классов, инструктивную, нормативную техническую книгу, детскую дошкольную литературу и книги, идущие в библиотечный фонд страны, то удельный вес книг, купленных у населения, достигнет более 10 процентов розничного оборота. Это большое государственное дело успешно развивается. Однако еще много надо сделать в области стимулирования покупки книг у населения, нужно открыть как можно больше специализированных букинистических магазинов в стране, упорядочить проблему ценообразования в букинистической торговле, значительно расширить подготовку кадров и т. д.

В первом выпуске «Альманаха библиофила» (1929 г.) напечатана интереснейшая статья Ф. Шилова «О В. И. Клочкове и Н. М. Волкове». Ф. Шилов пишет в ней: «Книжно-антикварная торговля требует от работ-

ников колоссальных знаний. Нужно знать не только, что теперь вышло, не только, что в России напечатано — нужно знать все книги прошлого и настоящего; нужно знать, чем одно издание разнилось от другого и почему редко и ценно это издание, а не то, которое лучше издано».

Как это верно сказано. Только через московские книжные магазины ежегодно проходит более 100 тысяч неповторяющихся названий книг, купленных у населения. В этом потоке надо профессионально разобраться, каждому изданию найти правильный адрес: что направить в библиотеку, а что на полку книголюба. А главное — при этом не отвергать нужные и полезные книги, со знанием дела отбирать и оценивать их.

Специалисты букинистической торговли дореволюционной поры и первого десятилетия Октября оставили богатое наследие, которое и сегодня может быть очень полезным для работников книжной торговли. Статья Ф. Шилова посвящена двум крупным деятелям отечественной букинистической торговли, издавшим 565 книготорговых каталогов.

«Для нас, русских, издание каталогов Клочкова,— пишет он,— было великое дело, Клочков и Волков создавали любителей и коллекционеров, их бесчисленные каталоги разлетались по всей России и частью спасали от гибели книги лишь тем, что многие, даже не сведущие в книге люди, обладая наследственной библиотекой и не придавая ей цены и значения, увидев из каталога Клочкова, что данная книга тоже представляет собой ценность, старались продать ее, и тем давали возможность попасть книге в руки действительного ценителя, ищущего эту книгу».

Каталоги Клочкова не только пропагандировали книги, находившиеся на полках магазинов,— они вызывали приток новых книг в магазины.

Мне кажется, что пришла пора для издания «каталогов поиска» книг, которые могли бы приобрести букинистические магазины. Опыт Клочкова, несмотря на почти столетнюю давность, может пригодиться и в наши дни. Все каталоги букинистов-антикваров и книгоиздательств: Клочкова, Иванова, Мелина, Мельникова, Соловьева, Трусова, Шилова, Гомулина, Базунова, Шибанова, Фадеева, Параделова, Смолина-Степанова (Саратов), бр. Салаевых, Стасюлевича, А. Суворина, Вольфа, Тузова, Карabasникова, О. Поповой, Луковникова, Губинского, Павленкова, Глазунова, Мартынова, Шнеура, всех московских и петербургских издательств и в наши дни пользуются вниманием книголюбов.

В моей личной библиотеке есть несколько десятков каталогов. Я люблю «рыться» в них, познавать принцип подбора книг, выскидывать интересующие меня издания. По каталогам можно судить об их владельцах, о тех вопросах, которые волновали писателей и их современников. Такие каталоги и работы по отечественной библиографии могут стать предметом исследования для будущих выпусков «Альманаха библиофила». Читатели должны на его страницах увидеть материалы о знаменитых деятелях книжного дела: Новикове, Сопикове, Горьком, Хавкиной, Бонч-Бруевиче, Ульяновском, Владиславлеве, Беркове, Здобнове, Халатове, Сытине, Луначарском, Демьяне Бедном и т. д.

Вообще, темы публикуемых в «Альманахе» материалов могут быть бесконечно разнообразны. Например, во втором выпуске «Альманаха библиофила» А. Маркушевич, известный ученый и страстный библиофил, опубликовал интересную статью, посвященную советскому библиофильству, его предыстории. Хотелось бы, чтобы так же увлекательно была раскрыта природа советского библиофильства, которая заключается именно в его доступности, его массовости. Оно служит не делу стяжательства и накопления материальных богатств, а делу обогащения человека духовными ценностями. А. Маркушевич, признанный авторитет в этих вопросах, может порадовать читателей следующих сборников продолжением этой важной темы.

«Альманах библиофила» 1975 г. открывается Приветствием ЦК КПСС Учредительному Съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Это Приветствие — программа деятельности Общества книголюбов. В нем, в частности, сказано: «Одной из важнейших задач движения книголюбов является формирование читательских интересов и вкусов молодежи, воспитание подрастающего поколения, любви к книге, умения работать с ней, бережно относиться к этому творению человеческого гения».

Всем известно, что книга сыграла важнейшую роль в жизни великих людей. Я говорю об этом в связи с прочитанной интересной статьей во втором выпуске «Альманаха библиофила» — «О библиотеке Д. И. Менделеева». Такие статьи помогают понять великую силу книги, ее воздействие на молодежь.

В Воронеже существует клуб «Воронежский библиофил». Его члены — научные сотрудники и студенты Воронежских вузов, писатели, журналисты, работники библиотек. Судя по хронике работы этого клуба, опубликованной в 3-м выпуске «Альманаха библиофила» за 1976 г., его деятельность представляет немалый общественный интерес. Теперь клубы книголюбов других областных и районных центров, да и просто первичных организаций при предприятиях, учреждениях, учебных заведениях смогут успешно применить опыт воронежских книголюбов.

Хочу обратить внимание на статью, посвященную книге М. Ильина «Рассказ о великом плане». Это рассказ о героическом подвиге рабочего класса и крестьянства первой пятилетки. Хотелось бы, чтобы на собраниях книголюбов почаще шел разговор о подобных книгах.

Следует отметить, что четвертый выпуск «Альманаха» не менее интересен, чем предыдущие. Отрадно, что в нем приняли участие новые авторы. Так Сергей Варуздин рассказал о памятной встрече с книгой, которая сыграла большую роль в его жизни. Это — книга малоизвестного поэта пушкинской поры Веневитинова. Его стихи пришлись по душе Сергею Варуздину, он не расставался с ними на фронте. Да, в наших книгохранилищах великое множество книг, которые можно сделать спутниками жизни.

Алексей Овсянников в своей статье пытается решить проблему дефицитных подписок. Нам кажется, что надо пойти по такому пути. Скажем, издания классиков для домашних библиотек выпускать в трех-пяти томах, вместо полных собраний сочинений, что позволит раз в пять увеличить розничную подписку. Тогда вместо 200—300 тыс. для личных библиотек можно будет печатать 1—1,5 млн. комплектов.

Я с большим удовольствием прочитал «страницы воспоминаний» А. Сидорова — «Московские книголюбы». В них читатель найдет упоминание о деятельности известных книговедов и библиофилов 20-х годов, чле-

нов «Русского общества друзей книги». Заседания общества были очень интересны, познавательны, но, по-видимому, они собирали небольшое количество знатоков и любителей книги. В наши дни проводятся «камерные заседания» книголюбов с числом 10—20 человек и такие большие собрания в 200—300 человек, как в Центральном Доме работников искусств, Центральном Доме литераторов, Доме ученых. В Москниге успешно действует клуб «Книжные находки», организованный Мосбуккнигой. На заседаниях рассматривается история пяти-шести книг, судьба их авторов, дается оценка читателей. Думается, что при библиотеках, книжных магазинах, могут действовать сотни и тысячи таких клубов, способных привлечь библиофилов, которым интересно послушать увлекательный рассказ и самим выступить с сообщениями о своих книжных находках. У каждого библиофила найдется одна, а то и несколько книг, которые ждут, чтобы о них рассказали книголюбам.

По мысли М. Горького, рабочий коллектив каждой фабрики или завода может и должен иметь свою историю. Свою историю должны иметь и издательские коллективы, выпускающие немалый объем книжной продукции. Огромный интерес представляет издательская деятельность М. Горького и других выдающихся деятелей литературы, науки, искусства. Все эти темы ждут своих исследователей. Подобные публикации книголюбам прочтут с удовольствием.

Хотелось бы прочесть в будущих альманахах о книгах-революционерах, о книгах, сожженных на кострах, о книгах, написанных, отпечатанных, но не увидевших света, о других интересных изданиях.

Москва

КНИЖНИК

Как море-век, как вспышка-миг,
Давно исчезнувшие лики...
Я — книжник: что сей мир без книг,
Без всех библиотек великих!

Пусть иглы холода кружат,
Пусть режут мглу вороньи крики,
Но руки у меня дрожат
В предчувствии прекрасной книги.

И вот она в моих руках.
Мерцает темный ряд отменных
Гравюр... Вот надпись на полях...
Ах, как заставки совершенны!

Как эта буквица цветет!
Как шрифт звучит!.. Немаловажно
В каком обличии бумажном
Душа бессмертная живет.

Еще на свете льется кровь,
Клубятся яростные войны,
Но к Книге праведной любовь
Любви к Отечеству достойна.

**НИГХ
И ЖИЗНЬ**

КНИГИ В ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Знакомая лестница. Знакомый, чисто выбеленный коридор. В глубине дверь. За ней небольшая передняя — это вход в квартиру Николая Островского. Теперь здесь музей...

Вспоминаю мартовский, солнечный день, когда я пришел в эту квартиру и познакомился с Николаем Островским. Первым моим ощущением была боль от страдания, что никогда уже этому человеку, так страстно любящему жизнь, не увидеть больше весеннего пробуждения природы. Осторожно, чтобы не потревожить Николая Алексеевича, я открыл дверь его комнаты и, не успев войти, услышал бодрый и веселый голос:

— Входите, входите! Я жду вас. Садитесь и рассказывайте, как живете, работаете. Весна, кажется, наступает вовсю!

Как ни странно, но охватившая меня в первое мгновение горечь после обычного, но в его устах, казалось бы, глубоко трагического вопроса вдруг рассеялась.

Я почувствовал, что в этом человеке так велико умение преодолевать болезнь и так глубока связь с жизнью, что сразу отнесся к нему, как к здоровому. Мужество его совершенно исключало жалость.

Я сел на стул недалеко от его постели. Островский лежал по грудь укрытый хорошо разглаженным серым одеялом — руки были вытянуты вдоль тела. Френч защитного цвета застегнут.

Впоследствии, познакомившись с Николаем Алексеевичем ближе, я узнал, что в карманах френча, слегка оттопыренных, хранились особенно дорогие ему документы, и в том числе партийный билет.

Рабочая комната писателя выглядела не совсем обычно. Возле кровати, на которой лежал Островский, стоял небольшой столик с пишущей машинкой. На столике — страницы рукописи, письма. В комнате стояли еще диван, письменный стол и большой стеклянный шкаф, полный книг. Сквозь стекла были видны сочинения Маркса, Ленина, тома энциклопедии.

Письменный стол, за которым хозяин — увы! — никогда не сидел, был загружен рукописями, книгами и пачками писем.

Островский уже знал, что я по просьбе А. Фадеева и Н. Чертовой согласился помочь ему собрать библиотеку, о которой он так мечтал. Осуществить свою мечту он мог только сейчас, когда поселился на новой московской квартире на улице Горького.

Я поделился с писателем своими планами, назвал имена известных букинистов.

Выслушав меня, Островский сказал:

— Да, работы у вас будет много. Подобрать в короткий срок библиотеку — дело нелегкое. А для меня сейчас дорог каждый день. — И, как бы угадав, что я осматриваю книги в его комнате, добавил: — То, что вы видите в книжном шкафу — это книги, появившиеся совсем недавно и причем самые необходимые для работы, а мне хочется собрать большую библиотеку, где были бы собрания сочинений русских и западных писателей, книги по истории, философии, мемуары великих людей, наконец, военная литература.

Зашел разговор о сокровищах мировой литературы, о писателях, о редких книгах.

Слушая Николая Островского, я был счастлив, что судьба свела меня с этим замечательным человеком. Из разговоров с ним нетрудно было убедиться, как он любил книгу, как привязан был к ней глубокой и нежной страстью.

Мы решили, что вначале я буду готовить списки книг, обсуждать их с Николаем Алексеевичем, а потом отправлять в книжные магазины.

Я понимал, что библиотека Островского должна быть разносторонней и в то же время экономной: нужно иметь в виду не только ее стоимость, но и прежде всего жилплощадь Николая Алексеевича — большую библиотеку

здесь не разместить. Каждая книга должна иметь тут свое место.

Об этом, очевидно, думал и сам Островский. Он не жалел, как я мог потом убедиться, средств на книги и в то же время не хотел иметь так называемых «лишних» книг.

Писателю как-то рассказали об одном собирателе книг, который всю жизнь охотился за редкими, антикварными изданиями. Рассказ об уникальных ценностях его заинтересовал. Но, выслушав собеседника, решительно заметил:

— Эта страсть коллекционера мне совершенно непонятна. На Украине, в одном богатом доме, я видел в шкафах с массивным серебром и ценной посудой книги в красивых кожаных переплетах с золотыми обрезами, а владельцы этих богатств никогда в руки книги не брали. Так относиться к книгам нельзя.

Помню другой случай. Однажды навестившие писателя артисты подарили ему Шекспира в издании Брокгауза и Ефрона. Распросив, как выглядит это издание и что изображено на рисунках, Николай Алексеевич и на сей раз не выразил большой радости. Было ясно — его не интересовали книги, которые стояли бы на полках без всякого движения. Зная об этом, я всегда приобретал для его библиотеки обычные издания, но только в хорошем состоянии.

С первым списком, содержащим около 200 названий, я пришел к Островскому через несколько дней. Николай Алексеевич встретил меня так же приветливо. Узнав, что список готов, попросил прочитать его вслух. В списке были самые разнообразные книги: Бальзак, Стендаль, Золя, Флобер, Франс, Диккенс, Сервантес, Гюго, Гофман. В разделе русской классической литературы значились сочинения Пушкина, Чехова, Гончарова, Л. Толстого, Куприна, Горького. Большой раздел составляли книги советских писателей — Шолохова, Леонова, Федина, Лавренева, Лидина, Шкловского, Эренбурга, а также книги комсомольских поэтов, которых он очень любил еще с юношеских лет, — Жарова, Безыменского, Уткина, Светлова.

— Вы много поработали, — сказал он. — Основа несомненно есть, но список далеко не полный. Кроме того,

в список попали книги, которые мне могут не понадобиться.

Он попросил включить в список фельетоны М. Кольцова, вышедшие в издательстве «ЗИФ», «Конармию» Бабеля, «Большой конвейер» М. Ильина. В списке значилась книга Горбатова «Ячейка», а он хотел бы и другую его книгу — «Мое поколение». Затем добавил «Думу про Опанаса» Вагрицкого, повесть «По ту сторону» Кина — будущего редактора его книги «Рожденные бурей», повесть Фурманова «Мятеж» («Чапаев» в его библиотеке уже был), роман Форш «Одетые камнем». Вместо повести Эренбурга «Не переводя дыхания» он просил купить «День второй», считая эту книгу по своим художественным достоинствам выше первой.

Так постепенно, изо дня в день я узнавал круг интересов Островского, его отношение к тому или иному писателю, его оценки, пристрастия, вкусы. Николай Алексеевич поручил мне подобрать книги немецких антифашистских писателей и назвал Фейхтвангера, Зегерс, Бределя, Фалладу. Особое внимание он уделял подбору книг польских писателей, и не только таких широко известных, как, например, Сенкевич, Крашевский, Жеромский, Серошевский, но и менее популярных. Я догадывался, что эти издания понадобились ему для работы над второй книгой «Рожденные бурей». Пользовавшийся в то время успехом у определенного круга читателей роман «Путешествие на край ночи» Луи Селина он встретил в штыки:

— Герои его романа — это опустошенные люди, они не видят выхода из тупика, психически надломлены, живут без цели, без перспективы. А я стою за живого, обновленного, устремленного вперед человека, перед взором которого — необозримые просторы будущего коммунистического общества.

Именно в этой связи он просил вычеркнуть из списка произведения Жюль Ромэна «Бог плоти» и Андре Жида «Имморалист».

Сочинения Ремарка в списке остались.

Особенно обрадовали Островского книги с фантастическим и приключенческим содержанием. Оказалось, что он очень любил Жюль Верна, Купера, В. Скотта, Стивенсона, рассказы По, особенно повесть его «Приключения

Артура Гордона Пима», исторические романы Дюма, «Рокамболя» Понсон дю Террайля.

— Это были мои любимые писатели. Я читал и перечитывал их иногда в очень тяжелых условиях и хотел бы сейчас иметь возле себя, — сказал он.

Особо следует сказать о книгах на военные темы.

Лучшие художественные замыслы Островского, его первый роман «Как закалялась сталь» были связаны с оборонной тематикой. Военной теме было посвящено и его второе произведение — «Рожденные бурей». Поэтому в список он решил включить книгу Ашкенази «Царство польское», «Портреты» Алданова, в которой был специальный очерк о Пилсудском, мемуары Людендорфа о войне 1914—1918 гг.

Первая наша беседа длилась около трех часов. В соседней комнате терпеливо ждал корреспондент «Комсомольской правды». Жена Островского напоминала о завтраке. Но он был так увлечен, что ни о чем другом не хотел слушать. Я понял, что мне пора уходить.

В Островском поразила меня неподдельная большевистская самостоятельность убеждений — ценнейшее качество, без которого образ его был бы неполным. И оттого, что в суждениях и вкусах своих он был верен себе, его слова были ярки и в то же время скромны. Он говорил и о людях, и о событиях, и о книгах так, что слушать его было интересно. Мы условились, что к следующей встрече я подготовлю новый список книг.

Через неделю я снова был у Островского. Ознакомившись со списком, он спросил, почему я не включил новеллы Мериме, романы «Хромой бес» Лесажа и «Братья Земгано» Эдмона де Гонкура.

— Я очень люблю эту вещь, я помню, как она взволновала меня в юношеские годы. Кого вы еще предложили бы включить?

Я назвал книги Томаса Манна, Поля Скаррона, дневники Софьи Андреевны Толстой и еще нескольких авторов.

Он согласился.

Островского интересовали также памфлеты Марата, дневники Рошфора, «Утопия» Томаса Мора и философские произведения Дени Дидро. Он решил приобрести Филдинга, Стерна, Байрона, Уэллса, Дж. Конрада.

Большое место заняли в списке и американские писатели: Лонгфелло, Уитмэн, Марк Твен, Джек Лондон.

Мы так увлеклись разбором списка, что не заметили, как вошла в комнату его жена.

— Коля, к тебе пришел Трегуб,— сказала она.

— Так ты проси. Я его жду давно.

Островский встретил Семена Трегуба приветливо, судя по всему, между ними установились теплые, дружеские отношения. Островский, будучи человеком общительным и гостеприимным, не всегда со всеми держал себя так просто. К людям, которых он знал мало, относился сдержанно, как бы изучая их.

Николай Алексеевич забросал гостя множеством вопросов. Его интересовало все, что происходило в тот год в Испании. Семен Трегуб работал в то время в «Комсомольской правде» и был в курсе всех событий.

Островский стал рассказывать о своей работе над книгой «Рожденные бурей». Он говорил, что отдельные сцены даются ему нелегко и что приходится их переделывать по нескольку раз. «Мои помощники падают с ног от усталости, а я — ничего — держусь».

— В нашей стране быть писателем великое счастье,— после небольшой паузы сказал Островский.— А сделал я еще очень мало.

Островский замолчал.

Трегуб держал в руке тонкую, небольшого формата книжку в светлой обложке, с выгравированным в центре портретом.

Это было одно из редких изданий книги Бальзака «Неведомый шедевр», выпущенное издательством «Альциона» в двадцатых годах.

— Я принес тебе интересную книгу.

— Какую?— спросил оживленно Островский.

— «Неведомый шедевр» Бальзака. Этой книги, кажется, в твоей библиотеке нет.

Островский обрадовался.

— Да, ты прав, её у меня нет.

— Но прежде, чем она попадет на твою полку,— сказал Трегуб,— разреши прочитать несколько страниц.

— Обязательно прочти,— сейчас же откликнулся Островский.— А если книжка небольшая, прочти всю,— от начала до конца.

Трегуб раскрыл книгу и стал медленно, очень отчетливо читать, изредка останавливаясь, чтобы узнать, не устал ли Островский.

— Что же ты так часто останавливаешься? — спросил Николай Алексеевич, видимо, увлеченный рассказом.

Рассказ произвел на него сильное впечатление.

— Ну вот, типичная судьба художника, оторвавшегося от жизни, от общества, — сказал он после некоторого раздумья. И он повторил запомнившиеся ему слова Бальзака из этой книги: «Факел Прометея угасал не раз в твоих руках, и небесный огонь не коснулся многих мест твоей картины».

Заговорили о Бальзаке. Оказалось, что Островский хорошо знал биографию писателя, а также знал историю его женитьбы на графине Ганской. Он рассказал, как ему случайно удалось во время рейда Первой Конной армии на Варшаву оказаться в городе Бердичеве, где находилась старинная крепость, обнесенная высокими стенами. В огромном мрачном кармелитском костеле этой крепости Бальзак обвенчался с графиней Ганской. Там даже сохранилась белая мраморная плита, на которой золотыми буквами высечена эта памятная дата.

Островский живо интересовался, каков спрос на новые книги советских писателей, что собою представляет покупатель, какой в этой среде преобладает возраст, какие профессии. Подробно расспрашивал о библиотеках Д. Бедного, Н. Смирнова-Сокольского, Вл. Лидина, А. Тарасенкова.

Его интересовали и всякие забавные эпизоды, сопровождающие издание какой-нибудь книги. Так, он смеялся над рекламными ухищрениями зарубежных издателей, часто вынужденных придумывать всевозможные трюки, чтобы сделать популярной выпущенную в свет очередную книжку.

Любовь к книге была неотъемлемым его свойством. Книги, находившиеся в его комнате, он хорошо знал, многие перечитал и изучил, помнил, где они стоят, в каком порядке размещены, что стоит или лежит рядом с ними.

Когда ему говорили, что не хватает какого-нибудь тома энциклопедии или книги Горького, он, несколько не

Сочи, 23 УТ - 1936 г.

т. Шиперович

Ваше письмо и посылки с книгами получены. Все сорок томов А. Дюма в отличном состоянии. Очень доволен, что удалось достать Э. Сю, Ж. Ж. Руссо, Pamфлеты Марата, Дневники Софьи Андреевны. Орадовал меня Сборник "Писатели о комсомоле", книги Вересаева, Виноградова, Луговского. Не забудьте о "рабочих" книгах.

Моя сочинская библиотека здорово пополнилась. /Последний инвентарный № 1209/.

С коммунистическим приветом

Н. Островский

Островский

*Письмо Н. А. Островского
к Б. Я. Шиперовичу от 23 июня 1936 г.*

затрудняясь, указывал, где находится недостающий том, причем перечислял и все остальное, что стояло рядом на полке его библиотеки. Он умел, не раздражая своих близких, выпрашивать у них, куда что положено, для какой цели. Человек, страдавший полной слепотой, приобретенной на 28-м году жизни, — сумел путем исключительной самодисциплины и тренировки памяти во многом возместить отсутствие зрения.

Островский хорошо разбирался в сложных философских вопросах, быстро усваивал содержание нелегких по изложению книг, не испытывая затруднений от научного стиля.

Когда мы составляли второй и третий списки (всего их было около десяти), Николай Алексеевич вносил все новые и новые дополнения. Интересуясь военными событиями на польском фронте в период гражданской войны, он включил в список десятки книг видных советских военачальников, в том числе Тухачевского и Якира.

Запомнились дни, когда в квартиру писателя стали прибывать книги. Вот один из них.

Я пришел к Островскому около полудня. В его комнате царил необычайное оживление. Возбужденный и

радостный, Николай Алексеевич пригласил всех зайти к нему и участвовать в распаковке книг.

— Вы развязали две пачки, — деловито обратился он к своему секретарю. — А что в третьей? «Былое и думы» Герцена? Все части? Проверьте. Хорошо! «Памфлеты» Марата? Наконец-то нашли! Вы назвали «Обездоленных» Жеромского? Эта книга мне скоро понадобится, не закладывайте ее далеко.

Потом обратился ко мне:

— Вы слышали о польском писателе Андрее Струге?

Я ответил, что это имя мне знакомо, но книг Струга не читал.

— Работаете среди книг, а Струга не читали, — улыбнулся Островский. — Конечно, всего перечитать нельзя. Его последняя повесть «Капитан Лозовский» была посвящена революционной России, которую, кстати, писатель не знал. Правда, отдельные эпизоды, в которых показана борьба Красной Армии с белыми и подавление Ярославского мятежа, даны неплохо. Но Стругу не следовало браться за то, чего он хорошо не знал и сам не пережил.

Затем ему назвали книгу Бориса Горбатова «Мое поколение». Островский обрадовался и произнес:

— Нравится мне эта книга! И знаете почему? Она воскрешает страницы биографии молодого поколения, рожденного пролетарской революцией. Поколения, которое окрепло в ожесточенной борьбе против бандитизма, голода, невежества... И поколение это было самым счастливым в истории! Один из героев книги говорит: «Биография моя и моих ребят всегда совпадает с биографией моей страны». Как это точно сказано! Ведь и я принадлежал к этой армии борцов. А помните, — продолжал Островский, — комсомольского курьера уездного масштаба Семчика, который никогда не расставался с наганом: «А вдруг банда нападет». Вот так и жили мы в те годы: с мечтой в сердце и с наганом за поясом. Парнишке было всего 14 лет! Весь день он бегал с пакетами по городу, голодал, а по ночам стоял в чоновском карауле. Вот она, комсомольская гвардия!

В библиотеке Островского были книги классиков марксизма-ленинизма, мемуары различных политических, военных и литературных деятелей, книги по искусству и

сравнительно небольшая группа книг по философии. Пополнение библиотеки продолжалось.

Много времени отнимали у меня поиски книг. Некоторые обладатели их не всегда хотели расставаться с ними, но, в конечном итоге, книги попадали в библиотеку Островского. Так, было куплено полное собрание исторических романов Дюма, собрание сочинений Конан Дойля. В это же время были приобретены «Дневники» Короленко, изданные на Украине в двадцатых годах, мемуары Талейрана, сочинения Скаррона, Свифта.

Незадолго до отъезда в Сочи Островский попросил меня раздобыть каталог издательства «Всемирная литература». Издательство это, как известно, было организовано А. М. Горьким в первые годы Советской власти в Ленинграде. Писатель хотел проверить, насколько полно у него представлены книги классиков мировой литературы. Каталог удалось добыть не сразу. Когда я наконец-то достал его и пришел к Островскому, то первым вопросом было: где и каким образом я нашел каталог?

Николай Алексеевич попросил ознакомить его с предисловием Горького. Он очень любил великого писателя и прислушивался к каждому его слову. В данном случае его интересовали высказывания Горького о книгах. Алексей Максимович писал о значении книги в жизни человека, о ее роли в духовном развитии общества. Он называл книгу наиболее сложным и великим чудом из всех чудес, сотворенных человечеством.

Островский просил меня читать медленно, чтобы лучше запомнить высказывания Горького.

Когда чтение предисловия закончилось, Николай Алексеевич продиктовал мне несколько названий книг, которых в его библиотеке не оказалось. Память у него была исключительная, он хорошо помнил, какие книги у него были и что ему еще необходимо было достать. В числе названных книг были: «Жиль Блаз» Лесажа, «Листья травы» Уитмена, роман Эжена Сю «Агасфер», сочинения Пруста, «Смерть Вазир Мухтара» Тынянова.

Говоря о книжных интересах Островского, нельзя забывать и о другом.

Зная, что я работаю в издательстве «Советский писатель», он интересовался процессом прохождения рукопи-

сей и книгами, которые выпускает издательство. Особый интерес он проявлял к читательским письмам.

— Вы понимаете,— говорил Николай Алексеевич,— по письмам можно безошибочно определить, как бьется пульс нашей литературы, кто из писателей идет в ногу с временем, а кто плетется в обозе...

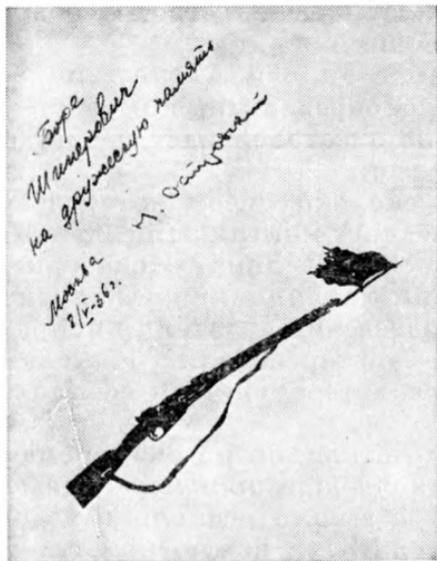
Однажды я принес ему несколько писем читателей. Они писали о только что вышедших книгах Ник. Никитина «Поговорим о звездах» и Вл. Лидина «Искатели». Я прочел ему эти письма. Одни хвалили книги, другие критиковали, но, в общем, произведения читателям понравились. Островского письма заинтересовали. Николай Алексеевич живо интересовался литературными событиями того времени.

Островский получал немало откликов на свой роман «Как закалялась сталь». Письма сначала шли через издательство «Молодая гвардия», где вышло несколько изданий книги, а потом стали приходиться на новую квартиру. Насколько мне известно, он бережно хранил эти письма, вел учет их, а главное, ни одно из них не оставлял без ответа. О содержании писем мне трудно судить, так как они шли, минуя меня.

Вскоре роман «Как закалялась сталь» был выпущен издательством «Советский писатель». Я рассказывал Николаю Алексеевичу о работе технического редактора, корректоров, которые занимались книгой, об эскизах обложек романа.

В адрес издательства стали приходиться читательские письма. Они поражали своим глубоким содержанием. В них не было ни пересказа, ни стандартных фраз. В них была человеческая благодарность за те чувства, которые книга вызывала. Сообщая об этом, читатели проявляли трогательную заботу о судьбе автора. Одни предлагали ему лечебные травы, которые могли бы избавить его от болей и страданий. Другие рассказывали Островскому о своих трудностях или успехах, спрашивали советов.

На всю жизнь запомнилось мне письмо некоего Анатолия Захарченко, рабочего парня из Одессы. Он писал о том, как во время погрузки корабля упал и повредил ноги. К письму был приложен небольшой рассказ. Захарченко просил Островского переслать его в какую-нибудь редакцию для консультации.

Автограф Н. А. Островского на книге «Как закалялась сталь». «Молодая гвардия». М., 1936

— Это пишет честный человек, — сказал мне Островский, — и знаете почему я так решил? Обратите внимание: в письме нет ни жалоб, ни хныканья. А ведь ему нелегко!.. А вот насчет рассказа — не знаю, как быть. Пожалуй, следовало бы послать рассказ более опытному литератору, чем я. Так или иначе ему нужно помочь...

Рассказ по его просьбе я передал в литконсультацию издательства «Советский писатель». Было решено послать его Паустовскому. Рассказ вернулся с благожелательным отзывом. Константин Георгиевич предлагал автору основательно поработать над языком.

Между тем наше издательство готовило второй выпуск сборника молодых писателей «Звено». Предполагалось, что рассказ будет включен в сборник.

Об этом я рассказал Островскому и добавил, что Захарченко почему-то благодарит за деньги, в то время как гонорар ему издательство еще не высылало.

— О каких деньгах пишет Захарченко? — спросил я.

— Это я послал ему, — тихо произнес Островский. — Пока напечатают рассказ, пройдет много времени, а парню нужно жить, лечиться! — Значительно позже я узнал, что Островский переписывался с Захарченко и предлагал ему приехать в Москву посоветоваться со специалистами. Все расходы по поездке Островский брал на себя. К сожалению, Захарченко приехать не смог...

Но были и другие письма. Многие, пытаясь использовать отзывчивость Островского, досаждали ему назойливыми просьбами. Чтение таких писем выводило его из себя.

Как сейчас помню один такой эпизод. Кто-то прислал Островскому наглое письмо, расхваливая на все лады свое

«произведение». «А посему,— писал он,— я буду вас просить, Николай Алексеевич, о товарищеской помощи. Разрешите вам переслать том II главы моего романа. Тема: „Шутливый фонтан и скалистый путь“». Когда Островскому прочли письмо, он вначале как-то растерялся и долго молчал.

— И до чего только не додумаются эти графоманы,— сказал он наконец с горечью.— «Шутливый фонтан и скалистый путь». А ведь «автор», очевидно, здоровый детина. Ему бы работать на заводе, а он ищет легкого заработка, не имея представления о писательском труде.

Всего восемь месяцев собиралась библиотека. Для обычного человека в обычных условиях на это ушло бы несколько лет. Но нельзя было забывать, что каждый час, каждая минута для Островского были бесконечно дороги. И все, кто с ним работал, кто ему помогал, хорошо это понимали. Мы не считались ни со временем, ни с трудностями.

Весной 1936 года Островский стал готовиться к отъезду в Сочи. Так хотелось, чтобы морской воздух помог ему, чтобы снова окрепло его прекрасное сердце. Ведь главной его радостью была глубокая связь с жизнью.

Собираясь в Сочи, Островский не хотел расстаться, даже на время, со многими любимыми книгами и часть из них взял с собой. Обычно книги покупались в двух экземплярах — для московской и сочинской библиотек. Но не всегда удавалось добыть два экземпляра, и в сочинской библиотеке многих необходимых ему книг не доставало.

За день до отъезда я зашел к Островскому попрощаться. О книгах в тот памятный вечер почти не говорили. Николай Алексеевич больше расспрашивал о моих личных и комсомольских делах, интересовался, нужна ли мне его помощь, обещал писать.

Душевная чуткость и отзывчивость Островского тронули меня до глубины души.

26 апреля 1936 года я в своем дневнике записал: «Установились теплые дни. В 12 часов приходили железнодорожники. Готовят специальный вагон. Много книг берет с собой в Сочи Островский».

Его секретарь Новикова сообщила, что в каталоге его библиотеки числится около 2000 томов.

Из Сочи я получил всего лишь два или три письма и одну телеграмму с просьбой выслать ему ряд необходимых книг русских и иностранных писателей. Я эту просьбу немедленно выполнил. Осенью он вернулся в Москву, и я с горечью узнал, что лечение ему не помогло. Болезнь прогрессировала. Встретился я с Островским после приезда только один раз. Встреча была очень короткой. Ему было трудно говорить...

...Если вам, читатель, доведется когда-нибудь побывать в московском и сочинском музеях Николая Островского, обязательно подойдите к библиотеке писателя. Вы увидите книги всех времен и народов — книги, которые были верными спутниками автора бессмертного романа «Как закалялась сталь».

Москва

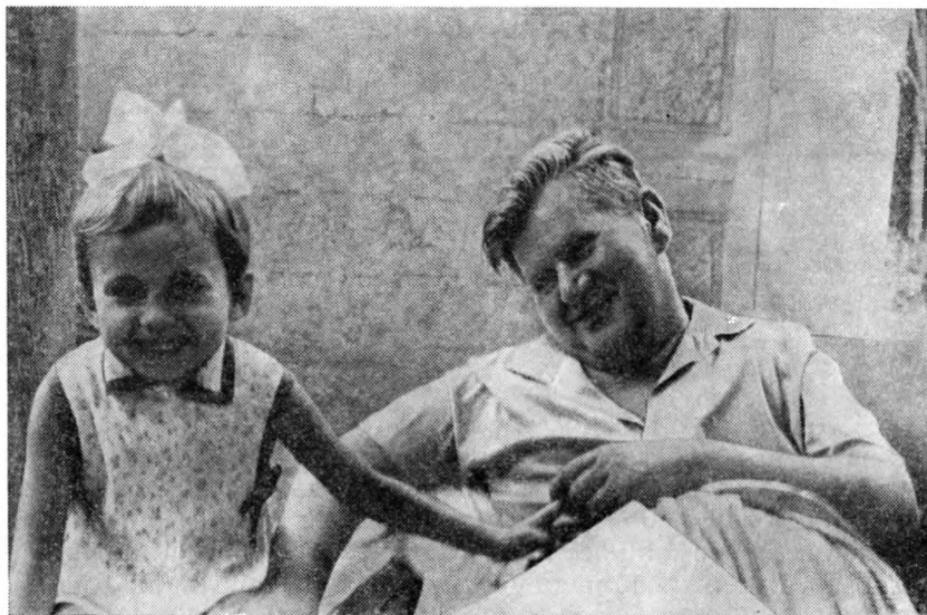
НАША БИБЛИОТЕКА

Могучей волей, мужеством и верой в собственные силы строил свою очень трудную судьбу Николай Бирюков. В сложнейших условиях, в схватке с недугами писал он строку за строкой, книгу за книгой. Тридцать пять лет лишенный возможности двигаться, ездил он по стране, чтобы как можно больше увидеть людей, узнать их жизнь, их труд, их борьбу. Преодолевая огромные трудности и препятствия, Бирюков искал своих героев и находил тех, о ком непременно надо было рассказать на страницах книг.

Сын потомственного рабочего-текстильщика и сам рабочий, он стал известным писателем.

Всю свою сознательную жизнь Николай Бирюков собирал книги. У его малограмотных родителей библиотеки не было. Любовь к чтению, уважение к книге привила ему удивительная орехово-зуюевская ткачиха Татьяна Аверьяновна Лушина, которую в первый год после революции назначили руководителем детской библиотеки города. Образование у нее было всего четыре класса, но она, педагог-самородок, занималась самообразованием, много читала и других учила читать. Вот она и помогла своему самому активному и любознательному читателю понять, что такое хорошая книга и какое значение имеет она в жизни человека. С тех пор он стал собирать свою библиотеку.

К студенческим годам у Николая Бирюкова были произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, изданные в первые годы Советской власти, книги пролетарских писателей и хранились с детских лет подаренные Татьяной Аверьяновной «Дети капитана

Н. З. Бирюков с Наташей Мотуз. Ялта, 1965 г.

Гранта», «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна, весь цикл «Кожаного чулка» Фенимора Купера. Все это было аккуратно сложено в огромном семейном сундуке. Там же находилась отдельно завернутая и перевязанная бечевой стопка с надписью: «Мои самые любимые» — это «Овод» Войнич, «Спартак» Джованьоли и «Красные дьяволята» Бляхина, читанные и перечитанные десятки раз не только Николаем Зотовичем Бирюковым, но и всеми его многочисленными друзьями.

Горько пережил Николай Зотович сообщение о том, что сундук со всеми его книгами, тетрадками стихов и рассказов, написанных им в детстве, сгорел в первый год войны. Из всего этого богатства сохранилось лишь то, что мы возили с собой в большой плетеной корзине и чемоданах.

«Путешествовать» мы начали еще до войны. А в первых числах июля 1941 года Бирюков обратился к редактору журнала «Октябрь» Федору Ивановичу Панферову

с просьбой направить его для работы в какую-нибудь прифронтовую газету, но тот, конечно, отказался удовлетворить просьбу скованного болезнью писателя и направил письмо в редакцию «Липецкой коммуны».

Скоро мы уже были в Липецке и с нами наша походная библиотека. Она оказалась необходимой. В своих патриотических статьях и очерках Николай Зотович использовал цитаты из книг «Испания, Испания!» Жан-Ришара Блока, «Железный поток» Серафимовича, «Чапаев» Фурманова, из стихотворений Маяковского, из романа Островского «Как закалялась сталь». Все эти книги были у нас с собой и лежали всегда на столе.

Из романа «Как закалялась сталь» Николай Зотович читал на память целые страницы.

На встречах с молодежью, которая нередко собиралась у нас, цитировал отрывок «Самое дорогое у человека — это жизнь...». А слова: «Мужество рождается в борьбе, мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям», — стали для него девизом и часто повторялись им для самого себя и для других. Они действовали мобилизующе.

Жили мы там, в Липецке, в коттедже карбидного завода, и к нам частенько заглядывали «на огонек» инженеры, бригадиры, молодые рабочие. Разговор всегда начинался с фронтовых новостей, сообщений Совинформбюро, читались письма фронтовиков с нашего завода.

Николай Зотович не только сотрудничал в газете — он тогда уже начал работу над своей повестью «Дорога к солнцу», главы из которой читал собиравшимся у нас друзьям. Ему важно было знать их впечатление. Не однажды разговор о главах повести как-то сам собой переходил на другие темы — литературные и житейские.

Однажды книга из нашей походной библиотеки послужила поводом для интересной беседы. Это был том «Александр Пушкин», изданный в 1937 г. к столетию со дня смерти поэта. В томе помещено много неизвестных ранее фактов из биографии Александра Сергеевича. Издание вышло небольшим тиражом, поэтому никто из собравшихся не видел его раньше. Рассматривали с восхищением. Потом Николай Зотович раскрыл книгу на странице с портретом французского рабочего Луи-Пьера Лувеля и рассказал о том, что Пушкин гордился этим че-

ловеком: в 1820 г. Лувель убил наследника французского престола.

Поэт посвятил ему свои стихи «Свободы тайный страж». Тогда же, в 1820 году, Пушкин в театре демонстративно показывал портрет Лувеля с надписью «Урок царям!».

От Пушкина нить беседы потянулась к декабристам. Один молодой начальник цеха прочел «К Чаадаеву»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...

Николай Зотович ответил стихами Одоевского:

...Своей судьбой гордимся мы...

И с особым вдохновением прочел строфу:

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с нею грядем на царей,
И радостно вздохнут народы...

Очень жаль, что все эти встречи и вечера скоро превались: в октябре фашисты заняли Елец, а это совсем рядом с Липецком, и наш завод стали эвакуировать. Товарный состав с оборудованием и рабочими шел в Пермь, мы ехали с ним до Куйбышева в надежде оттуда перебраться в Москву. Но пропусков нам не дали и направили в ближайшую деревню Мордовские Липяги, где мы в труднейших условиях прожили три недели. Вскоре вернулись в Куйбышев. Жили в медпункте вокзала, добиваясь пропусков в Москву, хотя знали, что никому их не дают. Решили обратиться в Правительство. Меня приняла Розалия Самойловна Землячка. Внимательно выслушала мой короткий рассказ о нашем положении, спросила, как и где мы будем жить в Москве, молча посмотрела на меня своими умными карими глазами, участливо покачала головой и, помолчав, сняла телефонную трубку.

Пропуска я получила в тот же день и почти бегом бежала на вокзал сообщить Коле, поскорее обрадовать его. Но на тротуаре передо мной оказалась женщина с книгами. Соблазнительными были четыре тома: два — «Пушкин

в жизни» Вересаева в голубом переплете с белым барельефом поэта, великолепное юбилейное издание, и два тома «Пословиц и поговорок русского народа», собранных Владимиром Далем.

На мой вопрос, что стоят такие книги, женщина ответила:

— Два кило хлеба, на деньги не продаю.

— Д-да-а... — вырвалось у меня озабоченно. У нас не было столько хлеба, но всё-таки я уговорила женщину зайти со мной в медпункт. Николай Зотович взял в руки облюбованные мною четыре книги и сказал мне:

— Посчитай, на сколько граммов у нас талончики.

За книги заплатили, а на дорогу заведующая медпунктом дала нам два талона — 400 граммов булочек.

Вечером наш поезд отправился.

Шел декабрь 1941 года. Москву бомбили фашисты. Об этом мы знали. Знали и то, что нас там никто не ждет и не встретит. И все-таки были бесконечно рады — едем в Москву!

Сейчас от Куйбышева до Москвы поезд идет всего 16 часов, тогда же мы ехали больше недели. Сначала поезд шел на Саранск, но на полпути к Рязани вражеские самолеты разбомбили товарный состав, и нас вернули на другую линию — через Чебоксары, Горький, Владимир... Так как состав выбился из графика, его загоняли почти в каждый тупик, и мы часами простаивали.

Николай Зотович, как всегда, внешне был спокоен и деловит. Когда пассажиры разбредались, писал начатую в Липецке повесть, а если в вагоне было шумно, читал купленные в Куйбышеве книги, выписывал у Даля пословицы. В его записной книжке они сохранились: «Кто хочет много знать, тому надо мало спать», «Пиши, да не спеши; скороспелка до поры загнивает», «Злой не верит, что есть добрые люди», «В согласном стаде и волк не страшен», «Сделал худо, не жди добра», «Дай справиться, и нам будут кланяться».

Как ни экономили мы наши съестные запасы, их не хватило, и три последних дня, когда уж очень сильно ныло «под ложечкой» и болела от голода голова, мы жевали липяговскую рожь, которую на всякий случай дала нам на дорогу соседка, и запивали подслащенной водичкой.

Это был наш первый голод. Но зато библиотека вернулась с нами целехонькой и даже дополненной.

«Книга! Из века в век собирает она и несет в будущее мудрость человечества» — эти слова записал однажды в свой блокнот Николай Зотович. Она, книга, была для него самым дорогим, и собирал он разные издания всю свою жизнь.

Поселились мы в Москве на Русаковской улице, где получили комнату, и наша жизнь наконец приняла оседлый характер. Здесь два стеновых шкафа-ниши вскоре были до отказа набиты книгами. Стал необходим еще шкаф, и мы купили в комиссионном магазине старый из сосновых досок, но зато самый настоящий книжный, состоящий из отдельных вместительных застекленных полок. Разместили мы в нем вышедшие к тому времени тома собрания сочинений Владимира Ильича Ленина, полное дореволюционное издание А. П. Чехова, были там однотомники Пушкина, Лермонтова, Тургенева, четырехтомник басен Крылова, четырехтомный толковый словарь Даля, «Записки, письма, статьи» Вахтангова, «Жизнь и творчество» Собинова и другие.

Всё это смотрело на нас через большие стекла шкафа, в комнате стало как-то веселее, будто пришли к нам самые близкие друзья, и от этого было очень уютно и радостно, хотя год стоял трудный.

Полки шкафа открывались каждый день, Николай Зотович одну за другой брал книги, перечитывал, о чем-то размышлял над их страницами, подчеркивал.

Зимой 1945 года, когда вышел в свет роман «Чайка», мы стали необыкновенно богатыми и в первую очередь решили купить у букинистов и в лавке писателей собрания сочинений всех классиков русской литературы, некоторых зарубежных, книги советских писателей. Достались нам и редкие издания, например, «История живописи» Мутера, журнал «Мир искусства» за много лет, собрание сочинений Льва Толстого и ряд других интересных книг.

Теперь наша библиотека хранится в музее Н. З. Бирюкова, созданном в Ялте, в доме, где мы жили.

Литературоведы, интересующиеся творчеством писателя, находят в этой библиотеке десятки книг с пометками Бирюкова — аккуратными мелкими точечками, га-

В библиотеке писателя есть и научная литература: собрание сочинений Тимирязева, некоторые произведения Костычева и Докучаева, Вильямса; медицинская литература — работы Бакулева, Бурденко, Демихова, Брюхоненко, Лапчинского, Богораза и других. Изучались эти труды в связи с работой над романами «Твердая земля» и «Второе сердце». А вот книги о космонавтах и космических полетах, сочинения Циолковского Бирюков читал, чтобы не выпустить из поля зрения важнейшие явления и события современности, чтобы не отстать от бурного нашего века. Читал он и сказки, и приключенческую литературу, и даже детективы, удивляясь, как «здорово некоторые авторы закручивают сюжеты!». Собирал и сборники песен разных времен и народов, любил песню сам, передавал эту любовь героям своих книг.

Хочется рассказать еще о небольшой книжечке, которая хранит память о встрече Николая Зотовича с старейшим русским писателем. Это «Сборник пьес» (Госиздат, 1938).

На фронтисписе портрет старца с почтенной седой головой. Большие глаза устремлены куда-то в вечность. Это — автор сборника, заслуженный деятель искусств, писатель-драматург Иван Иванович Лебедев.

Книжечку я увидела в киоске на Маросейке. Прочитав предисловие, купила. Мне стало ясно, почему у Лебедева такие глаза: он не видит. Сообщалось, что передвигается он ощупью, однако пишет сам, и совершенно свободно. Говорилось о том, что человек этот полон энергии, один ездит по городу, поддерживает связь с множеством людей.

Николай Зотович прочитал весь сборник и, внимательно разглядывая портрет, сказал, что с удовольствием познакомился бы с этим человеком.

Такая возможность представилась в том же году. Иван Иванович приехал работать в Голицынский дом творчества писателей, познакомился со всеми его немногочисленными обитателями и, узнав от директора дома Серафимы Ивановны Фонской о Бирюкове, сразу же пришел к нам.

Собеседники заинтересовались друг другом, долго разговаривали. А 31 декабря нас пригласили на встречу Нового года в писательском кругу.

Сказать первый тост было предложено Ивану Ивановичу Лебедеву. Его короткая речь взволновала всех. Ему долго аплодировали, казалось, что в гостиной находится не двенадцать человек, а множество людей.

Через некоторое время Иван Иванович, извинившись, взял еще слово, пожелал успехов самому молодому среди присутствующих писателю и тут же попросил подвести его к Бирюкову, который очень этому обрадовался и, притянув руку Ивана Ивановича к себе, усадил его на тахту. Много интересного рассказал нам тогда Лебедев, проговорили мы до рассвета, пересидев всю компанию.

В библиотеке есть интересный раздел — книги советских писателей с автографами. Выставлены они в музее в нашем старом глазастом сосновом шкафу, который привезли из Москвы. Посетители с интересом читают дарственные надписи авторов Николаю Бирюкову. Николая Зотовича нет, но писатели заходят в его дом поклониться памяти товарища по перу, отдать дань его многотрудной деятельности.

Ялта

ОДНА ВОЕННАЯ ВСТРЕЧА

Книги — как люди. У них своя жизнь, своя судьба. И, пожалуй, чуть ли не каждая может напомнить своему владельцу о чем-то очень дорогом и волнующем. Особенно, если она была получена от автора — человека большой и щедрой души. И уж наверняка такая книга имеет свою предысторию, в которой в равной степени интересно и то, при каких обстоятельствах она была подарена, и то, что предшествовало этому.

Как попало в мой книжный шкаф первое издание романа «Молодая гвардия» с дарственной надписью автора? ¹ Ведь с Фадеевым я не был лично знаком. Только много лет спустя после описанных мною событий мне посчастливилось увидеть его — на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, а точнее — 21 декабря 1954 г. Он сидел за столом президиума. Его подвижное, красивое лицо было то серьезным, то улыбающимся, то грустным. Временами он переговаривался с сидевшим рядом Алексеем Александровичем Сурковым. Одно из таких мгновений запечатлел на снимке, сделанном в Колонном зале Дома Союзов как раз в тот памятный для меня день, известный фоторепортер Яков Николаевич Халип ². До этого я знал Александра Фадеева лишь по его замечательным

¹ Этот выпуск «Роман-газеты», изданный в 1946 г. Гослитиздатом, подписан к печати 26 февраля, почти на месяц раньше основного издания, выпущенного издательством «Молодая гвардия» и подписанного к печати 28 марта 1946 г.

² У меня сохранился этот уникальный снимок с дарственной надписью Я. Н. Халипа. Сохранились и пригласительные билеты на II съезд советских писателей СССР, датированные 21 и 22 декабря 1954 г.

Роман-газета

*Удобно читать
в дороге
от автографа*

с гуденберг

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1946

А. Фадеев

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Нет, ты только посмотри, Валя, что это за чудо! Прелесть!.. Точно изваяние, — но из какого чудесного материала! Ведь она не мраморная, не алебастровая, а живая, но какая холодная! И какая тонкая нежная работа, — человеческие руки никогда бы так не сумели. Смотри, как она покосится на воде, чистая, строгая, равнодушная... А это ее отражение в воде, — даже трудно сказать, какая из них прекрасней, — а крася! Смотри, смотри, ведь она не белая, то есть она белая, но несколько оттенков — желтоватых, розоватых, каких-то небесных, а внутри, с этой влагой, она жемчужная, просто ослепительная, — у людей таких и красок и названий-то нет!

Так говорила, высунувшись из ивового куста на реку, девушка с черными волнистыми косами, в яркой белой кофточке и с такими прекрасными, раскрасившимися от внезапно хлынувшего из них сильного света, повзвизгившими черными глазами, что сама она походила на эту диллию, отражающуюся в темной воде.

— Нашла время любоваться, и чудная ты, Уля, ей-богу! — отвечала ей другая девушка, Валя, вслед за ней высунувшая на реку чуть скуластое и чуть курносое-

кое, по очень милостивое свежей своей молодостью и добротой лицо. И не взглянув на диллию, беспечно по-искала взглядом по берегу девушек, от которых они отбланил: — Ах!

— Ах! ах... ух! — отозвались на разные голоса совсем рядом.

— Нинто сюда!.. Уля нашла диллию, — сказала Валя, любовно-насмешливо взглянув на подругу.

И в это время снова, как отзвуки дальнего грома, посыпались перебаты орудийных выстрелов — оттуда, с северо-запада, из-под Ворошилограда.

— Опять!

— Опять... беззвучно повторяла Уля, и свет, такой силой хлынувший из глаз ее, потух.

— Неужто они войдут на этот раз! Боже мой! — сказала Валя. — Помнишь, как в прошлом году переживали! И все обошлось! Но в прошлом году они не подходили так близко. Слышишь, как бухает!

Они помывали, прислушиваясь.

— Когда я слышу это и вижу небо, такое ясное, вижу веги впереве траву под ногами, чувствую, как ее нагрело солнышко, как она вкусно пахнет, мне делается так больно, словно все это уже ушло от меня навсегда, навсегда, — грудным военным голосом заговорила

Печен. доложки

Титульный лист первого издания романа
А. А. Фадеева «Молодая гвардия» с автографом писателя

книгам. А мое заочное знакомство с писателем возникло после моей случайной встречи на фронте с красноармейцем Александром Земнуховым.

Собирая на передовой материал для очередного номера дивизионной газеты, я буквально набрел на этого солдата не то в траншее, не то в другом укрытии во время вражеского артиллерийского обстрела или бомбежки, точно не помню. После того, как эта оглушительная музыка войны стихла, мы разговорились с ним. К моему немалому удивлению, он оказался родным братом героя-молодогвардейца.

...Мы сидели с ним в землянке командира роты и беседовали при красноватом свете коптящей лампы, сделанной из снарядной гильзы. В рассказе война было столько любопытных фактов и подробностей о его младшем брате, что я старался не пропустить ни одного слова. Начал он с лета 1941-го. Александру было тогда двадцать четыре года, Ивану — восемнадцать; Александр работал наборщиком в типографии краснодонской районной газеты, Иван учился в 10-м классе средней школы... Саша ушел на фронт. До него то и дело доходили тревожные вести из Краснодона. Под гром канонады и гул самолетов он читал и перечитывал трогательные строки, написанные под диктовку матери, Анастасии Ивановны, сестрой Ниной, письма от Вани, который сообщал старшему брату о своих комсомольских делах, о товарищах, интересовался фронтовой жизнью, просил писать как можно чаще. Но скоро связь с отчим домом надолго прервалась...

Больше всего меня захватила записная книжка, которую солдат осторожно, словно боясь уронить, достал из своего вещмешка. То была настоящая реликвия. Наряду с записями Александра, цитатами из Пушкина и Байрона, Шекспира и Салтыкова-Щедрина в ней сохранились пометы его легендарного брата и даже одно его стихотворение и стихотворный набросок. Мой случайный собеседник горячо, с любовью комментировал их. По всему видно было, что с младшим братом его связывали общие интересы и привязанности, что, несмотря на различие в возрасте, они хорошо понимали друг друга и по настоящему дружили с книгой.

Я обратил внимание на афоризм, показавшийся мне знакомым, но никак не мог вспомнить, кому он принад-

лежит. Почерк был Александра. Он уловил в моем взгляде вопрос и пояснил:

— Это из «Лукреции»³... Однажды, когда Ваня задержался в школе, я выписал из книги, которую он в те дни читал, эти подчеркнутые им строки. Они пришлись мне по душе...

Шекспировский афоризм гласил: «Чем выше поставлен человек, тем больше уважения или отвращения вызывают его поступки». Уже одна эта цитата говорила о том, какие благородные нравственные идеалы оказывали влияние на формирование характера будущего героя красnodонского подполья, как, впрочем, и другая выписка из «Пошехонской старины», сделанная рукой Вани: «Не давайте окаменеть и сердцам вашим, вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего».

Я спросил Александра, как оказались в его записной книжке собственноручные строчки младшего брата. Воин ответил на это с грустью, вызванной, должно быть, мелькнувшим в памяти дорогим воспоминанием. И сейчас, с расстояния более чем трех десятилетий, он явственно доносится до меня сквозь несмолкающий гул времени, этот дрогнувший голос юноши-фронтовика, вчерашнего рабочего парня, на которого война надела солдатскую шинель, разлучив со всем, что еще так недавно составляло его жизнь и счастье.

— Видимо, Ваня делал это для того, чтобы доставить мне радость. Он знал как я ценю его литературный талант, — задумчиво произнес солдат и продолжал: — Мысленно вижу брата в расстегнутой косоворотке, с упавшей на лоб длинной прядью волос. Склонившись над столом, он что-то писал. Я сразу узнал свою записную книжку, и, когда сказал об этом Ване, он с виноватой улыбкой и с присущим ему юмором воскликнул: «Извини, Саша!.. Понимаешь, нежданно-негаданно в голову стихи полезли, вот я в порыве вдохновения и схватил твою записную книжку». — «Меня это только обрадовало, — сказал я, — пиши, пожалуйста. Чем оправдываться, ты бы лучше прочел мне то, что написал». — И Ваня прочел вслух

³ Поэма У. Шекспира «Опозоренная Лукреция».

только что родившиеся стихи, навеянные поэзией любимого им Кольцова ⁴. Как хорошо, что у меня осталась такая память о брате! — с чувством сказал солдат, когда я пробежал стихи Вани.

И он опять заговорил о младшем брате проникновенно и нежно:

— Для поэзии у него было мало времени. Кроме занятий и общественных обязанностей в школе, каждый день его одолевали всякого рода другие нужные дела. И если ему что-нибудь не удавалось, он, недовольный собой, начинал грустить и выражать свою грусть в стихах, как, например, в этом отрывке, который Ваня тоже, словно бы на память, оставил в моей записной книжке:

День прошел в печальном состраданьи,
В бездействии томительном, мой друг...

Мы еще долго беседовали с Александром. Материала оказалось столько, что его хватило на целую полосу нашей дивизионной газеты «На штурм». Она вышла под общим заголовком: «Отомстим врагу за кровь Героя Советского Союза Ивана Земнухова — брата нашего воина!» На этой же полосе было помещено двестише из стихотворения Александра, его первого в жизни стихотворения:

Пусть гнев мой, в душе накопивший,
Дыханием будет моим...

Вскоре начали приходиться письма из Краснодона. Мать и сестра Александра Земнухова в одном из них обращались через редакцию к бойцам нашего соединения:

«Саша прислал нам газету, в которой написано об Иване. Спасибо за добрую память о нашем незабвенном сыне и брате.

Дорогие товарищи! Мстите за кровь молодогвардейцев, за кровь нашего любимого Вани!»

Вместе с воинами 317-й стрелковой дивизии мстил ненавистным оккупантам и его брат Саша. За ратные

⁴ Иван Земнухов, несомненно, был одаренным поэтом. Меня убедили в этом его стихи, опубликованные после войны в газете «Літературна Україна» (несколько стихотворений), и особенно его перевод «Плача Ярославны», вошедший в прекрасно изданную книгу («Слово о пълку Игореве». Киев, 1967, с. 449).

подвиги командование наградило отличившегося в боях солдата медалью «За отвагу».

Трудно было читать без волнения краснодонские письма.

«...Подходит зима, подходит то время, когда наши ребята метались по городу, — писали Земнуховы. — Они пытались уничтожить проклятых захватчиков, они ненавидели их, делали все, чтобы помочь нашим доблестным советским воинам. Подходит то время, когда молодогвардейцы расклеивали на столбах свои листовки в день Октябрьской революции, украшали дома красными флагами».

А вот коротенькое сообщение из письма Нины Земнуховой, привлекшее к себе внимание читателей газеты «На штурм», среди которых было немало книголюбов:

«...У нас гостит сейчас Фадеев. Он собирается написать роман о подпольной комсомольской организации „Молодая гвардия“».

Эта интересная подробность дает основание предположить, что газета «На штурм» с полосой, посвященной герою-краснодонцу и его брату, была прочитана писателем. Это подтверждается и тем, что через три года, едва роман вышел в свет, я получил от автора дарственный экземпляр «Молодой гвардии»⁵.

Не сомневаюсь и в том, что не без доброго участия А. А. Фадеева в журнале «Знамя» — совершенно неожиданно для меня — появилась информация о встрече автора этих строк «с братом Вани Земнухова, тем самым, которому Ваня посвятил стихи, приведенные в „Молодой гвардии“»:

Мой преданный и славный друг,
Мой брат прекрасный, Саша —

и что «рассказы Александра Земнухова послужили материалом для литературной странички»⁶.

⁵ Дарственная надпись на титульном листе книги датирована 8 октября 1946 г.

⁶ Информация без подписи. «Знамя», 1947, № 4, с. 186. Получив от писателя дарственный экземпляр романа, я в знак глубокой благодарности отправил ему номер газеты «За Советскую Отчизну» от 19 ноября 1946 года (я тогда исполнял обязанности ответственного редактора этой газеты). В номере был воспроизведен материал уже упоминавшейся мною газеты «На штурм».

Такова предыстория книги, подаренной мне ее автором. Одной из многих, но которая наиболее дорога моему сердцу...

Ну, а как же сложилась судьба Александра Земнухова? — вправе спросить читатель. Он жив-здоров. Работает учителем. Совсем недавно я получил от него весточку из города Донецка, и есть возможность предоставить слово ему самому.

«Ваше письмо не могло не взволновать меня, — пишет Александр Александрович. — Оно еще раз напомнило о днях давно минувших, незабываемых... Спасибо Вам, что не забыли, что не жалеете времени на поиски однополчан. Всегда, когда я читаю или смотрю по телевизору о 56-й или 18-й армии, я с гордостью считаю себя скромным участником их боевых дел. И я все время жалею, что болезнь не позволила мне дойти с ними до победного конца... С нетерпением жду того времени, когда смогу заняться делом, которое вот уже несколько десятилетий ждет меня, — написать о любимом брате. И если мне не удастся осуществить задуманное, буду считать, что жизнь прожита зря...»

И, наконец, еще одно письмо из Донецка, датированное 14-м апреля 1977 г., от моего соармейца, ветерана войны Петра Даниловича Зубова: «...Для Александра Александровича Земнухова у меня уже есть знаки 18-й и 56-й армий. Договорились с директором школы, что вручение будет в мае».

Как сообщил мне вскоре Петр Данилович, памятные ветеранские знаки были вручены брату героя-молодогвардейца.

Москва

Г. Аполлинер

ЗА КНИГОЙ

I

Сантабаремский монах,
Одетый в черную рясу,
Бледные руки простер, призывая Лилит.
Орлан в ночной тишине
Прокричал зловеще три раза
И воскликнул монах: «Летит она! Вижу, летит!
А за нею три ангела...»
— Здесь обрывается книга, которую черви изъели,
И встает предо мною далекая ночь
С ущербной луной:
О императорах думаю я византийских,
Затем предо мной
Возникает алтарь в облаках фимиама,
И розы Леванта мерещатся мне,
И глаза алмазные жаб, загораясь, мерцают во тьме,
И думаю я о магической книге,
Которую черви изъели:
Алхимика вижу я.
Вижу монаха в заброшенной келье,
И я погружаюсь в мечты, а рассвет аметистом горит,
И не знаю сам, почему,
Я думаю о бородатых уродах, о великанах, о тайне
Лилит,
И охвачен я дрожью;
Мне слышится в комнатах шорох,
Как будто шелк в полумраке шуршит.

Перевод М. Кудинова

II

В Эльсиноре на пирах
Гамлету-отцу когда-то
Йорик с шумными друзьями
Эти песни пел.
Пела их в былые дни
Стража принца Фридерика,
И английских пушек грохот
Вмешивался в хор.
Поселяне на полях,
Моряки в ревущем море,
Лавочники и студенты —
Пел их весь народ.
Всем ты верным другом был,
Но они тебя забыли.
Лишь у моего камина
Ты желанный гость.
И как ласточки гнездо
Под карнизом крыш ютится,
Так твои хранятся песни
В сердце у меня.
Здесь покой они найдут —
После горестных скитаний, —
Песни юности минувшей,
Нас влекущей вдаль.

Перевод Г. Бена

**НЕЛОТЭКІ
І БІБЛІАФІЛІ**

ХАБАРОВСКИЕ АВТОГРАФЫ

На многих книгах, хранящихся в фондах Хабаровской краевой библиотеки, имеются пометы, дарственные надписи и автографы их авторов и владельцев. Мы решили узнать, чьи же руки прикасались к этим книгам, какими путями попадали они много лет назад из Москвы и Петербурга в далекий Хабаровск. Иногда тайна раскрывалась сразу, иногда проходили годы, пока находился «ключик», приоткрывающий дверь в прошлое, а случилось и так, что «ключик» этот оказывался утерянным навсегда.

Увлекательное занятие — оживить и вернуть то, что скрыто от нас временем.

Буквально сенсационным было открытие в Хабаровской краевой библиотеке Острожской Библии первопечатника Ивана Федорова, открытие случайное, поразившее всех книголюбов.

Библия была обнаружена среди старопечатных книг XVII века. Титульный лист, характерный двухстолбцовый набор кириллицей, наличие греческого текста и, наконец, печатный знак, которым первопечатник помечал свои книги, — все подтверждало факт издания Библии в городе Остроге в 1581 г.

Но интересной оказалась не только уникальная находка. На внутренней стороне переплета книги сохранилась выцветшая надпись в старой орфографии: «Сия книга — библия принадлежит Анне Ивановне Хановой». А в конце книги к деревянной крышке переплета подклеена рукопись на 13 листах, написанная полууставом, начинающая оглавление книг Ветхого Завета.

Находка вызвала волнение в мире книголюбов. После опубликования сообщения о ней в печати¹ в библиотеку и Хабаровский государственный институт культуры стали поступать письма, авторы которых пытались пролить свет на историю хабаровского экземпляра Библии. В письмах строились предположения относительно владелицы знаменитого издания, в частности, делались попытки доказать, что она была жительницей Петербурга.

Более определенно мы узнали о владелице Библии из письма в Хабаровский институт культуры, которое прислала из Риги Мария Ильинична Гусева, урожденная Ханова, младшая дочь Анны Ивановны Хановой. Вот что пишет об этом письме кандидат филологических наук С. А. Пайчадзе: «Мария Ильинична вспоминает, что в их семье, жившей в Петербурге задолго до революции, действительно была Библия и ряд других религиозных книг», к тому же, по словам М. И. Гусевой, А. И. Ханова «имела привычку ставить свою подпись на принадлежащих ей книгах. В соответствии с предположением Марии Ильиничны Библию подарил на старости лет кому-то из знакомых родной брат ее отца Михаил Сергеевич Ханов, известный книгочий².

Кто составил рукописный указатель к знаменитому изданию? Этот вопрос пока раскрыть не удалось. Нет единого мнения и о том, как и когда попало издание Ивана Федорова в Хабаровск. Можно лишь предположить, что переслано оно из частного собрания, т. к. не имеет никаких иных владельческих помет или штампов.

В отделе редких книг Хабаровской краевой библиотеки хранится «Букварь трехязычный».

До нас дошли, как известно, сравнительно немногие старопечатные азбуки и буквари. Неполон, неоднократно подклеен наш экземпляр, титульный лист его утрачен. Букварь обучает славянскому, греческому, латинскому языкам. Прекрасно сохранились иллюстрации, не потускнел шрифт.

¹ Э. Осипова. Находка в Хабаровске.— «Книжное обозрение», 1971, № 24.

² С. Пайчадзе. Выдающийся памятник русского книгопечатания.— «Дальний Восток», 1972, № 3, с. 140—142.

В нескольких местах этой книги подпись владельца: «Петр Андреев Барков». Имя это ничем в истории не отмечено. На книге еще две владельческие надписи, выведенные, как показывает графологическое сравнение, разной рукой. Из первой, сделанной карандашом, мы узнаем, что «букварь напечатан в Москве. Фед. Поликарповым в 1703 г.». Однако на экземпляре присутствует вторая надпись, которую обнаружили на отдельном приклеенном листке: «Куплена эта книга: Букварь 29го авг. 97го г. В росписи (неразборчиво) за етот 1703^й г. Букваря нет, разве не он ли в росп. № 1430^й 1720го г.? Посмотреть в словаре и у Ундольского?»

Вукол Михайлович Ундольский — известный библиограф и собиратель памятников русской письменности. Он служил в архиве министерства юстиции, был библиотекарем в Обществе истории и древностей российских. Составил в 1848 г. «Каталог славяно-русских книг церковной печати». Обращение к «Каталогу...» позволило владельцу букваря зачеркнуть в первой записи 1703 г. издания и написать: «1701 см. Ундольский 1303». А так как кроме Ундольского он ссылается еще и на «словарь», можно предположить, что в изданном через год после того, как неведомый нам владелец приобрел букварь, 47-м томе энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в статье «Поликарпов-Орлов», он нашел сведения о том, что Поликарпов-Орлов, или просто Федор Поликарпов, был справщиком и директором Московской типографии. Наиболее известен из его трудов «Алфавитарь рекше букварь, словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящим, и любомудрие в пользу душеспасительную обрести тщащимся», составленный и изданный в Москве в 1701 г. Вот он наш «Букварь»! Со дня его издания прошло более 270 лет, но ничуть не потускнели краски, ничуть не побледнели иллюстрации. На одной, помещенной, как видно, для устрашения нерадивых учеников, учитель нещадно испытывает розги на своем подопечном. Сколько вопросов и загадок породила одна страничка с чуть проступающими надписями!

В библиотеке с полуторамиллионным фондом немало книг, которые уже не привлекают внимания читателей, да и библиотекарей тоже. Ну вот хотя бы книга с таким длинным названием: «Стеклянный улей, или Извлечение из

любопытнейших явлений из естественной истории пчел, сочиненная Витвицким».

Книга эта вышла в Петербурге в 1843 г., и ничем она не привлекла бы внимания, если бы не дарственная надпись на вложенном в книжку листке тонкой голубоватой бумаги:

«Его сиятельству графу Сергею Григорьевичу Строганову господину генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту посвящает автор Витвицкий 1847 год».

Судя по официальности, с какой сделано посвящение, автор не был в дружбе со Строгановым. Видимо, их связывали официальные отношения. Чем же интересен для нас Строганов? Фигура эта в русской общественной жизни довольно заметная.

Сергей Григорьевич Строганов был видным государственным деятелем, что не мешало ему в то же время быть и археологом. Участвовал в Бородинском сражении и отличился в нем, отличился и в русско-турецкой и Крымской войнах. Он сочетал в себе качества довольно способного военачальника и человека, тяготеющего к науке, способствовал привлечению в профессию Московского университета передовых русских ученых, основал известное училище технического рисования, открытое в 1825 г., которое существует и поныне. Был он председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете.

Книга Витвицкого была подарена С. Г. Строганову в то время, когда он состоял попечителем Московского учебного округа, и прислана в Хабаровск в дар библиотеке уже после смерти С. Г. Строганова, по всей вероятности его родственниками.

Следует отметить, что приведенные примеры далеко не исчерпывают книжные собрания, из которых пополнялись фонды библиотеки Приамурского отдела Русского географического общества. Только в отчете библиотеки³ за 1898 г. перечислено 116 дарителей.

На книгах редкого фонда можно встретить штампы

³ Краткий отчет возникновения и деятельности Николаевской публичной библиотеки Приамурского отдела ИРГО за первое четырехлетие ее существования (1895—1898 гг.).— Отчет за 1898 г. Хабаровск, 1899.

библиотеки Черткова⁴, А. Н. Голицына, экслибрисы известного издателя и журналиста А. С. Суворина, библиотеки Петровского из села Михалковых, библиотеки гидрографического департамента.

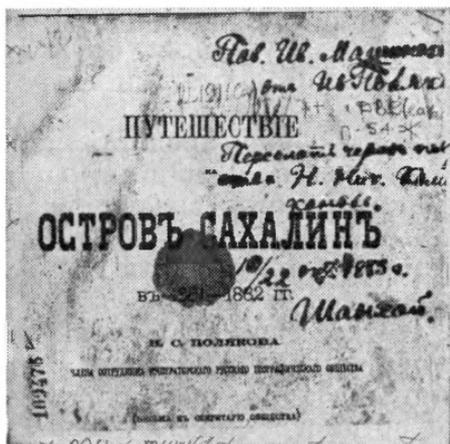
Безусловно, особый интерес для нас представляют посвящения, сделанные на краеведческих изданиях. Они дают возможность проследить определенные связи между исследователями, учеными Дальнего Востока, помогают воссоздать штрихи к портретам библиофилов, в центре внимания которых стоит краеведческая книга.

В 1891 г. в Хабаровске (тогда еще Хабаровке) в типографии штаба Приамурского военного округа был издан «Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа». Составитель его — подполковник Генерального штаба А. Рагоза. Книга принесена в дар некоему Андрею Андреевичу Милюшину в год издания. Долго являлась для нас загадкой личность адресата дарственной надписи, тем более что фамилия его первоначально была расшифрована неверно. Помогли справочные книжки «Личный состав управления гражданского ведомства, официальных и частных обществ и других учреждений г. Хабаровска», издававшиеся в Хабаровске регулярно. В одной из них (за 1901 г.) среди членов Приамурского окружного управления Российского общества Красного креста числится А. А. Милюшин. Но в книге есть нечто более интересное, чем дарственная надпись. На обороте титульного листа карандашный набросок: на фоне сопок — портрет военного человека средних лет. Внизу карандашная надпись: «Полковник Рагоза». Автопортрет ли это или Милюшин нарисовал друга? Так или иначе, но это единственно известное нам изображение автора книги.

Дарственные надписи помогли нам внести уточнения в биографию исследователя Сахалина Ивана Семеновича Полякова.

Пятьдесят дней плыл из Одессы на Сахалин в 1881 г. сотрудник Русского географического общества И. С. Поляков. Безродный казак, сумевший сдать экзамены за курс

⁴ Э. Осипова. «Петровская» книга в редком фонде библиотеки. — «Дальний Восток», 1972, № 5, с. 142—145.

Титульный лист
книги И. С. Полякова
с его автографом

гимназии и поступить в Петербургский университет, стать магистром зоологии, талантливый ученый и путешественник, он был послан на остров «с целью ознакомления с топографией местности, с распределением почв, растительности и, наконец, животных на суше и водах», а также составления «суждения о современном человеке, заселяющем в настоящее время область»⁵. Иван Семенович Поляков начал изучение острова Сахалин, обнаружил на нем ряд совершенно не известных мест, открыл единственную удобную гавань на восточном побережье, в устье реки Тымь. Интересны выводы, которые сделал ученый о состоянии социальной и культурной жизни острова:

«Оставляя Сахалин, я увозил с собою убеждение, что культивировать его в той или иной степени возможно и даже полезно в государственном отношении (...). С другой стороны, для меня сделалось очевидным и то обстоятельство, что полученные до сих пор культурные результаты на острове далеко еще не соответствуют потраченным на них средствам и силам»⁶.

Результатом поездки явились две книги, обе попали в Хабаровскую библиотеку. Одна из них — «Отчет об исследованиях на острове Сахалин, Южно-Уссурийском крае и в Японии» (1884), по ней можно проследить историю библиотеки. На книге — три штампа, соответствующие изменению названия библиотеки, инвентарный номер ее 896, значит, она из первого поступления,

Результатом поездки явились две книги, обе попали в Хабаровскую библиотеку. Одна из них — «Отчет об исследованиях на острове Сахалин, Южно-Уссурийском крае и в Японии» (1884), по ней можно проследить историю библиотеки. На книге — три штампа, соответствующие изменению названия библиотеки, инвентарный номер ее 896, значит, она из первого поступления,

⁵ И. С. Поляков. Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг. СПб., 1883, с. 4—5.

⁶ Там же, с. 111.

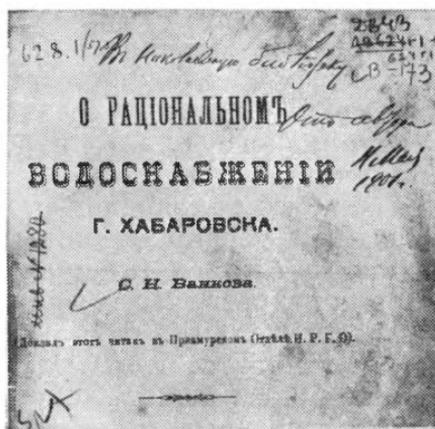
первой тысячи, заложившей ядро сегодняшнего полуторамиллионного фонда библиотеки. На второй книге Полякова «Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 годах» (1883) можно прочесть дарственную надпись — это авторский экземпляр. Плохие чернила прошли на следующую страницу, оставив там пятна, поля книги срезаны, а с ними пропала и часть надписи. Но отчетливо можно разобрать: «Машинскому от Полякова. Пере-
слать через посредство Н. Ник. (фамилия неразборчива). 10/22 окт. 1883 г. Шанхай».

Почему же книга, изданная в Петербурге, пересылается из Шанхая, и куда посылал ее автор?

Изучая биографию И. С. Полякова, мы выяснили, что, закончив в июле 1882 г. экспедицию по Сахалину, ученый совершил ряд путешествий по Южно-Уссурийскому краю, по Японии, где вел различные наблюдения. Осенью 1883 г. Поляков покинул Японию и на пути в Россию сделал еще несколько остановок в различных местах юго-восточной Азии. Так из имеющейся у нас надписи на книге мы установили, что 10—22 октября путешественник останавливался в Шанхае. Отсюда и отправляет он авторский экземпляр книги своему старому знакомому по Олекминско-Витимской экспедиции штабс-капитану П. И. Машинскому, на квартире которого в посту Александровском Поляков прожил все время пребывания на «каторжном рейде» острова Сахалин.

Дошла ли книга до адресата, а потом уж попала в Хабаровск, или Машинский так и не получил подаренную ему книгу, мы не знаем. В Хабаровскую краевую библиотеку книга попала в 30-е годы.

Только в 1956 г. поступила в фонд библиотеки книга Федора Федоровича Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годы» (СПб.,

Титульный лист
книги С. Н. Ванкова
с его автографом

1896). Судя по штампам, немало библиотек прошла она, прежде чем оказалась в краевой. Вышел труд Буссе в год его смерти, однако автор успел преподнести его в дар Дмитрию Львовичу Иванову «на память сердцу милого Уссурийского края», переслав, по-видимому, книгу на Дальний Восток. Известно, что Ф. Ф. Буссе был «одним из тех, кто не только изучал и осваивал Восток России, но и сделал успешную попытку привести в систему источники по Амурскому краю»⁷. Поэтому определенный интерес представляет и выявление связей Буссе с местными исследователями. Библиографический указатель⁸ помог установить, что Д. Л. Иванов был горным инженером, начальником Южно-Уссурийской горной экспедиции, написал ряд статей и отчетов по горному делу и горной промышленности. Он проводил исследования месторождений железных руд, каменноугольных залежей в Приморье и Южно-Уссурийском крае. Так раскрылось посвящение, сделанное Ф. Ф. Буссе, и стало понятным, почему владели этим экземпляром книги уже в 90-е годы библиотеки геологического комитета Дальнего Востока и Дальневосточного районного геологоразведочного управления.

Есть в библиотеке и книга с посвящением самого Дмитрия Львовича Иванова. Он дарит Приамурскому отделу ИРГО оттиск своей статьи «Значение геологических исследований для устойчивости полотна Уссурийской железной дороги» (СПб., 1894).

Летом 1908 г. на Чукотке побывал старожил Приамурского края М. С. Латернер. Целью его путешествия было ближе познакомиться с теми местами, которые открыл 260 лет назад Семен Дежнев. Кстати, Латернер участвовал в конкурсе на памятник отважному землепроходцу, объявленном Приамурским отделом Русского географического общества. Результатом путешествия явился дневник «От Владивостока до Номе (Аляска)» (СПб., 1911). Экземпляр книги Латернера, хранившийся в Хабаровске, имеет ряд интересных помет. В двух местах книги сделаны машинописные вклейки, где автор воспол-

⁷ Т. И. Садохина. Ф. Ф. Буссе — краевед и первый библиограф Дальнего Востока. — «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока». Вып. П. Новосибирск, 1972, с. 103.

⁸ З. Н. Матвеев. Что читать о Дальневосточной области. Владивосток, 1925.

няет пропуски в тексте. Книга была подарена автором 24 апреля 1912 г. военному губернатору Приморской области Василию Егоровичу Флугу «на память совместного пребывания на Камчатке летом 1908 года». Экземпляр, судя по штампам, попал в Москву в библиотеку Института К. Маркса и Ф. Энгельса, а позже, перед войной, был передан в фонды Хабаровской краевой научной библиотеки.

В 1941 г. записана в инвентарные описи библиотеки книга известного советского географа и биолога, исследователя морей Дальнего Востока Льва Семеновича Берга «Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука». Книга была написана в 1918 г. и издана в Петрограде в 1920 г. К этому времени Л. С. Берг был уже известен своими ихтиологическими работами, преподавал в Петроградском университете. Эта же работа — одно из первых изысканий ученого по истории географических открытий, проблеме, которая займет впоследствии достойное место в его трудах. Уже в этой небольшой книжке объемом немногим более шестидесяти страниц ощущается солидность и аргументированность исследования. С глубоким знанием источников Берг доказывает, что ко времени плавания И. Федорова и М. Гвоздева (1732), а еще более ко времени плавания Кука (1778), «у русских имелись весьма точные и подробные сведения о странах, прилегающих к Берингову проливу». Лев Семенович Берг дарит свою книгу 27 февраля 1920 г. библиотеке Азиатского музея Академии наук, крупнейшей в то время в Союзе и одной из лучших в мире библиотек по Востоку. По-видимому, позже, после создания Института востоковедения АН СССР, книга была передана в обменные фонды и попала в Дальневосточную краевую научную библиотеку Хабаровска.

Предметом специального изучения могут стать книги, принесенные в дар библиотеке. Многие ученые, путешественники, писатели поставили свои посвящения на экземплярах, хранящихся в ее фондах.

Я уже писала о Парижской библиотеке исследователя Приамурья М. И. Венюкова, оставленной им в дар г. Хабаровску⁹.

⁹ А. Маслова. Из книг М. И. Венюкова. — Альманах библиофила. Вып. 3. М., 1976.

По-видимому, одной из первых книг, подаренных библиотеке ее автором, была книга С. Н. Ванкова «О рациональном водоснабжении г. Хабаровска», изданная в 1901 г. типографией канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Симеон Ванков, прогрессивный и высокообразованный офицер, видный технический специалист прожил в Хабаровске с 1897 по 1913 г.¹⁰ Он возглавлял Приамурский отдел географического общества, был директором его музея, многое сделал для развития исследований Дальнего Востока. Поднятая в названной книге проблема водоснабжения города была злободневной и важной для Хабаровска. В работе обоснована актуальность постановки вопроса о водоснабжении, рассмотрены все связанные с ним теоретические, практические и финансовые вопросы. Следует отметить, что городская дума одобрила проект водопровода. Рассматриваемый экземпляр книги был передан С. Н. Ванковым Николаевской публичной библиотеке Приамурского отдела ИРГО — на титульном листе энергичная размашистая надпись: «В Николаевскую библиотеку. От автора, 11 мая 1901». Можно согласиться, что «именно в те годы складывалась традиция, в соответствии с которой местные авторы дарили Николаевской (ныне Хабаровской краевой научной) библиотеке свои книги. Так поступал, например, один из младших коллег Ванкова по географическому обществу, с которым Симеона Николаевича связывали дружеские отношения и научные интересы, — В. К. Арсеньев»¹¹.

Нет нужды рассказывать о том, кто такой Владимир Клавдиевич Арсеньев. Книги путешественника, ученого, писателя издаются сейчас такими тиражами, о каких не мог мечтать Владимир Клавдиевич. И все-таки нам особенно дороги те пожелтевшие, потрепанные экземпляры, которые хранят на себе прикосновение рук автора, его пометы и надписи.

Перу Арсеньева принадлежит свыше пятидесяти работ, из которых часть переиздавалась по нескольку раз. В Хабаровской краевой библиотеке хранятся первые издания книг В. К. Арсеньева, около десятка из них —

¹⁰ С. Пайчадзе. Симеон Ванков и его книги. — «Дальний Восток», 1976, № 4, с. 136—138.

¹¹ Там же, с. 136.

с дарственными надписями и пометами Владимира Клавдиевича. Книги выходили в разное время, но каждую из них Арсеньев считал должным подарить библиотеке музея, которым руководил на протяжении ряда лет (1911—1918; октябрь 1924 — январь 1926 гг.).

Арсеньев много выступал в Хабаровске с публичными лекциями и докладами о своих путешествиях и исследованиях. Его выступления производили огромное впечатление на присутствующих. Как вспоминает Н.Е. Кабанов, «...всегда было жалко расставаться как с самим лектором, так и с теми безвестными героями — лесными людьми, проводниками, охотниками, которые были соучастниками путешествий Арсеньева. Все это влияло на аудиторию и читателя его произведений и невольно влекло вновь послушать или прочесть Арсеньева»¹². Одним из таких выступлений была лекция, прочитанная в 1913 г. на Первом съезде врачей в Хабаровске: «Вымирание инородцев Амурского края». 20 сентября 1914 г. он дарит отдельный оттиск своего резкого, полного потрясающей статистики доклада «Николаевской публичной библиотеке Приамурского отдела Императорского Географического общества». На книге — надпись, сделанная красивым четким почерком и характерная с росчерком подпись Арсеньева.

В 1916 г. по приглашению Общества русских ориенталистов в Харбине Арсеньев сделал ряд научных докладов о своих исследованиях в Приморье, и в том же году в издающемся этим обществом журнале «Вестник Азии» публикуется еще одна работа В. К. Арсеньева, посвященная той же теме: «Энтологические проблемы на Востоке Сибири». И снова ее отдельный оттиск с авторским посвящением попадает в библиотеку Хабаровского музея Приамурского отдела РГО.

В начале 20-х годов Арсеньева как исследователя все больше привлекал Север. В 1923 г. он изучает Командорские острова. На этот раз он захватил с собой советский кодекс законов о труде, Уголовный кодекс, инструкции, брошюры, газеты. Арсеньев работал не покладая рук. Составил и вычертил подробные карты островов, обз-

¹² Н. Е. Кабанов. В. К. Арсеньев. Путешественник и журналист. 1872—1930. М., 1947, с. 27.

*Обложка и титульный лист
книги В. К. Арсеньева с автографом писателя*

начил на них места лежбищ ценных морских зверей, изучил повадки котиков и каланов. Тогда же Арсеньев поставил вопрос о превращении Командорских островов в «естественный питомник пушных зверей», добился охраны лежбищ. Результатом поездки явилась статья «Командорские острова в 1923 г.», отдельный оттиск которой Владимир Клавдиевич 29 декабря 1925 г. дарит библиотеке возглавляемого им Хабаровского краевого музея.

Широкую известность получили путевые дневники Арсеньева. Яркие, образные произведения о богатой и девственной природе дальневосточной тайги и ее обитателях получили высокую оценку Ф. Нансена, В. Л. Комарова, А. М. Горького. Первое издание книги В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» вышло в 1923 г. во Владивостоке в издательстве «Свободная Россия». Хранящийся в Хабаровске экземпляр был подарен Арсеньевым 1 января 1923 г. «в знак искреннего расположения к нему автора» заведующему Николаевским промысловым районом, сот-

руднику Дальрыбы, автору многих статей по рыболовству Дальнего Востока Павлу Андреевичу Русанову. Позднее книга попала в библиотеку.

Желая дать читателю доступные и популярные очерки о Приморье, Арсеньев в 1926 г. во Владивостоке издал книгу «В дебрях Уссурийского края». Экземпляр этого издания в яркой красочной обложке попал в библиотеку 8 марта 1926 г. с надписью: «В библиотеку Хабаровского краевого музея от автора». Это же издание послал в Сорренто Алексею Максимовичу Горькому восхищенный книгой Михаил Пришвин. Письмо Горького, увлеченного и очарованного книгой, было опубликовано в газете «Красное знамя», а затем в повторном издании «В дебрях Уссурийского края». Алексей Максимович писал: «Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественная. Искренне поздравляю Вас...

Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...» (24 января 1928 г.)¹³.

Благодаря Алексею Максимовичу книга Арсеньева получила широкую известность, была переведена на немецкий язык и издана с предисловием Фритьофа Нансена. Экземпляр первого немецкого издания с дарственной надписью автора тоже хранится в Хабаровской краевой библиотеке.

Многочисленные пометы В. К. Арсеньева несет на себе один из томов хранящегося в редком фонде библиотеки исследования А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на Север и Восток Сибири». Как известно, Александр Федорович Миддендорф был первым ученым, который посетил Приамурье и собрал сведения о его природных условиях и населении. Это было время, когда обширные территории Сибири и Дальнего Востока, откры-

¹³ В. К. Арсеньев. Сочинения. Т. 2. Владивосток, 1947, с. XV.

тые отважными русскими землепроходцами», «открывались» вторично, но уже учеными. Обследовав Север Сибири, в 1844 г. Миддендорф направил свой путь на Дальний Восток.

Замечательное путешествие, охватившее самые северные районы Евразии, огромные пространства Сибири до берегов Охотского моря и, наконец, Приамурье, продолжалось 841 день. Ученый привез из экспедиции огромные ценнейшие коллекции.

Тринадцать лет понадобилось Миддендорфу для обработки собранных материалов и еще почти двадцать — для их издания. Русская географическая литература обогатилась замечательным по стройности и обилию материала описанием до того времени почти не известной страны. «Путешествие на Север и Восток Сибири» написано на высоком научном уровне.

Арсеньева привлек последний том сочинений Миддендорфа «Коренные жители Сибири», по-видимому, во время работы над его этнографическими статьями. Он изучает его внимательно, с карандашом в руках, делая на полях свои замечания, соглашаясь и полемизируя с автором. Арсеньева интересует язык, орудия труда и одежда коренных жителей Сибири, особенно привлекают его страницы, описывающие быт, социальный строй и религиозные представления аборигенов, признаки разложения рода, влияние европейской культуры, произвол царских чиновников и священников, чинимый среди коренного населения Сибири. «То же самое и теперь», «Теперь еще хуже» — пометает он на страницах, повествующих о нравственном разложении священниками-миссионерами местного населения. «Как это верно!!!» — восклицает в ответ на рассуждения Миддендорфа о своеобразном «совершенстве» первобытных условий жизни, развитых тысячелетиями. А комментируя бюрократические дразги и порядки сбора податей, Арсеньев замечает: «Достоинно внимания. Черт знает что делалось. Это очень характерно. — И так все!»

Есть пометки Владимира Клавдиевича и на ряде других хранящихся в библиотеке книг.

Среди подаренных библиотеке — книга Н. В. Кириллова «Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову» (СПб., 1912). На ней надпись: «В библиотеку

Николаевскую при Географическом обществе в Хабаровске от автора 2 мая 1913 г.».

Николай Васильевич Кириллов — личность незаурядная и светлая. Почти сорок лет он посвятил Забайкалью и Дальнему Востоку. Около 130 книг, статей, заметок написал он об этих краях, но далеко не все его работы учтены¹⁴. Бескорыстный труженик, он иногда подписывался просто «К», «Н. К.», как видно не помышляя о литературной славе. Вместе с молодой женой приехал врач Кириллов в Забайкалье и сразу же отправился в самую глушь, в городок Баргузин. Кириллов был настоящим подвижником. Высокообразованный человек, знающий несколько языков, талантливый врач и исследователь, он всю жизнь посвящает самым глухим местам России. Думается, что можно только коротко перечислить то, что сделано Николаем Васильевичем за эти годы, и будет ясно, какой колоссальный труд вложил он в освоение Дальнего Востока и Забайкалья.

Пройдены с исследовательской целью неизученные места в Забайкалье, на Сахалине и Чукотке. Совершена поездка в Монголию, во время которой Кириллов делал прививки оспы местному населению. Он постоянно исследует местные лечебные ресурсы и публикует статьи о них. По его инициативе в Забайкалье открылось отделение Русского географического общества, членом и самым активным сотрудником которого он был. Кириллов ведет лечебную и разъяснительную работу по пропаганде санитарно-гигиенических знаний среди местного населения. Организует съезд врачей во Владивостоке, изучает очаги возникновения холеры и участвует в ее ликвидации на Дальнем Востоке в 1902 г. Активная деятельность Кириллова вызвала недовольство властей и за «политическую пропаганду» среди крестьян в 1908—1909 гг. он отбывал наказание в крепости. После выхода из заключения Кириллов — врач больницы для переселенцев в посту св. Ольги, на берегу Японского моря. Он ведет здесь метеорологические наблюдения, занимается археологическими раскопками, систематизирует свои материалы и наблюдения. В 1911 г. Кириллов получает коман-

¹⁴ См.: Е. Д. Петряев. Н. В. Кириллов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита, 1960.

дировку в Петербург. Здесь-то в отделении статистики Русского географического общества Кириллов и делает свой доклад «Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову», экземпляр которого позже дарит библиотеке. Остается добавить, что победу революции Н. В. Кириллов встречает восторженно. Помолодевшего, 60-летнего Кириллова видели везде, где было трудно. Он работает старшим врачом водных путей Амурского бассейна, возглавляет в Приамурье борьбу с сыпным тифом. Нелепый случай в 1921 г. в Благовещенске оборвал жизнь замечательного человека и ученого. В пургу, ночью его сбил автомобиль, чуть ли не единственный в те времена в городе. Когда его в тяжелом состоянии доставили в больницу, в кармане пальто обнаружили черный сухарь, дневной паек, который ему было некогда съесть. Вот какой человек торопливой рукой написал дарственные строчки на своей книге.

Давняя традиция дарить свои книги старейшему и крупнейшему на Дальнем Востоке книгохранилищу продолжается поныне. Книги и теперь дарят ученые, исследователи, писатели.

Читатели библиотеки имеют возможность познакомиться с отдельными интересными коллекциями. Так, кроме уже упоминавшейся библиотеки М. И. Венюкова, здесь хранится собрание книг старейшего дальневосточного писателя Всеволода Никаноровича Иванова, более 1200 книг. Это, главным образом, издания 50—60-х гг.; все помечены владельческой надписью или печаткой. Здесь много исторических сочинений, книг по искусству, литературоведению. По ним можно изучить творческие интересы писателя, темы, над которыми он работал, создавая то или иное произведение. Много в собрании книг, подаренных писателю-наставнику его молодыми собратьями по перу.

В один из своих приездов на Дальний Восток, в апреле 1974 г., оставила свой автограф на книге М. И. Губельмана «Лазо» (М., 1956) дочь Сергея Георгиевича Лазо Ада Сергеевна Лазо: «Коллективу сотрудников Хабаровской краевой научной библиотеки в память о встрече с товарищами».

Когда-нибудь с трепетом возьмут наши читатели в руки книгу «В космосе Николаев и Попович» (М., 1963),

на которой оставили свое посвящение побывавшие в Хабаровске в октябре 1965 г. А. Г. Николаев и В. В. Терешкова: «Читателям библиотеки с пожеланием самого доброго в жизни». Так протянулась через века ниточка от первых книг на Руси, напечатанных на примитивном станке, к сегодняшним, изданным миллионными тиражами.

Новосибирск

С. Маршак

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

(Из Роберта Бернса)

Пусть книжный червь — жилец резного шкафа
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!

А. Анушкин

КУТУЗОВ И КНИГИ

Судьба библиотеки полководца

Небольшая, в старинном кожаном переплете книжица под заглавием: «Политическое завещание г. Вольтера. Переведено с французского и издано Иваном Рахманиновым... В Санктпетербурге 1785 года»...

Сразу заметим — Вольтер «Политического завещания» не писал и не издавал. Это — пародия на французского мыслителя, сочиненная неким французским адвокатом Жаном Анри Маршаном. Однако Рахманинов, известный популяризатор Вольтера в России XVIII в., переводчик и издатель его сочинений, перевел и издал «Политическое завещание» как подлинное произведение Вольтера. Да и не только он. Даже в начале XX века Д. Д. Языков в своей книге «Вольтер в русской литературе» (М., 1902) считал «Политическое завещание» сочинением Вольтера.

Но вернемся к заинтересовавшей нас книжице.

Приобретенная в Ялте, она, судя по многочисленным пометам, переменила несколько владельцев. Один из автографов привлекает к себе внимание: «Его императорского величества всемилостивого государя моего главнокомандующий всеми армиями генерал-фельдмаршал и орденов (следует перечисление) кавалер князь Кутузов». И чуть ниже — «Книга князя Кутузова».

Основной текст надписи сделан писарским почерком конца XVIII — начала XIX в., а подписи, как первая, так и вторая, имеют сходство с подлинными автографами полководца.

Если все это стилизация, то кто ее сделал, указав, что экземпляр, который я держу в руках, принадлежал

в свое время М. И. Кутузову и находился в его личной библиотеке? А может быть, подписи подлинные?

Десятки «за» и «против» возбуждают неодолимое, знакомое каждому библиофилу желание попытаться узнать все возможное о предполагаемом владельце книжицы, о судьбе библиотеки прославленного полководца, о круге его чтения.

Перед нами строки из писем М. И. Кутузова к жене Е. И. Кутузовой:

«Дворец его, двор, наряд придворных, строение и убранство покоев мудрено, странно, церемонии иногда смешны, но все велико, огромно, пышно и почтенно. Это — трагедия Шакеспера (Шекспирова), поэма Мильтонова или «Одиссея» Гомерова».

(Константинополь, 5 ноября 1793 г.; Михаил Илларионович возглавлял русскую миссию и пишет о приеме у турецкого султана.)

«Благодарю за книги, как прочту, так пришлю. А ты прикажи сыскать еще романов, без их, ей богу, скучно».

(Выборг, 1798 г.)

«От скуки читаю, государь изволит мне давать книги из своей библиотеки, и об их по вечерам говорим».

(Гатчина, 1801 г.)

«Слышал я, что продается какая-то книга в Петербурге об водяных коммуникациях. Сделай милость, пришли, мне здесь очень нужно...»

(Имение Горошки на Волыни, 27 апреля 1803 г.)

А вот строки из «Войны и мира» Л. Н. Толстого:

«...через полчаса князя Андрея позвали опять к Кутузову. Кутузов лежал на кресле в том же расстегнутом сюртуке. Он держал в руке французскую книгу и при входе князя Андрея, заложив ее ножом, свернул. Это были «Les chevaliers du Cygne»¹ сочинение madame de Genlis, как увидел князь Андрей по обертке...»

И еще князь Андрей не успел выйти в дверь (после беседы с полководцем), как Кутузов успокоительно вздохнул и взялся опять за незаконченный роман мадам Жанлис...»².

¹ «Рыцари Лебеда».

² Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. 3. М., 1968, с. 179, 181.

Приведем также отрывок из «Описания Отечественной войны 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского, бывшего адъютанта М. И. Кутузова:

«Кутузов прочитал басню («Волк на псарне») после сражения под Красным собравшимся вокруг него офицерам и при словах — «а я, приятель, сед», снял свою белую фуражку и потряс наклоненною головою»³.

...Книга сопровождала М. И. Кутузова на протяжении всей жизни. Его отец, офицер инженерных войск, был одним из образованнейших людей своего времени. «Разумная книга» — так называли его сослуживцы за начитанность, любовь к наукам, большой ум. У Кутузовых уже тогда была обширная библиотека. Будущий полководец с детства пристрастился к чтению.

Получив основательное образование, Михаил Илларионович постоянно его пополнял и углублял. Он не только знал современную ему военную литературу, но и литературу историческую, философскую, художественную, интересовался исследованиями в области техники. Он владел латынью, французским, немецким и английским языками, а впоследствии изучил также шведский, турецкий и польский языки.

Военный теоретик и прирожденный полководец, М. И. Кутузов, будучи с 1774 до 1797 г. директором Сухопутного кадетского корпуса, преподавал кадетам тактику, военную историю и... словесность. Он заботился о библиотеке корпуса и ее комплектовании. Сохранилось его письмо от 12 октября 1794 г. в газетную экспедицию Петербургского почтамта с заказом на присылку в корпус газет. Известен и его приказ от 11 августа 1797 г. об ответственности за утерю книг с наставлением воспитанникам «наистрожайше» беречь книги.

Книги — неразлучные спутники полководца в мирные годы и в дни военных походов. Всюду, где ему приходилось жить более или менее длительное время, у него создавалась своя библиотека. При переездах часть местных библиотек перевозилась в новый пункт, а затем вливалась в основное петербургское собрание; много книг

³ А. И. Михайловский-Данилевский. Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1850, с. 243. Сам И. А. Крылов переписал басню и вручил Е. И. Кутузовой, а она переслала мужу в армию.

*М. И. Кутузов. Портрет неизвестного художника
второй половины 70-х гг. XVIII в.*

полководец дарил библиотекам учебных заведений, как, например, Волынской гимназии в Кременце.

Что же в своей основе представляла библиотека великого полководца и какова ее судьба?

После смерти М. И. Кутузова его книжное собрание перешло по наследству к Опочининым, родственникам по женской линии (дочь полководца Дарья была замужем

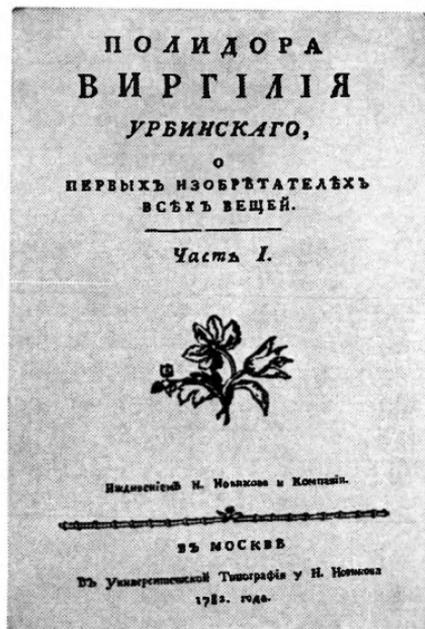
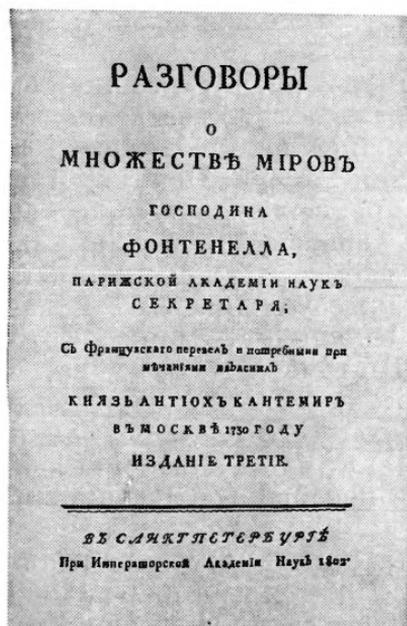
за Ф. П. Опочининым), и оказалось затем у правнука М. И. Кутузова — Ф. К. Опочинина, землевладельца Ярославской губернии. Впоследствии две с половиной тысячи книг Опочининской библиотеки перешли в Мышкинскую публичную библиотеку (г. Мышкин, Ярославской губ.), переименованную в 1901 г. в Опочининскую публичную библиотеку. В 1903 г. вышел в свет печатный «Каталог книгам Опочининской публичной библиотеки при Мышкинском земстве». В предисловии к каталогу есть такие строки библиотекаря К. Грязнова:

«Я снова был допущен к заведыванию библиотекой, снова разобрал опочининские книги, нашел в числе их много автографов и книг редких, между другими — книги библиотеки князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленского...» О чем свидетельствует каталог, какие книги могли быть в личной библиотеке М. И. Кутузова?

Несмотря на упоминание автора предисловия о том, что он нашел между другими и книги из личной библиотеки полководца, пометок в каталоге, какие именно это книги, — нет. Попытаемся назвать их по некоторым признакам — издания XVIII в., XIX в. до 1812 г. включительно, книги, входившие в круг интересов и занятий полководца, книги, упоминаемые им в переписке.

На книжной полке библиотеки М. И. Кутузова стояли издания петровской поры, в том числе, упомянутые в опочининском каталоге, — «Арифметика» Магницкого, напечатанная еще кириллицей в 1703 г., и «Введение в историю Европейскую» Пуффендорфа, 1723 г., а также «Универсальная арифметика» Курганова, 1757 г., «Три книги о должностях» Цицерона, 1761 г. Был большой раздел сочинений исторического характера: «Древняя Российская история» Ломоносова, 1766 г., «Примечание на „Историю древней и нынешней России“» Леклерка, Болтина, 1788 г., «История о разорении Трои», 1791 г., «Житие славных генералов» Корнелия Непота, 1748 г., многотомная новиковская «Древняя Российская вивлиофика», «О первых изобретателях всех вещей» Полидора Виргилия Урбинского, 1782 г., «Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова Рым-ныкского», 1799—1800 гг., и другие.

В разделе сочинений по географии мы находим: «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, 1755 г., «Под-

*Титульные листы книг,
которые были в библиотеке М. И. Кутузова*

робное и достоверное описание жизни и всех путешествий... капитана Кука», 1790 г., «Пространное землеописание Россійскаго государства», 1787 г., «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», 1782 г., «Таврикия, или Известія древнейшіе и новейшіе о состояніи Крыма и его жителях до наших времен» А. Нарушевича, 1788 г., и целый ряд других не менее любопытных изданій.

В период опалы Кутузов занимается сельским хозяйством в имении Горошки на Волыни, приобретает и читает специальную литературу. Отсюда упомянутые в опочининском каталоге — «Экономическій календарь, или Наставленіе городским и деревенским жителям в разных частях экономіи», 1786 г., и «Подробный словарь увеселительнаго, ботаническаго и хозяйственнаго садоводства», 1792 г. Кроме того, нужно назвать и не упомянутое в каталоге сочиненіе, о котором Михаил Илларионович писал своей жене в апреле 1803 г. Таким сочиненіем могло

быть «Руководство к знанию и употреблению рек», напечатанное в Петербурге в 1802 г.

Несомненно, одним из обширных разделов личной библиотеки М. И. Кутузова был раздел художественной литературы и филологии. На книжной полке Михаила Илларионовича стояли произведения Гомера, Овидия, Шекспира, Мильтона, гениальное творение древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве», впервые напечатанное в 1800 г., и др. Многие из них не упомянуты в опочининском каталоге, но некоторые значатся: сочинения Ломоносова, Тредьяковского, Сумарокова, Княжнина, Эмина, Котляревского, Карамзина, басни Дмитриева и Крылова, новиковские издания, в частности, «Опыт исторического словаря о Российских писателях», 1772 г., «Письмовник» Курганова, 1777 г., «Пересмешник, или Славенские сказки» Чулкова, 1789 г., «Русские пословицы» Богдановича, 1755 г.

В каталоге учтены издания книг иностранных авторов, среди них поэма Мильтона «Потерянный рай», 1795 г., «Дон Кишот ла Манчский» Сервантеса, 1804 г., сочинения Рэдклиф, Мармонтеля, Жанлис, роман которой, как повествует Л. Н. Толстой, Кутузов читал, находясь в Цареве Займище.

И, наконец, то, с чего мы начали свои поиски, — сочинения Вольтера. Они стояли на книжной полке М. И. Кутузова, и полководец читал их. В опочининском каталоге учтены только три книги: «Кандид, или Оптимизм», 1799 г., «Литеральное исповедание г. Вольтера», 1803 г., и «История царствования Людовика XIV и Людовика XV», 1809 г. Другие произведения французского мыслителя, в том числе рахманиновские издания XVIII в., несомненно, имелись у Кутузова, но не дошли до его наследников. В каталоге зарегистрирован ряд произведений Руссо, изданных в 1804—1807 гг.

К сожалению, в дальнейшем книги личной библиотеки М. И. Кутузова, находившиеся в Опочининской библиотеке, рассеялись по различным книгохранилищам и затерялись в них. В 1924—1927 гг. весь фонд редких книг был вывезен из Мышкина в Рыбинск, а уже в 60-е годы часть книг из Рыбинска поступила в Ярославскую областную библиотеку. Один из сотрудников Мышкинского народного музея, побывавший недавно в Рыбинске,

нашел там из Опочининского, а значит и Кутузовского собрания только «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, 1755 г. В Ярославской областной библиотеке сохранилось лишь несколько изданий XVIII в., учтенных в опочининском каталоге. Не дали пока положительных результатов и поиски книг из личной библиотеки полководца в московских и ленинградских книгохранилищах.

Казалось, круг поисков замкнулся. И все-таки хочется верить, что не могла же бесследно исчезнуть личная библиотека полководца. Где-то в фондах государственных и общественных библиотек, а также в личных собраниях библиофилов хранятся, пока в неизвестности, задушевные друзья М. И. Кутузова, книги, которые он держал в своих руках и читал. Возможно, на некоторых из них стоит такая же надпись, как на обнаруженном в Ялте экземпляре «Политического завещания г. Волтера», 1785 г., или совсем иная помета, бесспорно свидетельствующая о принадлежности книги к личной библиотеке М. И. Кутузова. Ведь вот попались же однажды в руки писателя В. Г. Лидина уже обреченные было на списание «Луция Аннея Флора четыре книги римской истории...» 1792 г. издания, на титуле которых стояла надпись «Библ. А. В. Суворова», а в тексте мельчайшим почерком Суворова сделан ряд помет. Спасенная от уничтожения, книга стала подлинной жемчужиной уникального собрания писателя-книголюбца⁴.

Словом, поиски надо продолжать с тем, чтобы восстановить или, по крайней мере, реконструировать по сохранившимся книгам, по документам и литературным источникам личную библиотеку М. И. Кутузова. Думается, если поиском этих книг займутся не только работники библиотек, музеев и архивов, но также энтузиасты-книголюбцы,— поставленная цель будет достигнута.

⁴ См.: Вл. Лидин. Друзья мои — книги. М., 1966, с. 215, 216.

П. Ротач

«БИБЛИОТЕКУ МОЮ ЗАВЕЩАЮ...»

Дар Н. И. Гнедича Полтаве

Вы и богатством моим
и великою славою были...

Стефан Яворский

Полтавская книжная старина хранит немало тайн, еще не раскрытых. Пыль времени плотным слоем легла на многие библиофильские загадки. Стоит дальнейших разысканий, например, книжное собрание опального издателя XVIII века П. И. Богдановича, высланного в Полтаву и умершего здесь в неизвестности. А бесследно исчезнувшие книжные сокровища И. П. Котляревского, В. В. Капниста, Д. П. Трощинского! Навсегда ли потерян их след?

Литературные источники и рукописные пометы на старых книгах, сохранившихся в областной библиотеке им. Котляревского, свидетельствуют о том, что в Полтаве издавна было немало книжников, собирателей ценных коллекций. Их число возросло в эпоху общественного подъема после Отечественной войны 1812 г., когда в провинции повысился живой интерес к передовой русской литературе.

«Сочинения <...> ходили по рукам как драгоценность, сначала рукописные...» — пишет в «Автобиографической записке» чиновник канцелярии Полтавского генерал-губернатора И. И. Сердюков. По его словам, «отличную библиотеку» имела Т. Д. Лесевицкая. «В то время новости поэзии занимали всех», — утверждает мемуарист и отмечает в списке читаемых авторов Пушкина, Рылеева, Баратынского, Грибоедова¹.

Однако Полтава в то время не имела еще общественной библиотеки. Созданная в середине тридцатых годов прошлого века, она просуществовала недолго.

¹ См.: «Киевская старина», 1896, т. IV, с. 187.

Неплохое книжное собрание имела Полтавская губернская гимназия². Правда, из-за скудости средств пополнялась она крайне медленно, хотя и получала периодические издания — «Вестник Европы», «Отечественные записки», даже «Литературную газету»³. Некоторая доля книг поступала в виде частных приношений.

В начале 30-х годов библиотека Полтавской гимназии пополнилась коллекцией книг известного поэта-переводчика Н. И. Гнедича, который, умирая, завещал ее этому учебному заведению. Книжный фонд гимназии от этого возрос почти вдвое. Ценный дар Гнедича стал источником знаний для нескольких поколений воспитанников гимназии. Книгами пользовались преподаватели классических языков, отечественной и зарубежной словесности. История библиотеки Н. И. Гнедича представляет несомненный интерес.

С чем же было связано желание Гнедича передать свои любимые книги Полтаве? Ответить нетрудно: с тем чувством, которое поэт питал к Украине, своему родному краю. С Полтавой связано начало его жизни и учебы. Здесь почерпнул он те впечатления, которые затем оказали влияние на его творчество. В поэзии Гнедича легко обнаружить его любовь к родному народу, его истории, языку, знанию народного творчества. Одним из первых в отечественной литературе Гнедич создал образ певца-бандуриста в балладе «Рыбаки» (1821), создал таким, каким видел его в детстве. В Полтаву влекла его память о матери, похороненной на местном кладбище. Глубоким чувством проникнута его поэтическая «беседа» с материнской тенью — лучшее лирическое стихотворение Гнедича «На гробе матери» (1805). Известна также его дружеская связь и переписка с поэтом В. В. Капнистом и классиком новой украинской литературы И. П. Котляревским. Автор «Энеиды», по-видимому, встречался с Гнедичем, живя в 1808—1810 гг. в Петербурге. Оба они учились в одной и той же Полтавской семинарии и вынесли оттуда любовь к античной литературе. Вот где причина решения Гнедича подарить свою библиотеку Полтавской гимназии.

² См.: «Полтавские губерн. ведомости», 1849, № 26.

³ См.: Полтавская гимназия 1808—1831 гг. (Очерки по архивным данным). Составил В. Л. Василевский. Полтава, 1907, с. 86.

Друг поэта и его биограф М. Е. Лобанов справедливо назвал библиотеку Гнедича «драгоценнейшим стяжанием и наслаждением целой жизни его». Здесь нет преувеличения. Книга в жизни Гнедича, посвятившего всего себя титанической работе над изучением, а затем и переводом «Илиады» Гомера, занимала исключительное место. Она была ему другом, собеседницей, утешением в дни болезней и одиночества.

С любовным отношением к книге связывалось и его увлечение «искусством чтения», в котором, по словам его друзей, Гнедич «постигнул... глубочайшие тайны». «Слушая «Илиаду», им читанную, — пишет биограф, — мы слушали какую-то величественную, усладительную гармонию, мы переносились мысленно в тот древний быт Греции, когда песни Гомера раздавались на площадях городов, на полях и холмах древних ее обитателей»⁴. А в одном из писем к другу-декабристу А. П. Юшневскому Гнедич признавался: «Буду почитать лучшим в жизни моей время, в которое плавал я по этому океану ума и жизни творческой». Этот океан — книги, конечно, и прежде всего те, что помогали ему в работе над переводом «Илиады».

По уцелевшим книгам из библиотеки Гнедича можно судить, как внимательно он их читал, оставляя при этом различного рода пометы — критические замечания, подчеркивания, уточнения. О некоторых из них мы скажем ниже.

Итак, Полтаве Гнедич завещал ценнейшее свое достояние. Это говорит о многом. Но думал ли он, что его библиотека сохранится в неприкосновенности? Нет, не для этого дарил он гимназии свои книги. Гнедич хорошо понимал несовершенство современного ему образования и стремился к его улучшению (вспомним его «Рассуждение о причинах, замедляющих успехи просвещения в России», произнесенное в Публичной библиотеке в 1814 г.). Ясно, что свою библиотеку Гнедич предназначал делу просвещения.

М. Е. Лобанов подробно рассказывает историю завещания, сделанного Гнедичем 2 февраля 1833 г. Ему, как

⁴ Жизнь и сочинения Николая Ивановича Гнедича. — «Труды Император. Российской Академии». Ч. V. СПб., 1842, с. 46.

человеку сведущему в библиотечном деле, умирающий поэт поручил привести в порядок его книги и бумаги.

Раздумывая над поступком своего друга, Лобанов писал так:

«Этот благородный человек, пламенный ревнитель всего доброго, изящного и полезного, честно прошедши свое поприще, оставил Отечеству:

— Превосходный перевод величайшего певца древности и собственные свои произведения, достойные перейти к потомству;

— Полтаве, родной стране своей, как благодарный сын, за первое образование юных способностей — свою библиотеку...»⁵.

Что ж, для Полтавы это должно быть лестно! Лобанов, который общался с Гнедичем, знал, конечно, глубже сущность слов «за первое образование юных способностей». Намек этот прямо относится к Полтавской семинарии, уровень образования в которой исследователи ставили очень высоко. В этом учебном заведении учились И. Котляревский и писатель И. Мартынов. Несомненно, здесь были заложены основы интереса, а затем и глубокой, преданной любви Гнедича к античной литературе.

В духовной поэта было сказано: «Библиотеку мою завещаю в пользу Полтавской губернской гимназии». И так как выполнить этот пункт поручалось Лобанову, последний немедля взялся за дело. Согласно воле покойного, Лобанов передал часть бумаг в Публичную библиотеку (в частности, рукописный экземпляр «Илиады» с поправками Гнедича и басни Крылова, правленные автором). В Академию наук был возвращен рукописный словарь украинского языка, несколько псалмов и песен, записанных на Украине, — все это Гнедич получил от Академии еще в 1818 г. для «рассмотрения и пополнения оных».

Был выполнен и другой пункт завещания: Лобанов разобрал библиотеку Гнедича, составил каталог отправляемых на родину книг и, как он пишет, «с крайним изнурением сил, ибо не имел в сем деле помощника», уложил всю библиотеку в четыре больших ящика, приготовил к каждому опись и отправил «при письме к г. попечителю Харьковского учебного корпуса» по назначению.

⁵ Там же, с. 51.

Некоторые сочинения, как отмечалось при этом, были «разрознены и разбиты».

История перевозки библиотеки сначала в Харьков, а затем в Полтаву нам неизвестна. Однако имея в виду ту поспешность, с которой выполнял дело Лобанов, мы не сомневаемся, что книги были перевезены по хорошей дороге летом 1833 г.

Какова дальнейшая судьба библиотеки? Первое упоминание о ней поместил в своих «Записках о Полтавской губернии» Н. Арандаренко. Он почти дословно заимствует у Лобанова уже знакомую фразу о том, что Гнедич «на память родине своей, в благодарность за первое образование способностей своих... оставил в дар Полтавской гимназии свою библиотеку из 1251 тома на разных языках»⁶.

Почти в то же самое время упоминание о библиотеке Гнедича помещают «Полтавские губернские ведомости»⁷. Текст Лобанова о благодарности Гнедича «за первое образование способностей своих» находим и в «Памятной книжке Полтавской губернии за 1865 год» П. Бодянского⁸, а затем эти слова без изменения повторяет и другой полтавский историк и краевед В. Е. Бучневич в «Записках о Полтаве и ее памятниках» (1882). П. Бодянский назвал ту же цифру — 1251 том «на разных языках, преимущественно издания греческих классиков». Подсчет Бучневича иной.

Надо сказать здесь, что Бучневич сделал больше, чем его предшественники: он кратко описал библиотеку Гнедича, впервые сославшись на предисловие утерянного ныне лобановского каталога.

По утверждению Бучневича (заметим, учившегося в Полтавской гимназии и, несомненно, пользовавшегося книгами гнедичевского фонда), библиотека Н. И. Гнедича была разделена на два отдела — русский и иностранный. Первый отдел был озаглавлен: «Русский язык», второй назывался: «Lingua graeca, latina, italia». В русском от-

⁶ Записки о Полтавской губернии Николая Арандаренко, составл. в 1846 году в трех частях. Ч. III, Полтава, 1852, с. 71, 72.

⁷ «Полтавские губернские ведомости». Неофиц. часть. 1849, № 26, с. 278.

⁸ «Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год». Полтава, с. 436, 437.

деле, по утверждению Бучневича, насчитывалось 710 томов 421 названия; во втором отделе — 559 томов 552 названий. Все эти книги, читаем далее, «преимущественно половины XVIII и первой четверти XIX столетия».

По данным Бучневича, библиотека Гнедича насчитывала 1269 книг, а наименований было 973. Что же произошло? За счет чего увеличился прежний фонд? Возможно, к нему прибавились старые издания гимназической библиотеки. Или — что вполне вероятно — Гнедич еще раньше посылал гимназии некоторые свои книги и Бучневич присовокупил их теперь к книгам, учтенным Лобановым.

Цифру Лобанова подтверждает и учитель русского языка Полтавской гимназии Н. П. Изволенский в своей брошюре «Гнедич как оратор-филолог и патриот» (Полтава, 1883), приуроченной к столетию со дня рождения поэта. Во вводной части «Речи» Изволенского воздается должное Н. И. Гнедичу как человеку, «учившемуся в 1793 году в Полтавской семинарии до самого закрытия ее, а впоследствии облагодетельствовавшему... Полтавскую гимназию своим духовным завещанием, которым он в библиотеку гимназии отписал 1250 томов разных сочинений, в настоящее время в большинстве составляющих библиографическую редкость». И это писалось почти столет назад. Что же говорить о библиографической редкости, а стало быть, и научной ценности книг Гнедича сегодня!

Большой интерес для исследователя представляет выписка В. Е. Бучневича из рукописного каталога. 16 мая 1833 г. Лобанов писал: «В сей библиотеке статского советника Николая Ивановича Гнедича, заключающей в себе семьдесят семь страниц, находится книг на разных языках шестьсот семьдесят восемь званий, а томов, считая и брошюрки, до тысячи двухсот пятидесяти»⁹.

Несоответствие данных Лобанова и Бучневича объяснить нелегко. Конечно, фонд библиотеки с течением времени претерпевал изменения. Одни книги терялись и на их место вставляли другие, очевидно, тоже старые, но не гнедичевские. Но как могло увеличиться количество на-

⁹ В. Е. Бучневич. Записки о Полтаве и ее памятниках. Вып. 2, Полтава, 1902, с. 439.

именований, если библиотека оставалась в основном неизменной? Скорее всего, Бучневич допустил ошибку.

Данные Бучневича повторил историк И. Ф. Павловский¹⁰. Упоминание о библиотеке встречается также в «Отчете Полтавской общественной библиотеки за 1895 год». Здесь сказано, между прочим, что «при местной классической гимназии имеется еще особое отделение библиотеки, посвященное памяти уроженца г. Полтавы Н. И. Гнедича»¹¹. Этим подтверждается тот факт, что в конце XIX столетия, как и 60 лет назад, фонд Гнедича не был смешан с гимназической библиотекой, а находился отдельно.

Долгие годы гимназия бережно хранила книжные сокровища Гнедича. Конечно, ими пользовались и преподаватели, и гимназисты. Среди учителей немало было людей талантливых, с университетским образованием — это поэт и филолог Л. Боровиковский, фольклорист Н. Цертелев, историк П. Бодянский, первый биограф И. Котляревского С. Стеблин-Каминский и др. Они использовали гнедичевский фонд — русские и иностранные книги — для учебных целей. На многих книгах они оставили еще и свои «рабочие» пометы.

Учившийся в Полтавской гимназии в 1854—1859 гг. известный историк М. П. Драгоманов в своих интересных и ценных воспоминаниях о гимназических учителях К. И. Полевиче и А. И. Стронине подробно рассказывает о своих читательских интересах, в том числе и к античным авторам. По его словам, латинист Казимир Полевич, талантливый, увлекающийся педагог, учил своих воспитанников латинскому по Горацию, Тациту, а потом предложил учиться греческому и, «повторив с нами элементы грамматики, посадил нас за Гомера, а затем за Софокла»¹². Почти с уверенностью можно сказать, что эти редкие книги брались учителем из библиотеки Н. И. Гнедича.

И хотя в гимназии ревностно оберегали замечательный дар своего выдающегося земляка, с сожалением приходится отметить, что никто из полтавцев на протяжении

¹⁰ И. Ф. Павловский. Полтава. Ист. очерк (1802—1856). Полтава, 1910, с. 258.

¹¹ Отчет Полтавской обществ. библиотеки за 1895 год. Полтава, 1896, с. 4.

¹² См.: Два учителя. Спомини М. Драгоманова.— «Народ», 1894, №№ 13, 14, 15.

стольких десятилетий не составил описания библиотеки с точки зрения ее научной ценности, никто не заинтересовался дарственными надписями на книгах друзей Гнедича, которые, несомненно, были в этой ценной коллекции. Можно с уверенностью сказать, что среди гнедичевских книг была также «Энеида» И. П. Котляревского, о переиздании которой упоминается в их переписке.

После революции все фонды городских библиотек были пересмотрены. Книги Гнедича попали в новообразованную Центральную научную библиотеку, о чем свидетельствуют печати на уцелевших экземплярах.

Надо сказать, что книжный фонд Полтавской ЦНБ в довоенное время был весьма обширный и богатый. Сюда вошли книжные коллекции научных обществ (например, Полтавской ученой архивной комиссии), земских учреждений, частных библиотек (собрания В. Василенко, В. Станиславского и др.). Сюда же попали особо ценные экземпляры из бывшей городской общественной библиотеки — книги с дарственными надписями В. Короленко, И. Бунина, Д. Ахшарумова, В. Модзалевского и др. (о них упоминается в отчетах библиотеки). В составе ЦНБ фонд Гнедича, по-видимому, не выделялся отдельно.

Большой урон понесли полтавские библиотеки в годы войны. Есть сведения, что значительная часть книг была кем-то спрятана в подвале одной из школ и, таким образом, уцелела.

После освобождения Полтавы от фашистских захватчиков сохранившиеся книжные фонды свезли в одно место, и на их базе была укомплектована областная библиотека им. Котляревского. Сюда попали и уцелевшие книги Гнедича.

Мы знаем уже, что в гнедичевской библиотеке было немало книг на иностранных языках, составлявших особый отдел. Какова их судьба? Нам известно, что некоторую их часть удалось сберечь. В 1945—1946 гг. для определения названий этих книг библиотека им. Котляревского обратилась к преподавателю Полтавского пединститута, филологу Е. М. Кудрицкому. По его словам, в то время для работников библиотеки не возникало сомнений относительно принадлежности той или иной книги к гнедичевскому фонду (речь идет, конечно, о книгах иностранного отдела; русских книг из библиотеки Гнедича

Е. Кудрицкий не видел). Отсюда вывод: на книгах были какие-то определенные знаки.

К сожалению, эти сведения не могут подтвердить сегодняшние сотрудники областной библиотеки. Да и не удивительно: ведь гнедичевский фонд как таковой давно уже не существует!

Однако вернемся к свидетельству Е. Кудрицкого. По его мнению, особую ценность коллекции, которую он видел, составлял справочный аппарат, собранный переводчиком «Илиады» и использованный им в процессе работы над поэмой: различные словари, критические труды, относящиеся к теме Гомера, издания «Илиады» и другая литература. Где же сейчас все эти книги? На этот вопрос нет пока ясного ответа. Однако кое-что можно объяснить и сейчас.

Дело в том, что в Полтаве, изрядно разрушенной в годы войны, не нашлось для библиотеки подходящего здания, и для сохранения своих фондов она вынуждена была арендовать помещения, зачастую для этого непригодные. Случалось, что уникальные издания сваливались в обыкновенный сарай или в сырое полуподвальное помещение, где они быстро портились и пропадали. Неудивительно, что много ценных книг было утрачено.

Эти обстоятельства были причиной и того, что значительная часть книжного фонда (в том числе и книги иностранного отдела) была передана в киевские библиотеки. Как утверждают, из Полтавы вывезено около ста тысяч книг. До сих пор около десяти тысяч старых изданий находятся в подвальном помещении областного краеведческого музея. Именно здесь и удалось нам разыскать остатки библиотеки Н. И. Гнедича.

Коллекция старых книг Полтавской областной библиотеки, несмотря на их значительный урон, и ныне еще представляет несомненную ценность. Здесь встречаются книги XVII—XVIII вв., прижизненные издания Гоголя, Крылова, Пушкина, М. Максимовича и других писателей, критиков, ученых. С пометой «Из библиотеки Полтавской гимназии» хранятся здесь произведения Карамзина, издание 1803 г.; «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку Н. О.» (т. е. Осиповым) и другие книги. Я был приятно удивлен, увидев на двух книжках под названием «Семейство Холмских» (1832) подпись карандашом их

прежнего владельца Бегичева (к сожалению, подпись без инициалов). А может быть, это только обозначение автора? Позже, как свидетельствует наклейка, книги принадлежали Полтавскому кадетскому корпусу.

Да, истинное удовольствие прикасаться к этим книгам, побывавшим в руках людей нескольких поколений, рассматривать печати, экслибрисы, размышлять над пометами. Я искал Гнедича и был уверен, что он найдется.

Было ясно, что поиск надо вести в границах последней четверти XVIII в. и до 1833 г. — даты смерти Н. И. Гнедича. Книг этого периода встречалось много. Вот, например, «Россияда» Хераскова, изданная Н. Новиковым в 1786 г. в Москве. Могла ли она быть в книжном собрании Гнедича? Да, конечно, наверняка была. Однако на этом экземпляре нет никаких «гнедичевских» помет. Присматриваюсь к печатям. Самая ранняя — печать Полтавского губернского земства. Но это вторая половина XIX века. И. А. Бунин, работавший в 90-е годы библиотекарем в этом учреждении, мог держать ее в своих руках. После революции «Россияда» попала в ЦНБ — об этом нам говорит другая печать. И только после войны книга оказалась в читальном зале библиотеки им. Котляревского. Могла ли она в свое время «выйти» из гимназии и «приписаться» к земской библиотеке? Нет, этот экземпляр не имеет отношения к фонду Гнедича. Так было изучено немало книг. И Гнедич нашелся!

Меня, конечно, прежде всего интересовала «Илиада» — главный труд Гнедича. Из рассказа М. Лобанова известно, что переводчик до самой смерти хранил у себя тот рукописный экземпляр «Илиады», с которого отпечатано было в 1829 г. первое ее издание. Вместе с другим, печатным экземпляром «Илиады», испещренным «последними поправками карандашом и вариантами Н. И. Гнедича», Лобанов передал рукопись в Петербургскую публичную библиотеку. Однако и на родину поэта попали некоторые ценные материалы, связанные с переводом «Илиады». Об этом свидетельствуют такие факты.

В 1907 г. известный библиограф В. В. Каллаш обратился к В. Г. Короленко с просьбой сообщить более подробные сведения о полтавской рукописи драмы Крылова «Юфейница». Вот что мы читаем в ответе: «В Полтавскую гимназическую библиотеку Н. И. Гнедичем было пожерт-

вовано около 1000 книг, и до сих пор еще в ней есть отдел Н. И. Гнедича. В числе пожертвованных изданий была, между прочим, «Илиада» на греческом языке, экземпляр, с которого Гнедич делал свой перевод, с его собственноручными заметками на полях, и рукопись драмы «Кофейница». «Илиада» исчезла бесследно...»¹³.

Здесь много любопытного. «Около тысячи книг...» Неужели к началу века так уменьшилось количество гнедичевских книг? А относительно исчезновения «Илиады» можно высказать сомнение. Думается, что потом эта книга нашлась. Дело в том, что Е. М. Кудрицкий в 1946—1947 гг. видел подобный экземпляр «Илиады», «настоящий уникам», по его словам, являющий собой оригинал поэмы, переплетенный вместе с чистыми листами — страница к странице с оригиналом. На чистом поле, как утверждает Кудрицкий, оставалось множество заметок Гнедича, выписок на разных языках. Этот том, по словам очевидца, «вводил читателя и исследователя в творческую лабораторию Гнедича»¹⁴. Точнее, мог бы ввести. Потому что при осмотре старых книг мной этот уникам обнаружен не был. Исчез? Однако думать, что книга потеряна безвозвратно, не хочется. Хотя возможно и это. Ведь книга находилась в том отделе, который почти не имел читательского спроса, а значит был и наиболее бесконтролен.

Один из экземпляров первого издания «Илиады» все же нашелся. Без помет Гнедича, но из его собрания, как об этом говорит нам соответствующая надпись, сделанная в давние времена, а «№ 72», возможно, лобановской руки (если не самого Гнедича).

«Она <«Илиада»> была собеседницею, услаждением всей его жизни. Ни болезни, ни страдания не охладили в нем этой любви: Гомер был постоянным предметом пламенных бесед его», — писал М. Лобанов¹⁵. Поэтому экземпляр «Илиады», бывший в руках Гнедича, так дорог и так волнует нас!

Особенно ценной книгой гнедичевской библиотеки является «Одиссея, героическое творение Омира», ч. I (М.,

¹³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, р. II, к. 14, л. 283. За сообщение приношу благодарность А. В. Храбровицкому и А. В. Ратнеру.

¹⁴ Письмо Е. М. Кудрицкого от 10.I.1974. Собрание автора.

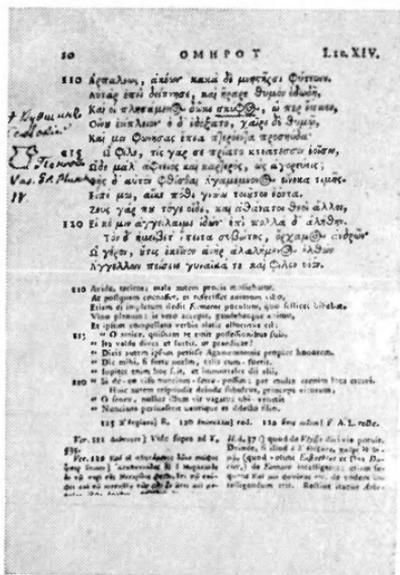
¹⁵ Жизнь и сочинения Николая Ивановича Гнедича. — «Труды Император. Российской Академии». Ч. V, СПб., 1842, с. 27.

1788), на которой оставлена поэтом собственноручная роспись. Гнедич приобрел ее еще в студенческие годы, а может быть вывез из Полтавы (на книге есть подпись прежней владелицы — Татьяны Дементьевой).

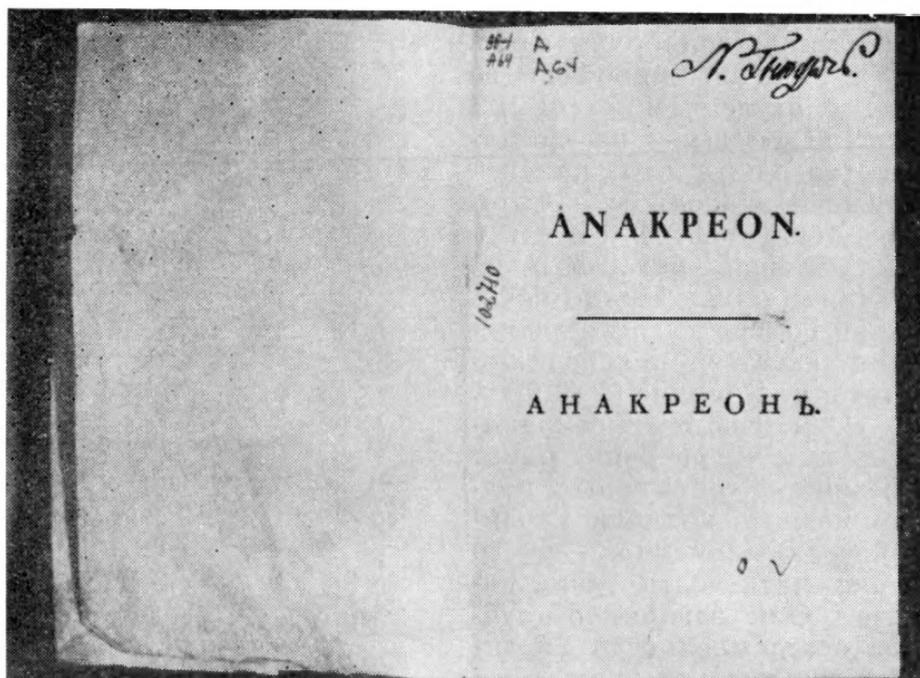
Большой интерес представляет также IV том сочинений Гомера на греко-латинском языке с пояснениями Самуэля Кларка (Лейпциг, 1771). В этой книге сохранилось много рабочих помет Гнедича — чернильные подчеркивания, надписи карандашом, даже рисунок — всего около пятидесяти таких пометок. Они говорят о научной осведомленности Гнедича, о его титаническом труде исследователя и переводчика.

Четкий автограф Н. И. Гнедича сохранился и на книге «Анакреон» в переводе Львова (СПб., 1794). В этом сборнике содержится и тот оригинал, по которому Гнедич перевел «из Анакреона» стихотворение «Кузнецик» (1822). Гнедичевский «Кузнецик» имеет 19 строк против 16 в оригинале.

Известна дружба Гнедича с Крыловым. В библиотеке Николая Ивановича были не только сборники, подаренные баснописцем, но также и крыловские рукописи. Об одной из таких уникальных вещей — рукописи «Кофейница» — сообщалось в упоминаемом выше письме Короленко к В. В. Каллашу. Владимир Галактионович писал: «Что касается „Кофейницы“, то, по некоторым рассказам, она еще недавно значилась в каталоге, но несколько лет назад была взята учителем латинского языка Александром Павловичем Степановым, большим любителем такого рода рукописей. На требование о возврате г. Степанов, будто бы, ответил, что рукопись утеряна, и предлагал вернуть ее „стоимость“. Таково „предание“, которое я слы-

Страница из Сочинений Гомера с пометами С. Кларка (Лейпциг, 1771)

Титульный лист Сочинений Анакреона с автографом Н. И. Гнедича

шал, как таковое, от директора, г-на Зеленецкого, и учителя словесности, г-на Максимова. Говорили даже, будто в каталоге рукопись прямо записана за г. Степановым <зачеркнуто: „Сорокиным“>. Однако, по словам гимназического библиотекаря, это как будто не подтверждается. Он говорил г-ну Максимову, что записи такой нет и что рукопись „Кофейницы“ даже в старых каталогах уже не значится. Я лично, по разным соображениям, более склонен верить вышеприведенному „преданию“¹⁶.

Дальше В. Г. Короленко сообщает о том, что взявший рукопись «Кофейницы» Степанов выехал в Прилуки, а оттуда в Житомир. След был потерян.

Среди старых книг мы разыскали два тома басен Крылова из библиотеки Гнедича: наиболее полное для того времени издание «Басни И. А. Крылова в шести

¹⁶ ОР ГБЛ, ф. 135, р. II, к. 14, л. 283, 284.

частях» (СПб., 1819) и «Басни Ивана Крылова в семи книгах», кн. I (СПб., 1825). Этот последний экземпляр — большая редкость: он вышел в свет в год восстания декабристов, среди которых было немало друзей и Крылова и Гнедича. Ценен он, наконец, и тем, что является, несомненно, экземпляром, принадлежавшим Гнедичу, о чем здесь и помечено. Это «новое, исправленное и дополненное издание» иллюстрировано весьма редким портретом Ивана Андреевича Крылова. В тексте встречаются подчеркивания отдельных слов и целых строчек, обозначены ударения. Испещрены пометками басни «Кукушка и Горлинка», «Волк и Ягненок», «Разборчивая невеста» и другие. Книгой пользовались известные педагоги Полтавской гимназии прошлого века И. Бутков, Л. Боровиковский, С. Стеблин-Каминский.

А вот еще несколько реликвий из бывшей библиотеки Н. И. Гнедича: роман М. Загоскина «Юрий Милославский» (М., 1829), «Вечера на хуторе близ Диканьки, изданные пасичником Рудым Паньком», кн. 2 (СПб., 1832), «Еней, героическая поэма Публия Виргилия Марона» (1786), «Борис Годунов» А. Пушкина (СПб., 1831).

«Борис Годунов» — это первое издание трагедии, оно подробно описано Н. П. Смирновым-Сокольским в его труде «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина» (1962). Как известно, Николай I не разрешил сначала печатать трагедию, советовал переделать ее в роман в духе Вальтера Скотта. Лишь с помощью друзей (В. Жуковского и др.) трагедия в 1831 г. вышла в свет. Тираж ее, как отмечают, был «минимум 2000 экземпляров». Книга, что и говорить, редкая!

Полтавский экземпляр «Бориса Годунова» имеет обыкновенную картонную обложку (были и другие, редко встречающиеся печатные обложки). В тексте произведения Н. И. Гнедич оставил свои пометы — плюсы и минусы, вопросительные знаки, подчеркивания. Выделена, например, такая фраза трагедии:

Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом и любовью
И славою народ очаровать.

Вопросительные знаки окружают реплику в самом конце трагедии: «Народ безмолвствует».

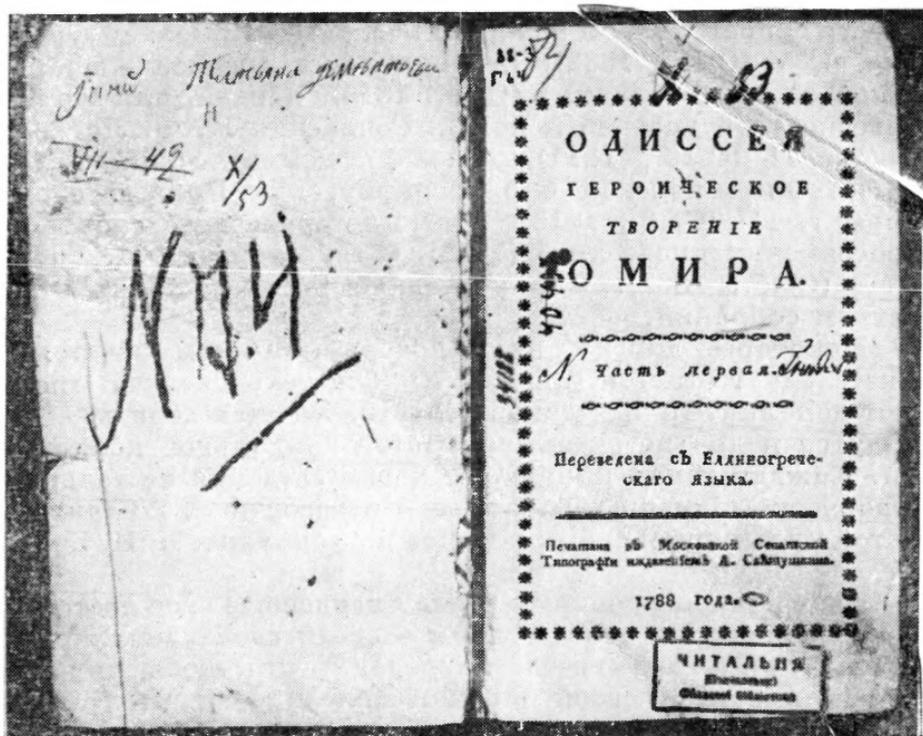
На книге Загоскина «Юрий Милославский» красивым почерком выведен номер «142». Возможно, что это тот самый экземпляр, о котором писал Загоскин М. Лобанову в письме от 9 января 1830 г.: «Я давно уже послал через Н. И. Греча тебе, Крылову и Гнедичу экземпляры „Юрия Милославского“».

Успех этого романа был всеобщим, а Пушкин назвал его «блестящим, вполне заслуженным». Подобного мнения о повести придерживался и Гнедич, замечаниями которого Загоскин особенно дорожил. Наряду с похвалами в адрес «Юрия Милославского» («похвалы твои бесценны» — писал Загоскин), Гнедич критически отнесся к некоторым деталям, касавшимся описания запорожского быта.

Н. И. Греч, доставивший из Москвы в Петербург роман Загоскина, был в то время известен и как филолог. На приподнесенной им Гнедичу книге «Корректорные листы русской грамматики» (1823) (эта книга ныне находится в частных руках) последний оставил в ней немало критических замечаний. А на титульном листе книги «Поездка в Германию», ч. I (СПб., 1831), автор которой не был обозначен, Гнедич после слов «роман в письмах» дописал собственноручно «Греча» (точно так же он «раскрыл» имя автора и на «Корректорных листах»).

А вот «Вечера на хуторе близ Диканьки» — небольшая книжечка в обыкновенном картонном переплете, с кожаным, довольно ветхим от времени корешком. С волнением беру ее в руки. Еще бы! Ведь это первое издание «Вечеров», первым читателем которого (как и владельцем) был все тот же Гнедич: об этом свидетельствуют оставленные им карандашные и чернильные пометы. Можно представить, с каким интересом и радостью читал Гнедич произведение своего земляка Гоголя, тогда еще начинающего писателя. Можно даже, если внимательно присмотреться к страницам книги, проследить это чтение на «одном дыхании». Только в самом начале книги Гнедич «задержался» около ряда «не каждому понятных» слов и сделал там свои замечания карандашом, уточнив значение отдельных из них. Эти замечания говорят о хорошем знании Гнедичем родного украинского языка, его лексических тонкостей.

Уточнения, в частности, коснулись слов «левада» (у Гоголя — это «усадыба», понятие довольно неопреде-

Титульный лист «Одиссеи» Гомера с автографом Н. И. Гнедича

ленное; у Гнедича — «луг с ровом», что, несомненно, точнее); «паляница», «плахта», «смалец» и др. В тексте «Вечеров» встречаются две критические надписи, касающиеся стилистики.

Кроме этих книг, принадлежность которых к библиотеке Гнедича определена окончательно, мы относим к гнедичевскому фонду еще и такие издания: «Опыты священной поэзии» (СПб., 1826), «Тассовы мечтания» (в переводе Н. Остолопова; СПб., 1819), «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности», изд. 2-е (СПб., 1832), «Сочинения Карамзина», тома 5, 6, 7 (М., 1803—1814), «Андромаха. Трагедия в 5 действиях в стихах. Соч. Расина. Перевод гр. Д. Хвостова», изд. 5-е (СПб., 1821), «Сочинения и переводы, издаваемые Императорской Российской Академией», ч. II (СПб., 1806), «Собрание русских стихотворений», изданное Василием Жуков-

ским», ч. III (М., 1811), «Рассказчик, или Избранные повести иностранных авторов, изданные Николаем Гречем», ч. V (СПб., 1832), «Ручная книга древней классической словесности», т. I (СПб., 1816), «Ликей, или Круг словесности и древней и новой. Сочинения Н. Ф. Лагарпа», ч. II (СПб., 1811), «Словарь коммерческий» (М., 1787), «Опыт русской библиографии, или Полный словарь», т. III (СПб., 1815), «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), «Стихотворения Н. Гнедича» (СПб., 1832). Две последние также находятся в частном собрании.

Некоторые другие книги, которые, как нам кажется, тоже следует отнести к бывшей библиотеке Гнедича, требуют дополнительных доказательств. Хочется верить, что найдутся и другие экземпляры этой уникальной коллекции. Каждая такая книга даст новые сведения не только о творческой жизни выдающегося переводчика, но также и о той культурной среде, которой был окружен Н. И. Гнедич.

Поэт подарил родному городу ценнейшее свое достояние в надежде на долгую память среди своих земляков. К книгам он питал чувство привязанности и любви, и эту любовь вместе с своей библиотекой завещал Полтаве. Не здесь ли таится объяснение легенды о сердце Гнедича, которое якобы захоронено в Полтаве, рядом с могилой его товарища по семинарии, поэта И. Котляревского? Помня обо всем этом, мы должны продолжить поиски библиотеки Н. И. Гнедича.

ПОРИЦКИЙ БИБЛИОФИЛ

Мир праху твоему, благородный Чацкий.
Ты любил мир и просвещение! Ты любил
человека...

Т. Г. Шевченко

В свое время имя забытого сейчас польского просветителя Тадеуша Чацкого (1765—1813) было популярно в России. Даже сегодня, когда оно известно лишь немногим специалистам, сохраняются еще вещественные доказательства былой славы. В окрестностях Житомира есть скала Голова Чацкого, а в ботанических атласах можно отыскать название безлистного растения из рода лилиевидных, которое с легкой руки украинского ученого А. Анджеевского получило необычно громкое название *Czackia liliastrum*.

I

Тадеуш-Игнатий-Цезарь-Августин-Иосиф-Иоан-Непомук-Онуфрий Чацкий (именно так звучит полное имя польского ученого) принадлежал к знатному и богатому роду, основатель которого Петр-Яков в конце XIII столетия был гнезненским архиепископом¹. На протяжении многих веков Чацкие играли заметную роль в политической жизни Речи Посполитой. И Тадеуш в восемнадцатилетнем возрасте одолевал первые ступеньки служебной карьеры.

Юноша Чацкий хорошо понимал, что политически расшатанная Польша нуждается не в кабинетных, а в общественных деятелях. Этим, в частности, объясняется тот факт, что его научные изыскания надолго принимают практическое направление. Отмечу сразу, что большая часть начинаний Чацкого, задуманных умно и смело,

¹ Житомирский облгосархив, ф. 146, оп. I, ед. хр. 6468, л. 249.

Портрет Г. Чацкого

впоследствии принесла довольно скромные результаты. Буржуазные польские историки объясняли это неблагоприятно сложившимися обстоятельствами, сам Чацкий в одном из писем «кивал» на коллег, у которых «богом является эгоизм, а невежество, зависть и препятствование лучшим намерениям — достоинством».

Неудовлетворенность государственной службой и положением страны в целом вскоре привели его в стан польских патриотов. В 1794 г. царский посланник в Польше барон Игельстром донес в Петербург о деятельном участии Чацкого в национально-освободительном движении под предводительством Тадеуша Костюшко. Ученого обвинили в «якобинстве», часть его имений была конфискована и роздана в качестве бенефиций помещикам, заслужившим доверие царского правительства.

На основании одного этого факта трудно, разумеется, судить о политических симпатиях польского просветителя. Но среди польских революционеров и участников восстания 1831 г. было немало его учеников и сподвижников.

Один из них, Густав Олизар, поэт и активный участник тайных обществ (в русской литературе он, между прочим, известен романтической любовью к Марии Николаевне Раевской и обменом поэтическими посланиями с Александром Сергеевичем Пушкиным) писал впоследствии о своем учителе: «...если нынешнее поколение наше, столь много претерпевшее ради дорогого отечества, не может забыть, сколь обязано оно Чацкому, укрепившему в сердцах неугасимое чувство долга, то что же должен чувствовать я. Ведь для меня Чацкий был вторым отцом, нежным заботливым опекуном юных моих лет. Смерть отца сделала меня сиротой, но еще больше осиротел я со смертью Чацкого»².

В историю науки Тадеуш Чацкий вошел как талантливый этнограф, историк, правовед, педагог-реформатор.

Его наследие, однако, включает в себе не только ученые труды. Куда больше Чацкий известен как организатор науки, один из учредителей варшавского «Общества друзей наук», «Торгового общества» и Волынского лицея

² «Русский вестник», 1893, т. 227, с. 11.

Здание Кременецкого лицея в конце XIX в.

в городе Кременце, на базе которого впоследствии был образован Киевский университет.

Последние десять лет своей жизни ученый занимал пост генерального визитатора (инспектора) учебных заведений Киевской, Подольской и Волынской губерний. Яснее всего о плодотворности его усилий на этом поприще говорят две цифры, которые я не могу не привести здесь. Когда в 1803 г. Чацкий принял должность визитатора, в трех названных выше губерниях было всего 5 учебных заведений, когда умер — 127³.

II

О библиофильских увлечениях польского просветителя писали мало, а если и упоминали, то как-то мельком. Между тем эта сторона его деятельности, тесно связанная с просветительской, — также по-своему интересна и поучительна.

³ «Русское слово», 1859, с. 26.

Книги, рукописи, древние манускрипты Чацкий собирал всю жизнь. Еще в детстве под влиянием своего первого учителя Фаустина Гродзицкого он проникся чувством глубокого уважения к историческому прошлому родины. В дальнейшем это чувство еще больше укрепилось в нем. Мемуаристы указывают, что в юности Чацкий слушал в Варшаве лекции по истории и статистике у таких крупных знатоков, как Адам Нарушевич и Ян Альбертранди, в то время он покупал множество книг и рукописей, которые отсылал в Порицк⁴, где составлялась его библиотека. Будучи уже в зрелом возрасте, ученый охотно посвящал свободное время польской этнографии, разъезжал по старинным замкам и кляшторам, разыскивал памятники седой старины, не жалел средств на приобретение произведений писателей древности.

Случалось, что, отойдя на время от общественной деятельности, пан Тадеуш месяцами занимался исключительно составлением своей библиотеки. Так было, например, в 1790 г. после того, как на выборах победила Тарговицкая конфедерация — антинародная группировка польских дворян. Чацкий вышел из состава финансовой комиссии Сейма и, женившись на Варваре Дембинской, искал, как сказано в одном из писем, «деревенского спокойствия и личного счастья семейной жизни». Двух искусных врачей — любовь и книгу — призвал ученый на помощь в минуту тяжелого душевного кризиса.

Тогда же, в начале 90-х годов, у него возникает замысел завершить «Историю польского народа» своего учителя А. Нарушевича. Это монументальное произведение, изданное в Варшаве в 1780—1786 гг., было доведено автором до Владислава Ягеллы (XIV в.), и Чацкий предполагал продолжить изложение, приблизив его к современным ему событиям. В письме к королю Станиславу-Августу Понятовскому он называет себя польским историкографом, совершает путешествие по Польше и посещает города Гнезно, Познань, Калиш, Куявы, где имелись ценные в историческом отношении библиотеки.

Получив дозволение пользоваться богатым книжным и рукописным собранием Понятовского, Чацкий заодно

⁴ Родовое имени Чацких. Ныне с. Павловка Иванического района Волынской области.

добивается у папского литовского нунция права читать запрещенные исторические труды, недоступные прежде исследователям, а в 1802 г. получает разрешение от прусского короля Фридриха-Вильгельма работать в тайном архиве крестоносцев в Кенигсберге. В результате появляется обширный двухтомный труд Чацкого «О польских и литовских правах, содержащихся в первом статуте для Литвы, изданном в 1529 году» (Варшава, 1800—1801) и крупное сочинение «Было ли римское право основой прав литовских и польских» (Вильно, 1809), прославившие имя автора в научных кругах.

Главного же своего замысла Т. Чацкий так и не осуществил. Я пишу об этом так подробно, потому что многолетняя подготовительная работа, которую проводил ученый, прежде чем реализовать давнее желание, самым благотворным образом сказалось на комплектовании его библиотеки: она пополнялась за счет книг и рукописей, которые Чацкий во множестве приобретал во время своих путешествий, и за счет копий, которые он снимал с уникальных документов в различных архивохранилищах Европы.

III

Сколько-нибудь полное описание библиотеки Чацкого до нас не дошло, как не дошел ни один из ее каталогов. По данным Алоизия Осинского, друга и первого биографа польского просветителя, которые в основном совпадают с другими более поздними источниками, она насчитывала 8508 старопечатных произведений (а с брошюрами свыше 20 000 единиц) и 1558 рукописных томов, содержащих 146 258 различных исторических документов⁵.

Это было типичное собрание крупного европейского библиофила XVIII века, которое в соответствии с разнообразными интересами его владельца делилось на семь разделов: философия, право, теология, медицина, математика, история, филология. Филологический раздел был самым крупным и состоял из 5260 томов. О его полноте и уникальности говорит, между прочим, следующий факт.

⁵ O życiu i pismach T. Czackiego przez ks. A. Osinińskiego. Krzemienec, 1816, s. 218.

В 1814 г. в Варшаве была издана история польской литературы профессора Феликса Бентковского, наиболее авторитетное для того времени справочное пособие. Однако в нем не указаны многие редкие издания, оказавшиеся в порицкой библиотеке.

Безусловно, наиболее ценной частью собрания Чацкого была коллекция рукописей. Третью их описал Л. Голембиовский в каталоге — вероятно, также рукописном, насчитывающем 1212 страниц малого формата. Среди рукописей были исторические акты, корреспонденция, записки разных лиц (копии и оригиналы), военные реляции, материалы по польской статистике и т. п. Достаточно полно были представлены разделы литературы, философии, истории, права, теологии, математики, медицины, алхимии, сельского хозяйства. Имелись кроме того 22 тома рукописей на восточных языках (китайском, турецком и арабском) и черновые автографы произведений и речей самого Чацкого. Хронологически эта огромная коллекция охватывала эпохи царствования почти всех польских монархов от Сигизмунда I до Станислава-Августа.

Выше уже говорилось о том, как собирались в течение многих лет эти сокровища. Добавлю только, что часть рукописей была подарена владельцу Порицка Станиславом-Августом и другими высокопоставленными особами. Как и большинство собирателей, пан Тадеуш был человеком пылким и увлекающимся и, чтобы добыть недостающий раритет, готов был на все. Поговаривали, что иной раз в таких случаях он не гнушался хитрости и обмана. Не знаю, сколько здесь правды, но тем не менее считаю нужным упомянуть об этом.

IV

В начале этой статьи отмечалось как несомненный факт: крупный ученый и обладатель богатого книжного и рукописного собрания был хорошо известен в России. Сохранилось письмо к Чацкому начальника Оружейной палаты сенатора П. С. Валуева, из которого следует, что польский ученый плодотворно сотрудничал с московским Обществом истории и древностей российских. Примечательный факт в биографии Чацкого и его взаимоотношения с Н. М. Карамзиным.

В период написания «Истории государства Российского» Карамзину по указу Александра I предоставлялась возможность пользоваться всеми архивами и библиотеками, «которые к сочинению российской истории могут быть для него нужными». Известно, что «нужными» оказались не только государственные архивохранилища, но и частные собрания. По заключению специалистов, «документы из частных собраний составили значительную часть источниковедческой базы „Истории“»⁶.

Были названы и библиофилы, к услугам которых приходилось прибегать Карамзину: Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский, Р. А. Толстой, Н. П. Румянцев. Сегодня есть все основания включить в этот список и имя польского ученого. 28 февраля 1809 г. Карамзин писал своему давнишнему приятелю и бессменному ходатаю по книжным делам А. И. Тургеневу: «Желал бы я взглянуть на книгу графа Чацкого». Впоследствии, при публикации письма, адресат уточнил, какую именно книгу имел в виду историограф, — «О караимах» (Вильно, 1807) и прибавил, что «все вообще труды графа Фаддея Чацкого дают богатый материал для истории Литвы»⁷.

Вероятно, так же считал и сам Карамзин, наверняка он был осведомлен и о богатой библиотеке польского коллеги. Во всяком случае интерес к Чацкому оказался устойчивым и послужил толчком к их переписке и сотрудничеству. В просторном и не лишенном интереса письме к Т. Чацкому, датированном 4 августа 1810 г., российский историограф, между прочим, писал: «Очень меня обяжете, если будете любезны прислать мне по почте в Москву на мое имя копии писем князя Острожского к Зигмунту о Дмитрие-Самозванце. Также и собственный Ваш труд о еврейском народе, то есть о крымских евреях. У меня его нет. Нарушевич заставил меня обучаться польскому, и таким образом я смогу понять Вас.

Смею просить Вас еще об одной услуге. Есть у Вас английский перевод одного арабского путешественника, который был в районе Каспийского и Черного моря, если

⁶ «Советские архивы», 1977, № 3, с. 66.

⁷ «Русская старина», 1899, т. 99, с. 225.

не ошибаюсь в X веке⁸. Вы оказали бы мне, милостивый государь, большое одолжение, если бы переслали эту книгу на время. Я возвратил бы ее Вам по почте. Этого достаточно для начала нашей корреспонденции»⁹.

Письмо это, единственное дошедшее до нас и являющееся ответом на неизвестное послание польского ученого, примечательно тем, что устанавливает самый факт общения Карамзина с Чацким. находка остальных писем, думается, расширила бы наше представление о характере сотрудничества двух ученых. В упомянутой книге А. Осинского есть указание на то, что автор «Истории государства Российского» нередко пользовался материалами Чацкого и в свою очередь охотно предоставлял ему собственные исследования.

Письмо также содержит некоторые дополнительные сведения о составе библиотеки Тадеуша Чацкого. И то обстоятельство, что Н. М. Карамзин, знакомый с европейски-знаменитыми книжными собраниями, нашел здесь нужные ему книги и документы, без сомнения подтверждает ее большую историческую ценность.

V

Едва ли не в каждом жизнеописании польского просветителя приводится впечатляющий факт о том, что первую свою школу Чацкий открыл в 12-летнем возрасте. Для этого он выпросил у отца небольшой домик, поместил в нем учителя (Ф. Святковского) и учеников — детей домохозяев и неимущих жителей Порицка — и содержал их на деньги, которые выдавались ему на развлечения.

А. Осинский, который, если не ошибаюсь, первым сообщил об этом, писал, что «одно чувство, одно благородство побуждений двигало им, когда в детстве он создавал школу для бедняков в Порицке и в зрелом возрасте — Волынскую гимназию».

О Волынской гимназии (в 1819 г. она была переименована в лицей) существует большая и разнообразная

⁸ Очевидно, имеется в виду «*Oriental Geography of Ybn-Haukal, an Aralian Traveller of the Tenth Century*», L., 1890.

⁹ Полностью письмо опубликовано мною в журнале «Русская литература», 1976, № 3, с. 54, 55.

литература. В первой четверти XIX в. она вполне справедливо считалась одним из лучших средних учебных заведений России. Сам Чацкий, ревниво следивший за каждым шагом своего детища, писал спустя четыре года после ее основания: «...там, где несколько десятков учеников достойны медали, где каждый из жителей с восторгом смотрит на эти отрасли, нашей рукой прищепленные, там с гордостью могу сказать: «смотрите и судите!»¹⁰.

Смотрели. Многим хотелось увидеть воочию «Кременецкий Олимп». Современник, посетивший Кременец в том же 1809 г., писал: «Кременецкая гимназия библиотекою своею и кабинетами натуральных произведений, математических инструментов, собранным неутомимым Чацким, уступает редкому университету; все манускрипты, академические творения, древние и редкие издания, какие могли сыскаться во всем здешнем краю, туда собраны, что отыскаться могло во всех трех царствах природы по здешнему краю все нарочно посылаемыми профессорами разыскано и описано. Можно, однако, прибавить, что редкий университет в Европе имеет такие пособия»¹¹.

О библиотеке, в комплектовании которой с редким энтузиазмом участвовал сам визитатор, речь особая. Е. А. Колесник, много лет посвятившая изучению кременецкой коллекции, считает, что она и сейчас является одной из наиболее ценных на Украине¹². Основная и, пожалуй, наиболее весомая часть этой коллекции — так называемая «Королевская библиотека» (*Collectio Regia*), широко известное в XVIII столетии собрание последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского (1723—1798). В Кременец оно попало благодаря стараниям Чацкого, который, будучи в свое время одним из немногих читателей этой библиотеки и потому знавший ее исключительную ценность, старался заполучить ее для гимназии.

Почти два года длились переговоры с наследником Понятовского, и только 19 мая 1805 года в письме к Гуго Коллонтаю (также известному польскому просветителю)

¹⁰ «Русское слово», 1859, № 9, с. 22.

¹¹ «Волынские записки, сочиненные С. Руссовым в Житомире». Спб., 1809, с. 119, 120.

¹² См.: «Український історичний журнал», 1970, № 6, с. 117.

Чацкий смог сообщить: «...для Волынской гимназии купил Королевскую библиотеку, медали, астрономическую обсерваторию и естественнонаучный кабинет за 15 000 червонных золотых»¹³.

Так, уже в самом начале, гимназическая библиотека приняла большое количество выдающихся произведений, написанных на девяти европейских языках. Для примера назову только два из них «*Historia de animalibus*»¹⁴ Аристотеля (Венеция, 1476) и «*Ars memorativa*», пособие по мнемотехнике из типографии Иоганна Бемлера (Аугсбург, 1479), ныне украшающие коллекцию инкунабул АН УССР.

Не менее ценным приобретением было собрание историка и мецената князя Юзефа Яблоновского (1712—1777), подаренное Чацкому для гимназии дочерью собирателя, княжной Теофилой Сапегой. *Collectio Jablonoviana* насчитывала 4000 томов (почти все раритеты), из которых 144 были инкунабулы¹⁵.

Обогащалась библиотека и за счет более мелких пожертвований Ф. Шейдта, графа Ф. Мошинского, В. Анастасевича, князя Адама Чарторыйского и др. Целый ряд книг были подарены гимназии Чацким и членами его семьи.

В 1834 г. в момент перевода Кременецкого лицея в Киев и его реорганизации лицейская библиотека состояла уже из 34 000 томов, из которых более половины было собрано во времена Чацкого и во многом благодаря его усилиям. Символично, что после смерти просветителя, когда его тело, согласно завещанию, было погребено в Порицке, сердце ученого поместили в золотую урну, которая была установлена в библиотеке лицея с евангелической надписью: «*Ubi thesaurus tuus, ibi est car tuum*» — «Где богатство твое, там и сердце твое».

* * *

Рассказ о Чацком-библиофиле явно выглядел бы неполным, не Расскажи я о судьбе его собственной библиотеки. Долгое время об этом ничего не было известно.

¹³ H. Kollontaj. *Korrespondencya listowna z Tadeuszem Czackim*. Т. III, Kraków, 1844, s. 100, 101.

¹⁴ «История животных» (лат.).

¹⁵ См.: Каталог инкунабул. Уклав Б. Зданевич. К., 1974, с. 10.

Версия биографа Чацкого Ф. Кудринского о том, что библиотека была передана лицу, не подтвердилась при проверке книг из кременецкой коллекции, находящихся ныне в фондах АН УССР.

И только совсем недавно ко мне в руки попала позабытая книга польского историка Ф. Радзишевского о знаменитых библиотеках и архивохранилищах на территории Польши и в западных губерниях России. В заметке о порицкой библиотеке автор среди прочего сообщал, что в 1819 году, после смерти Тадеуша Чацкого, вдова его продала за 12 000 червонных злотых польскую часть библиотеки и почти все рукописи бывшему патрону визитатора, князю Адаму Чарторыйскому¹⁶ и, таким образом, наиболее ценная часть собрания осела в пулавской библиотеке Чарторыйских¹⁷. Остальные книги (около 6000 томов) и рукописи находились в Порицке вплоть до 1831 г. и были затем куплены у наследников Чацкого графом Т. Дзялыньским.

Хочется думать, что распродажа книг и рукописей, которую предприняла Варвара Дембинская, носила вынужденный характер. Из мемуарных источников известно, что незадолго перед смертью Чацкий находился на грани разорения. Любимое детище визитатора, Волынская гимназия, поглотила не только его здоровье и душевные силы, но и немалое наследие предков. Очевидно, оставшись без средств к существованию, вдове Чацкого ничего не оставалось как посягнуть на то единственное богатство, которое оставил покойный просветитель.

¹⁶ F. Radziszewski. Wiadomosc historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekaach i archiwach publicznych i prywathych... w Królewstwie Polskiem, Galicyi, w ks. Poznańskiem i zachodnich guberniach Panstwa Rosyjskiego. Kraków, Pakładem autora, 1875, s. 63. За указание на этот источник приношу благодарность Е. А. Колесник.

¹⁷ После 1831 года эта библиотека распалась и большая ее половина была привезена в Петербург. Здесь часть книг была передана в библиотеку Генерального штаба, 7228 томов поступили в Публичную библиотеку, остальное разошлось по самым различным учреждениям.

**ДИСКИ
И НАХОДКИ**

СКОЛЬКО БЫЛО «СБОРНИКОВ ГАЗЕТЫ „КАВКАЗ“?»

С 1846 г. в Тифлисе началось издание газеты под названием «Кавказ» — одного из первенцев кавказской периодики, хорошо известного историкам, этнографам, литературоведам богатством и разнообразием материалов по широкому кругу вопросов, относящихся к Кавказскому краю, как тогда называли обычно и Северный Кавказ, и Закавказье.

Это было значительным событием в культурной жизни Кавказа, что прекрасно понимал В. Г. Белинский, который писал в 1847 г. на страницах «Современника»: «С прошлого года в Тифлисе издается газета „Кавказ“, значение которой неопределимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и дает возможность грубым средствам к рассеянию заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета „Кавказ“ знакомит Россию с самым интересным и наименее известным ее краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа»¹.

Первым редактором газеты был служащий канцелярии кавказского наместника (чиновник особых поручений) Осип Ильич Константинов (1813—1856). Выпускник 1-го Кадетского корпуса, откуда он был направлен в артиллерию (1832), О. И. Константинов в 1840 г. перешел в граж-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. X, М., 1956, с. 58—59.

данскую службу при управлении Закавказским краем и с 1846 по 1850 г. издавал газету «Кавказ». Благодаря энергии, незаурядной образованности и преданности делу, которые отличали Константинова, при нем газета получила широкое признание не только на Кавказе. Ее читали в обеих столицах — Петербурге и Москве, во многих других городах России и за границей. Константинову, который сам часто выступал на страницах газеты как автор статей, очерков, а также художественных произведений, удалось сплотить вокруг газеты многочисленных сотрудников, снабжавших редакцию разнообразными материалами. Офицеры различных полков Отдельного Кавказского корпуса, служившие в Грузии, на Кавказской линии и в Черномории, в гарнизонах Дагестана и кубанских станицах, чиновники, учителя и лекари из Ставрополя, с Кавказских вод и отдаленных мест обширного Кавказского края присылали в газету корреспонденции и статьи, порою обширные очерки о жизни и событиях своего времени, о местных обычаях и памятниках старины. Особенным богатством отличались этнографические материалы газеты «Кавказ», как отмечает современный кавказовед-этнограф М. О. Косвен².

Особой заслугой редактора газеты нужно считать привлечение в качестве авторов представителей различных народов Кавказа — грузин Эристова (Эристави) и Иоселиани, армянина Хачатура Абовяна, адыга Хан-Гирея, кумыка Шихалиева и многих других.

С начала издания и до 1850 г. газета выходила еженедельно, позже — дважды в неделю, с 1868 г. — по три раза в неделю, а с 1877 г. — ежедневно.

Газета получила признание, она служила важным средством объединения местных культурных сил, чему способствовали такие важные в этом направлении шаги, как открытие в Тифлисе театра, начало издания «Кавказского календаря», учреждение отделения Географического общества и многое другое.

С именем Константинова как первого редактора газеты «Кавказ» связано очень интересное начинание, о ко-

² См.: М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — «Кавказский этнографический сборник», I. М., 1955, с. 320—322.

тором мы узнаем из следующей заметки «От редакции», напечатанной вскоре после начала выхода газеты:

«...Многие лица просили Редакцию, чтобы статьи, относящиеся к истории, литературе, статистике, этнографии и проч., заключающие в себе данные для ознакомления с столь любопытным краем, были печатаемы в отдельных книжках, более удобных для сохранения. Редакция, находя возможным исполнить это общее желание, имеет честь объявить, что примечательнейшие статьи издания будущего года составят «Сборник газеты „Кавказ“», в двух томах, и каждый не менее 20 печатных листов выйдет по окончании первого и второго полугодий. Сборник этот могут получить одни только подписчики газеты при самой подписке. Цена Сборника за 2 тома — 3 р. сер<ебром>. С пересылкою в города империи — 4 р. сер<ебром>»³.

Первая из таких книжек («первое полугодие 1846 г.»), вышедшая в конце 1846 г., и привлекла внимание Виссариона Григорьевича Белинского, который с сожалением отмечал, что сборник вышел «только в числе 50-ти экземпляров, и то не для продажи. О последнем обстоятельстве нельзя не пожалеть: такую книгу многие желали бы иметь, и она не залежалась бы в книжных лавках»⁴.

В следующем году вышел второй сборник: («второе полугодие 1846 г.»), надо полагать, все тем же мизерным тиражом.

В 1847-м же году вышло еще два сборника — за первое и второе полугодия.

По существовавшему в то время правилу, каждая выходящая книга имела специальное цензурное разрешение, текст которого в традиционной форме печатался на обороте титульного листа, с указанием даты разрешения и фамилии цензора. Как известно, цензурные комитеты,

³ «Кавказ», 1846, № 35, 11 августа, с. 137. Отметим, что указаний на «Сборники» как приложение к газете «Кавказ» в литературе нет. См., например, в классическом труде Н. М. Лисовского «Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг. (материалы для истории русской журналистики)». Пг., 1915, с. 11—112. Ср. в специальном исследовании нашего времени: А. И. Станько. Русские газеты первой половины XIX века. (Ростов-на-Дону), 1969, с. 113—114 и 195.

⁴ В. Г. Белинский. Цит. соч., с. 59.

ведавшие разрешением на издание книг, были при университетах, являвшихся центрами учебных округов — в Петербурге, Москве, Дерпте (нынешний Тарту), Харькове, Казани, а также в некоторых городах, в то время университетов не имевших, — Риге, Одессе, а потом и в Тифлисе.

Один из экземпляров каждой изданной книги обязательно поступал в крупнейшее книгохранилище России того времени — Императорскую публичную библиотеку в Петербурге. Вот почему нынешняя Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде располагает самым полным числом книг, изданных в первой половине прошлого столетия (туда поступал обязательный экземпляр каждого издания, начиная с даты официального открытия библиотеки — 1814 г.).

Однако «Сборники газеты „Кавказ“» не имеют традиционной формулы цензурного разрешения. Вместо нее просто указано: «Печатано с дозволения начальства». По-видимому, это объяснялось тем, что «Сборники» составлялись из опубликованных уже в газете материалов и не предназначались для широкого распространения, т. е. в продажу не поступали. Именно этим, как надо полагать, и объясняется столь незначительный тираж, каким был напечатан первый сборник (всего лишь пятьдесят экземпляров).

А в результате оказывается, что «Сборник газеты „Кавказ“» — настолько редкое издание, что даже в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, есть только два начальных выпуска (первое и второе полугодия 1846 г.), в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве по каталогам числится только два выпуска второго года издания (1847 г.), оба выпуска предыдущего года имеются в собрании Н. П. Смирнова-Сокольского, недавно поступившем в крупнейшее книгохранилище страны. В Государственной публичной исторической библиотеке в Москве есть четыре выпуска, по два полугодия 1846 и 1847 гг., и, наконец, в Тбилиси, в Государственной республиканской библиотеке им. К. Маркса, имеется один «Сборник» первого года издания (второе полугодие 1846 г.) и оба выпуска за 1847 г.

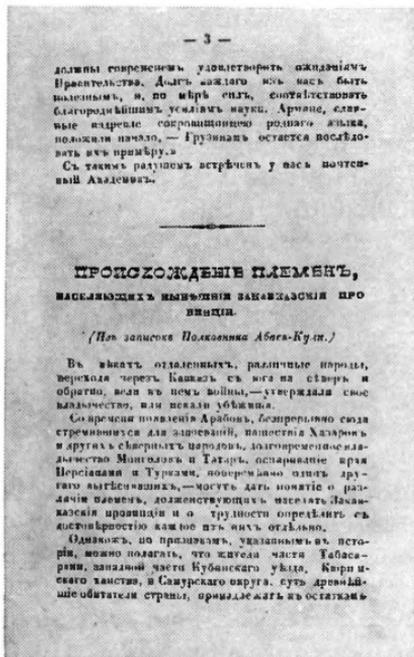
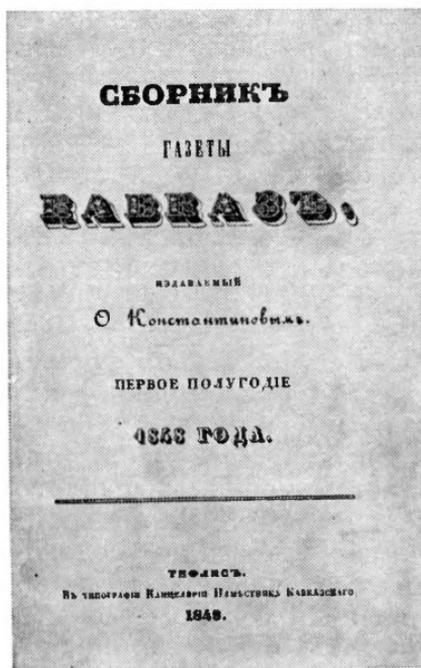
Таким образом, утвердилось мнение о том, что всего «Сборников газеты „Кавказ“» было четыре выпуска, по два за 1846 и 1847 гг. Именно так утверждает М. О. Косвен, а также Д. А. Канделаки, которая специально занималась изучением приложений к газете «Кавказ»⁵.

Но так ли это? Среди некоторого числа редкостей в моей библиотеке есть небольшая книжечка, на титульном листе которой напечатано: «Сборник газеты Кавказ. Издаваемый О. И. Константиновым. Первое полугодие 1848 года. Тифлис. В типографии Канцелярии Наместника Кавказского. 1848».

На обороте титульного листа — сокращенная формула цензурного разрешения («Печатано с дозволения начальства»), т. е. точно так же, как и в тех выпусках «Сборника», о которых говорилось выше. Мой экземпляр, напечатанный в 1848 г., объединяет материалы «первого полугодия 1848 года», т. е. перед нами пятый по счету выпуск, о котором ничего не было известно даже исследователям, специально занимавшимся изучением этого издания. Пятый выпуск, которого нет ни в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ни в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ни в других библиотеках, где имеются отдельные выпуски «Сборника»...

Другими словами, это подлинный раритет, кто знает — может быть, даже уникальный экземпляр, заслуживающий самого пристального внимания. По объему, по оформлению титульного листа он точно такой же, как и предыдущие выпуски, издан тем же форматом. Открывается он краткой заметкой о пребывании в Тифлисе академика Броссе, а далее идет статья под названием «Происхождение племен, населяющих нынешние Закавказские провинции». Статья имеет подзаголовок: «Из за-

⁵ См.: М. О. Косвен. Цит. соч., стр. 322, где прямо сказано: «Таких сборников было издано всего четыре — по два за 1846 и 1847 гг.». Весьма неопределенно говорится об этом в современном справочном издании: «В 1846—1848 гг. О. И. Константинов издавал «Сборник газеты „Кавказ“, в который включались наиболее важные материалы газеты». См.: Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. Под ред. А. Г. Дементьева и др. М., 1959, с. 315. Ср.: Д. А. Канделаки. Из истории русской периодической печати в Грузии (Литературные приложения к газете «Кавказ». 1846—1867). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Тбилиси, 1975, с. 12.

Титульный лист и страница «Сборника газеты „Кавказ“» (1848)

писок полковника Абас-Кули». Это — одна из работ знаменитого азербайджанского писателя и ученого-просветителя Абаскули Ага Бакиханова (1794—1846), долгие годы служившего переводчиком при А. П. Ермолове и его преемниках на Кавказе, знакомого А. С. Грибоедова и многих декабристов, находившихся в полках Отдельного Кавказского корпуса, а также Пушкина и Лермонтова. Названная статья была напечатана в газете «Кавказ», а потом вошла в очередной выпуск «Сборника», вышедшего уже в то время, когда Бакиханов отправился в далекое путешествие на Восток, откуда не вернулся⁶.

Из других авторов, представленных в пятом выпуске, можно отметить «кн. Баратова», выступившего со статьей «Краткое обозрение главнейших причин падения Грузинского царства». Это едва ли не самое первое выступление

⁶ См.: Н. К. Керемов. Путешествия Гудси. А. Бакиханов как географ и путешественник. М., 1977, с. 36.

в печати Сулхана Баратова (1821—1866), впоследствии получившего известность своей «Историей Грузии», изданной в 1865 г.

Здесь же мы встречаем и статьи, подписанные именем редактора газеты «Кавказ» О. И. Константинова, и произведения известных впоследствии Д. Кипиани, Р. Эрнстова, А. Зиссермана.

В «Журнале Министерства народного просвещения» я разыскал следующий заинтересовавший меня отзыв об этом сборнике: «Издатель газеты „Кавказ“ г. Константинов уже третий год продолжает отпечатывать из этой газеты отдельными книгами статьи ученого и литературного содержания, касающиеся вообще Кавказа и его народов. Такой «Сборник» представляет собою полезный запас материалов, обогащающий археологию, статистику этого, еще столь мало исследованного края, представляющего столько жатвы для ученого»⁷.

В числе лучших статей «Сборника» рецензент называет «Краткий очерк Ставропольской губернии в промышленном и торговом отношении». Эта статья имеет подпись: «А. В-въ». Этим же псевдонимом подписан и ряд других статей в газете, вошедших затем в разные выпуски «Сборника». Как явствует из «Обзора статей, помещенных в газете „Кавказ“ в продолжение 1846, 1847, 1848, 1849 годов», этот псевдоним скрывал активного сотрудника газеты А. Вышеславцева. Статьи этого автора отличаются серьезностью содержания, тонкостью наблюдений и несомненное литературное мастерство. Особенно замечательна одна из них, которая должна привлечь внимание лермонтоведов.

В статье «Дорога от Тифлиса до Владикавказа. Дорожные записки карандашом», описывая Кайшаур на Военно-грузинской дороге, автор пишет:

«<...> Таков Кайшаур, название которого будет однако памятно русской читающей публике. Путешественники по Испании говорят, что и до сих пор жители Ламанчи уверены в действительности существования Дон-Кихота <...> Такова сила гения: образом, вызванным его творческою фантазиею, он сообщает жизнь, столь же действительную, как бы они в самом деле родились и жили между

⁷ «Журнал Министерства народного просвещения», 1848, декабрь, отд. VI, с. 187—191.

людьми. Если бы жители Кайшаура были грамотные, то вероятно показали бы нам закоптелую и дымную саклю, где беседовал несравненный Максим Максимович с поэтом, которого горькую участь оплакивает русская литература»⁸.

...Но вернемся к «Сборникам газеты „Кавказ“». Теперь совершенно очевидно, что их было не четыре, как это утвердилось в литературе, но по крайней мере пять. Вполне естественно, однако, предположить, что издание было продолжено и после пятого выпуска, имеющегося в моей библиотеке.

Предпринятые разыскания подтверждают это предположение. В известном журнале «Москвитянин» (1849) я нашел заметку под названием «Одесские и прочие издания», в которой говорится: «Два новых круга русской словесности, южный и восточный, Одесса и Тифлис, быстро преуспевают в своей деятельности...»⁹. И в качестве примера успешного развития литературы в «тифлисском круге» автор анонимной заметки приводит только что вышедший «Сборник газеты „Кавказ“», называя два полугодия этого издания 1848 г. Таким образом, кроме пятого, был и еще один, шестой выпуск — за второе полугодие 1848 г.

Среди тех книг справочного отдела моей библиотеки, к которым приходится обращаться особенно часто, есть старинный томик в изящном полукожаном переплете с золотым тиснением на корешке. Это «Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова», составленный выдающимся русским библиографом В. И. Межовым и изданный в 1869 г. Он включает книги, изданные в России «с 1825 вплоть до 1869 года», как отмечено в подзаголовке. (Замечу, что этот экземпляр указателя был подарен мне

⁸ «Кавказ», 1847, № 30, 26 июля, с. 117. Отметим, что тому же автору принадлежат и «Три письма о Пятигорске», где также читаем: «...Начните осматривать, например, с пещеры или грота на бульваре, который ведет к Николаевским ваннам, пещеры еще более примечательной с того времени, как она играет такую важную роль в сочинении Лермонтова, в его превосходном „Герое нашего времени“». См.: Три письма о Пятигорске. Письмо первое.— «Кавказ», 1847, № 38, 20 сентября, с. 150. Подп.: «В-въ, А-й».

⁹ «Москвитянин», 1849, № 7, ин. 1, отд. IV, с. 68—69.

Богданом Степановичем Боднарским 11 февраля 1965 г. в одну из встреч наших в квартире, где Б. С. Боднарский прожил безвыездно свыше шестидесяти лет...).

На странице 704 этого указателя, в отделе «Словесность» под номером 9982 есть следующая запись: «Сборник газеты „Кавказ“, изд. О. Константиновым, 4 ч. Тифлис. 1848 и 1849. Ц. 8 р.».

Другими словами, всего было выпущено, с 1846 по 1849 г. включительно, восемь выпусков «Сборника газеты „Кавказ“», из которых пока что известно пять, причем пятый, за первое полугодие 1848 г., известен только по экземпляру моей библиотеки. После 1849 г. издание «Сборников» прекратилось: в последних номерах газеты «Кавказ» за этот год неоднократно помещалось объявление о подписке на следующий год. Это объявление заканчивалось словами «Сборник газеты „Кавказ“ не будет издаваться».

Может быть, обследование библиотек, располагающих кавказоведческой литературой, позволит выявить те из выпусков тифлисского издания, которые еще не удалось разыскать?

А может быть, у кого-либо из книголюбов есть в личных библиотеках экземпляры «Сборника»? Разве можно предугадать пути и перепутья книжных разысканий, в которых многое напоминает самые замысловатые сюжетные повороты приключенческих романов?

И в заключение — несколько слов о дальнейшей судьбе редактора-издателя газеты «Кавказ» с ее основания и инициатора выпуска «Сборника». В конце 1850 г. О. И. Константинов передал издание газеты другому лицу — своему помощнику по ее выпуску и активному сотруднику, автору ряда статей этнографического характера, Ивану Алексеевичу Сливицкому (1819—1874). Сам О. И. Константинов после этого некоторое время пробыл в Тифлисе, а в 1851 г. уже числился в штате Военного министерства в Петербурге, чиновником особых поручений. В Крымскую войну он состоял при кн. М. Д. Горчакове в Севастополе, пережил героическую осаду города и умер в Петербурге 3 мая 1856 г. После него остались неопубликованными два крупных труда — «История русского владычества на Кавказе» и «История Севастопольской кампании». Рукописи этих сочинений хранились у сына

О. И. Константинова, Сергея Осиповича, который жил, уже в начале нынешнего столетия, в Одессе¹⁰. Может быть, именно в Одессе нужно искать следы архива первого редактора газеты „Кавказ“?

Итак, помимо давно известных четырех «Сборников газеты „Кавказ“», теперь найден еще один, находящийся у меня. Найдутся ли другие выпуски этого несомненно интересного издания, составляющего большую редкость?

¹⁰ Об О. И. Константинове как первом редакторе газеты «Кавказ» и авторе ценных этнографических трудов см. указ. работу М. О. Косвена, с. 320. Там же и указания на другие его труды. Ср. также: О. И. Константинов. Из писем очевидца Севастопольской обороны. Одесса, 1904.

Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность за помощь в кавказоведческих разысканиях научному сотруднику Института рукописей им. акад. К. С. Кекелидзе (Тбилиси) Эльфриде Гаральдовне Барнавели.

Москва

АВТОР «СЕМЕЙСТВА ХОЛМСКИХ»

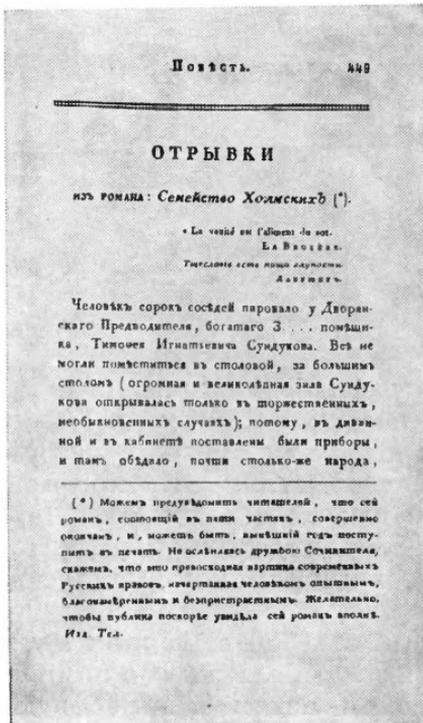
Журнал «Московский телеграф» был одним из замечательных периодических изданий 1820—1830-х гг. На его страницах начинающие авторы печатали отрывки из произведений, часто получавших впоследствии широкое признание. Нередко в подготовке к печати первых проб пера принимал непосредственное участие издатель и редактор Николай Полевой. Так случилось и с романом «Семейство Холмских».

С четвертого номера журнала за 1830 г. начали печататься «Отрывки из романа *Семейство Холмских*» с эпиграфом из Лабрюйера на французском языке и в переводе: «Тщеславие есть пища глупости». Они появились с пометой «февраль 1830», но без имени автора. Публикация сопровождалась редакционным примечанием:

«Можем предуведомить читателей, что сей роман, состоящий в пяти частях, совершенно окончен и, может быть, нынешний год поступит в печать. Не ослепляясь дружбою Сочинителя, скажем, что это превосходная картина современных русских нравов, начертанная человеком опытным, благонамеренным и беспристрастным. Желательно, чтобы публика поскорее увидела сей роман вполне».

Второй отрывок появился в № 5. Затем прошло два года, а роман все не выходил в свет. Тогда Полевой поместил еще два фрагмента в №№ 6 и 7 за 1832 г., снабдив их также примечанием:

«В 1830-м году Автор сего прекрасного произведения доставил нам два отрывка, которые и были помещены в „Телеграфе“. Печатая теперь третий отрывок, с особенным удовольствием спешим мы известить читателей, что

Страница из журнала
 «Московский телеграфъ»
 (1830, № 4)

весь роман вполне печатается и выйдет в свет в июле месяце сего года. Надеемся угодить сим известием многим, спрашивавшим у нас словесно и письменно: *когда издастся „Семейство Холмских“?*»

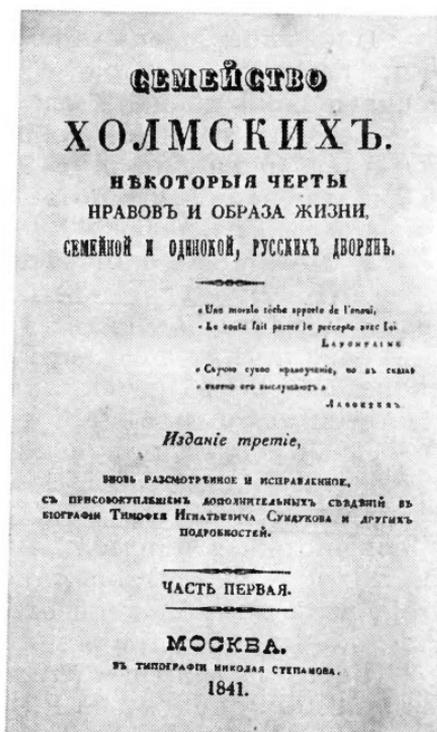
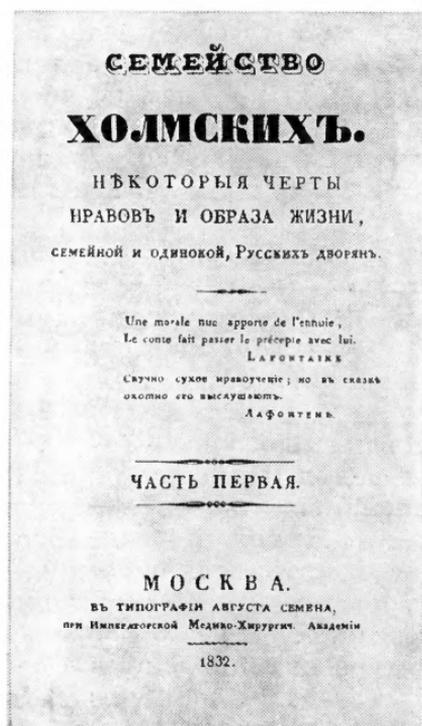
На этот раз издатель «Телеграфа» не ошибся. 12 февраля 1832 г. цензор Л. Цветаев дал разрешение на публикацию романа в шести частях, содержащих 81 главу. Типография Августа Семена в Москве выпустила книгу летом в шести томиках, переплетенных в пестрые серо-коричневые обложки. Издание оказалось объемистым, около 40 печатных листов. На титульном листе каждой части был помещен эпиграф из Лафонтена на языке подлинника и в переводе: «Скучно сухое нравоучение, но в сказке охотно его выслушают». Роман издали анонимно, таинственным было и посвящение:

* * *

усерднейше посвящает
 Сочинитель.

Далее, в набранном курсивом пояснении к посвящению, неизвестный читателям того времени автор писал: «Вы приобрели все право на вечную признательность мою и семейства моего. Вы... Удерживаю порывы и голос сердца; не стану распространяться в похвалах моих. Похвала современника может показаться лестью; вы ее не любите, и я к ней не способен, а в доказательство — скрываю ваше и мое имя».

Особенно интересно, что здесь же писатель рассказал и о мотивах, побудивших его создать свой роман: «Пред-

*Титульные листы ч. I
первого и третьего изданий романа «Семейство Холмских»*

ставление современникам картины образа их жизни, изображение нравов, пороков, заблуждений, предрассудков, разврата, притеснения подвластных, ябедничества, несправедливости судей и прочих злоупотреблений — все сие, как мне казалось, может хотя некоторым образом, споспешествовать благотворным видам правительства: то есть способствовать к улучшению общей нравственности, и тем более, если вместе с приближением и преследованием пороков, поставлена в противоположность добродетель и открыты средства к достижению возможного счастья и спокойствия в здешней жизни. Вот основная мысль, подвигнувшая меня к изданию в свет опыта наблюдений над современными нравами того сословия, к которому я сам принадлежу».

После посвящения было напечатано «Вместо предисловия, разговор автора со своим приятелем» — раздел, посвященный продолжению обсуждения проблем романа.

Изучить творческую историю «Семейства Холмских» помогает сравнение журнальных публикаций со страницами отдельного издания. Что же предложил читателям «Московский телеграф»?

В № 4 (1830) напечатаны три первые главы части I. В № 5 (1830) — главы 3—6 части II. В №№ 6 и 7 (1832) — глава 12 части V и глава 1 части VI. Сопоставление журнального и книжного вариантов показывает, что отрывки из романа до включения в основной текст подвергались стилистической правке.

Лишь более полувека спустя стало известно¹, что автор «Семейства Холмских» передал Полевому роман в виде целой кипы мелко исписанных листов бумаги с просьбой оказать помощь в издании. Николай Алексеевич не только содействовал выходу в свет всех шести частей, взяв на себя переговоры с цензурой и типографщиком, но и редактировал произведение.

Успех романа побудил заинтересованных лиц в феврале 1833 г. обратиться к цензору за разрешением нового издания. И «Семейство Холмских» вышло второй раз.

На появление произведения откликнулись газеты и журналы. При всем интересе к роману, проявленном литературными критиками, «Библиотека для чтения», «Телескоп», «Северная пчела» и «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“» высказали немало упреков автору; они отмечали слишком большой объем «Семейства Холмских», растянutosть действия, длинноты, бессвязность эпизодов, безжизненность некоторых действующих лиц. В рецензиях не скупилась на советы, как сократить и «исправить» роман.

Наиболее объективную оценку, как показало время, дал «Московский телеграф». В № 14 журнала за 1832 г. говорилось: «Роман неизвестного Автора, или, как он сам называет, *черты нравов и образа жизни русских дворян* отцы и матери прочитают не с меньшею пользою и с ис-

¹ См.: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. — «Исторический вестник», 1887, № 7, с. 37—42; Е. Соковнина. Воспоминания о Д. Н. Бегичеве. — Там же, 1889, № 3, с. 661—663.

тинным наслаждением. Он тронет их сердце, расшевелит их душу, заставит во многих местах невольно засмеяться; во многих местах невольно навернутся у них при чтении слезы». И далее: «По нашему мнению, в роде романов, к которому принадлежит „Семейство Холмских“, роде смешанном из лесажевского и ричардсоновского — ничего не было на русском языке столь умно написанного. Слог автора сообразен роду и предмету: он походит на беседу образованного человека, простую, умную, тихую, он ясен, согласен, не волнуется порывом страстей. Колкость его как будто случайная; в самых сильных местах он перескакивает, а не говорит от себя».

Автор после выхода в свет второго издания «Семейства Холмских» продолжил работу над романом и весной 1838 г. представил цензуре произведение, на титульном листе которого значилось: «Издание третье, вновь рассмотренное и исправленное, с присовокуплением дополнительных сведений в биографии Тимофея Игнатьевича Сундукова и других подробностей». Роман был разрешен к изданию в двадцатых числах мая, но вышел в свет только в 1841 г. Тогда читатели обнаружили, что между уже известными посвящением и статьей «Вместо предисловия» появилось на страницах XI — XL «Предисловие к третьему изданию». В нем было помещено письмо некоего Аристарха Правдолюбова с дополнениями и замечаниями к отзывам журналов и газет о романе. После обозрения рецензий в новом предисловии говорилось: «Очень и очень жаль, что нельзя воспользоваться благонамеренными их советами. Что делать? — надобно повиноваться большинству голосов, принять в уважение общее мнение и представить книгу в третьем издании в том же виде, как она появилась в свет и даже с некоторыми прибавлениями».

Прав ли был автор, говоря об общем одобрительном мнении? Вот что писал в 1844 г. в № 1 «Отечественных записок» Белинский: «Роман скрывшего свое имя автора — „Семейство Холмских“ имел замечательный успех; в нем попадаются довольно живые картины русского быта в юмористическом роде; но он утомителен избытыми пружинами вымысла и избытком сантиментальности, соединенной с резонерством». Действительно, роман читался с увлечением, у многих стал настольной книгой, упоминался в разговорах на будничные темы. В повести Достоевского

«Село Степанчиково и его обитатели» Обноскин восклицает: «А детей-то, детей-то, у меня, просто семейство Холмских»². П. М. Ковалевский, описывая в романе «Итоги жизни» столичный и помещичий быт 1830-х гг., заметил: «Случалось, что игры прекращало „Семейство Холмских“»³.

Имя автора так и не появилось на титульном листе романа. Более того, в 1840 г. были напечатаны книги «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (4 ч.) и «Провинциальные сцены», в которых сочинитель выступил как «Автор „Семейства Холмских“». Так появился псевдоним. Но неужели имя писателя оставалось неизвестным?

Уже публикация журнальных отрывков вызвала различные предположения об авторе. Первый фрагмент начинался фразой: «Человек сорок соседей пировало у дворянского предводителя, богатого з..... помещика, Тимофея Игнатьевича Сундукова». В дальнейшем становилось ясно, что действие романа частично происходило в Воронежской губернии. И осведомленные читатели стали утверждать, что под именем Сундукова выведен здравствовавший тогда губернский предводитель С. А. Видулин — ведь он был помещиком Задонского уезда. А рассказ о Сундукове напоминал меткие высказывания о Видулине его соседа по имени И. П. Бехтерева. Гостем последнего неоднократно бывал его двоюродный брат Д. Н. Бегичев, ставший в феврале 1830 г. гражданским губернатором в Воронеже. Именно он, создалось общее мнение, и написал «Семейство Холмских».

Но это были лишь предположения. Не осталось ли в романе следа, указывающего на автора? Да, при внимательном чтении произведения обращает внимание эпиграф к главе 6 части IV, повторяющий уже известное по предисловию высказывание автора романа: «Лихоимство бывает вещественное и нравственное. Не одни только взятки деньгами можно назвать лихоимством. Злоупотребление власти, или нарушения справедливости, по личным связям дружества и родства, из угодливости могущим людям, из вкусных обедов или из удовлетворения

² Ф. М. Достоевский. Повести и рассказы. Т. I. М., 1956, с. 425.

³ «Вестник Европы», 1883, № 2, с. 496. В примечании к этой фразе сказано: «Любимый роман тридцатых годов».

другим постыдным страстям, все сие, в нравственном отношении, гораздо достойнее презрения, чем взятки деньгами». Подписан эпитафия криптограммой «Д. Б.». Не Дмитрий ли Бегичев цитировал самого себя? Опережая последовательность рассказа, могу подтвердить: да, автором романа «Семейство Холмских» был Дмитрий Никитич Бегичев и эпитафия вышел из-под его пера. Но он никогда не признавал этого в печати.

Первым, кто не пожелал согласиться со странной позицией, занятой писателем, был Белинский. Когда в 1845 г. в третьем томе сборника «Сто русских литераторов» были помещены «Записки губернского чиновника» с полным именем автора — Д. Н. Бегичева — и его портретом, критик иронически писал в «Отечественных записках» (1845, № 9): «Чем известен в русской литературе г. Бегичев, что такое написал он, что бы давало его портрету право явиться между знаменитыми „ста“ — не помним, не знаем... Неужели „Записки губернского чиновника“ так хороши, что одной этой пьесы было достаточно г. Бегичеву для приобретения литературного имени? — Не думаем... Но — позвольте! — кажется, были слухи, что г. Бегичев — автор романа „Семейство Холмских“. Несмотря на то, что этот роман дидактический, „нравоучительный и длинный“, немножко сантиментальный, немножко резонерский и нисколько не поэтический, — он имел, в свое время, довольно значительный успех, благодаря живому чувству негодования против разного рода злоупотреблений, — чувства, которое играет в означенном романе не последнюю роль. После этого появлялось, от времени до времени, несколько статей, довольно плохих, на заглавии которых было выставляемо: *сочинение автора Семейства Холмских*. Но все-таки мы не имеем права печатно признать г. Бегичева автором „Семейства Холмских“, потому что он сам нигде еще не признался в этом. Притом же, если б г. Бегичев был действительно автор этого романа, г. Смирдин как издатель „Ста русских литераторов“ непременно при имени г. Бегичева выставил бы заветное: *автор Семейства Холмских*, чтоб оправдать помещение в этой книге портрета и статьи г. Бегичева. Тогда мы ничего не могли бы сказать против этого портрета, кроме разве того, что он запоздал слишком десятью годами <...>».

Другие без оговорок признали Бегичева создателем популярного романа. «Москвитянин» утверждал в 1852 г. (№ 2, отд. V): «„Семейство Холмских“ было первым литературным произведением Д. Н. Бегичева или по крайней мере первым, которое сделало известным его имя. Роман этот <...> имел в свое время большой успех. С тех пор титул «автора „Семейства Холмских“» остался за сочинителем как титул почетный». Н. В. Сушков писал: «Не подражатель также и Д. Н. Бегичев. Почтенный писатель обязан известностью своей „Семейству Холмских“ <...> Не менее того Бегичев — писатель, заслуживающий уважения. Вообще в его рассказах и описаниях заметна внимательная наглядность и зрелая обдуманность»⁴. И позже он отмечал: «Д. Н. Бегичев — автор очень известного в свое время романа „Семейство Холмских“»⁵.

Тем не менее, ошибки в атрибуции произведения продолжались. А. А. Титов указывал, что роман был написан П. Д. Голембовским⁶. Н. А. Котляревский приписал «Семейство Холмских» брату писателя — С. Н. Бегичеву — и считал, что книга вышла в 1830 г.⁷ И другие сочинения Бегичева для многих оставались анонимными⁸.

Отсутствие биографии писателя определило многие неточности, допускаемые при упоминании имени Бегичева⁹. До сих пор нет очерков жизни и творчества писателя. Только в статье Б. Алексеевского¹⁰ указаны основные

⁴ Обоз к потомству с книгами и рукописями. Из записок Н. В. Сушкова. — «Раут», кн. III. М., 1854, с. 324.

⁵ Н. В. Сушков. Московский благородный пансион <...>. М., 1858, с. 78.

⁶ См.: А. А. Титов. Материалы для библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые деятели Костромского Вертограда». — Приложение к журналу «Библиографические записки», 1892, № 5, с. 15. Ошибку сразу заметил К. Н. Бестужев-Рюмин (см. «Библиографические записки», 1892, № 10, с. 770).

⁷ См.: Н. А. Котляревский. Н. В. Гоголь. СПб., 1903, с. 91.

⁸ См.: История 13-го лейб-гренадерского Эриванского е. и. в. полка за 250 лет. Сост. П. О. Бобровский. Ч. IV, СПб., 1895, с. 33. Составитель не мог назвать автора книги «Быт русского дворянина». Ее написал Д. Н. Бегичев. Она была напечатана в 1848 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 90, 92) и вышла отдельным изданием в 1851 г.

⁹ Так, С. Голубов в книге «Вестужев-Марлинский» (2-е изд., М., 1960, с. 278) перепутал Д. Н. Бегичева с А. П. Степановым, автором романа «Постоялый двор» (1835).

¹⁰ Б. Алексеевский. Бегичев Д. Н. — «Русский биографический словарь», том «Бетанкур-Бякстер», СПб., 1908, с. 583, 584.

события жизни автора «Семейства Холмских». Бегичеву посвящена также статья А. Д. Китиной¹¹. На основе указанных работ, материалов, опубликованных в периодике и книгах за последние 160 лет, и собственных разысканий я предлагаю краткий очерк жизненного пути Дмитрия Никитича Бегичева.

Предком рода Бегичевых был Бегич из Золотой Орды, участвовавший на стороне Мамая в битве с Дмитрием Донским. Позже он приехал в Москву, крестился и получил имя Ивана¹². Его потомок Давыд служил в царствование Ивана Грозного. Казарин, сын Давыда, был головой в стрелецком войске при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Бегичевы в XVII в. стали воеводами, а Захар Дмитриевич (по прозвищу Заккей) — иноком Троице-Сергиевской лавры, выдерживал в ней осаду поляков. Иван Васильевич и Никита Матвеевич Бегичевы служили стольниками при Петре I, а Матвей Семенович — генерал-поручиком при Екатерине II¹³.

Дмитрий Никитич принадлежал к тульской ветви рода Бегичевых. Он родился 28 сентября 1786 г. в селе Никитском Ефремовского уезда Тульской губернии. Его отец — состоятельный помещик, капитан Никита Степанович Бегичев, мать — Александра Ивановна Кологрицова. Детство провел на родине, в поместье, получил домашнее воспитание. Хорошо подобранная библиотека дала ему возможность познакомиться с трудами М. В. Ломоносова, поэзией В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина, с романами Ф. А. Эмина. Мальчик увлекался и переводной литературой, сочинениями Ричардсона, Дефо, Смоллетта, Свифта.

Особенно заинтересовали Дмитрия сочинения Б. Франклина, его «Учение добродушного Рихарда» (СПб., 1781). Подростком он стал знакомиться с французской литературой в подлинниках, читал Буало, Мольера,

¹¹ А. Д. Китина. Д. Н. Бегичев. — В кн.: Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX — начало XX в. Воронеж, 1970, с. 74—85. См. ее же статью «У истоков литературы в Воронежском крае» в кн.: «А. В. Кольцов. Статьи и материалы», Воронеж, 1960, с. 32.

¹² См.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 425.

¹³ См.: П. Долгоруков. Российская родословная книга. Ч. IV, СПб., 1857, с. 318.

Корнеля, Расина, Фенелона, Руссо. Любознательность внушила ему желание овладеть иностранными языками, и в дальнейшем он изучил помимо немецкого английский и итальянский языки. Большое значение для мальчика имела дружба со старшим братом Степаном.

В десять лет (ноябрь 1796 г.) Дмитрий был определен в Пажеский корпус вместе со Степаном.

На четырнадцатом году жизни Дмитрий лишился отца. В августе 1802 г. из камер-пажей был определен корнетом в гусарский полк. Последующие шестнадцать лет он находился, с перерывами, на военной службе, некоторое время состоял архивариусом Государственной коллегии иностранных дел, откуда был уволен с чином переводчика.

2 февраля 1804 г. корнет Дмитрий Бегичев вступил в Чугуевский казачий регулярный полк, был определен инспекторским адъютантом к двоюродному дяде, генерал-майору А. С. Кологривову и в мае произведен в поручики. Через год он стал участником похода в Австрию, сражался с наполеоновской армией под Аустерлицем.

Весной 1806 г. Бегичев переходит в лейб-гвардии гусарский полк и в январе 1807 г. получает чин штабс-ротмистра, участвует в походе против армии Наполеона. Он был в сражениях под Гутштадтом, Фридляндом. В этой кампании молодой офицер проявил большое мужество и решительность. С завершением русско-пруско-французской войны Дмитрий Никитич награждается орденом св. Владимира IV степени и прусским «*Pour le mérite*» («За заслуги»). 15 ноября 1808 г. он выходит в отставку в чине штабс-капитана.

Служба в армии не мешает Бегичеву заниматься науками, литературой, историей искусств. Он становится постоянным читателем «Вестника Европы», с интересом встречает каждый номер «Журнала российской словесности». С особенным вниманием Дмитрий Никитич знакомится с запрещенными сочинениями Радищева, И. Пнина, с произведениями французских энциклопедистов. Сам пробует заняться литературной работой, но дальше набросков в стихах и прозе дело не идет. Первые опыты остаются в рукописях.

События Отечественной войны 1812 г. вновь призывают Бегичева на военную службу. Он определяется начальником канцелярии генерал-аншефа А. С. Кологри-

вова¹⁴, но принять участие в сражениях ему не удастся, так как его полк находится в резерве и переформировании до весны 1813 г. Осенью того же года он получил чин ротмистра.

В этот период происходит знаменательное событие в жизни Бегичева. Он встретился с Грибоедовым, назначенным адъютантом А. С. Кологривова. Знакомство братьев Бегичевых с Александром Сергеевичем переходит в дружбу, продолжавшуюся до гибели автора «Горе от ума». Грибоедов был более близок со Степаном, но и к Дмитрию он испытывал симпатию.

Служба Д. Н. Бегичева в Иркутском гусарском полку длилась до ноября 1819 г., когда он был уволен в чине полковника. С Грибоедовым Дмитрий Никитич встречался редко, но драматург постоянно упоминал о нем в письмах к Степану Никитичу. Когда Дмитрий Бегичев после своей женитьбы в 1818 г. на Александре Васильевне Давыдовой, сестре поэта Д. В. Давыдова, увиделся с Грибоедовым, тот писал С. Н. Бегичеву: «Ты можешь представить, обрадовался ли я Дмитрию Ник. Супружницы его не имел удовольствия видеть: говорят, бесподобная женщина» (9 сент. 1818 г.). А шесть лет спустя наказывал: «Дмитрия, красоту мою, расцелуй так, чтоб еще более зарделись пухлые щечки» (июль 1824).

Последние годы военной службы были связаны у Бегичева с непрерывными литературными занятиями, увлечением театром, углубленным изучением философии. Его мировоззрение сформировалось в процессе знакомства

Д. Н. Бегичев.
Гравюра первой половины
40-х гг. XIX в.

¹⁴ См.: В. В. Литвинов. Воронежский губернатор Д. Н. Бегичев. — «Воронежская старина», 1914, вып. 14, с. 108.

с идеями русского и западноевропейского Просвещения. Литературные опыты Бегичева приобретают форму сатирических зарисовок современной действительности, в них бичуется стяжательство, лихоимство чиновничества, уродливые стороны жизни крепостников. Одновременно автор стремится путем назидания, увещевания повлиять на читателя, содействовать социальным преобразованиям путем просвещения. В 1818 г. печатается одна из миниатюр начинающего писателя. Она появилась в ч. ХСVII «Вестника Европы» (с. 223—225) под заголовком «Важное открытие, как приобрести и сохранить красоту лица на всю жизнь». Стояли подпись: «Дм. Б.....ъ» и помета: «Г. Спасск, Тамбовской губернии. 18 января 1818 года». В этой миниатюре сформулированы идеи, развившиеся далее в творчестве Бегичева. Он писал:

«Чтобы приобрести и сохранить на всю жизнь сию истинную красоту лица, нужно необходимо иметь... Что? Умывания à la...? притирания à la...? Совсем нет; ничего более, так *только* чистую совесть, спокойную душу, веселый, мирный, но твердый характер и, что всего важнее, иметь всегда полную власть над страстями своими».

В 1819 г. Дмитрий Никитич встречался в доме А. А. Шаховского в Петербурге с А. С. Пушкиным, возможно, присутствовал при чтении песен из «Руслана и Людмилы», знакомился с актерами¹⁵, писателями, стал постоянным посетителем театральных представлений.

В это время Степан Бегичев сближается с декабристами, вступает в «Союз благоденствия». Дмитрий Никитич, находясь в стороне от революционной работы, оказывается в кругу многих участников будущего восстания на Сенатской площади. Сближается с В. К. Кюхельбекером, переписывается с ним. Сохранилось письмо Д. Н. Бегичева к Кюхельбекеру от 2 марта 1825 г.¹⁶ Вот что писал Вильгельм Карлович 30 марта того же года к В. Ф. Одоевскому: «На послании мои к Бегичевым прошу не сердиться: ты знаешь мои к ним отношения; что я к ним писал, конечно бы не написал ни к кому другому»¹⁷.

¹⁵ См.: Пимен Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 274.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 9. Факсимиле помещено в статье А. Д. Китиной «Д. Н. Бегичев».

¹⁷ Дмитрий Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911, с. 488.

Выход в отставку содействует более тесному сближению Бегичева с родственниками. Его сестра Елизавета Никитична, в замужестве Яблочкова, была писательницей. Ее перу принадлежит ряд стихотворных и прозаических произведений, публиковавшихся в периодике. Известность получил ее роман «Шигоны», посвященный жизни Древней Руси IX—XI вв. Она была автором комедий¹⁸. Ее дочь Е. П. Соковнина оставила воспоминания о Бегичеве.

Вторая сестра Бегичева, Варвара Никитична, в монашестве Смарагда, была настоятельницей Воронежского Покрово-девичьего монастыря. Она играла определенную роль в жизни губернии¹⁹, давала полезные советы Дмитрию Никитичу во время его пребывания в Воронеже.

1820-е гг. Бегичев большей частью проводит в Москве, в своем подмосковном имении Якшино (Якши), ездит к брату в Тульскую губернию. Развивались его дружеские отношения с Грибоедовым. Шестнадцать писем драматурга к Бегичеву были впоследствии похищены и уничтожены²⁰. Бегичев был у брата в имении, когда Грибоедов там же работал над сценами своей комедии. Существует мнение, что Дмитрий Никитич — прототип Платона Михайловича Горича. За три месяца до декабрьского восстания Александр Сергеевич писал С. Н. Бегичеву: «Коли зимой ворочусь в Москву, и ты там будешь, так заберусь к Дмитрию в Якшино».

В начале февраля 1826 г. Грибоедов, вызванный с Кавказа по делу декабристов, приехал в сопровождении фельдъегеря в Москву и остановился у Дмитрия Никитича, миновав С. Н. Бегичева, чтобы не компрометировать его. Д. Н. Бегичев срочно послал записку брату, немедленно приехавшему к нему на квартиру. Грибоедов пробыл с братьями несколько часов²¹.

¹⁸ См.: В. Шувалов. Яблочкова Е. Н.— Русский биографический словарь, том «Яблоновский-Фомин», СПб., 1913, с. 2.

¹⁹ См.: Е. П. Соковнина. Воронежского Покрово-девичьего монастыря игуменья Смарагда, в миру В. Н. Бегичева.— «Воронежские епархиальные ведомости», 1886, № 23.

²⁰ См.: М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е, М., 1977, с. 63, 641.

²¹ См.: С. Н. Бегичев. Записка о Грибоедове.— «Русский вестник», 1892, № 8.

Авторитет Дмитрия Бегичева как человека высоких моральных правил, предельно честного и бескомпромиссного стал в ту пору очень высок. Находясь в отставке, он постоянно занимал по выбору дворян ряд должностей²², был назначен опекуном детей композитора А. А. Алябьева, когда того сослали. Стал Бегичев также опекуном М. А. Кологривова, сына своего бывшего начальника и родственника. Воспитателем опекаемого был выбран Б. И. Ион, известный учитель Грибоедова. Вольнодумие молодого человека, проявлявшееся в разговорах и поступках, заставило Бегичева отправить его с Ионом за границу. Во Франции М. А. Кологривов принял деятельное участие в июльской революции, отказался вернуться в Россию по приказу Николая I. Заочно он был предан суду, приговорившему Кологривова к каторжным работам со всеми последствиями. Лишь благодаря заступничеству Бегичева и еще ряда лиц он был прощен: по возвращении в Россию Кологривов был обязан вступить на военную службу рядовым²³.

Продолжаются литературные занятия Бегичева²⁴. Громадное впечатление произвела на него комедия «Горе от ума». Он переписывал текст произведения. Гибель Грибоедова потрясла Дмитрия Никитича. Он стремился внести свой вклад в дело увековечения памяти драматурга, распространял комедию в списках²⁵. И у него родился замысел романа: произведение должно было по-своему продолжить мотивы творчества Грибоедова. Среди действующих лиц, решил писатель, появятся Чадский (именно так назывался главный герой в ранней редакции «Горе от ума»), Софья, Фамусов, Молчалин, Репетилов. А темой книги станет правдивое, сатирически заостренное изобра-

²² Так, в конце 1820-х гг. он был членом Комитета о пересмотре проекта вексельного устава. (См.: Записки Ксенофонта Полевого, с. 37).

²³ См.: К. Л — в. Испанский инсургент. (Из дел С.-Петербургского сенатского архива).— «Исторический вестник», 1904, № 7. В этой статье напечатано письмо Бегичева к Иону от 14 ноября 1830 г.; «Русский архив», 1902, № 1, с. 190, 191; Архив графов Мордвиновых. Т. VIII, СПб., 1903, с. 355—357.

²⁴ Есть сведения, что он написал водевили «Китайская роза», «Фофочка», «Сиротка». (См.: История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка за 250 лет, с. 394). Насколько они достоверны, не установлено.

²⁵ См.: Георгий Шторм. Потаенный Радищев. Изд. 3-е, М., 1974, с. 229.

жение образа жизни столичного и провинциального дворянства, чиновников и помещиков. И он приступил к созданию «Семейства Холмских». Первый вариант произведения был завершен в 1829 г. Бегичев обратился за советом и помощью к Н. А. Полевому. Журналист охотно согласился взять на себя не только редактирование, но и издание книги, так как автор надолго уезжал из Москвы. Бегичев 28 января 1830 г. был назначен гражданским губернатором в Воронеже, где оставался до 9 января 1836 г. Переплетение дружеских отношений с денежными расчетами между автором романа и издателем «Телеграфа» приводило порой к некоторым недоразумениям, которые впоследствии Ксенофонт Полевой изобразил в своих воспоминаниях в неблагоприятном для Бегичева свете. Е. П. Соковнина в статье о Бегичеве назвала рассказ К. А. Полевого несоответствующим действительности.

Об отношениях между писателем и Н. А. Полевым говорит письмо, посланное Бегичевым из Воронежа 24 мая 1830 г. (ОР ГБЛ, ф. 32, к. 17, ед. хр. 28). Вот отрывок из него:

«Любезнейший и почтенный Николай Алексеевич!

Я сообщил сочинителю романа *Семейство Холмских* предположения ваши; он на все, на все и на все согласен и предложил изъяснить вам чувства признательности своей за весьма лестный для него отзыв ваш и за помещение отрывков из романа его. Он просит вас не принимать за лесть то, что он вас душевно уважает, понимает вас и умеет отдать всю большую справедливость свойствам, дарованиям вашим и благонамеренным усилиям к общей пользе. — Поверьте ему, живущему теперь в отдаленной провинции, что Журнал ваш везде читают с удовольствием и что он много делал добра. — Мужайтесь, шествуйте неколебимо избранною вами стезею.

Сочинитель покорнейше просит вас сделать ему одолжение, приказать напечатать экземпляров десять, на лучшей бумаге, которые желал бы он раздать на память некоторым самым близким ему людям. — Впрочем, он еще несколько раз повторяет, что во всем и во всем полагается на вас».

Как показательно, что даже в личном письме к своему издателю и редактору Бегичев продолжает говорить об авторе романа в третьем лице.

Пока шла подготовка и издание романа, действительный статский советник развернул в Воронеже разнообразную и значительную работу. Он объединил вокруг себя передовых представителей местного общества. Особое внимание уделял развитию просвещения. Под его руководством был составлен проект памятника Петру I и реконструкции цейхгауза, сооруженного в начале XVII в. В 1833 г. Бегичев представляет проект на рассмотрение Николая I, который утверждает его в мае 1834 г.²⁶ Проект был в том же году отпечатан в Москве отдельным изданием, но памятник был открыт лишь в 1860 г.

Поддержал губернатор А. В. Кольцова. Поэт впоследствии написал в его честь стихотворение «Благодетелю моей родины», напечатанное в «Сыне Отечества» за 1840 г. (кн. IV) под редакцией Н. А. Полевого. В нем говорилось:

О, много раз — несчастных, бедных
Вас окружала пестрая толпа.
Когда вы всем, по силе мочи,
С любовью помогали им,
Тогда, с благоговеньем тайным,
Любил глядеть я молча,
Как чудно благодатным светом
Сияло ваше светлое лицо²⁷.

В этих стихах отразилась деятельность Бегичева — губернатора. В Воронеже и по всей губернии свирепствовала эпидемия холеры. Наступили неурожайные годы. Страшная болезнь и голод доводили население до отчаяния.

Бегичев с громадной энергией и решительностью приступил к борьбе с холерой. В городе была устроена больница для холерных больных на 200 человек. Получив сведения о противохолерном элексире, составленном Суриновым, губернатор отдал распоряжение о приготовлении лекарства в аптеках и использовании его при лечении. Он сам подготовил и издал книжку «Воронежский элексир» (Воронеж, 1830), напечатал сообщение о лечебном

²⁶ См.: Н. Поликарпов. Историческая записка о Воронежском губернском музее (1832—1894). Воронеж, 1896, с. 1, 2.

²⁷ А. В. Кольцов. Полн. собр. соч. СПб., 1909, с. 129. Первоначальное заглавие: «Его превосходительству Дмитрию Никитичу Бегичеву». В 1874 г. в «Русском архиве» (т. I) произведение было напечатано по рукописи, представленной Ю. А. Оболенским, зятем Д. Н. Бегичева.

средстве в «Санкт-Петербургских ведомостях»²⁸. Бегичев распорядился открыть дом, в котором могли поселиться вдовы и сироты, лишенные средств к существованию. В села были направлены смотрители, руководившие борьбой с холерой. Дмитрий Никитич Бегичев объезжал городские участки и сельскую местность, наблюдал за ходом дела.

С эпидемией удалось справиться относительно быстро. В связи с этим воронежцы поднесли Бегичеву три адреса. Первый подписали представители дворянства, второй — представители купеческого, мещанского и цехового сословий, третий — представители поселян²⁹. В них отмечалась самоотверженная деятельность губернатора. Собрание купечества, мещан и цеховых постановило просить через городского голову у министра внутренних дел позволения выгравировать портрет Бегичева и поставить в зале Градского общества и в Доме призрения сирот.

Правительство отметило труды губернатора награждением орденом св. Анны I степени и предоставлением ряда привилегий.

Так же успешно проводил Бегичев борьбу с голодом. Он испросил государственные субсидии, организовал закупку зерна по доступным ценам, справедливое распределение его среди населения.

Продолжал писатель и литературную работу. Государственная служба давала ему обширный материал для наблюдений, он составлял заметки об увиденном. С неослабевающим интересом знакомился с новинками литературы. Особое внимание Бегичева привлекает проза Пушкина, Гоголя. С интересом читает он романы и повести Н. А. Полевого, Ф. В. Булгарина, М. П. Погодина. Перечитывает «Российского Жилблаза» В. Н. Нарезного. И сам не оставляет пера. Перерабатывает для третьего издания «Семейство Холмских», пишет роман «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (4 ч.) и «Провинциальные сцены», напечатанные в 1840 г. До этого в 1838 г. он напечатал анонимно отрывки из последнего произведе-

²⁸ См.: Л. Ф. Змеев. Врачебные сочинения русских людей неврачей. — «Русский архив», 1894, кн. II, с. 592.

²⁹ Они напечатаны в «Московских ведомостях» (1831, №№ 90, 95, 96), второй и третий — в «Северной пчеле» (1831, №№ 291, 292).

дения в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (№ 49).

9 апреля 1836 г. Бегичев освобождается от обязанностей губернатора и продолжает службу в различных департаментах Сената. По достоинству оценив деятельность Дмитрия Никитича, Сенат поручал ему дела, связанные с ревизией и управлением государственным имуществом. Он был обер-прокурором, председателем комиссии по проверке сведений, привезенных ревизорами³⁰. Бегичева самого посылали ревизором в особо сложных случаях, когда местная администрация намеренно запутывала начатые ревизии и прибегала к самым отчаянным мерам, вплоть до уничтожения опасных бумаг и документов. Так, Бегичеву была поручена ревизия Орловской губернии, где было умышленно подожжено губернское правление. Он «нашел приговоры палаты уголовного суда, которые около 13 лет пролежали у губернатора, ожидая его утверждения, и, вероятно, оставались бы в том же положении и дольше, если бы не началась сенаторская ревизия»³¹.

В 1840 г. писатель становится тайным советником, сенатором, в 1843 г. награждается орденом Белого Орла. Помимо особых ревизий Бегичев ведет работу по организации образования для женщин. С 1844 г. он состоит попечителем Московского дома трудолюбия. Так назывались до 1847 г. женские учебные заведения второго разряда, в которых на полном содержании жили и обучались бедные и лишенные родительского крова девушки; принимались туда и пансионерки. В 1847 г. они были переименованы в Елизаветинские училища. Расширяя деятельность в области народного образования, Бегичев в 1846 г. становится членом Главного совета для управления женскими учебными заведениями. Жизненные наблюдения дали возможность Бегичеву создать яркие сатирические картины российской действительности 1830—1840 гг.

В 1840-е гг. Бегичев помимо уже названных произведений опубликовал повесть «Последствие услуги, оказанной кстати и вовремя»³².

³⁰ См.: «Русская старина», 1880, т. 29, с. 629; там же, 1894, № 1, с. 24.

³¹ История правительствующего Сената. Т. III, СПб., 1911, с. 643. См. также с. 641.

³² «Русская беседа. Собр. соч. русских литераторов». Т. III, СПб., 1842.

Скончался Дмитрий Никитич в ночь на 12 ноября 1855 г. в Москве и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря. Он оставил двух дочерей, стремившихся сохранить память об отце как писателе и государственном деятеле. Казалось, что литературная работа Бегичева забыта сразу после смерти. В «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний», изданном Ф. Толлем в 1860-е годы, он не упомянут. Но ценители русской литературы никогда не проходили мимо книг Бегичева и, в первую очередь, его романа «Семейство Холмских».

Неоднократно обращался к книге Бегичева Лев Толстой. Он прочел роман еще в детстве³³. Снова вернулся к произведению в 1851 г. Его заинтересовала описанная в романе нравственная работа человека над собой. «Семейство Холмских» побудило Льва Николаевича начать вести дневник. Он считал, что нужно переиздать роман, интересовался подготовкой сокращенного варианта³⁴.

Роман «Семейство Холмских» сыграл свою роль в процессе развития русской прозы. Пришло время осуществить полное научное издание этого произведения.

³³ См.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 66, М.— Л., 1953. с. 67.

³⁴ См. там же, т. 84, М.— Л., 1949, с. 35, 36.

БИБЛИОФИЛЬСКИЕ ИСТОРИИ

Я собираю книги. Читаю и перечитываю их. Всматриваюсь в строки текста, в иллюстрации, в подчеркивания и надписи читавших эти книги до меня. И книги оживают: открывают мне историю своей жизни, часто столь увлекательную, что с невольным трепетом вслушиваешься в это безмолвное повествование.

Сойдя с типографского станка, книги только начинают жить среди людей. Они переходят из одних рук в другие, третьи. Переживают своих авторов и читателей. Переносятся из эпохи в эпоху. Переплывают моря и океаны. Перелетают с одного материка на другой. Книги гибнут и снова возрождаются, как сказочная птица Феникс.

На переплетах, на полях книжных страниц постепенно накапливаются меты времени, как морщины на лицах людей.

Эту книгу когда-то надписал автор, подарив доброму другу. На полях той вдумчивый читатель позапрошлого века высказал критическое суждение о ее содержании. В третьей, что сейчас лежит передо мной, вклеены газетные вырезки полувековой давности и письмо, рассказывающее о том, как книга была встречена при ее первом выходе в свет...

Сколько интересного, поучительного могут поведать книги. Только успевай слушать и записывать.

КНИГА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Меня давно волнуют личность и творчество этого необыкновенного человека — революционера, поэта, ученого-энциклопедиста. Николай Александрович Морозов,

четверть века проведший в сырых казематах Шлиссельбургской крепости, не только не сдался, но и удивил мир взлетом творческой мысли в самых различных, далеко друг от друга отстоящих областях человеческой деятельности.

То, чего хватило бы на десятерых, он сделал один: трудно даже перечислить его книги и статьи по астрономии, астрофизике, метеорологии, математике, физике, химии, воздухоплаванию и авиации. А еще — рассказы и повести, стихотворения, несколько томов воспоминаний....

Полноту и разносторонность творчества Николая Александровича Морозова хотелось бы сравнить с могучим полноводьем Волги, которая вскормила и вспоила своего замечательного сына.

Но с чем сравнить удивительную нравственную чистоту и цельность Николая Александровича, которая так поражала его современников. Известный историк литературы Д. Н. Овсяннико-Куликовский, хорошо знавший Морозова, восхищенно замечал, что Николай Александрович принадлежит к тому типу людей, из души которых снопами излучается ее свет, ее жар, ее высокая моральная чистота, так что всякий входящий в общение с ними подпадает под действие этих лучей, невольно становится лучше, добрее, гуманнее, чище¹.

В моей библиотеке составила обширная подборка изданий работ ученого и писателя. Среди них — «Открытие в грозе и буре», «В поисках философского камня»,

*Н. А. Морозов
в своем кабинете*

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Воспоминания. Пг., 1923, с. 115.

«Пророки», «На границе неведомого», «Звездные песни» и многие другие.

Необычны они, эти книги, — свидетельницы удивительной судьбы редкостно цельного и поражающе талантливого человека. Вот, например, «Письма из Шлиссельбургской крепости». На серой, словно сукно арестантского бушлата, обложке художник Михаил Соломонов изобразил утонувшую в снегах мрачную Шлиссельбургскую крепость — забранные решетками окна, глубокий ров.

Книга, изданная в Петербурге прогрессивным издателем Аверьяновым в самом начале 1910 г., сразу же привлекла внимание передовой русской общественности. Лев Толстой, получив в конце апреля 1910 г. книгу от автора, писал Морозову: «...сейчас по получении раскрыл „Письма из Шлиссельбургской крепости“ и забыл свои дела — зачитался»².

Принадлежащий мне экземпляр «Писем» несет на себе следы долгой и славной жизни. Мягкая издательская обложка защищена прочным полукожаным переплетом. На обороте переплета наклеен розоватый ярлык: «Библиотека П. И. Макушина». И чернилами, как позже выяснилось, рукой владельца проставлен номер: 12 897. Той же рукой обозначена дата поступления книги Морозова в библиотеку — 18 мая 1910 года (в Ясную Поляну книга пришла в конце апреля).

Кто такой П. И. Макушин? Петр Иванович Макушин (1844—1926) — выдающийся сибирский просветитель. В 1870 году он основал в Томске первую публичную библиотеку, в 1873 году — открыл первый в Сибири книжный магазин. Макушиным издавались «Сибирская газета», газета «Сибирская жизнь». Первая была приостановлена на восемь месяцев после доноса катковских «Московских ведомостей», а в 1888 г. была закрыта совсем.

Понятно, почему тотчас же после выхода в свет «Писем из Шлиссельбургской крепости» Петр Иванович Макушин выписал книгу из Петербурга, «одел» в прочный переплет и поставил на полку публичной библиотеки: интерес сибиряков к личности и деятельности ученого-революционера был велик и его следовало удовлетворить.

² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 81, М., 1956, с. 239.

Кстати, передовые представители сибирской интеллигенции еще в 1909 году направляли Николаю Александровичу Морозову приглашение посетить ряд сибирских городов. Поездка ученого в Сибирь состоялась осенью 1915 года. В Томске Морозов и Макушин познакомились лично. Группа сотрудников «Сибирской жизни» преподнесла Николаю Александровичу экземпляр издания, посвященного городу Томску. На обложке его золотыми буквами были вытиснены инициалы Морозова. Надпись на титуле гласила: «Славному ветерану-борцу за светлое будущее России, великому шлиссельбургскому узнику Николаю Александровичу Морозову на память о посещении Томска (13—15 октября 1915 года)»³.

Каким же образом и когда книга-путешественница из Томска вновь попала на берег Невы?

Петр Иванович Макушин дожил до октябрьских дней и осуществления своих стремлений. После Октября он активно участвовал в организации государственной книготорговли в Сибири, был избран членом правления Сибирского краевого издательства. В 1924 году в Томске широко отмечалось восьмидесятилетие со дня рождения сибирского издателя-просветителя.

Макушин был связан дружескими узами со многими писателями, учеными, деятелями культуры. Ленинградскому книговеду и историку Константину Федоровичу Малахову он в двадцатые годы дарил книги, необходимые тому для работы по истории «Народной воли». Передо мной книга «Полувековой юбилей П. И. Макушина» с дарственной надписью Петра Ивановича Константину Федоровичу.

Мне посчастливилось отыскать книгу-путешественницу «Письма из Шлиссельбургской крепости» в ленинградском антикварно-букинистическом магазине, что расположен неподалеку от арки Главного штаба. Магазином этим в ту пору заведовал известнейший книжник-букинист, уроженец Ярославщины, И. С. Наумов.

Помнится, заглянул я в магазин. Окинул взглядом витрины — кажется, ничего нового. И вдруг — в глаза бросился потертый кожаный корешок, которого вчера еще

³ Б. Внучков. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1969, с. 98—99.

не было здесь. Попросил посмотреть: Морозов! Из библиотеки Макушина! Надо брать! А денег не хватает.

Иван Сергеевич, к которому я обратился с просьбой отложить книгу до завтрашнего вечера, молвил лукаво:

— Путешественница, говорите... Опасаетесь, что от вас упутешествует.

И, посерьезнев, добавил:

— Книга и должна быть путешественницей. А это — особенно крылатая книжка.

Старый книжник был прав. Он почти повторил слова Валерия Брюсова, который при выходе в свет «Писем из Шлиссельбургской крепости» предрекал им судьбу славную.

АВТОГРАФ ШЛИССЕЛЬБУРЖЦА

В письме к Николаю Александровичу Морозову от 12 января 1907 г. Иван Алексеевич Бунин шутливо, но тем не менее настойчиво требовал: «Будьте добры немедленно прислать нам Ваш автограф...»⁴. С подобными просьбами к Николаю Александровичу обращались в то время многие люди. Популярность несгибаемого революционера, выдающегося ученого, автора «Звездных песен» была столь велика, что на его лекции приходили подчас слушатели, которые интересовались не темой выступления, а самим оратором — недавним узником Шлиссельбурга.

После лекции к Морозову обычно со всех сторон тянулись руки с программками, фотокарточками, книгами: слушатели просили написать что-нибудь на память.

Но Николай Александрович был человеком редчайшей скромности. Он смущенно благодарил за внимание, раскланивался, улыбался, но надписывать фотографии и программки вежливо отказывался.

Дошедшие до нас дарственные надписи, сделанные Николаем Александровичем на его книгах, немногочисленны. Поэтому представляет особый интерес всякая новая находка, связанная с именем ученого-революционера. Подобные находки позволяют судить о круге лиц, с кото-

⁴ Там же, с. 154.

рыми Николай Александрович Морозов общался в предреволюционные годы, о характере взаимоотношений, связавших его с русскими учеными, писателями, общественными деятелями.

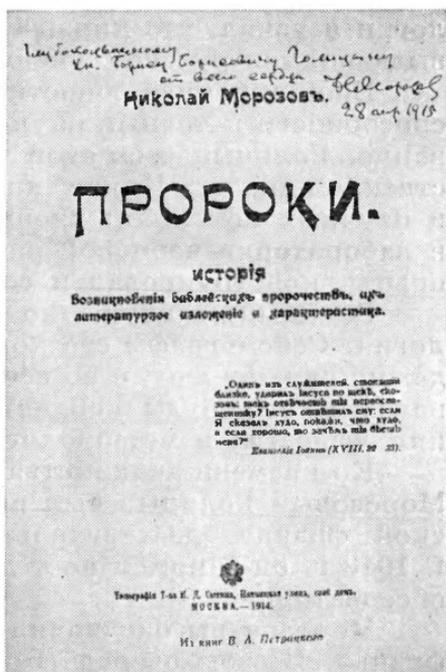
Есть в моем книжном собрании книга Морозова «Пророки». Издана она известным русским издателем, костромичом по рождению Иваном Дмитриевичем Сытиным в 1914 г. в Москве. На титульном листе автором сделана дарственная надпись: «Глубокоуважаемому кн. Борису Борисовичу Голицыну от всего сердца. Н. Морозов. 28 апр. 1915 г.».

Николай Морозов и князь Борис Голицын, революционер и аристократ, представитель одной из древнейших аристократических фамилий России... Нет ли в этом обнаружившемся на титуле книги соединении двух столь разнородных, на первый взгляд, имен чего-то странного? Может быть, надпись была сделана автором случайно? Но тогда — почему — «от всего сердца»?

Долго мучили меня эти вопросы. Ответа на них я не мог найти ни в известных биографиях Морозова, ни в научно-художественных книгах о нем.

Все стало бы ясным, узнай я, что представлял собой в те годы князь Борис Борисович Голицын, что связало его с революционером Морозовым.

Голицыных в русской истории было много. Справочники указывали дипломатов, полководцев, государственных деятелей, но Бориса Голицына среди них не было. И лишь при чтении научно-популярной статьи по сейсмо-

Титульный лист
книги Н. А. Морозова
с его автографом

логии я узнал, что князь Борис Борисович Голицын был выдающимся русским ученым-физиком.

Еще в ранней юности проявились у него большие способности к точным наукам. Получив блестящее образование, Голицын весь свой талант отдал служению отечественной науке. Княжеский титул не был ему помехой в научных исканиях: ученый самоотверженно занимался в лаборатории черновой работой, ставил многочисленные опыты, конструировал и собирал приборы.

Голицына заслуженно называют основателем сейсмологии. Сейсмографы его конструкции и в наше время надежно служат людям во всем мире. Специалистам хорошо известны его труды в области теории критического состояния вещества в метеорологии.

Ко времени знакомства с Николаем Александровичем Морозовым Голицын был признанным авторитетом в русской физике, действительным членом Академии наук. С 1913 г. он занимал пост директора Главной физической обсерватории.

Морозов высоко ценил научные достижения ученого физика. В свою очередь Борис Борисович Голицын живо интересовался работами Николая Александровича в области математики, физики, астрономии, оказывал ему помощь книгами из своей богатейшей библиотеки, предоставлял возможность проводить опыты в лаборатории.

Связывала ученых и общность многих научных интересов. С 1891 г. Морозов разрабатывал собственную теорию строения вещества. Впоследствии она была изложена в трехтомной работе «Строение вещества». Ряд фундаментальных работ Николая Александровича («Основы качественного физико-математического анализа», «Законы сопротивления упругой среды движущимся телам») был посвящен актуальным в то время проблемам физики и математики.

В начале века делала первые шаги русская авиация. Морозов, предвидя громадную будущность воздухоплавания, решил научиться летать. Он изучил основные принципы воздухоплавания, освоил управление аэропланом и получил звание пилота. Но этого ученому показалось мало. Морозов начал специальную работу по воздухоплаванию и в лице Голицына нашел соратника. Борис Борисович подготовил для Академии доклад о развитии возду-

хоплавания, редактировал первый русский учебник по аэронавигации.

Любовь к авиации еще более сблизила и сдружила ученых. Все это вместе взятое послужило основой для тесного творческого общения — встреч, обмена мнениями. Вот почему книгу «Пророки», содержащую попытку научного анализа библейских пророчеств, Николай Александрович Морозов подарил коллеге — «от всего сердца».

Дарственная надпись, напомним, была сделана 28 апреля 1915 года, а через год Борис Голицын скончался, в возрасте пятидесяти четырех лет от роду, в расцвете сил и дарования.

Автограф шлиссельбуржца на книге «Пророки» — важное для истории отечественной культуры свидетельство творческой близости выдающихся ученых.

ЖИВЫЕ НИТИ ПРОШЛОГО

Имя Михаила Кузмина известно любителям русской поэзии и ценимо ими. Это о Кузмине писал в свое время строгий Валерий Брюсов: дан ему «дар стиха певучего и легкого»⁵.

Книги стихотворений Кузмина, начиная с первой — «Сети», вышедшей в Москве в 1908 г., и кончая последней — «Форель разбивает лед», которая была напечатана в Ленинграде в 1929 г., трудно достать. Они крайне редко появляются на прилавках букинистических магазинов и сразу же исчезают с них — оседают в собраниях библиофилов.

Читателю понятно будет мое волнение, когда я однажды услышал от знакомого собирателя: в одной артистической семье хранится книга с автографом Михаила Кузмина, и семья эта, кажется, выразила желание расстаться с нею. В тот же вечер я буквально на крыльях полетел на улицу Герцена, по адресу, указанному мне моим знакомым.

И вот я листаю небольшую книжечку стихотворений поэта «Нездешние вечера» и с каждой перевернутой страницей делаю все новые и новые открытия...

⁵ В. Брюсов. Собр. соч. Т. 6, М., 1975, с. 340.

Книжечку я, разумеется, приобрел, перечел многократно. История ее жизни весьма интересна. О ней и ее авторе я и хотел бы рассказать.

Причудливы жизнь и судьба Михаила Алексеевича Кузмина, как причудливы и его творения — изысканно певучие стихи, романы с запутанным сюжетом, музыка к блоковскому «Балаганчику».

Детство Михаила Кузмина прошло на Волге. Он родился 10 октября 1875 г. в старинном Ярославле. Вскоре его родители переехали в Саратов. Здесь, на волжских просторах, постигал будущий поэт красоту русской природы, учился видеть,

Как рдеет в утреннюю стужу
Зимую русскою восток⁶.

Переезд в 1885 г. в Петербург наполнил душу впечатлительного мальчика новыми переживаниями — пробудилась тяга к книге, музыке, театру. После окончания гимназии Михаил не пошел, как ожидали, изучать литературу, а поступил в консерваторию, начал сочинять музыку.

Казалось бы, творческий путь многосторонне одаренного юноши определился. Но следует крутой поворот, и Кузмин отправляется в длительное путешествие по Италии и Египту.

Прикосновение к истокам человеческой культуры повлекло пробуждение интереса к истокам славянской и русской культуры и книжности. В начале века Михаил Кузмин сближается со старообрядцами и вместе с ними ездит по северным русским деревням в поисках древних русских книг.

С таким необычным, разнообразным жизненным и творческим опытом вступает Михаил Кузмин в девяностых годах в литературу. Его первое выступление в печати датируется бурным 1905 годом. В 1907 г. в печати появляется повесть «Крылья». В этом же году в Петербурге выходит сборник «Три пьесы», конфискованный цензурой. В следующем году русский читатель знакомится с первой книгой стихов Кузмина, которая носила название «Сети».

В каких только литературных жанрах не работал

⁶ М. Кузмин. Нездешние вечера. Пб., 1921, с. 25.

писатель! Он создавал стихи и повести, романы и пьесы, писал по вопросам литературы, театра, живописи, переводил произведения Апулея, Боккаччо, Шекспира.

Однако не все написанное Михаилом Кузминым выдержало испытание временем. Куртуазная, или амурная проза, лишенная всяких примет эпохи и социального содержания, для нас устарела. Лишь историко-литературный интерес представляют многие статьи по вопросам искусства, проникнутые идеями символизма и акмеизма. Но Кузмин остался в истории отечественной литературы как большой мастер стиха. И книжка «Нездешние вечера» — один из интереснейших его стихотворных сборников, относящихся к периоду творческой зрелости поэта.

Выпущена книга в 1921 г. петроградским издательством «Петрополис». На шмуцтителе читаем: «Настоящее издание отпечатано в количестве 1000 экземпляров, из них 62 именных и 100 нумерованных в продажу не поступают. Обложка и марка работы М. В. Добужинского».

Кстати, с художниками «Мира искусства» у Михаила Кузмина были тесные творческие и дружеские связи. Он был близок с Константином Сомовым, Сергеем Судейкиным. Сомов и Судейкин иллюстрировали его книги. Кисти Сомова принадлежит великолепный портрет Михаила Кузмина, который иллюстрирует наш рассказ.

Ныне сборник «Нездешние вечера» — редкость. Мой экземпляр — редкость особая. На нем — автограф поэта: «Антону Исаковичу Шварц. М. Кузмин. 1922, январь».

Надпись почти выцвела. Острые, падающие вправо буквы, словно покосившийся забор, вот-вот готовый рухнуть...

*М. А. Кузмин.
Портрет работы К. Сомова*

Но скупая надпись эта говорит о многом, доносит до нас аромат теперь уже далекой эпохи. Антон Шварц, которому поэт подарил книгу стихотворений, был в то время начинающим актером-чтецом. На страницах сборника сохранились следы его актерской работы: помечены ритм и темп чтения, повторы и т. п. Ранее не было известно, что Шварц читал стихи Кузмина. Теперь это можно утверждать вполне определенно. Артист сам признавал позднее: «В творческой юности гротеск и напряженная эмоциональность привлекали меня больше, чем мысль»⁷. Но ведь гротеск и эмоциональная напряженность присущи «Нездешним вечерам».

В конце тридцатых годов Антон Шварц стал признанным мастером художественного чтения. Мастерски, вдохновенно, как вспоминают слышавшие его, Шварц читал Пушкина — и стихи, и прозу...

Может быть, в работе над пушкинским стихом помог чтецу и опыт Михаила Кузмина. Сказать, насколько тесным был творческий союз маститого поэта и молодого артиста, трудно, но что он существовал — несомненно. Об этом рассказывают нам и дарственная надпись Михаила Кузмина на сборнике «Нездешние вечера», и пометы Антона Шварца на полях книги.

Остается добавить, что дружеские и творческие связи людей не всегда лежат на поверхности их жизни: они часто таятся в ее недрах и уходят вместе с жизнью. Но книги обладают чудесным свойством — хранить во времени и воскрешать из небытия эти волнующие нас живые нити прошлого.

⁷ Сб. «Пушкин в звучащем слове». Л., 1936, с. 50.

ΣΑΧ
ΜΗΝΥΒΩΝΕ

Е. Немировский

О БИБЛИОТЕКАХ, КНИГОЛЮБАХ И... ФАЛЬСИФИКАТОРАХ

Главы из документальной повести
«По следам первопечатника» *

САРАТОВСКИЙ КНИГОЧИЙ

Судьбы ученых не похожи одна на другую.

Один из старых русских книгописателей Павел Михайлович Строев 17 лет от роду стал автором «Краткой российской истории», имевшей большой успех у читающей публики. Константин Федорович Калайдович, автор первой русской книги по истории книгопечатания, умер, не дожив до 40 лет. Александру Александровичу Гераклитову шел 41 год, когда он увидел в печати свою первую статью.

Путь Гераклитова в науку был труден и длинен. Клио, муза истории, служить которой он страстно стремился, ответила ему взаимностью уже на склоне его лет.

Было время, когда Александр Александрович учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. Обстоятельства сложились так, что уже через год он вынужден был оставить учение. А затем, в течение 10 лет, он — писец 2 разряда — ходил на опостылевшую с первых дней службу — в Саратовскую казенную палату. Потом менял работу, но, к сожалению, не род деятельности — переписывал бумаги в железнодорожном ведомстве, в губернском правлении. Вечерами занимался самообразованием, изучал иностранные языки. Освоил латынь и греческий, затем французский, немецкий, итальянский, английский...

В начале 1908 года один из сослуживцев рассказал Александру Александровичу, что в Саратове давно уже — с 1886 года — существует Губернская ученая архивная комиссия. Гераклитов воодушевился.

«Узнал..., — записывает он в дневнике, — что попасть в члены не составляет больших затруднений и что, кроме музея и архива, Комиссия обладает весьма богатой библиотекой, хотя и находящейся в беспорядке. Это-то обстоятельство меня больше всего, кажется, и подкупило».

Отныне, прямо со службы, Гераклитов отправляется в Комиссию и до поздней ночи трудится в библиотеке или архиве. Сильно устает, на первых порах его одолевают сомнения.

* Вниманию читателей предлагаются отрывки из документальной повести, рассказывающей не столько об Иване Федорове, сколько о следопытах, которые на протяжении вот уже двух столетий разыскивают в архивах и книгохранилищах сведения о многотрудной жизни первопечатника.

Первые главы повести публиковались в журнале «В мире книг» (1977, № 2) и в «Альманахе библиофила» (Вып. 4, М., 1977).

«Думается, не напрасно ли взялся я за это дело, — записывает он в дневнике, — так как при нашей проклятой службе времени совсем не остается. Но теперь все же я добился того, что много раз сильно хотел — доступа в большую библиотеку. Ведь подумать только — 12 000 томов и я там хозяин! Все свое время буду отдавать библиотеке, приведению ее в порядок и составлению систематического каталога».

Год спустя Гераклитов стал хранителем архива Комиссии. Колоссальные трудовые помогло ему овладеть методикой вспомогательных исторических дисциплин, о которых он ранее и не слышал — палеографии, сфрагистики, филигранологии, геральдики...

В «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» начинают появляться его статьи: «Некоторые данные о садоводстве в минувшем столетии», «Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков», «Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове»...

После Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Гераклитова пригласили на только что открытый историко-филологический факультет Саратовского университета. Он пришел сюда 1 декабря 1917 года на должность библиотекаря, в 1919 году стал доцентом, в 1928 году — профессором.

Революция строила по новому судьбы людей. Меняла она и судьбы библиотек.

Бежали за границу властители прежней жизни — князья и графы, банкиры и скотопромышленники... Их родовые собрания, их богатые коллекции картин, фарфора, книг поступали в государственные хранилища. В Саратовский университет привезли библиотеку П. М. Мальцева — старообрядца, миллионера-хлебопромышленника, жившего в Заволжье. В собрании было много рукописей и старопечатных книг. Разбирал их и описывал Александр Александрович Гераклитов.

Тут-то и заинтересовали его пять изданий, в которых не было указаний ни на место, ни на время печатания — три «Евангелия», «Триодь постная» и «Псалтырь». Александр Александрович легко установил, что это те самые издания, которые в известной уже читателю работе И. П. Каратаева описаны под №№ 64, 65, 66, 67 и 82. Каратаев полагал, что книги эти напечатаны в одной из южнославянских типографий — где-нибудь в Сербии или Валахии. А. А. Гераклитов, хорошо знавший русскую историческую литературу, вспомнил о работах А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина. Эти археографы писали о тех же самых изданиях, но утверждали, что книги были напечатаны в Москве.

Кто прав — Викторов с Кавелиным или Каратаев?

Тщательно изучив издания, Гераклитов пришел к выводу о их московском происхождении. Об этом говорил шрифт, рисунок которого восходил к полууставу московских рукописей XV — XVI вв. В рукописях Александр Александрович встречал похожие заставки и буквы. Бесспорно русской была редакция текста.

Но когда эти издания напечатаны?

Викторов отвечал на этот вопрос, анализируя владельческие записи, которых в его распоряжении было не так уж много. Более точную дату можно было установить с помощью филиграней, или водяных знаков. Делать это пытался и Викторов. Но у него под руками не было тех замечательных пособий по филигранологии, которые появились уже после смерти ученого хранителя Отделения рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музеума.

Гераклитов же был вооружен до зубов.

Здесь мы на время покинем саратовского книгочия, чтобы познакомиться с филигранологией и ее успехами на рубеже XIX и XX столетий.

КОЕ-ЧТО О ВОДЯНЫХ ЗНАКАХ

В стародавние времена бумагу отливали вручную, черпая жидкую бумажную массу рамой, на которую натягивали частую сетку.

На сетке шелком или тонкой проволокой вышивали какой-нибудь рисунок. При отливке бумажная масса ложилась поверх рисунка более тонким слоем. Когда лист высыхал, на его поверхности формировался незаметный глазу рельеф. Увидеть его можно было, лишь посмотрев лист на просвет: на более темном фоне возникал четкий светлый рисунок — «водяной знак» или «филигрань».

Филиграни были своеобразной торговой маркой, с помощью которой можно было установить, в какой мастерской изготовлена бумага. Каждая мастерская использовала свой знак, не похожий на другие. У одной это был «орел», у другой — «корона», у третьей — «медведь»...

Проволочная вышивка быстро изнашивалась, ее часто приходилось менять.

— Опять надо делать новую филигрань, — сетовали мастера.

Все это им очень не нравилось.

Но покупатели привыкли к водяным знакам и не брали бумагу, не имевшую их. Филигрань в их глазах была своеобразным знаком качества, гарантировавшим прочность бумаги и то, что чернила на ней не будут расплываться.

Изготавливая новую филигрань, мастера невольно меняли старый рисунок. Это был все тот же «медведь» или та же «корона», но один из штрихов был опущен, другой появился вновь, да и размеры знака были другие.

Эта особенность водяных знаков со временем сослужила великую службу науке. Ученые предположили, что с помощью филиграней можно более или менее точно датировать документы и книги, время составления или изготовления которых не указано. Предположение подтвердилось.

Допустим, что у нас в руках письмо, автор которого не позабыл проставить точную дату. А рядом лежит документ, время составления которого неизвестно. Документ и письмо написаны на бумаге с полностью

Подобны знаки на Бумагах 1-го сорта

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

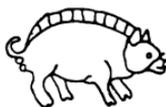

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

Рис. 36

Водяные знаки
безвыходных изданий

идентичными филигранями. Остается предположить, что и составлены они были примерно в одно и то же время.

Датированный и недатированный документ с одинаковыми водяными знаками редко попадают в руки одного и того же исследователя. Выход один — нужно составить альбом датированных филиграней.

Исходные материалы для научных гипотез и построений поставляют энтузиасты-регистраторы.

Современным ученым, свободно оперирующим с фактами, никогда не следует забывать о них.

Всю свою жизнь, даже в камере долговой тюрьмы, библиограф Людвиг Хайн описывал инкунабулы — печатные книги XV века. В его четырехтомном каталоге, которым ученые пользуются и поныне, 16 299 позиций.

Плотник и штукатур Иван Филиппович Масанов, ставший известным библиографом, собрал и раскрыл более 50 тысяч псевдонимов русских писателей.

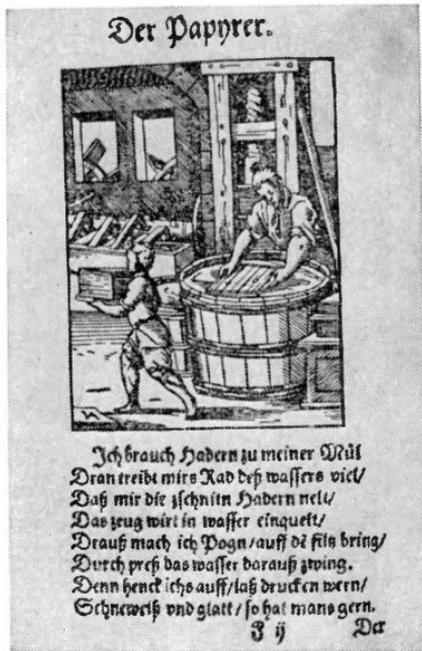
На протяжении 40 лет швейцарец Шарль Брике срисовывал водяные знаки из документов и книг всех времен и народов. В 1907 году он издал в Женеве четырехтомный альбом с репродукциями 16 222 филиграней и указанием примерных или точных дат их использования.

Были у Брике предшественники, в том числе русские. В 1824 году вологодский купец Иван Лаптев выпустил в Петербурге книгу «Опыт

в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое написаны старинные рукописи». Любитель старины Корнилий Яковлевич Тромонин в 1844 году составил альбом «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов». Здесь было воспроизведено 1827 водяных знаков. Альбом не потерял значения по сей день: в 1965 году его переиздали в Нидерландах.

Особенно велик вклад, сделанный в филигранологию академиком Николаем Петровичем Лихачевым (1862—1936). В его знаменитом труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899) было воспроизведено 4258 филиграней.

В Научной библиотеке Саратовского университета были альбомы Н. П. Лихачева и Ш. Брике; А. А. Гераклитов неоднократно пользовался ими. Те знаки, ко-

Изготовление бумаги.
 Гравюра Иоста Аммана

торых он не мог отыскать в альбомах, Александр Александрович аккуратно срисовывал на отдельных листах бумаги. Постепенно их накопилось свыше тысячи. Можно было подумать о создании собственного альбома, хотя время — трудное и голодное — явно не благоприятствовало этому.

И все же, альбом был составлен. Вышел он в свет в 1963 году, через 30 лет после смерти трудолюбивого саратовского книгочия.

«ДАТУ ТОЧНУЮ НАШЕЛ»

25 марта 1923 года А. А. Гераклитов сделал доклад о московских безвыходных изданиях в заседании Исследовательского института при Саратовском университете. Три года спустя доклад был опубликован в «Ученых записках» университета. Здесь впервые была описана одна из безвыходных «Псалтырей», которую впоследствии назвали среднешрифтной.

Александр Александрович Гераклитов подробно проанализировал шрифт, орнаментальные украшения и типографскую технику безвыходных изданий и пришел к твердому выводу, что все они вышли из одной типографии.

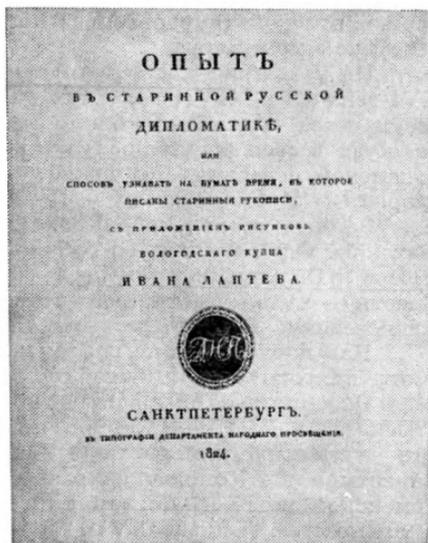
А. Е. Викторов в свое время нашел в одном из безвыходных «Евангелий» запись, датированную 1563 годом. На этом основании он утверждал, что книга напечатана раньше, чем знаменитый «Апостол» Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

А. А. Гераклитов на одном из саратовских экземпляров обнаружил более раннюю запись — она была сделана 1 сентября 1561 года и повествовала о том, что книгу «купил... благовецкий поп Леонтий Устинов сын Устюжанин у старца у Мисаила у Сукина».

Благовецкий поп Леонтий служил в придворной церкви московских царей. Известен историкам и Мисаил Сукин — он производил следствие по делу Сильвестра, другого благовецкого попа, одного из руководителей «Избранной рады», которая вершила судьбу Московской Руси в юношеские годы царя Ивана Грозного.

Запись была сделана в Москве.

Когда автор этих строк работал над монографией «Возникновение книгопечатания в Москве» (М., 1964), он решил изучить записи во всех сохранившихся экземплярах безвыходных изданий. Их оказалось немало: 22 узкошрифтных «Евангелия», 10 «Триодей постных», 20 среднешрифтных «Евангелий», 4 среднешрифтные «Псалтыри», 11 широкошрифтных «Евангелий» и 5 широкошрифтных «Псалтырей», а всего 72 экземпляра изданий

Титульный лист
книги И. Лаптева

первой русской типографии. Впоследствии, надо сказать, были найдены и другие экземпляры.

На узкошрифтных «Евангелиях» мне удалось обнаружить 6 записей XVI века и 4 — XVII века. Все они были сделаны в пределах Московского государства — в подмосковном селе Лучинском, в Песношском монастыре, куда в свое время послал провинившегося сына старик Калайдович, в далекой северной Лампожне, в Соли Вычегодской, в городах южной «украины» Русской земли — Путивле и Козельске.

Записи московского происхождения — и на экземплярах «Триоди постной». Один из них, из собрания Чудова монастыря, побывал в руках Петра I. Об этом рассказано в следующих словах: «Сия книга глаголемая Треоть — худая и старая — государю царю и великому князю Петру Алексеевичу...»

Как после этого не говорить, что Петр интересовался историей русского книгопечатания — собирал «худые и старые» книги?

Экземпляры среднешрифтного «Евангелия», которые мне удалось отыскать, в XVI — XVII вв. находились в центральных областях России — в Москве, в монастыре Успения на Кубре, в Озерско-Николаевском монастыре на Комельском озере, в Троице-Сергиевом монастыре, в Коломенском уезде. Бытовала книга и в Поволжье — «в Свиязском городе в монастыре». Лишь в XVII веке на экземплярах этой книги появляются украинские, белорусские, молдавские записи — старейшая из них сделана в 1605 году.

География древнейших записей на безвыходных изданиях косвенно свидетельствует об их происхождении — книги прежде всего продавались на территории того государства, в котором они были напечатаны.

Что же касается версии И. П. Каратаева — «напечатано в одной из южных типографий», то изучение записей начисто ее опровергает. Я не нашел ни одной записи на безвыходных изданиях, которая была бы сделана в Сербии, Черногории, Болгарии, Валахии...

Вывод этот много лет назад был сделан Александром Александровичем Гераклитовым, который имел в своем распоряжении одни лишь саратовские экземпляры. В статье «К вопросу о раннем московском книгопечатании», датированной 25 марта 1922 года, он подробно описал узкошрифтное «Евангелие» и подчеркнул: «утверждение Каратаева о том, что „Евангелие“ напечатано не в Москве, не обоснованно; все приметы указывают на то, что книга напечатана в пределах Московского государства».

В докладе, прочитанном 25 марта 1923 года, этот вывод был распространен и на другие безвыходные издания. Особенно тщательно здесь был проведен анализ водяных знаков, позволивший Гераклитову утверждать, что безвыходные издания напечатаны в Москве в 50-х годах XVI столетия.

Доклад Александра Александровича вызвал оживленные прения. Один за другим выходили на кафедру коллеги Гераклитова, и все они подчеркивали значение его работы.

Местный острослов В. А. Бутенко прислал Александру Александровичу записку со стихотворным экспромтом:

Рассмотрел все филиграни,
Все заставки изучил.
Все, что где писал кто ране,
К изученью приобрел.
Сосчитал в «Псалтыри» знаки,

Снимки выложил на стол
И, пройдя искусно в мраке,
Дату точную нашел.

Много лет спустя я обнаружил эту записку среди бумаг А. А. Гераклитова, которые хранятся в Ленинградском отделении Института истории.

С ЛИНЕЙКОЙ И УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ

Когда я познакомился с Антониной Сергеевной Зерновой (1883—1964), она была уже пожилым человеком.

Более сорока лет, изо дня в день, Антонина Сергеевна приходила в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. И весь день с линейкой и увеличительным стеклом сидела над старопечатными книгами.

Книги эти она знала так, как, пожалуй, никто до нее не знал, да и после нее никто не знает. Между тем специального образования в этой области она не имела.

Родилась А. С. Зернова в богатой семье и, быть может, никогда не занималась бы старыми книгами, если бы не революция. Пригласил ее в библиотеку тогдашний ученый секретарь Николай Федорович Гарелин (1883—1928). Отзывчивый, глубоко интеллигентный человек, превосходный администратор, он оставил по себе хорошую память в Библиотеке. «Инициатор значительной доли ученых работ всей Ленинской библиотеки», — так характеризовал его заместитель директора Библиотеки Д. Егоров.

Между тем в стены крупнейшего московского книгохранилища Гарелин попал так же случайно, как и Зернова. До революции он нигде не работал, но всю свою сознательную жизнь учился. На естественном факультете Московского университета специализировался в области химии. На философском факультете Лейпцигского университета слушал лекции по египтологии. Докторскую диссертацию посвятил средневековой литературе.

«У него установился более или менее определенный ритм жизни, — вспоминал впоследствии его товарищ А. Л. Любимов, — учебное время в Лейпциге, зимние и весенние каникулы — путешествие где-нибудь за границей, осенью — в России».

Из года в год Н. Ф. Гарелин накапливал знания. Отдавать их людям он начал после революции, когда, по словам того же А. Л. Любимова, «судьба неожиданно поставила его на служебную дорогу и вместе с тем понемногу призвала его на верный путь».

Работал он, не покладая рук. «Изумительно было наблюдать изо дня в день тот вулкан рабочей энергии, который кипел в этом болезненном на вид человеке», — вспоминал впоследствии Д. Егоров.

Трудами Н. Ф. Гарелина в Библиотеке был создан Музей книги. Вместе с Николаем Петровичем Киселевым, лучшим у нас знатоком истории западноевропейской книги, он составил первый послереволюционный путеводитель по Государственному Румянцевскому музею. С 1926 года активно сотрудничал в «Большой Советской Энциклопедии», опубликовав за два года на ее страницах свыше 50 статей.

Таким был человек, пригласивший в Ленинскую библиотеку Антонину Сергеевну Зернову. Он же посоветовал ей заняться славянскими старопечатными книгами.

Н. П. Киселев в одной из своих работ назвал многолетние труды А. С. Зерновой подвижническими. Эпитет соответствует истине. Нужно было иметь большое мужество, чтобы на всю жизнь добровольно запереть себя в узком, ограниченном полках со старыми книгами пространстве. Однообразная и изнурительная работа, сличение различных экземпляров одной и той же книги — страница за страницей и строка за строкой — не обещали ни славы, ни материального благополучия.

За кропотливой регистрацией фактов легко просмотреть стоящие за этими фактами явления как социально-политического, так и сугубо технического плана. Но без такой регистрации немислима серьезная теоретическая проработка явлений, интересующих историка, филолога, искусствоведа...

Героические подвиги безвестных землепроходцев предшествуют освоению богатств, тающихся в недрах недавно еще таинственного края. Так же и предварительная регистрация, первичное освоение фактов — необходимое условие будущего расцвета пока еще не оперившейся науки.

Такая работа часто остается в количественных рамках. Выйти за их пределы дано немногим. А. С. Зернова оказалась в их числе.

А. Е. Виктор в свое время назвал «замечательным открытием» находку «Псалтыри», напечатанной белорусским просветителем Франциском Скориной в Праге в 1517 году. Несколькими такими открытиями отмечена деятельность Антонины Сергеевны.

В «Сказании известном о воображении книг печатного дела», составленном в середине XVII века, рассказывается о том, что мастер Никита Фофанов, ученик Ивана Федорова, в годы польско-шведской интервенции основал типографию в Нижнем Новгороде. Первооткрыватель сказания К. Ф. Калайдович сомневался в справедливости этого известия. Да и другие книговеды соглашались с ним.

В 1925 году А. С. Зернова обнаружила в Ленинской библиотеке 12-страничную тетрадь с отпечатанным кирилловским шрифтом текстом, в конце которого указывалось:

«Начато бысть сие богодохновенное и трудолюбное дело новая шанба, сии речь печатных книг дело, в Нижнем Новгороде в лето 7721 году (т. е. 1613 г.) месяца генваря в 5 день... снисканием и труды многогрешного Ианикиты Федорова сына Фофанова, псковитина».

Кроме этой тетрабочки ни одной книги, отпечатанной в Нижегородской типографии, до нас, к сожалению, не дошло. Но такие книги бесспорно были.

Вернемся, однако, к нашей теме. Трудам и дням первопечатника Ивана Федорова А. С. Зернова посвятила небольшой, но исключительно емкий труд «Начало книгопечатания в Москве и на Украине». Судьба книги во многом необычна. Она была кончена и сдана в набор перед Великой Отечественной войной. Тогда же ее успели и отпечатать. Тираж лежал в ленинградской типографии «Печатный Двор» и в первые дни войны погиб от фашистской бомбы. Вторично книга была напечатана уже после Победы — в 1947 году в Москве. Она открывала «Собрание работ по книговедению», которое замыслил Отдел редких книг Ленинской библиотеки. К сожалению, серия оборвалась на втором выпуске.

В книге Зерновой 104 страницы. Как будто бы немного! Но каждая из этих страниц — плод многодневных и многомесячных наблюдений, тщательного изучения бумаги, шрифта, заставок и других украшений старопечатных книг.

Историк и библиограф архимандрит Леонид Кавелин утверждал, что одно из безвыходных «Евангелий», а именно широкошрифтное, напечатал Иван Федоров. Утверждение это ученый монах доказывал тем, что удивительно красивая заставка книги напечатана с той же самой доски и в «Апостоле» 1564 года, на котором стоит имя первопечатника.

На первый взгляд заставки идентичны. С увеличительным стеклом в руке Антонина Сергеевна не раз рассматривала их. И вдруг заметила, что в одном случае одна из двух переплетающихся ветвей, составляющих узорную ткань изображения, идет вправо, а в другом месте — влево. Значит, заставки отпечатаны с разных досок.

Отсюда следовал важный вывод о том, что типография, печатавшая безвыходные издания, и типография Ивана Федорова не имели общих типографских материалов. Вывод связан с другим, более значительным. А. С. Зернова высказала его в категорической форме:

«Иван Федоров не был первым московским печатником».

Оба вывода в дальнейшем были оспорены.

Что же касается типографских материалов первой московской типографии, то в московских, заблудовских, львовских и острожских изданиях Ивана Федорова они действительно не встречаются.

Но в 1955 году ташкентский филолог Григорий Иванович Коляда, рассматривая «Октоих», выпущенный в 1604 году в Дермани, неожиданно наткнулся на одной из страниц на оттиск затейливой концовки. Не составляло труда установить, что в качестве концовки типограф использовал перьевую листовку буквицу «Т», положив ее на бок. Г. И. Коляда установил, что гравюрка отпечатана с той же самой доски, что и в одном из безвыходных изданий — в широкошрифтной «Псалтыри».

Село Дермань лежит верстах в 20-ти от Острога, оно издавна принадлежало князьям Острожским. Доску, когда-то принадлежавшую московской типографии, мог привезти сюда только Иван Федоров. А значит, между ним и этой типографией существовали определенные связи.

БЫЛ ЛИ ПОЖАР?

«С сильно бьющимся сердцем просыпается Иван Федоров. Что за диковинный сон! Да сон ли это? Он вскакивает с лавки... Вся изба полна света, свет яркий, красноватый, словно от пламени, врывается в слюдяные оконца».

Иван Федоров не может прийти в себя, не может понять, где он, что с ним, сон ли это, наяву ли? А что это за звон, звонят так часто, словно в набат.

— Горит, друкарня горит! — вдруг раздался со двора отчаянный крик Петра Мстиславца.

Иван Федоров сразу очнулся. Опрометью бросился он в сени, из сеней на двор... друкарня с двух сторон была объята пламенем.

— Бсжим скорей, — шептал Петр Мстиславец, — злодеи подожгли друкарню, они убьют нас... бежим через задний двор...

Иван Федоров словно окаменел. Остановившимися глазами глядел он прямо перед собой, глядел на это яркое пламя, которое беспощадно губило труды его рук, его друкарню, его станок...

— Колдун, чернокнижник,— раздавались голоса с улицы.— Сам бог покарал тебя за ересь, сам бог погубил дьявольское дело».

Так детская писательница Е. Волкова описала пожар в типографии Ивана Федорова в «историческом рассказе» «Первый русский печатник», выпущенном в 1903 году в Вятке, а затем переизданном в Петербурге.

О поджоге типографии говорили многие. При этом обычно ссылались на англичанина Джильса Флетчера, который в 1588 году ездил в далекую Московию послом от королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу. Вернувшись домой, Флетчер написал книгу «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Она была издана в Лондоне в 1591 году. Рассказывал Флетчер и о начале книгопечатания в Москве:

«Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок, и здесь была основана типография с позволения самого царя. Но вскоре дом ночью подожгли, и станок с литерами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство».

Иван Федоров в повести о своих злоключениях, отпечатанной на страницах изданного им во Львове в 1574 году «Апостола», о пожаре не упоминает.

Так был ли пожар или нет?

Отвечая на этот вопрос, Антонина Сергеевна Зернова пошла, казалось бы, по самому простому пути. По нему, однако, до нее никто не шел. Она решила проверить, действительно ли погибли типографские материалы московской типографии Ивана Федорова: шрифты, гравированные доски для заставок и инициалов.

Оказалось, что нет. Московский шрифт Иван Федоров увез в Великое Княжество Литовское и использовал его до конца своей жизни. Увез он и доски заставок. Доски оказались удивительно прочными — они применялись во Львове и 200 лет спустя после смерти первопечатника. А. С. Зернова проследила их употребление до 1772 года. А львовский искусствовед Аким Прохорович Запаско недавно нашел оттиски с них в изданиях начала XIX века.

Чтобы увезти все это, нужно было, не торопясь, нагрузить одну-две подводы. А значит, сделала вывод Антонина Сергеевна, «разгрома типографии Ивана Федорова, подожженной враждебно настроенной толпой, грозившей убить печатника, по всей видимости, не было; если и была сожжена, то анонимная типография». Та самая, в которой печатались безвыходные издания.

И еще об одной загадке, разгаданной А. С. Зерновой.

В некоторых экземплярах знаменитой «Острожской Библии», напечатанной Иваном Федоровым в украинском городе Остроге, в качестве даты выхода указано 12 июля 1580 года, а в других — 12 августа 1581 года.

Давно замечено, что отдельные листы «Библии» не сходны один с другим — они известны в двух, а иногда и в трех вариантах. Библиограф и собиратель Вукол Михайлович Ундольский в свое время нашел несколько тетрадок прославленного издания — 48 страниц,— отпечатанных не тем шрифтом, что в обычных экземплярах. Такие же тетрадки, вплетенные в

«Библию», в дальнейшем были найдены в библиотеках Варшавского и Саратовского университетов.

Вывод вроде бы напрашивался сам собой: Иван Федоров напечатал не одно, а два издания «Острожской Библии».

— Нет! — сказала Антонина Сергеевна.

Изучив 34 экземпляра, хранившихся в Ленинской библиотеке, она установила, что варианты встречаются почти в каждом из них, причем комбинация вариантов совершенно случайна. Появилась возможность утверждать:

— Было одно издание «Острожской Библии», а не два!

А. С. Зернова не знала, что еще в 1938 г. английский исследователь Джон Барникот нашел в Британском музее, а затем и в старинной Бодлеянской библиотеке экземпляры «Библии» с двумя выходными листами — на одном был указан 1580 год, а на другом — 1581-й. Лист с датой «1581» был вклеен в экземпляры позднее.

Издание, видно, готовили к выпуску в свет в 1580 году, но не успели. Тогда напечатали новый выходной лист с более поздней датой и вклеивали его в уже сброшюрованные экземпляры. Лист со старой датой осторожно вырывали.

Новый лист вклеили не во все экземпляры. А в некоторые вклеили, но забыли вырвать старый. Так пошли гулять по свету экземпляры с двумя выходными листами. Их оказалось немало — автор этих строк видел их в Киеве, во Львове и в Кракове.

В Научной библиотеке Львовского университета мне показали «Острожскую Библию», открыв которую, я не поверил глазам.

«Напечатано мною многогрешным Иоанном Феодоровым сыном з Москвы,— стояло в выходном листе,— в богохранимом граде Остроге... 1571 месяца августа 12 дня».

Выходит еще до львовского «Апостола» 1574 г., который считается первой украинской печатной книгой! Сенсационное, можно сказать, открытие!

Открытие, однако, не состоялось. Присмотревшись, я увидел, что лист с датой, смутившей меня, не напечатан, а очень искусно воспроизведен от руки. Каллиграф, делавший его, видимо ошибся и вместо «1581» написал «1571».

ОТКРЫТИЕ КНИГОЛЮБА АНУШКИНА

Факты — хлеб науки. Но сами по себе они ничего объяснить не могут. Архивные документы о жизни и деятельности Ивана Федорова, новые экземпляры напечатанных им книг, владельческие записи на этих экземплярах... Факты накапливались постепенно, исподволь. Пришло время, чтобы количество перешло в качество.

Многие поколения историков и книговедов изучали вопрос о начале книгопечатания на Руси. Но лишь советская наука нашла место этому важному событию в политической и социально-экономической истории Московского государства.

Старые книговеды, говоря об основании первой типографии в Москве, считали это событие результатом личных, а скорее — единоличных устремлений царя Ивана IV и митрополита Макария. Советские исследо-

Страница
из Острожской Библии
(1580—1581)

Страница из рукописного
Евангелия, переписанного
в мастерской Сильвестра

ватели А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, П. Н. Берков, А. А. Сидоров показали, что начало книгопечатания представляет собой комплекс явлений политического, социально-экономического и культурно-исторического характера. Великому событию предшествовала сложная и умелая идеологическая подготовка.

На протяжении десятилетий талантливые и смелые «книжники» вели «подкоп» под рукописный способ изготовления книг. В страстных публицистических выступлениях они доказывали, что рукописание выгодно лишь реакционной верхушке церкви, которая как огня боялась всего нового.

«Не читай книги, тогда не впадешь в ересь», «Книга — причина душевных недугов человека», «Грех простым читать Евангелие и Апостол», — так заявляли церковники.

В противовес им мужественный и принципиальный публицист Артемий выдвинул четкую гуманистическую программу. «До смерти учиться подобает!» — утверждал он. Артемия поддерживали передовые люди того времени.

Пропаганда просвещения, критика рукописного способа изготовления книг нашли сочувственный отклик среди участников правительственного кружка «Избранная рада», которому в молодые годы Ивана Грозного

принадлежала вся полнота государственной власти. Во главе кружка стояли дальновидный политик А. Ф. Адашев и священник придворного Благовещенского собора Сильвестр.

Духовный сан не мешал Сильвестру заниматься мирскими делами. Был он мастером на все руки — каменщиком, золотых дел мастером, художником-миниатюристом, вел торговлю с иностранцами. Не чуждался литературного дела — составил «Книгу, глаголемую Домострой», в которой были советы на все случаи жизни: «как дом свой украсить», «как детей своих воспитати», «с гостями что беседовати» и многое, многое другое.

В доме у Сильвестра работали мастерские по изготовлению икон и рукописных книг. Можно предположить, что и первая типография, выпустившая семь безвыходных изданий, возникла здесь же.

Чтобы предположение не стало быть гипотезой, пускай — более или менее вероятной, нужны были новые факты. Они не замедлили появиться...

Есть в Ялте небольшая улица, которой присвоено славное имя художника Федора Васильева. Отсюда недалеко до моря, просоленный ветер залетает в окна новых пятиэтажных домов. Здесь в небольшой квартире живет Александр Иванович Анушкин, старейший советский журналист, в прошлом — главный редактор республиканской газеты Литовской ССР.

На первый взгляд, ведет обыкновенное житье-бытьё. Иногда — отправляется в горы, на Яйлу. Не охотиться, нет. А так, побродить по Яйле, послушать тишину, отдохнуть от суеты курортного города.

Высокого художника в неизменном берете хорошо знают ялтинские почтальоны: чуть ли не ежедневно приносят ему письма из Львова, бандероли из Оксфорда, послышки с микрофильмами из Вроцлава...

Александра Ивановича не устраивает размеренный быт пенсионера. Он в вечном поиске, побудительные причины которого раскрывает статья «О занятиях увлекательных и плодотворных», опубликованная им в местной «Курортной газете».

«Благородная страсть обурекает рыцарей книжных поисков, — пишет Анушкин. — Главное здесь — не спортивный интерес и стремление найти и заполучить редкостное издание... Главное — духовное обогащение, расширение своего кругозора и, я бы сказал, исследовательский интерес».

Исследовательским интересом Александр Иванович обладает в полной мере.

В 1970 году в Вильнюсе вышла в свет его книга «На заре книгопечатания в Литве». Написанная легко, по-журналистски, она сразу привлекла внимание читателей. Вместе с тем, книга эта — плод серьезной и многолетней исследовательской работы.

Скучные люди удивляются. Вышел человек на пенсию — живи в свое удовольствие! Мало ли интересных занятий на свете... Но Анушкин часами сидит в библиотеке, глотает книжную пыль...

Скучные люди не догадываются о существовании поэзии поиска, которая может покорить человека сразу и навсегда.

У Анушкина много открытий. Недавно, например, он сообщил ученым о никому ранее не известном «Букваре языка славенска», выпущенном в белорусском городе Евью 24 июля 1618 года. Книгу Александр Иванович обнаружил в Копенгагенской библиотеке — обнаружил, не выезжая из Ялты, благодаря переписке, которую он ведет с крупнейшими книговедами мира.

Разворот рукописи Посланий старца Артемия

Одно из открытий Анушкина имеет прямое отношение к нашей теме. Перечитывал он как-то послесловие к «Евангелию», напечатанному в Вильне в 1575 году. Соратник первопечатника Петр Тимофеевич Мстиславец, оставив Ивана Федорова в Заблудове, долго не мог решиться взяться за самостоятельную работу. В послесловии к книге он рассказал об охвативших его сомнениях:

«Аз же есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая; к тому же смотря свое непрележание, и леность, и неразумее, на мнозе отлагах...»

Знакомыми оказались слова Александру Ивановичу. Где-то он уже видел их. Вспоминал, вспоминал и, наконец, вспомнил: в «Посланиях» старца Артемия. Уникальный список «Посланий» был найден библиофилом В. М. Ундольским; ныне он находится в Отделе рукописей Ленинской библиотеки. В 1878 году «Послания» были напечатаны в «Русской исторической библиотеке».

Анушкин положил рядом «Евангелие» 1575 года и 4-й том «Русской исторической библиотеки» и строка за строкой сверил тексты. Оказалось, что Петр Мстиславец почти дословно воспроизвел в своем послесловии одно из посланий прославленного гуманиста.

Значит, наши первопечатники были знакомы с теми публицистическими выступлениями, о которых говорилось выше. Особенно охотно они цитировали Артемия. Делали это и Петр Мстиславец, и Иван Федоров.

Издавна известны книги, изготовленные в рукописной мастерской Сильвестра и подаренные им — от своего имени или от имени молодого царя — в различные монастыри. Шесть таких книг сохранились в библиотеке Соловецкого монастыря, которая ныне находится в Ленинграде. В одной из них — искусно сделанные заставки. В прямоугольники, заполненные широколистными травами, вписаны круги с изображениями легендарных авторов четырех «Евангелий» — апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна. В 1962 году я впервые раскрыл книгу в читальном зале Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Незадолго пред тем за узким столом, притулившимся в прихожей «Кабинета Фауста», где хранится собрание инкунабулов, я знакомился с 13-ю собранными здесь экземплярами «Евангелия» 1575 года. Того самого, в послесловии которого А. И. Анушкин обнаружил цитаты из посланий Артемия. Замечательные гравюры издания все еще стояли перед глазами. Поэтому я сразу обратил внимание на растительный орнамент рукописной книги, 400 с лишним лет назад «сооруженной» в мастерской Сильвестра.

По моей просьбе в читальный зал Отдела рукописей принесли «Евангелие» Петра Мстиславца. Я положил книги рядом и без труда убедился, что типограф точно передал в гравюре орнамент рукописной заставки, украсив им подножие одной из колонн, обрамлявших портрет апостола Матфея.

Так было найдено еще одно звено цепочки, связывающей первопечатников с руководителем «Избранной рады».

К Сильвестру ведут записи на книгах, вышедших из первой типографии; они называют имена лиц, жизненный путь которых так или иначе пересекал благовещенский священный.

В конце 50-х годов XVI века деятелей «Избранной рады» постигла опала. Сильвестра сослали в Соловки, где он и умер. Печатная и рукописные мастерские, которые на первых порах поддерживал сын Сильвестра Анфим, захирели.

Тогда-то царь Иван и решил взять дело изготовления печатных книг в свои руки — этого настоятельно требовала проводимая им политика централизации государственной власти. Была создана новая большая типография, во главе которой поставили наиболее талантливого и способного мастера — Ивана Федорова. 19 апреля 1563 года он начал печатать «Апостол» — первую точно датированную русскую печатную книгу.

В послесловии этой книги одно и то же событие — начало книгопечатания на Руси — как будто бы датировано и 1553 и 1563 годом. Это не раз ставило в тупик исследователей. Теперь мы знаем, в чем дело. У Ивана Федорова, после падения «Избранной рады», были веские основания не упоминать о первой московской типографии, основанной Сильвестром. Но он оказался достаточно мужественным, чтобы сказать о своих предшественниках, с которыми он и сам начинал свой путь, — сказать, правда, в завуалированной форме.

Точно так же и его ученики Андроник Тимофеев Невежа и Никифор Тарасиев впоследствии не смогли рассказать о своем учителе в послесловиях напечатанных ими книг...

Справедливость и правда в конечном счете торжествуют. Все становится на свои места. И мы сейчас отдаем должное и Ивану Федорову, и неизвестным нам по имени мастерам, работавшим в типографии Сильвестра.

ПИСЬМО ИЗ ЛЬВОВА

Во Львове, в Научной библиотеке Государственного университета имени Ивана Франко работает замечательный человек.

За свою долгую жизнь Федор Филиппович Максименко накопил в закоулках поистине безбрежной памяти великое множество имен, фактов и дат, связанных с историей Украины, ее городов и сел, ее богатой культуры. Человек на удивление бескорыстный, Федор Филиппович открывает сокровищницу памяти для каждого, кто в этом нуждается.

Пошлите ему письмо и можете быть уверены — отныне он всегда будет брать на заметку интересующие вас материалы и незамедлительно сообщать о них.

Вот уже более двадцати лет Федор Филиппович делится со мной сведениями об Иване Федорове и всем тем, что имеет хоть малейшее отношение к первопечатнику.

В Днепропетровске на страницах сборника «Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР» доцент Н. П. Ковальский опубликовал статью «Новые источники о деятельности Ивана Федорова на Украине». Никогда в жизни сборник не попал бы мне на глаза — попробуй догадаться, что в нем может быть помещен интересный для меня материал? Но не проходит и месяца со дня публикации, как я получаю письмо от Максименко: «Евгений Львович, посмотрите днепропетровский сборник. Особенных сенсаций в нем, кажется, нет. Но обзор интересен!»

Я тут же пишу Федору Филипповичу, что достать сборник в Москве трудно. Неделю спустя получаю бандероль.

Было это сравнительно недавно. А лет пятнадцать назад, когда я работал над диссертацией «Источниковедение и историография русского первопечатания», обязательный Федор Филиппович прислал мне длинный список публикаций с деликатным примечанием: «Я позволяю себе указать некоторые статьи, какие, возможно, остались вне поля Вашего зрения».

Ни одной из перечисленных им работ я не знал. Да и как и где мог я познакомиться, например, с рукописной диссертацией Яна Коровицкого «Острожская Библия», защищенной в 1931 году на богословском факультете Варшавского университета, или с рецензией на эту диссертацию, опубликованной в польском церковном журнале «Элпис»?

Впрочем, бог с ней, с диссертацией Коровицкого!

Максименко пишет мне о таких вещах, что прочитав, я начинаю ощущать дрожь в руках и ногах.

Во Львове, в 1930 году, сообщает Федор Филиппович, издавалась газета «Неделя», в № 45 которой на четвертой странице напечатана статья Александра Новитного «Острожская Библия. В связи с 350-летием ее издания в Остроге». Со свойственной ему дотошностью Максименко уточняет, что номер был конфискован польской цензурой и статью, без каких-либо изменений, пришлось повторить в № 46 на той же четвертой странице.

«Автор, между прочим, говорит о таких для меня неизвестных вещах, — пишет Федор Филиппович. — Что очень ценным материалом для изучения жизни и деятельности Ивана Федорова должна быть переписка князя К. К. Острожского с львовским Братством и с Иваном Федоровым, хранившаяся в архиве князей Сангушко в Славуте, большая часть которой погибла в 1920 году, но что (далее Максименко цитирует Новитного) мы имеем несколько копий писем князя Константина Острожского и пись-

ма Ивана Федорова к нему, а также переписку этого последнего со Ставропигийским братством во Львове».

Как тут не схватиться за голову! Ведь ни одной строчки, написанной самолично Иваном Федоровым, по сей день не найдено. А тут целая переписка!

Максименко между тем продолжает сообщать удивительнейшие сведения, содержащиеся в статье Александра Новитного.

Оказывается, существуют две гравюры, напечатанные «ин фолио» (в лист) и изображающие типографию Ивана Федорова в Остроге. Гравюры воспроизведены в «Истории типографского искусства» Рехбандера, изданной в Вене в 1775 году.

«Далее, — продолжает Максименко, — говорится о том, что мысль об издании „Библии“ возникла еще в 1574 году во Львове, что „Библию“ печатал лично сам Иван Федоров, что его ученик Гринь Иванович был родом из Галича и много еще интересных, но прямо невероятных подробностей относительно организации работы в Остроге».

Некоторое время спустя Максименко прислал мне фотокопию статьи А. Новитного, так как газеты «Неделя» я ни в одной из московских библиотек найти не смог. Прочитал я статью, еще раз поудивлялся тому, что в ней рассказано. Снова написал Федору Филипповичу, попросил выяснить, кто такой Новитный и жив ли он сейчас. Оказалось — журналист, который в 30-х годах писал статейки на разные темы в львовских газетах и журналах. Что с ним стало дальше, Максименко не знал.

Прежде всего я решил разузнать о князьях Сангушко и их архиве. Сангушки состояли в близком родстве с Острожскими, Вишневецкими, Замоискими и многими другими волынскими магнатами. Их богатый архив хранился в родовом имении Славуте, стоявшем над быстрой речкой Горынь. Архив содержался в порядке; еще в 1864 году Ян Стецкий составил список рукописей Славутской библиотеки. Бронислав Горчак в 1902 году более или менее подробно описал архив. В описи под № 55 упомянуты «привилегии и письма князей Острожских». Дело содержало 44 листа, относящихся к 1556—1620 годам. Не здесь ли хранилась переписка Ивана Федорова? Ответа на этот вопрос в описи не было.

В 1887 году Сангушки начали издавать материалы своего архива. До 1910 года во Львове вышло 7 объемистых томов, содержащих исключительно интересные материалы по истории Украины, Литвы и Польши. Но затем, за военным временем, издание прекратилось. Публикация документов была доведена лишь до середины XVI века.

А 1 ноября 1917 года дворец Сангушек был разгромлен гайдамаками. Бандиты убили 85-летнего князя Романа Сангушко. Старые книги и рукописи вытащили на двор и сложили из них костер, который, говорят, горел несколько дней.

Но большая часть архива, задолго перед этим, была вывезена вглубь России. Впоследствии Советское правительство передало архив Польше.

Я собирался было запросить польских друзей о дальнейшей судьбе бумаг Сангушко. Однако, передумал и вот почему... Занимаясь историей архива, я одновременно пытался найти те две гравюры, на которых, по словам Новитного, изображена Острожская типография. Есть превосходная двухтомная библиография старой литературы о книгопечатании, составленная в 1880—1886 годах англичанами Э. Бигмором и К. Вайменом. К великому удивлению, «Истории типографского искусства» Рехбандера я в этом капитальном указателе не нашел.

— Не так уже полна библиография, как это обычно считается, — подумал я и даже позлорадствовал в душе. — Не одни, мол, мы, грешные, ошибаемся!

Напрасно злорадствовал!

Имени Рехбандера не оказалось и в четырехтомном «Всеобщем книжном словаре, или полном алфавитном перечне с 1770 до конца 1810 года вышедших книг, которые напечатаны в Германии и родственных ей по языку и литературе странах». Этот капитальный указатель, составленный библиографом В. Гайнзиусом, впоследствии был продолжен до 1894 года. Не было имени Рехбандера и в 20-томном «Полном книжном словаре, содержащем все книги, выпущенные с 1750 года...» К. Г. Кайзера.

Тогда я понял: не было такого писателя и никакая «История типографского искусства» в 1775 году в Вене не издавалась! Александр Новитный сам придумал и Рехбандера и гравюры, изображающие Острожскую типографию! Если же он погрешил против истины в одном, мог солгать и в другом.

Поэтому я решил больше не интересоваться архивом Сангушко.

И все же я немного волновался, когда поздней осенью 1973 года по скользким плитам, ведущим к Каноничей улице, мимо конного памятника Тадеушу Костюшко, впервые поднялся на Вавельский холм. Двор Королевского замка, несмотря на плохую погоду, был заполнен туристами. Я поднялся по лестнице на небольшой балкончик, прикрытый великолепной колоннадой первого этажа, открыл тяжелую дверь и вошел в помещение Исторического архива Краковского воеводства. Именно здесь, как я узнал, находился архив Сангусшек.

Вскоре я держал в руках то самое дело № 55, в котором подшиты привилегии и переписка князей Острожских.

Никаких материалов об Иване Федорове в нем не оказалось.

Автограф первопечатника был найден совсем в другом архиве и в другом городе. Но это — особая история...

«ОН ЗАВЕЛ В РОССИИ В 1440 ГОДУ ПЕРВОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ...»

Пусть не удивляет читателя фантастическая выдумка Александра Новитного. Историк должен быть готов к встрече с легендами, порожденными некритическим отношением к источникам, людским легковерием, а иногда и легкомыслием. В историографии славянского и русского книгопечатания таких легенд немало.

Иногда у их истоков лежат ошибки. Вот характерный пример.

В статье К. Я. Тромонина «О начале книгопечатания в России», напечатанной в 1845 году в сборнике «Достопамятности Москвы», я нашел поразительное упоминание о каких-то типографских опытах, проводившихся в Москве будто бы еще в 1440 году. Одним словом, одновременно с началом книгопечатания в Германии. Приведа это известие, Тромонин сослался на писателя XVIII века Нехачина.

Иван Васильевич Нехачин (1771—1811) был плодовитым литератором. Его комическая опера «Неудачливой в любви подъячий» пользовалась популярностью в конце XVIII столетия. Вместе с братом Дмитрием Иван Нехачин сочинил своеобразную детскую энциклопедию — «Новое краткое понятие о всех науках».

Эти книги, весьма любопытные, я просматривать не стал. Но решил перелистать объемистый труд с длинным названием: «Исторический словарь российских государей, князей, императоров и императриц, в котором описаны их деяния, кончина, места погребения, имена их супруг и детей, с приложениями двух родословных с княжескими гербами, из коих первая начинается от Рюрика, первого российского князя, и оканчивается чрез 21 степень детьми царя Иоанна Васильевича Грозного; вторая, от въехавшего в Россию литовского князя Глендала, то есть от предка царя Михаила Федоровича Романова и до ныне благополучно царствующей императрицы Екатерины II Великия и пресветлейшая ея фамилии».

Вслед за длинным названием на титуле книги указывалось, что собрана она «из разных российских бытописаний», а издана в 1793 году «иждивением московского купца Семена Никифорова».

На одной из страниц «Исторического словаря» в жизнеописании московского великого князя Василия Темного я нашел следующее категорическое утверждение:

«Он завел в России в 1440 году первое книгопечатание».

Из каких «российских бытописаний» почерпнул это сенсационное известие Иван Нехачин? В книге об этом ничего не говорилось. Но я знал, что одним из источников «Исторического словаря» был едва ли не первый в новой литературе опыт общей русской истории — книга «Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князем Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих...» (М., 1770).

Как установили историки, книгу написал около 1715 года совсем не Хилков, а его секретарь Алексей Ильич Манкиев.

Рассказывая о княжении Василия Темного, автор упоминает и о начале книгопечатания, — но не в Московском государстве, как это делает Иван Нехачин, а в Майнце. Вот это сообщение — первое известное нам в русской литературе упоминание об одном из величайших событий в истории мировой культуры:

«Во время княжения сего Василия московского великого князя около 1440 г. от рождения Христова, великое некое и воистину божие благодеяние послано всей вселенной, от Иоанна Гутенберга Аргентинца новым письма родом изобретено. Тот первый художество типографическое,

Титульный лист
книги Ивана Нехачина

снесть книги печатать, выдумал и приобрел в городе Аргентине, оттуда в Могунции пришед, тож художество щастливо (но с великим иждивением) совершил...»

Чтобы читателям было ясно, почему Манкиев именует Гутенберга «аргентинцем», поясним, что «Аргентина» — это латинское название Страсбурга. Что же касается «Могунции», то это современный Майнц.

И. В. Нехачин не вник в смысл сообщения Манкиева, прочитал его беголо и положил начало заблуждению, отзвуки которого сказывались и полтора столетия спустя — в середине XIX века.

Вот еще один аналогичный случай.

В начале нынешнего столетия в Германии издавался «Журнал для любителей книги». Превосходно оформленный, с большим количеством иллюстраций, содержащий познавательный, а иногда и весьма занимательный материал — журнал по сей день ценится библиофилами. Интересны приложения к журналу, в которых публиковались исчерпывающе подробные списки новой книговедческой литературы, а также хорошо составленная хроника событий, интересных для библиофила.

В приложении к № 9 за 1909 год некто Р. Хенниг сообщает об открытии в Москве памятника печатнику Ивану Федорову. При этом он удивляется, что в России по сей день этого человека считают первым типографом.

«Первым русским печатником, — утверждает Хенниг, — был Георг Черновиц, — который уже в 1493 году в Чернигове на реке Десне напечатал на иллирийском наречии кирилловским шрифтом „Октоих“ Иоанна Дамаскина».

Известие о черниговской типографии 1493 года по сей день можно встретить на страницах трудов по истории книгопечатания, выходящих в Англии, ФРГ, Франции...

Решив разобраться, была ли в Чернигове типография в XV в. или нет, я установил, что впервые о ней упомянул один из ранних теоретиков книговедения Михаэль Денис (1729—1800), поэт и библиограф, в дополнениях к каталогу инкунабул Михаэля Метгера, изданных в Вене в 1789 году. Впоследствии, в 1803 г. о том же писал историк Георг Вольфганг Панцер (1729—1805) на страницах II тома известных в свое время «Типографских анналов».

Ошибку заметил еще в 1814 году классик славяноведения, прославленный чешский ученый Йозеф Добровский (1753—1829). В письме к австрийскому славяноведе Бартоломею Капитару он рассказал, как его друг словацкий книголюб Иржи Рыбай нашел в одной из библиотек Офена неизвестное в то время издание — «Октоих» 1493 г., напечатанный священником Макарием «от Чрнийе Гори» (то есть из Черногории) по повелению деспота Гюрга Црноевича. О находке Рыбай сообщил Фортунату Дуриху, автору изданной в 1795 году в Вене книги «Славянская библиотека». Дурих, в свою очередь, написал Михаэлю Денису.

Одно плохо — Дурих неправильно прочитал слово «Черногория» в письме Рыбая («Tzernogaviae» вместо «Tzernogogae»). Денис пошел дальше и внес свои коррективы в орфографию слова. В его книге мы находим следующий текст: «Октоих Иоанна Дамаскина, напечатанный на славянском языке кирилловским шрифтом в 1493 году в Черногавии (Чернигове?) Георгием Черновеиком».

Так «Черногория» превратилась в «Чернигов»!

Я рассказал о невольных ошибках. Хуже, когда их делают сознательно.

ПРИДУМЩИКИ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

В 1965 году во многих газетах была опубликована заметка Л. Рогачевского «Сюрпризы Мукачевского монастыря». В ней шла речь о находках закарпатского краеведа Ивана Леонтьевича Хоменко, обнаружившего в библиотеке Мукачевского монастыря «первопечатные, написанные кирилловским алфавитом древнерусские и румынские книги, изданные Швайпольтом Фиолем в Грушевском монастыре».

В ту пору я работал над монографией «Начало славянского книгопечатания». Посвящена она была жизни и деятельности немецкого мастера Швайпольта Фиоля, который в 90-х годах XV в. напечатал кирилловским шрифтом в Кракове четыре богослужебных книги. В литературе встречались глухие упоминания о том, что в конце жизни Фиоль будто бы работал в закарпатском Грушевском монастыре. Но книг, напечатанных здесь, никто и никогда не видел. Никаких фактов в пользу версии не было, и она понемногу стала забываться.

Если типография в Грушевском монастыре действительно существовала, начало книгопечатания на территории нашей страны можно было бы отодвинуть на конец XV — начало XVI столетия!

Легко понять, что заметка Л. Рогачевского сильно взволновала меня. Я готов был тут же отправиться в Мукачево. Но подумав, решил все-таки предварительно написать И. Л. Хоменко.

«Прошу Вас сообщить, — писал я, — что за книги найдены Вами. Есть ли в них выходные сведения? На каком основании базируются утверждения о Грушевском монастыре? Есть ли в книгах упоминания о Фиоле?»

Ответ меня разочаровал.

«Фраза о грушевских изданиях не точна, — сообщал И. Л. Хоменко. — В своем разговоре с Л. Рогачевским я обмолвился, что в Мукачевском монастыре, по-видимому, должны быть и книги из типографии Грушевского монастыря, основанной Фиолем. Я оговорился, что, по-видимому, писать об этом рано, но скоро этот вопрос разрешится. В этом и была моя оплошность, из-за которой я попал в глупую сенсацию».

На этом можно было бы кончить, если бы известие о находке не перекочевало бы из газет на страницы научной периодики. О книгах, напечатанных Фиолем в Грушевском монастыре, в 1966 г. сообщил журнал «История СССР». Так было положено начало новой версии, истоки которой через много десятилетий наверно будут распутывать исследователи славянского первопечатания.

Печатное слово обладает любопытной особенностью — своей авторитетностью оно делает достоверными те факты, о которых сообщает. Мы верим книге, журналу, газете — и это хорошо. Читательское доверие обязывает редакторов, да и авторов десятки раз проверять и перепроверять факты, прежде чем делать их достоянием общественности.

Писатель и ученый должны чувствовать ответственность перед современниками, а еще больше — перед грядущими поколениями!

Мы часто говорим о праве писателя на художественный вымысел. Но право же, вымысел должен оставаться в границах исторической достоверности.

В 1973 году издательство «Советская Россия» выпустило в свет «Исторические повести» Веры Жаковой, которая умерла в 1936 году, 22 лет от роду. Секрет завидной долговечности повестей, рассказов и очерков

Жаковой в свежести литературного мышления, в незаурядности таланта этой «премудрой, уважаемой и нелепой девушки в очках», как называл ее Максим Горький. Есть в книге рассказ «О черном человеке Федоре Конь», который впервые был опубликован в горьковском альманахе «Год семнадцатый» в 1934 году. Жакова приводит челобитную Федора Коня царю Ивану Грозному, письмо мастера Ивана Фрязина и ряд других «исторических документов», сочиненных ею самой. Имитировать документацию XVI века Жакова умела блестяще. Созданный ее воображением образ «государева мастера» Федора Коня, построившего Белый город Москвы и Смоленский Кремль, стал жить собственной жизнью. Отталкиваясь от биографических построений Жаковой, поэт Дмитрий Кедрин написал поэму «Конь».

Во всем этом греха не было. Хуже, когда сочиненные Жаковой «документы» стали цитировать как подлинные кандидат наук И. Д. Белогорцев, профессор Н. И. Брунов, Н. В. Андреев. «Подвели» их литературный талант Веры Жаковой и авторитет печатного слова.

В 1968 году архитектор Юрий Шумей опубликовал во львовской газете статью «Тайна Онуфриевского монастыря». Статья была перепечатана газетой «Горьковский рабочий», в которой ее поместили под детективным названием — «Преступление во Львове».

Шумей утверждает, что первопечатника Ивана Федорова... отравили иезуиты. В подтверждение приведены цитаты из писем иезуита Петра Скарги и католического епископа Владислава Суликовского. Приведен и протокол секретного совещания, созванного папским нунцием Антонио Поссевино.

Шумей пишет, что нунций «дал на этом совещании указание применить к Ивану Федорову «экстерминацию», то есть физически уничтожить его. В заключение Антонио рекомендовал сделать так, чтобы от Ивана Федорова не осталось «ни следов, ни памяти».

Все это впечатляет неискушенного читателя, который не знает, что «исторические документы» начисто выдуманы самим Шумеем.

В 1970 г. переслали мне из «Литературной газеты» письмо некоего Носенко из Днепропетровска. Он прочитал в киевской газете «Литература Украина» сенсационные сообщения о том, что «первопечатником был вовсе не Иван Федоров, а другие люди — Степан Дропан, печатавший книги в 1460 году, а вторым после него Святополк Фиола, печатавший в 1490 году».

Иван Алексеевич тут же сделал категорический вывод: «Ивана Федорова возвели в первопечатники буржуазные русские историки без основания».

А затем возник вопрос: «Как быть с памятником Ивану Федорову в Москве?». Может быть, снести его? Нет, упаси боже: столь радикальных мер Носенко не предлагает. Но вот изменить надпись на памятнике следует незамедлительно — указать, что Иван Федоров «возобновил печатание книг, начатое Степаном Дропаном и Святополком Фиолой».

ИОГАНН ГУТЕНБЕРГ ИЛИ СТЕПАН ДРОПАН?

Кто же они такие — эти люди, которым приписали честь и славу, издавна принадлежавшие Ивану Федорову?

Начнем со Степана Дропана.

В далеком 1791 году между монахами львовского монастыря св. Онуфрия и Ставропигийским братством возникла ссора. Монахи предъявили братству ряд претензий — на земли в Билогощи, на крупные денежные суммы, а заодно и на типографию, которую братство в свое время выкупило у заимодавцев Ивана Федорова. Типографию, утверждали монахи, подарил монастырю еще в 1460 году львовский горожанин Степан Дропан, причем дар был якобы подтвержден королем Польши Казимиром Ягеллончиком в 1469 году.

Степан Дропан — личность реальная. Существовала, по-видимому, какая-то привилегия 1460 года, данная Дропаном Онуфриевскому монастырю. Она упоминается в рукописных хрониках монастыря.

Хроники говорят о том, что Дропан пожертвовал монастырю земли, денежные суммы, но ни словом не упоминают о какой-либо типографии. Сама привилегия была потеряна еще в XVI веке, об этом есть сведения в одном из источников. Львовский историк Модест Гриневецкий в 1771 году пытался разыскать следы грамоты в монастырском архиве, но ничего не нашел.

Львовский археограф О. Я. Мацюк обнаружил в Центральном государственном историческом архиве СССР жалобу онуфриевских монахов от 23 июля 1791 года. Упоминание о типографии он посчитал достаточным, чтобы выдвинуть гипотезу о начале украинского книгопечатания в 1460 году.

Ни в одном другом документе типография не упоминалась. Можно ли говорить о непреложности факта на основании одного только сообщения, сделанного 230 лет спустя?

Пусть читатель представит, что какой-либо недалекий, если не сказать больше, графоман напишет в «Краткую литературную энциклопедию» письмо с требованием внести соответствующие коррективы в статью «Пушкин Александр Сергеевич». По сведениям, имеющимся в распоряжении графомана, роман «Евгений Онегин» написал не упомянутый выше поэт, а известный литератор Фаддей Венедиктович Булгарин!

А теперь нужно предположить, что лет 100 спустя кто-нибудь отыщет в архиве это письмо и только на этом основании будет отстаивать авторство Булгарина.

Ситуация неправдоподобная!

Между тем, аналогичная ситуация не помешала О. Я. Мацюку написать, а журналу «Архивы Украины» напечатать статью «Было ли книгопечатание на Украине до Ивана Федорова?», в которой вопрос о существовании типографии Степана Дропана решался однозначно и непреложно. А ведь достаточно было обратиться к учебнику истории, чтобы установить: в 1460 году типографий не было ни в одном европейском городе, кроме Майнца. Если до 1460 года во Львове печатали книги, то основать типографию здесь мог лишь изобретатель книгопечатания Иоганн Гутенберг!

В письме И. А. Носенко названо еще одно имя — Святополк Фиола. Это не кто иной, как типограф Швайпольт Фиоль, напечатавший в 1491—1493 годах в Кракове 4 книги кирилловского шрифта. Мы говорили о нем в связи с сообщением о находке, будто бы сделанной в Мукачевском монастыре.

В 1867 году в периодическом издании «Русский голос», выпускавшемся в ту пору в Лодзи, была опубликована статья, автор которой Пантелеймон Юрьев переименовал краковского печатника в Святополка Фиолу и объявил, что он был «по своему происхождению лемок, потомок бело-хор-

ватских русинов, вероисповедания восточного». Утверждение совершенно голословное. Еще в 20-х годах текущего столетия польский историк Ян Птасьник нашел в краковских архивах и опубликовал ряд документов и, среди них, завещание Фиоля. Акты свидетельствуют, что типограф был по национальности немцем и происходил из франконского города Нойштадта на Айше.

Казалось бы, вопрос ясен. Но вот и «Літературна Україна» публикует статью П. Юрьева «Славянский первопечатник», в которой этот автор идет уже на прямую фальсификацию. Печатает совершенно фантастический портрет Фиоля и иллюстрацию, изображавшую «друкарню Святополка Фиоля». Последняя при близком рассмотрении оказалась фрагментом широко известной гравюры немецкого мастера Иоста Аммана (вторая половина XVI в.), в которую для пущей достоверности Юрьев вмонтировал изображение герба города Кракова.

В статье кандидата педагогических наук А. Т. Губко «К истокам украинского книгопечатания», опубликованной в 1969 году в журнале «Архивы Украины», названы уже 30 (тридцать!) «украинских деятелей», которые будто бы печатали на Украине книги до Ивана Федорова. Вслед за известным уже нам Степаном Дропаном и Святополком Фиоля в этом списке стоит имя Андрия Торисяньского, который будто бы в закарпатском городе Пряшине научился друкарскому мастерству, а затем основал типографию в Венеции. Нетрудно узнать в нем венецианского типографа Андреа Торрезанского, зятя прославленного Альда Пия Мануция, который на Украине никогда не был и книг кирилловского шрифта не печатал. Учиться у Фиоля, начавшего свою деятельность в 1491 году, Андреа не мог по той простой причине, что уже в 1480 году печатал в Венеции.

Не будем перечислять здесь все тридцать имен. Скажем лишь, что в их числе названы московский типограф Никифор Тарасиев и белорусский шляхтич из окружения Радзивиллов поэт Андрей Рымша, никогда типографским делом не занимавшийся, львовский седельный мастер Семен, одолживший Ивану Федорову деньги на устройство типографии, и ученик первопечатника Анисим Радишевский.

Не нужно вносить изменения в надпись на памятнике Ивану Федорову. Не нужно переименовывать ни Московский полиграфический техникум, ни Украинский полиграфический институт, носящие славное имя первопечатника. Великий человек, заложивший постоянное книгопечатание в России, Белоруссии и на Украине, достоин того, чтобы мы вечно чтили его память.

Что же до придумщиков и фальсификаторов, то лучшее оружие против них — объективное и точное знание.

Во имя этого и написана наша повесть.

Москва

КНИГИ И ИЗРАЗЦЫ

«В комнате была широкая голландская печка из желтых поливенных изразцов, покрытых зелеными изображениями каких-то хохлатых птиц». Это воспоминание раннего детства А. А. Фета сохранило далеко не случайную деталь внутреннего убранства провинциального барского дома, построенного и обставленного еще в XVIII в. В те времена изразцовые печи были непременно принадлежностью многих городских домов и провинциальных усадеб. Большие, красивых архитектурных форм, яркие от украшающих изразцов и поставленные на видном месте, они привлекали всех. Их с интересом разглядывали и любознательные дети, и отдыхающие от трудов и забот домохадцы, и наезжавшие гости. Любопытно было рассматривать такие печи вблизи, особенно когда каждый из множества изразцов отличался от другого своей «картинкой». Их сюжеты, нередко усиленные афоризмами, были самые неожиданные: забавные и серьезные, игривые и поучительные. Сколько же впечатлений, реплик, шуток, веселых и серьезных разговоров рождалось при чтении глиняных расписных страниц этой своеобразной книги! И сколько же русских людей начинали знакомство с родной азбукой по таким изразцам задолго до того, как брали в руки букварь!

Но связь изразца и книги — глубже и многограннее; и важнее, пожалуй, остановиться на другом: выяснить то влияние, которое оказала книга в России на развитие прикладного искусства XVIII в. В качестве примера возьмем одно из интересных и менее других изученных его видов — расписной сюжетный изразец. Тем более, что анализ изразцовых сюжетов, сопоставленных с бы-

*Изразец
первой четверти XVIII в.
Летний дворец, Петра I*

*Изразец
второй половины XVIII в.
Палаты Юсуповых. Москва*

товавшей в то время книжной иллюстрацией, дает одновременно возможность расширить в известной степени представление о популярности и роли отдельных книг в культурной жизни России XVIII в. Думается поэтому, что для книголюбца эти заметки могут представить несомненный интерес.

Расписные сюжетные изразцы появились в России в начале XVIII столетия. Вытесняя постепенно рельефно-полихромные изразцы, они украшают вначале покои царя и вельмож, затем попадают в дома людей из богатых сословий, а со второй половины века широко входят в быт зажиточных и средних слоев городского населения, а также провинциальных дворян.

Искусству расписного сюжетного изразца, как и народному искусству в целом, свойственна творческая переработка готовых сюжетов и художественных приемов.

И хотя у «живописцев живописных образцов»¹ для заимствования было немало различных источников, они постоянно обращались к книге, которая давала для их творчества самый разнообразный материал. Из книжной графики заимствовались сюжеты, целые композиции, фрагменты и надписи. Под влиянием книжной иллюстрации в росписях сюжетных изразцов укореняется также ряд приемов, воспринятых от гравюрных изображений. Так, постоянно используются контурные очертания фигур и предметов и штриховая моделировка объемов в виде коротких и тонких параллельных линий. В самых лучших образцах графичность приемов органично вписывается в декоративно-обобщенный строй изразцовой росписи.

Творческая переработка книжной иллюстрации была присуща в ту пору и другим видам народного творчества — резьбе по кости, росписи по дереву, художественной обработке металла и т. д. Но в сюжетные изразцы книжная графика вводилась значительно шире.

Развлекательно-занимательный, философский и познавательный характер сюжетов, ненавязчивая поучительность надписей и т. п. делали изразцы своего рода «азбукой с картинками» для детей, книгой с наставлениями «под сурдинку» для молодежи и предметом размышления для взрослых.

Еще в первой четверти XVIII в., когда печатная книга в России была доступна лишь самому высшему кругу общества, народные мастера-изразечники пользовались для росписи изразцов гравюрами из иллюстрированных русских и иностранных изданий XVII—XVIII вв. Объясняется это, видимо, тем, что изразцы, которые тогда были предназначены в основном для убранства печей во дворцах царя и его приближенных, могли быть сделаны с книг по заказу именитого владельца.

Не случайно, например, появился в облицовке одной из печей Летнего дворца Петра I изразец с сюжетом «Волк и журавль», который был заимствован из иллюстрированного сборника басен Эзопа, впервые напечатанного на русском и латинском языках в 1700 г. в Амстердаме. Царю нравились басни Эзопа, он часто читал их и упо-

¹ Так, судя по архивным данным, нередко называли мастеров, расписывающих изразцы.

минал в разговоре. Амстердамский сборник басен даже сопровождал Петра I в Прутском походе. По личному указанию Петра в 1712 и 1717 гг. было осуществлено первое русское издание «Эсоповых притч» — с теми же иллюстрациями².

Более того, по желанию Петра, началось сооружение фонтанов со скульптурами на темы басен Эзопа в Летнем саду и Петергофском парке. Вполне возможно поэтому, что Петр мог заказать на их сюжеты и расписные изразцы, а выполнявшие царский заказ мастера — использовать в качестве образца недавно вышедшее иллюстрированное издание басен.

В дальнейшем басни Эзопа находили отклик и в лубочной картинке, и в народной сказке, и в устной речи, и в театре, и в «ученом» искусстве. В изразцах же мотивы басен больше не встречаются. Это могло быть связано с тем, что в последующие годы расширился круг иллюстрированных изданий и появилась возможность все больше вводить в изразцы сюжеты из других книг. Гравюры же басен Эзопа были менее доступны, поскольку все послепетровские издания этих басен иллюстрациями не сопровождались.

В наибольшей степени влияние книжной иллюстрации сказалось на изразцовом искусстве во второй половине XVIII в., когда книга перестала быть привилегией узкого круга русского общества. Увеличение числа изданий и тиражей, уменьшение цен на книги, указы, разрешающие заводить частные, а затем и «вольные» типографии и, наконец, просветительная деятельность Н. И. Новикова — все это сделало книгу доступной гораздо более широким слоям населения.

Мемуаристы неоднократно упоминают о том, что в это время «чрезвычайно распространяется любовь к чтению», и даже очень небогатые дворяне, как отмечает Н. М. Карамзин в статье «О любви к чтению и книжной торговле в России», составляли библиотеки и перечитывали их по нескольку раз. Неудивительно, что «книжносюжетные» изразцы так по вкусу пришлись провинциальным помещикам. Освобожденные по указу 1762 г. «О вольности

² Р. Б. Тарковский. Старейший перевод русских басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975, с. 30.

дворянской» от обязательного несения государственной службы, они выбирают основным местом своего пребывания усадьбу, и, занимаясь перестройкой дома и наведением уюта, возводят новые изразцовые печи. Вспомните, какое наследство досталось Онегину от тех времен:

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах
И печи в пестрых изразцах.

В сюжеты изразцов стала активно вводиться самая разнообразная тематика: древнерусские росписи, античные и барочные мотивы, символика, сценки в духе западноевропейского искусства XVII в., «китайщина» и т. д. Многие из этих сюжетов заимствуются из иллюстраций ранее вышедших русских и иностранных книг.

Особое место среди изданий прежних лет занимает альбом гравюр с сюжетами из Ветхого и Нового заветов, известный под названием Лицевой Библии Пискатора. 277 гравюр альбома, часть из которых являлась копиями с картин голландских и фламандских художников, выполнены голландским мастером Яном Фишером (Пискатором). В России наиболее распространенными были издания 1650 и 1674 гг. Уже в XVII в. влияние «Библии» сказалось в монументальных храмовых росписях и иконах. В XVIII в. сюжеты из «Библии» стали признанными образцами для заимствования у мастеров различных видов декоративно-прикладного искусства. В изразцах же эти сюжеты нашли отражение только во второй половине столетия, после того как они были «апробированы» в других видах искусства. Но как и все русские мастера, изразечники не стремились к точному копированию иллюстраций из «Библии», а перерабатывали, варьировали и изменяли их. Отличительной же чертой изразцов (и это особенно интересно отметить!) является почти полное отсутствие в них даже намек на религиозность тематики. Из библейских композиций использовался или изолированный фрагмент, который не давал целостного представления о религиозном содержании гравюры, или же сюжет настолько переработанный, что воспринимался как бытовая сценка. Например, на гравюре Пискатора даны последовательно три события, изображающие крещение

Гравюра из «Библии» Пискатора

евнуха апостолом Филиппом. На дальнем плане апостол Филипп «пристал к колеснице», в которой сидит «муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Канадакии»; ближе к зрителю оба — апостол и евнух — восседают в колеснице, и Филипп толкует книгу пророка Исаия, лежащую у евнуха на коленях; и, наконец, на переднем плане изображено крещение евнуха. Мастер-изразечник берет из гравюры только среднюю, к тому же не главную часть, где в колеснице сидят двое беседующих, а вместо евнуха в той же позе изображает девушку, апостола же рисует без нимба, представляя его мирским человеком. Вырванный из общей композиции гравюры и лишенный религиозного начала, этот мотив выглядит в изразце как обычный жанровый сюжет. Не менее резкий контраст с библейским оригиналом представляет фрагмент композиции, заимствованный из «Песни песней». Выбрав из пыш-

Гравюра из «Библии» Пискаатора

ной и торжественной группы только одну фигуру «Невесты Христовой» и сохранив в самых общих чертах ее позу и отдельные элементы одежды, мастер дает образ обыкновенной «земной» женщины, стоящей на коленях с просительно сложенными руками. Дополняющая рисунок надпись — «Нет во время надежды» — еще более усиливает разрыв с содержанием гравюры. И совсем вольно трактуется сюжет «Обращение Савла». Заимствованная из «Библии» внешняя сторона этого события — падение с коня — представлена как забавное происшествие, отнюдь не библейский смысл которого усилен к тому же надписью: «Ох-ох! Погибох от свирепого!»

В сюжетных изразцах XVIII в. нашла большое отражение и тематика «Букваря» К. Истомина, что объясняется его широким распространением в качестве учебника. Так, в росписях изразцов часто встречаются изображения

зверей, фантастических животных, воинов в античных одеждах, палат и т. д., аналогичные иллюстрациям «Букваря» или вольно трактующие его сюжеты. Например, в изразцах неоднократно использовалось изображение палат не только в качестве фона или связующего элемента рисунка с другим изразцом, но и как самостоятельная композиция. Хотя в «изразцовых» палатах нет прямой аналогии с соответствующей гравюрой «Букваря», переработка этого книжного мотива очевидна. Оставляя тот же ракурс, мастер упрощает силуэт здания, делает его более четким и более «русским». Думается, что «букварные» темы в сюжетных изразцах не ограничивались только учебником Истомина. Композиции для расписных изразцов могли заимствоваться также из других печатных и рукописных букварей XVII—XVIII вв. Это представляется тем более вероятным, что сюжеты из них встречаются в произведениях многих видов декоративно-прикладного искусства XVIII в.

Большую популярность имела книга «Символы и Емблемата», изданная в 1705 г. по заказу Петра I в Амстердаме. Книга представляет собой сборник из 839 гравюр аллегорического и мифологического характера с поясняющими их надписями на восьми языках. На одной странице каждого разворота книги напечатано 6 медальонов-гравюр, на другой — соответствующие к ним изречения. В гравюрах встречается много изображений птиц, животных, экзотических зверей, мифологических персонажей и т. д. Лаконичные надписи поясняют изображения и придают им дополнительный смысл. Большой спрос на книгу способствовал ее переизданию в России в 1719 и 1778 гг.

Широкое распространение книги «Символы и Емблемата» было не случайным. Символика вообще была характерной чертой русского искусства XVIII в. Проявилась она и в быту различных социальных слоев. Так, постройки дворянских усадеб украшались скульптурами, рельефами и гербами символического значения, в парках водружались мраморные статуи на темы античной мифологии, а в интерьерах делались настенные декоративные росписи и размещались картины, шпалеры и предметы прикладного искусства аллегорического и мифологического содержания.

Книга «Символы и Емблемата», как и «Библия» Писателя, стала использоваться мастерами-изразечниками только во второй половине XVIII в. Сюжеты и надписи из этой книги встречаются в изразцах чаще, чем любые другие книжные иллюстрации. Однако наряду с хорошо выбранными и переработанными сюжетами, соответствующими характеру и назначению изразцов, и удачными надписями, имеются случаи механического перенесения гравюр и использования композиций станкового характера, что вовсе не свойственно русскому декоративно-прикладному искусству.

К тому времени, когда сюжетные изразцы широко вошли в быт, рукописные книги потеряли свое значение и стали рассматриваться уже «в качестве памятников старины и книжных раритетов»³. Поэтому изразцы с сюжетами, заимствованными из миниатюр рукописных книг, встречаются весьма редко. Известно, например, несколько изразцов второй половины XVIII века с изображениями жития преподобного Герасима и сюжетов из истории царствования царя Соломона, которые, судя по художественно-стилистическому анализу, были взяты с каких-либо Лицевых рукописных сборников XVII—XVIII вв.

Влияние книжной иллюстрации на изразцы не ограничивается только названными книгами. Обилие в изразцовых сюжетах экзотических мотивов, бытовых сценок из жизни других народов, античной тематики явно указывает на значительно более широкое использование книжной графики в творчестве мастеров-изразечников. Изображения «бразильской бабы», мужчины в костюме индейца, людей в европейских одеждах середины XVII в. и т. д. — все это скорее всего могло быть заимствовано из различных печатных книг. Однако происхождение сюжетов большинства сохранившихся изразцов до сих пор, к сожалению, не раскрыто. Совсем не исследовано, например, влияние на искусство сюжетного изразца книг, изданных в России во второй половине XVIII века, т. е. именно в тот период, когда книга стала пробивать путь во все более широкие общественные слои.

³ Н. Н. Розов. Русская рукописная книга. Л., 1971, с. 103.

Поиски в сюжетных изразцах аналогий с иллюстрациями из книг во многом затруднены обилием использованных источников, часть из которых к настоящему времени, возможно, утрачена, а также порой большим расхождением между изразцовым сюжетом и его книжным оригиналом в силу серьезного творческого переосмысления и смелой переработки мастерами-изразечниками композиций из книг. Можно также предположить, что многие из аналогий могли быть взяты из иностранных изданий, попавших тем или иным путем в Россию.

Сюжетные изразцы хранят еще много тайн. На кропотливую работу по их разгадке уйдет, видимо, немало времени. На данном же этапе изучения вопроса «Книга и изразец» важно уяснить другое. Для сюжетных изразцов XVIII в. книжная иллюстрация была тем неисчерпаемым источником, который обогащал их тематику и художественные приемы росписи мастеров. Поиски в сюжетных изразцах аналогий с книжной иллюстрацией — это путь к обогащению представлений не только об изразцовом искусстве XVIII в., но и обо всей русской культуре того времени.

Москва

ИВАН КРОНЕБЕРГ И ЕГО «БРОШЮРКИ»

Имя Ивана Яковлевича Кронеберга (1788—1838), профессора и ректора Харьковского университета, вспоминают — хоть далеко не часто — исследователи Шекспира; его называют «первым русским шекспироведом». Уделяют ему внимание лексикографы и историки латинского языка в нашей стране, вспоминая, что его латино-русский словарь выходил семью изданиями: последнее появилось через много лет после смерти автора — в 1876 г.¹ И хотя Белинский, упомянув своему корреспонденту, земляку Кронеберга, его имя, сказал: «Память этого незабвенного для всех человека священна мне; храню с умилением, как святыню, его письма ко мне и горжусь его вниманием ко мне»², — все же время лишило нас возможности полностью воссоздать его облик. Утрачено или не разыскано очень многое, скупыми, порой противоречивыми, оказались мемуарные отклики современников и письма самого Кронеберга; к биографическому очерку, включенному в юбилейный университетский сборник, не мог быть приложен портрет — его не могли разыскать уже тогда, семьдесят лет назад, когда этот сборник составлялся.

И все же, если объединить разрозненные сведения и присовокупить к ним даже краткий перечень и анализ оставленных Кронебергом статей, сборников, учебных пособий, мы сможем представить его себе не только как ученого, специалиста по классической филологии, но и

¹ М. А. Маслов. Биография И. Я. Кронеберга. — В кн.: «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования». Харьков, 1908, с. 171.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XI, М., 1956, с. 550.

как увлеченного книголюба. Его целью было пропагандировать — притом со страстностью и восторженностью — все лучшее, что находил он в книгах, оставшихся от классической древности и новых, с которыми он знакомился по мере выхода в свет.

Мы не знаем состава его личной библиотеки, нам неизвестно даже обладал ли он значительным книжным собранием. Но, как вскоре мы в этом убедимся, он тщательно следил за пополнением библиотеки университета, с которым связана его педагогическая, научная, общественная деятельность. Мы узнаем также о том, что именно Кронеберг явился организатором студенческой библиотеки, понимая, очевидно, какое огромное значение имеет для студентов возможность пользоваться нужными им учебными пособиями или книгами, могущими их заинтересовать.

В Харьков он приехал, закончив Иенский университет, тот самый, где читал свои лекции Шиллер. А находился он рядом с Веймаром, где жил Гете, все величие которого Кронеберг постигнет уже вернувшись в Москву, в свой родной город; здесь он родился, получил первоначальное образование. Пребывание в Иене, «под небом Шиллера и Гете» дало ему очень многое. В 1807 г. в своей alma mater Кронеберг был удостоен степени доктора философии. Из стен знаменитого университета он вышел не только специалистом по классической филологии — очевидно, Иена давала возможность своему питомцу интересоваться самыми различными науками. Так, Кронеберг был избран — уже вернувшись в Россию, в 1814 г. — членом Иенского великогерцогского минералогического общества. О своеобразной энциклопедичности его познаний и интересов говорит также и то, что он некоторое время заведовал мюнцкабинетом, нумизматической коллекцией Харьковского университета, хранил листы гравюр Альбрехта Дюрера, поступившие в университетскую библиотеку.

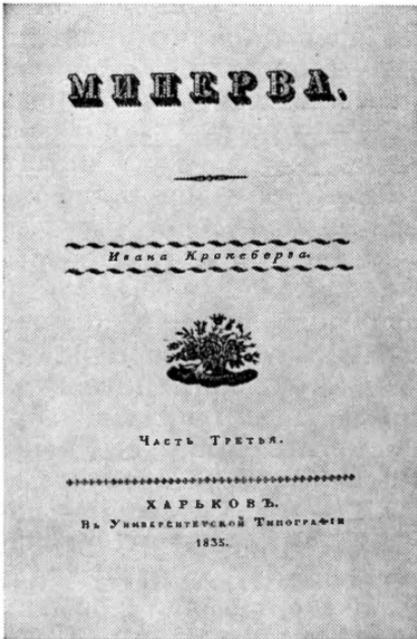
Несколько лет после возвращения из Иены Кронеберг работал в Москве, а в 1818 году он переезжает в Харьков, где остается до конца своих дней. У нас есть все основания предположить, что профессор Кронеберг отнюдь не был равнодушным созерцателем окружающей его действительности, ушедшим в изучение античной ста-

рины. «Без всяких умолчаний и прикрас» пишет он о неудовлетворительном состоянии преподавания и дисциплины в Курской гимназии и других училищах обширного края, постановку педагогической работы в которых ему в 1822 году было поручено обследовать. Результаты ревизии начальством были признаны «несоответственными целям и видам правительства» и повлекли всяческие неприятности и осложнения для неугодившего своими выводами ревизора. Скупые строки в переписке Кронеберга и его семьи рисуют нам его дом как место встреч любителей театра и литературы. Харьков в те времена обладал превосходной театральной группой; любимцами публики были Н. Х. Рыбаков, К. Т. Соленик, которого называли «украинским Мочаловым». Кронеберг-старший мог гордиться своим сыном, переводчиком Шекспира; его переводы успешно конкурировали с популярными переводами Н. Полевого³. Советы Кронебергов — отца и сына — помогали труппе харьковского театра строить свой репертуар, включая в него шекспировские трагедии.

В те отдаленные времена Кронеберг делал попытки привлечь внимание не только университетских студентов, но и представителей более широких кругов к актуальным вопросам литературы. Его лекции о «корифеях немецкой литературы» (Шиллере, Гете, Жан Поле) и Шекспире привлекали столько публики, что «аудитория не могла вместить всех желающих».

У Кронеберга, этого образцового профессора, «глубокого знатока античности», очевидно, не угасло стремление всячески популяризировать дорогие и близкие ему идеи. И это стремление он пытается удовлетворить, не только общаясь со своими слушателями, с участниками его дружеских семейных вечеров, не только консультируя местных актеров, но и путем обращения к печатному слову. К тому времени — ко второй четверти XIX века — типография Харьковского университета успела выпустить некоторое количество книг и журналов, свидетельствовавших о ее немалых возможностях. Разумеется, нелегким было преодоление цензурных «рогатов и препон», но все

³ «Несомненно, что взгляды молодого Белинского на Шекспира складывались не без влияния Кронеберга», — замечает в конце своей статьи Ю. Д. Левин в сб. «Шекспир и русская литература» (М., 1965, с. 231).

*Титульный лист
книги И. Кронеберга*

И. Я. Кронеберга» (далее и звание профессора). По своему составу этот единственный сборник является прямым предшественником «Брошюрок», как их называл сам автор, издававшихся на протяжении 1830—1833 гг.

Всего вышло десять «Брошюрок» — небольших по объему и разнообразных по содержанию. Частично включенный в них материал автор повторил в 4 книгах («частях») сборника «Минерва», выпущенных в 1835 г. Все эти издания являются теперь подлинной библиографической редкостью. Полного комплекта брошюрок нет ни в Центральной научной библиотеке Харьковского университета, хотя отдельные их выпуски имеются в дублетах, ни в Научной библиотеке им. В. Г. Короленко.

Издававшиеся, судя по всему, в ограниченном количестве экземпляров, «Брошюрки», очевидно, не только продавались в книжных лавках, но и рассылались самим

же многие ценные научные издания, даже в первые годы после восстания декабристов, увидели свет в Харькове. Титульная страница сборника «Минерва», издававшегося Кронебергом, показывает, какими искусными мастерами наборного дела располагала типография. Не вызывал особых затруднений и набор на иностранных языках. Кронеберг широко использовал возможности для публикации своих трудов; участвовал в «Украинском журнале», печатал учебники и учебные пособия на латинском языке. В 1825 году выходит сборник «Амалтея». Это — как значится на титуле — «собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности трудами

перечислены ученые степени

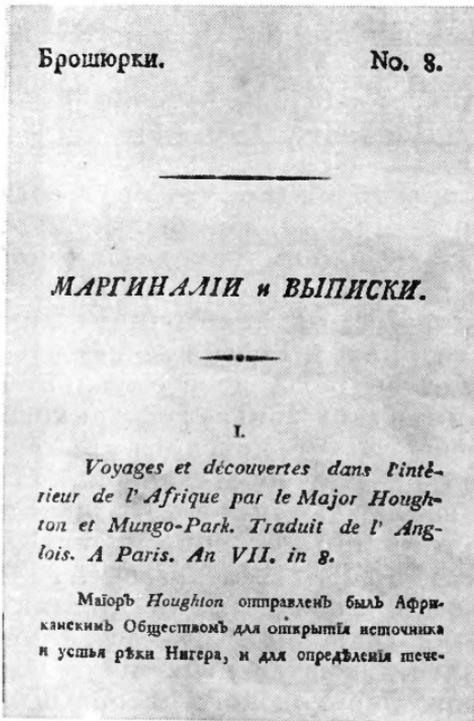
автором по учебным заведениям. Так, на одном экземпляре, хранящемся в Центральной научной библиотеке Харьковского университета (инв. номер 338 996), на обороте пятой страницы имеется надпись: «Из библиотечки Волчанского уездного училища. Получена 1-го марта 1833 года».

Есть достаточно данных предположить, что круг распространения изданных Кронебергом книжек был крайне ограничен. Все же своих читателей они находили иной раз далеко от Харькова. Сборник «Амалтея» был внимательно прочитан Д. Веневитиновым: «Следы французских суждений исчезают в наших теориях, и Россия может назвать несколько сочинений в своем роде, по всему праву ей принадлежащих. Между ними заслуживает особенного внимания „Амалтея“ г. Кронеберга, харьковского профессора. В сей книге не должно искать теоретической полноты и порядка; но и в ней заключаются ясные понятия о поэзии, и она доказывает, что автор искренно посвятил себя изящным наукам и следует за их успехами»⁴. А в альманахе «Радуга», изданном в Ревеле (ныне Таллин) в 1833 г. (кн. I), цитируется «драгоценное место» из «Брошюрки» Кронеберга. О том, что внимательным читателем и почитателем трудов усердного харьковского автора был Белинский, мы уже упоминали.

Что же привлекало к «Брошюркам» тех, кто был современником их выхода в свет? Что обращает на них внимание исследователя книжной культуры первых десятилетий XIX века?

«Брошюрки» — своеобразная робкая попытка популяризации гуманитарной науки и пропаганды образцов художественной литературы, которые автор и издатель полагал лучшими, совершенными, всего более отвечающими задачам нравственного воспитания. В коротком предисловии к «Амалтею» Кронеберг писал: «В сей первой части... не все мое, но и не все чужое; иное принадлежит мне, иное мне и другим». Эти слова полностью могут быть приложены и к характеристике содержания «Брошюрок». Один из разделов, имеющих в нескольких выпусках, озаглавлен: «Маргиналии и выписки». У Кронеберга

⁴ Д. В. Веневитинов. Разбор рассуждения г. Мерзлякова «О начале и духе древней трагедии». Цит. по его кн. «Избранное». М., 1956, с. 197.

Страница из «Брошюрки»
И. Кронеберга

«маргиналии» превращаются в обширные рефераты новых или особо примечательных, изданных еще в XVIII или начале XIX в. немецких и французских книг по истории, эстетике, географии, истории искусства; нередко он отводит место комментариям к произведениям классических поэтов древности (например, Горация). Эти комментарии, очевидно, должны помочь студентам, слушателям Кронеберга, постичь своеобразие творчества античных поэтов.

Первая «Брошюрка» открывается «Историческим взглядом на эстетику», где дается положительная оценка лессинговой «Гамбургской драматургии» («Критику Лессинга можно уподобить землятресению, все разрушающе-

му»). О Лессинге автор обзора считает нужным «тем более говорить, чем менее он у нас известен». Начатый кратким изложением эстетических учений от Аристотеля до Буало и Лагарпа, обзор заканчивается характеристикой Винкельмана и Шеллинга. Отметим не угасавший у Кронеберга интерес к немецким философам-просветителям. Не перечисляя подробно рефератов и обзоров исторических и географических сочинений («О переселении творений искусства из завоеванных земель в Рим», № V; «Об основании Александрийской библиотеки», № VIII; реферат книги Ф. Фикера «Введение к изучению греческих и римских классиков», там же), отметим только, что мы несколько неожиданно находим здесь (в № X, 1833 г.) извлечение, посвященное учению Джордано Бруно. Для ее изложения Кронеберг воспользовался трудом «Обу-

чение Спинозы в письмах к г-ну Мозесу Мендельсону» (Бреслау, 1789).

Реферированию трудов по истории философии Кронеберг постоянно отводит немало места. Так, изложив основное содержание «Введения в философию» В. Кузена (2-е изд., Брюссель, 1830), он замечает: «Кузен эклектик по собственному его признанию». Никак не соглашаясь с выводом Кузена, что «Франция должна иметь свою философию», Кронеберг иронически отмечает: «Иногда слышим подобное и у нас: Россия должна иметь свою философию. Эти слова такой же смешной вздор как если б вздумали утверждать, что Россия должна иметь свою математику». Как ни характерны подобного рода замечания, свидетельствующие о стремлении харьковского ученого исходить из общих для всей европейской науки положений и установок, мы все же должны подчеркнуть, что понимание национальных особенностей развития таких дисциплин, как философия, Кронебергу не было доступно.

Всего более привлекательна та часть содержания «Брошюрок», которая позволяет нам наметить некоторые особенности Кронеберга — читателя произведений художественной литературы.

Прямой выученик немецких философов-идеалистов, он до конца дней сохранил восторженность, которую так проникновенно изобразил Пушкин, рисуя своего Ленского. Восторженность эта жила рядом с глубокой убежденностью в могучую силу Поэзии. Особое значение приобретают рассыпанные по всем десяти «Брошюркам», а в отдельных из них занимающие главенствующее место, вдохновенные характеристики и оценки творчества Шекспира и отдельных его произведений и произведений Гете, прежде всего «Фауста». На первый взгляд, может показаться странным, что в своих, носящих, как мы подчеркивали, популяризаторский характер, «Брошюрках» Кронеберг, сотрудник столичных журналов («Журнал Министерства народного просвещения», «Московский наблюдатель») и журналов, выходивших в Харькове («Украинский журнал»), не помещает отзывов о новинках отечественной художественной литературы. Вероятно, единственно правильным объяснением этому является его желание сделать доступными произведения, еще недо-

статочно оцененные русским и украинским читателем. (Вспомним, что «Брошюрки» рассылались по учебным заведениям Харьковского учебного округа, которые были подведомственны университету.)

Гете отнюдь не был легким для восприятия писателем. Многие его произведения нуждались в разъяснении и комментировании. И Кронеберг считает своей прямой обязанностью взять на себя эту нелегкую задачу. Тем более, что Гете для него, хоть он и отдает должное Шиллеру, вершина немецкой литературы, а его «Фауст» «есть единственное произведение из всей новейшей европейской литературы... В сем удивительном фрагменте сосредоточивается поэзия и философия, фантазия, ум, сердце и вся образованность Германии». Мы находим эти слова во второй «Брошюрке» (1830); в дальнейших Кронеберг не раз дает столь же высокую оценку «Фаусту».

Неоднократно и по разным поводам возвращается Кронеберг к пересказу своих впечатлений от других произведений Гете. Так, в «Брошюрке IX» он следующим образом привлекает внимание к достаточно популярному юношескому роману Гете: «Неужели читать только новейшее или древнейшее! сказал я себе, и подошел к книжному шкафу, с тем, чтобы выбрать для чтения какое-нибудь сочинение прошедшего столетия. Глаза мои, пробегая ряды книг, остановились на «Вертеровых страданиях». Гм! думал я, я был еще молод, когда читал эту книгу в первый раз... С тех пор прошло много лет. Какое впечатление она тогда на меня сделала, ясно припомнить не мог. Хотел было ее не трогать с места, но имя автора, которого в отечестве его одни обожают, другие бранят, и то обстоятельство, что такую брань у нас переводят и помещают в журналах, не менее и любопытство, испытать, какое эта книга сделает на меня впечатление теперь, заставили меня снять ее с полки». Дальше — рассказ о глубоком, новом восприятии «Страданий юного Вертера». В немногих словах он передает основное свое впечатление: «Общество противоборствует его Вертера мечтам и, удерживая свои права, раздражает его чувства... Смертоубийство, учиненное от любви, довершает его внутреннее смятение»...

Кронеберг считает важным высказать свое мнение и о таких этапных произведениях Гете как «Торквато Тассо»

и «Эгмонт»⁵. Многие суждения Кронеберга о Гете, Шиллере, Жан Поле, Новалисе явственно перекликаются с высказываниями московских «любомудров», столь высоко расценивавших немецких писателей и философов начала XIX в. Весьма возможно, что начало преклонения перед гением Шекспира, признание его творческого наследия величайшим достижением мировой литературы, для которого единственным мерилom сравнения могут служить поэмы Гомера, было связано у Кронеберга с известной статьей Гете, провозгласившей: «Шекспир и несть ему конца!»

Сравнение Шекспира с Гомером к тому времени, когда записывал свои «маргиналии» Кронеберг, было обиходным. Мы находим его, например, у Пушкина в его заметке о Байроне⁶. Она тогда еще не была, правда, опубликована, но, очевидно, в пору, когда приходилось «очищать» Шекспира от переделок, характерным образцом которых были пьесы Дюсиса, служившие примером и для постановщиков шекспировских пьес на русской сцене, такого рода возвеличивающие сравнения были как нельзя более своевременными. По той же причине Кронеберг охотно повторяет следующие слова автора «Фауста»: «Гете, которому в удел дали поэзию и все прекрасное, Гете говорит так: Шекспировы пьесы кажутся творениями небесного гения, приближающегося к человеку, чтобы его познакомить с самим собою» («Брошюрка I»).

Знакомство с «Брошюрками» и сборниками «Амалтея» и «Минерва», выпускавшимися Кронебергом, убеждает нас в том, что перед нами не только «первый русский шекспировед», но и убежденный, настойчивый пропагандист шекспировского наследия. О многих из пьес Шекспира («Гамлет», особенно «Макбет», «Король Лир», «Ричард II» и «Генрих IV», «Венецианский купец» и «Сон в летнюю ночь») мы находим у Кронеберга то обстоятельный разбор, то отдельные замечания, касающиеся обрисовки характера, композиции пьесы или отдельных драматур-

⁵ Очень интересен также сравнительный анализ двух переводов гетевского «Певца» («Der Sanger»). В брошюрке № VII был разобран перевод Арапова, а в № IX — Шкляревского. «Переводчик... тогда только может надеяться передать в точности оригинал, когда он с живейшим чувством вникнул в целое и части, в мысли и выражения».

⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Том VIII, М.—Л., 1949, с. 52.

гических приемов. Они рассыпаны по всем десяти «Брошюркам». Приведем некоторые его высказывания.

Автор «Гамлета» для Кронеберга «истинный волшебник». «Хочешь ли знать сердце человеческое во всех его изгибах и взаимные действия людей, обратись к Шекспиру. Хочешь ли знать всякое состояние души от равнодушия до исступления ярости и отчаяния, во всех степенях, переходах и оттенках — обратись к Шекспиру. Хочешь знать душевные болезни, меланхолию, помешательство, ночное блуждание и пр., обратись к Шекспиру. Хочешь ли знать магический мир духов, от благодетельных гениев до чудовищ, обратись к Шекспиру. Хочешь ли знать сладость поэзии, очаровательность, силу, высокое глубоко-мыслие, всеобъемлющий разум и волшебство творческой фантазии, — обратись к трагическому Титану Шекспиру».

Это было сказано Кронебергом в 1825 году. А в первой его «Брошюрке» мы встречаем подлинный гимн Шекспиру: «Он, — пишет Кронеберг, — есть загадка, как и сама природа! Он непостижим как и она! Он величествен как и она! Неисчерпаем как она! Многообразен как она!».

Любовь к Шекспиру Кронеберг сумел привить своему сыну. Кронеберг-младший и его переводческая деятельность, высоко ценившаяся Белинским, — особая тема. И мы снова касаемся ее здесь, чтобы подчеркнуть: в семье Кронеберга царил подлинный культ Шекспира.

Как видим, состав «Брошюрок» был достаточно пестрым. Вряд ли их автор и издатель правильно был ориентирован в возможностях читателей, к которым он, популяризатор и пропагандист, обращался. Обширные выписки на латинском, французском языках вряд ли были доступны, скажем, в тех уездных училищах, куда «Брошюрки» рассылались. Но все же несомненно активное стремление неутомимого Кронеберга заинтересовать своего читателя обширным кругом вопросов, связанным с знакомством и истолкованием актуальных для его времени эстетических и нравственных проблем.

Была у Кронеберга приверженность к одному, отнюдь не легкому жанру. Это — афоризмы. Мы в изобилии находим их у Шлегеля, Новалиса, Тика, у других немецких романтиков. От них Кронеберг заимствовал это стремление в предельно краткой форме выразить дорогую ему мысль и, заострив ее, сделать достоянием своих чи-

тателей. Приведем, чтобы закончить наше знакомство с таким своеобразным явлением в истории нашей книжной культуры, как «Брошюрки» И. Я. Кронеберга, следующий его афоризм, непосредственно характеризующий его взгляд на книгу и ее значение в жизни человека: «Иной человек походит на книгу, иная книга на человека. Истинное чтение книги есть борьба. Иного человека не прежде полюбишь, как крепко с ним поссорившись; то же делается и с книгою. Без борьбы нет победы, без победы нет завоевания. Всякая книга есть наш неприятель; должно с неприятелем или помириться или ему покориться или его победить».

Харьков

СИБИРСКИЙ ГОСТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО

В романе Л. Н. Толстого «Воскресение», на его последних страницах, появляется «молодой купец-золото-промышленник, сын мужика, в сшитой в Лондоне фракной паре с брильянтовыми запонками, имевший большую библиотеку, жертвовавший много на благотворительность и державшийся европейски-либеральных убеждений».

Толстой относится к новому персонажу с явной симпатией, характеризуя его как «совершенно новый и хороший тип образованного прививка европейской культуры на здоровом мужицком дичке»¹.

По свидетельству Софьи Андреевны Толстой, ее муж работал над источниками для «Воскресения» «поразительно добросовестно», изучал малейшие подробности². Ряд персонажей романа имели прототипы среди знакомых Толстого.

Существовал ли прообраз молодого купца-золото-промышленника, сына мужика, одной из отличительных черт которого было владение большой библиотекой?

Н. К. Гудзий, комментируя «Воскресение», высказал предположение, что «характеристика у Толстого молодого купца-золотопромышленника, напоминает характеристику у Кеннана Иннокентия Кузнецова, сына богатого красноярского золотопромышленника»³.

Американский журналист, автор известной книги «Сибирь и ссылка» Джордж Кеннан (1845—1924), встре-

¹ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 14 томах. Том XIII. «Воскресение». М., 1953, с. 431.

² См. письмо С. А. Толстой к В. В. Стасову от 22 февраля 1899 г. В кн.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Том 33, М.—Л., 1935, с. 378.

³ Там же, с. 392.

чался с Толстым 17 июня 1886 г., разговаривал с писателем «о жизни политических ссыльных в Сибири и беседовал об учении непротivления злу насилieм»⁴. Возможно, Кеннан при этой встрече и рассказывал о Кузнецове, а, может быть, Толстой прочитал о красноярском купце в статьях или в книге Кеннана. Описание своего путешествия по Сибири Кеннан сначала печатает в «Century Magazine» (1889—1890). Отдельным изданием его книга выходит в 1891 г. В том же году в Лондоне и Берлине книгу Кеннана выпускают в русском переводе. В России она была запрещена до 1905 г. Толстой был знаком со статьями Кеннана в подлиннике. В августе 1890 г. он пишет Кеннану письмо, в котором благодарит его за «оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов»⁵.

Что же писал Кеннан об Иннокентии Кузнецове и насколько толстовская характеристика молодого купца-золотопромышленника сходна с кеннановской?

«...В комнату вошел статный молодой человек с бледным лицом и... приветствовал нас на изящном английском языке,— пишет Кеннан.— Г. Иннокентий Кузнецов знал Соединенные штаты лучше меня; он два раза вдоль и поперек объездил весь континент, охотился на буйволов в прериях Дальнего Запада, был знаком с генералом Шериданом, Бэффало Биллем, капитаном Джеком и другими пограничными знаменитостями и посетил даже далекий Еллостонский парк...» В описании дома Кузнецовых говорится о «роскошном мраморном камине», развешанных по стенам «картинах знаменитых русских, французских и английских художников; возле дорогой рояли стояла резная этажерка с нотами и книгами; элегантная мебель, старый фарфор, резные вещицы из слоновой кости и тысяча различных безделушек, разложенных и расставленных по всем углам»⁶. Нет ни слова о большой библиотеке, о европейски-либеральных убеждениях, о благотворительности, о мужицком происхождении молодого купца. Судя по описанию дома, Кузнецовы были типичными нуво-

⁴ Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. М., 1956, с. 638.

⁵ Там же, с. 765.

⁶ Георг (Джордж) Кеннан. Сибирь. Берлин, 1891, с. 209, 210.

ришами, не отличавшимися ни вкусом, ни высокой культурой.

В одном из первоначальных вариантов романа Толстой пишет о «молодом купце-золотопромышленнике, жившем в Англии», который «рисовал и собирал картины, имел джентльменски усталый, развязный, даже слишком развязный вид, и считавший себя самым утонченным совершенным человеком». Он и генеральша-аристократка — союзники, единомышленники, потому что «оба они были уверены, что они передовые люди среди варваров, она — потому что знала не только все этюды Шопена и фуги Баха и Грига, и Сен-Санса, знала и Фелье и Золя и обмывалась разными мылами и притиралась пудрой; он же потому что знал не только импрессионистов, но и декадентов и мылся в ванне каждый день и читал Мопассана и Бодлера»⁷. В этой характеристике, которая так и осталась в черновом варианте, мало сходства и с кенновским энергичным купцом-путешественником, спортсменом, и с молодым купцом, сыном мужика, который дан Толстым в окончательном тексте романа.

В творчестве Толстого всегда сильны связи с реальной действительностью. Скорее всего, у Толстого были веские причины перейти от иронической характеристики молодого купца-сноба к положительной и явно симпатичной самому автору романа.

В те годы в Сибири было два человека, которые могли бы послужить Толстому прототипами его персонажа — красноярский купец-золотопромышленник Г. В. Юдин, собравший большую библиотеку, впоследствии проданную им в Вашингтон, и томский книготорговец П. И. Макушин, который тоже владел библиотекой и немалой...

Юдин родился в купеческой семье, неоднократно бывал за границей, не испытывал склонности к благотворительности и не держался «европейски-либеральных убеждений»⁸.

Макушин происходил из бедной многодетной семьи причетника села Путина Пермской губернии, с детства знал тяжелый крестьянский труд. Разбогатев, тратил

⁷ Там же, с. 312, 313.

⁸ О Юдине см. в книге В. Г. Уткова «Люди, судьбы, события» (Новосибирск, 1970, с. 41—57).

большие деньги на устройство школ, библиотек, открытие сельских книжных лавок и другие благотворительные дела. Его просветительская деятельность вызывала неодобрение со стороны сибирских и центральных властей.

С Юдиным Толстой не был знаком, но слышал о красноярском библиофиле. М. Л. Толстая в 1892 г. отвечала по просьбе отца на письмо Г. В. Юдина⁹.

О деятельности Макушина Толстой знал больше. В Яснополянской библиотеке имелась брошюра Макушина «Народная бесплатная библиотека в г. Томске», изданная в 1887 г. В том же году Толстой просит жену послать Макушину полное собрание своих сочинений¹⁰. Но знакомство с Макушиным не ограничилось этим. Недавно в семейном архиве московского архитектора П. И. Скокана, внука Макушина, найдена записка, сделанная рукою деда и озаглавленная им «Свидание с Л. Н. Толстым». Записка не публиковалась, и с разрешения П. И. Скокана привожу ее целиком.

«В одну из поездок в Москву (года не помню) Л. Н. Толстой через Ив. Д. Сытина передал мне о своем желании повидаться со мною. Лестное для меня внимание было с удовольствием исполнено мною. В один из вечеров И. Д-ч повез меня к нему в дом, находившийся в Хамовниках. Время было чаепития. Л. Н. занимал одну из задних комнат, где был его кабинет. Проходить к нему надо было мимо других комнат — столовой, очень изящно убранной и сервированной к чайному столу, к чаепитию. То была половина графини. Встречен был я очень любезно. Одетый в темную блузу, подпоясанный ремнем, Л. Н. встретил меня и И. Д-ча словами: „Вы привезли ко мне Вашего сибиряка! Очень рад познакомиться, очень рад познакомиться“. Усадив нас на стулья, а сам поместившись в кресло перед письменным столом, Л. Н. начал с объяснения, что желание его видеть меня у него явилось вследствие рассказа И. Д-ча о моей просветительной деятельности в Сибири.

⁹ Список писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого. 1892 г. № 148. В кн.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 66, М.—Л., 1953, с. 473.

¹⁰ Письма к С. А. Толстой. 1887—1910. Письмо № 391, 7 мая 1887 г. из Ясной Поляны. В кн.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 84, М.—Л., с. 35.

Пришлось поделиться с ним и тем, что сделано, и планами на будущее. Слушая меня, он несколько раз выражал свое одобрение словами „прекрасно“, „это хорошо“, „это разумно“.

Темой для разговора была тьма народная и пьянство и средства борьбы с тем и другим. Беседа продолжалась около часа. Было предложено угощение чаем с сухарями.

При прощании Л. Н. сердечно пожелал мне успеха в моих начинаниях и планах на близкое будущее.

Свидание было единственным.

В 1891 г., ко дню моего двадцатипятилетнего юбилея пребывания в Сибири, он прислал мне фотографию».

Уточнить время встречи удалось по дневниковой записи писателя — 7 марта 1889 г. Толстой записал, что у него были «Сытин с Макушиным. Интересный и простой человек»¹¹.

Вероятно, именно знакомство Толстого с Макушиным и оказало влияние на окончательную характеристику купца-золотопромышленника в романе «Воскресение». Персонаж этот приобрел черты близкие Макушину — владение большой библиотекой, прогрессивные убеждения в сочетании с общей культурой.

От Иннокентия Кузнецова или от Юдина могли остаться только принадлежность к золотопромышленникам, «сшитая в Лондоне фракная пара с брильянтовыми запонками». Макушин был чрезвычайно скромен во всем, что касалось лично его.

Толстого привлекло в Макушине, помимо личных качеств, его целеустремленное и бескорыстное служение делу просвещения народа, глубокое знание интересов тогдашнего крестьянства.

Жизненный путь Макушина — это путь исканий. В 1870 г. 26-летний смотритель Томского духовного училища, приехавший в город после того, как потерпели крах его миссионерские устремления на Алтае, открывает на свой страх и риск у себя на квартире частную библиотеку, предоставив в распоряжение томичей свои личные книги — 300 названий. Вскоре Макушин окончательно прерывает с духовным ведомством и становится на путь слу-

¹¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Дневники. Т. 50, М.—Л., 1952, с. 47.

жения просвещению и книге. Он мечтает начать в Сибири книжную торговлю — замысел по тем временам невероятный!.. Средств у него нет. Один из томских торговцев ссужает его деньгами на кабальных условиях — помимо возврата долга половина прибыли от книжной торговли идет этому торговцу. Неуплата долга грозит долговой тюрьмой.

Макушин едет на лошадях в Москву и Петербург, привозит оттуда первый обоз книг. 19 февраля 1873 г. в Томске открывается книжный магазин — первый и единственный на всей огромной территории Сибири. До проведения сибирской железной дороги Макушин 22 раза ездит в Москву за книгами. Печатное слово для него прежде всего источник света. Лозунгом своей деятельности молодой книготорговец берет — «Свету, свету больше!» Макушин деятельно продвигает книгу в народ: организует разъездную книжную торговлю по селам, открывает филиалы магазина в городах Сибири, хлопочет об открытии сельских библиотек, начинает выпускать газету. В 1882 г. организует «Общество попечения о начальном образовании», открывает 27 сентября 1887 г. народную бесплатную библиотеку в Томске. Все это сопряжено с трудностями, власти то и дело чинят Макушину препятствия, запрещают сельские библиотеки, закрывают газеты — «за вредное направление» (1888 г.). Но Макушин не отступает и продолжает бороться за осуществление своих просветительских планов, которыми он поделился с Толстым.

В 1890-х годах и в начале 1900-х ему удастся кое-что воплотить в жизнь из своих замыслов. С его помощью открываются сотни сельских библиотек-читален, взамен закрытой газеты выходит новая, в деревнях Томской губернии начинают торговать книгами 125 макушинских лавок-шкафов. Средства для расширения книжного дела Макушин берет от продажи канцелярских товаров, нот и музыкальных инструментов, издания газеты, в которой печаталось много платных объявлений. Вырученные деньги он пускал на приобретение новых книг и на строительство Дома науки в Томске, давней его мечты. В личном быту Макушин был неприхотлив, чуждался роскоши, считал каждую копейку, потраченную на себя: «...делал это я не из скупости, чем объясняли мое поведение даже близкие мои родные, а из глубокого сознания, что эти

средства не мои, а общественное достояние. Я считал себя лишь кассиром народных денег».

Макушин прожил долгую жизнь. При Советской власти он все свои силы, знания и опыт отдавал становлению просвещения в новой Сибири. И когда в 1923 г. общественность отмечала полвека культурно-просветительной деятельности Макушина, правление Сибгосиздата писало ему в своем приветствии: «Мы в своей деятельности чувствуем, что нам легче идти по своему пути именно потому, что Вы до нас начали эту работу и вели ее с неослабевающей энергией и редким упорством в продолжении пятидесяти лет. Вы не отказались встать с нами рядом на работу и после Октябрьской революции<...> Вы вот уже почти год помогаете нам своим опытом, состоя членом правления Сибгосиздата, заражая нас своей неутомимостью и энергией в будничной, но великой общественным значением работе. Мы считаем, что день, когда исполняется 50 лет со дня открытия Вами первого книжного магазина, народных библиотек, должен явиться памятным рубежом для Сибири, невозвратно оторвавшим его от того периода, когда она была только суровой страной каторги и ссылки»¹².

П. И. Макушин скончался 4 июня 1926 г. на 83 году жизни. Газета «Правда» писала в заметке, посвященной его памяти: «В Томске умер старейший работник просвещения Сибири П. И. Макушин. В предсмертной записке П. И. Макушин просит «предать тело земле гражданскими похоронами, а вместо памятника поставить рельсу с электрическим фонарем»¹³.

В ограде Дома науки, выстроенного Макушиным, видна его могила, над которой, укрепленная на стальной рельсе, сияет ночами электрическая лампочка...

Таким был гость Л. Н. Толстого, побывавший у него в доме на Хамовниках мартовским вечером 1889 г., гость дорогой, близкий по своим делам и устремлениям великому хозяину дома...

¹² К пятидесятилетию книготорговли в Сибири. Новониколаевск, 1923, с. 21—22.

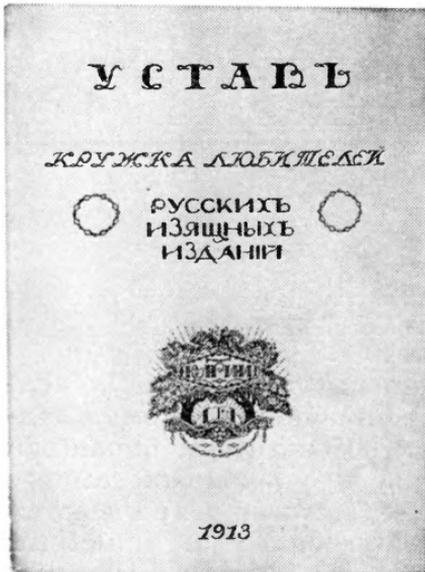
¹³ «Правда», 6 июня 1926 г., № 129.

А. Александрова

ЛЮБИТЕЛИ РУССКИХ ИЗЯЩНЫХ ИЗДАНИЙ

На Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 г. большим успехом пользовался отдел русской изящной книги. Посетители обращали внимание на разнообразии изданий, посвященных старому и новому искусству. Было отмечено, что по техническому исполнению русская книга не уступает заграничным образцам. Среди экспонатов выставки, выпущенных различными издательствами, большое место занимали книги, созданные петербургскими библиофилами, любителями и энтузиастами книжного дела, большими ценителями и знатоками искусства. Изучение их деятельности дает нам богатый материал для обзора художественных изданий и книг по искусству начала XX века. Объединившись в общества (наиболее значительные: «Кружок любителей русских изящных изданий» — КЛРИИ, «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», «Община св. Евгении»), они создали очень ценные библиографические и иконографические описания своих коллекций. История создания произведений искусства, книжной иллюстрации и книг по искусству, искусствоведческий анализ, высокого полиграфического уровня репродукции — вот далеко не полный перечень этих трудов.

1000 русских иллюстрированных изданий (1720—1870 гг.) были представлены в книге В. А. Верещагина «Русские иллюстрированные издания XVIII—XIX столетий», выпущенной в 1898 г. тиражом в 425 экземпляров. Как бы продолжением этого каталога стали созданные членами верещагинского кружка четыре выпуска «Материалов для библиографии русских иллюстрированных

*Титульный лист
«Устава Кружка любителей
русских изящных изданий»
(1913)*

издаваемых в России произведениях печатного и графического искусства и способствовать взаимному сближению собирателей художественных произведений». Но за 14 лет его существования задачи постепенно расширялись, деятельность общества становилась все более разносторонней, и в результате Кружок вышел далеко за пределы простого любительства, внес новые материалы в научную литературу, сыграл большую общедемократическую роль в деле популяризации искусства, борясь с дурным вкусом. Пропагандируя своими изданиями истинно художественную книгу, он проделал значительную работу по объединению собирателей и коллекционеров, в результате чего были созданы ценные библиографические труды. В 1904 г. был напечатан «Устав» общества в количестве 100 экземпляров с виньеткой работы М. В. Добужинского, сделавшейся впоследствии печатью Кружка. Первый период жизни общества обнимает собой то время, когда у него не было своего помещения. С некоторой иронией

изданий» (СПб., 1908). Автор первого выпуска — В. Верещагин, 2-го — Н. К. Синягин, 3-го — Е. Н. Тевяшов, 4-го — Н. К. Синягин. Задачей этого труда являлось восполнение важного пробела отечественной библиографии по русской книжной иллюстрации. На подготовку солидных томов с богатым и разнообразным справочным аппаратом «кружок посвящает довольно крупные для него средства... и немало настойчивого и терпеливого труда», — как говорится в предисловии.

Издание изящных книг — это была одна из основных задач, ставившаяся при создании Кружка в 1903 г.: «...содействовать развитию художественной стороны в

вспоминает о первом периоде существования Клуба его председатель В. А. Верещагин — искусствовед, исследователь истории книги, первый редактор «Старых годов»¹ и последний редактор «Русского библиофила»².

«Я принес заказанные нами А. Н. Бенуа превосходные рисунки к „Медному всаднику“ А. С. Пушкина. Начался обмен мнений. Двое из наших сочленов заявили категорически, что если Клуб издает это недостойное произведение „декадентского“ творчества, они оба сочтут невозможным свое дальнейшее пребывание в Клубе. Третий сочлен нашел бакенбарды Пушкина, голова которого красовалась в виде концовки, недостаточно густыми и признал изображение поэта в таком виде безусловно неприемлемым; четвертый, наконец, заметил в ноге „Медного всадника“ существенный промах рисунка, и все мои старания примирить эти прискорбные противоречия оказались напрасными. Тщетно я пытался защитить уважаемого А. Н. Бенуа от пристрастия к декадентству и ошибок в рисунке и также тщетно обещал его уговорить прибавить десятка два волос в бакенбарды Александра Сергеевича — издание провалилось. Так кончился первый период существования Клуба, — наша древняя, так сказать, история. Средние века нашей исторической жизни протекли более благоприятно».

Клуб существовал на ежегодные взносы его действительных членов (многие искусствоведы, библиофилы, издатели участвовали как почетные члены), на благотворительные пожертвования, а также за счет доходов

¹ Журнал, выходивший с 1907 по 1916 г., посвященный «разнообразным вопросам искусства прошлого времени», «восстановлению забытого и исконно неизвестного», роскошное издание со множеством автотипий и фотогравюр, начал издаваться при КЛРИИ, впоследствии отделился, хотя связь с Клубом всегда была очень тесной. Изучение произведений великих мастеров, отдельные монографии о художниках, исследования об отдельных отраслях искусства, внимание к гниющим памятникам, «библиографические листки» — все это делало его глубоко интересным. Редакции журнала Разрядом изящной словесности Академии наук был присужден почетный отзыв и выдана золотая медаль им. А. С. Пушкина.

² Журнал, издававшийся с 1910 по 1916 г., ставил своей задачей «содействовать делу коллекционерства в России». Вырос в историко-литературный и библиографический журнал, помещавший на своих страницах исследования по русской и иностранной словесности, истории русского театра.

от изданий Кружка, от устраиваемых аукционов, выставок, чтений и т. д. В. А. Адарюков (активный член, библиотечарь КЛРИИ, крупный библиограф-искусствовед, после революции — сотрудник Русского музея, Музея изобразительных искусств, профессор, действительный член Академии художеств) так вспоминает о деятелях общества: «Товарищем председателя Кружка был почтенный Е. Н. Тевяшов, суровый по внешнему виду, но чрезвычайно добрый старик, которого все члены Кружка чрезвычайно любили и уважали. Тевяшов был большой знаток гравюры и сам офортисом-любителем, вместе с этим он был знаток русской книги и библиофил, принимал участие в «Словаре граверов» Д. А. Ровинского, с которым был в приятельских отношениях. Он обладал исключительной коллекцией русской виньетной гравюры, огромным собранием русских литографий и гравюр...»; «...Знаток книги и владелиц отличной библиотеки, член КЛРИИ П. Е. Рейнбот был ярый пушкинист, создавший музей А. С. Пушкина при Александровском музее; он был превосходный оратор и на всех собраниях Кружка произносил блестящие речи». Многие члены общества занимались серьезной научной работой, что не могло не отразиться на его деятельности. В 1913 г. КЛРИИ выпускает большое и ценное издание: «Гравюра и литография. Очерки по истории и техники, составленные И. И. Леманом». Знакома читателя со всеми способами размножения произведений искусства, автор дает сжатый исторический обзор их развития за границей, заключая каждую главу перечнем имен главнейших русских представителей соответствующей техники, иллюстрируя отличными репродукциями.

С 1910 г., после того как Кружок обосновался в собственном помещении, он стал устраивать выставки произведений графического искусства с выпуском их каталогов, изящно изданных. Все выставки имели огромный успех у разнообразных слоев общества. Сочувственно были встречены прессой выставки: «Русская женщина в гравюрах и литографиях», «Русская и иностранная книга XV—XIX веков». Целью их было представить книгу в расцвете ее красоты и изящества и остановить внимание на ее выдающихся образцах. Так, в 1914 г. огромный успех имела организованная в залах Академии художеств

выставка французских и английских гравюр XVIII в. из коллекций членов Клуба (560 «первоклассных листов»). По воспоминаниям современников, на ней был «весь Петербург». Закрылась выставка раутом, на котором были устроены живые картины с выставленных гравюр, артисты Михайловского театра читали стихи поэтов XVIII в.

Популяризаторская деятельность Клуба не ограничивалась выставками. По понедельникам КЛРИИ устраивал собрания, на которых проводились чтения, доклады, аукционы, беседы с демонстрацией изданий и т. д.

В отделе Лейпцигской выставки, посвященном КЛРИИ, экспонировались изысканные, с большим вкусом оформленные книги, отражавшие уровень полиграфии того времени. Самым первым изданием Клуба был «Невский проспект» Н. В. Гоголя с 25 гравированными рисунками Д. Н. Кардовского, изданный в количестве 150 экземпляров, из которых 125 — на веленовой бумаге и 25 — на японской, с отдельной скитой всех рисунков и вариантов одного из них. Все 25 экземпляров — именные, для членов Клуба. Доски после выхода в свет издания были уничтожены. По воспоминаниям В. Адарюкова, «...издание имело большой успех и быстро сделалось библиографической редкостью». В 1907 г. Клуб выпустил 4 басни И. Крылова в 500 экземплярах с неизданными ранее рисунками А. О. Орловского, взятыми из коллекции одного из членов Клуба. В 1908 г. вышла поэма А. А. Голенищева-Кутузова «Рассвет» с 8 офортами А. Л. Пятигорского. В 1914 г. — «Казначейша» М. Ю. Лермонтова в оформлении М. В. Добужинского. Изысканно оформлялись пригласительные билеты Клуба, каталоги выставок и т. д.

Блестящие каталоги выставок издавало «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Ставя перед собой цель «препятствовать разрушению, поддерживать и способствовать сохранению в России всех памятников, имеющих художественную или историческую ценность», Общество издавало альбомы с экспозициями памятников искусства (В. В. Суслов «Церковь Василия Блаженного». СПб., 1912; Г. Г. Лукомский «Батурицкий дворец». СПб., 1912, и др.). В 1914 г. Общество объявило конкурс на составление лучшего по-

пулярного очерка истории русского искусства с иллюстрациями. Веда, как и КЛРИИ, огромную просветительную работу, оно развернуло широкую пропаганду «для развития в массах уважения и любви к предметам старины и искусства». Общество было полуофициальной организацией, состоящей примерно из 600 человек. Товарищами председателя общества были А. Н. Бенуа и Е. Н. Волков, членами совета — П. П. Вейнер, В. А. Верещагин, Н. К. Рерих и др. Фактическое руководство деятельностью общества осуществлял секретарь — Н. Н. Врангель, известный искусствовед и библиограф, славившийся своими огромными знаниями в области искусства. В книге «Венок Врангелю», посвященной памяти блестящего ученого, друзья вспоминают о его необыкновенной эрудиции и чутье искусствоведа. Врангель служил в отделе живописи Эрмитажа, постоянно сотрудничал в «Старых годах», был соредактором (вместе с С. Маковским) журнала «Аполлон», читал лекции в Институте истории искусств, являлся автором многих работ по истории искусства («История русской скульптуры», «История русской миниатюры» и т. д.). Общество организовывало разнообразные по тематике популярные сообщения и доклады. (Например: А. Н. Бенуа — о дворце Бирона, П. Н. Столпянского — о легендах и преданиях старого Петербурга и об истории Адмиралтейского острова, Н. К. Рериха — о Кипренском и т. д.). Оно устраивало любительские спектакли по малоизвестным произведениям забытых русских авторов. В 1913 г. в Совете общества был поднят вопрос об устройстве народных развлечений, основанных на началах национального прошлого в духе русской бытовой старины: Н. Н. Врангель, Ю. Э. Озаровский и С. Ю. Судейкин разработали программу дешевых театральных зрелищ и увеселений, осуществить которую помешала первая мировая война.

Несколько прекрасных изданий по искусству, представленных в отделе современной иллюстрированной книги на Лейпцигской выставке, было выпущено еще одним петербургским обществом — «Общиной св. Евгении». Самим возникновением это издательство обязано И. М. Степанову, деятельность которого, по словам А. Н. Бенуа, «всецело и так бескорыстно отдана служению искусству». Работа издательства началась с выпуска худо-

жественных открыток, репродукций, акварелей И. Е. Репина, К. Е. Маковского и др. Репродукции имели большой успех. Первые восемь лет дело велось полюбительски. В 1898 г. издательство успешно участвовало в объявленном Обществом поощрении художеств конкурсе на лучшие рисунки для открыток по случаю столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Оно представило серию «Пушкинские открытки», над которой работали И. Е. Репин, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов и др. Следует отметить, что конкурсы вообще содействовали расширению издательской деятельности Общества, группируя вокруг него художников. Так, в 1902 г., в связи с конкурсом на лучший рисунок к 200-летию юбилею Петербурга, у издательства устанавливается связь с художниками, группировавшимися вокруг журнала «Мир искусства»: А. Н. Бенуа, Л. С. Бакстом, М. В. Добужинским, А. П. Остроумовой-Лебедевой, Е. Е. Лансере, С. П. Ярёмичем и др. Все эти художники внесли существенные коррективы в план издательства, направив его по совершенно иному руслу. Зарождается идея о выпуске художественных книжных изданий. Первой такой книгой был «Обзор художественных изданий Евгенианской общины» (СПб., 1909), прекрасно оформленный и богато иллюстрированный. Далее следовала серия путеводителей по Эрмитажу, альбомы картин и скульптур Русского музея, Румянцевского музея, Третьяковской галереи, Кушелевской галереи, а также экспонатов Московской оружейной палаты. Следует особо отметить альбомы сокровищ Эрмитажа, с кратким пояснительным текстом В. Я. Курбатова, в обложках по рисункам М. В. Добужинского, С. П. Яремича. Печатной базой издательства была типография А. Н. Ильина, продемонстрировавшая здесь высокий полиграфический уровень исполнения. Издание многочисленных открыток совершенствовало технику репродукции в издательстве. Например, открытки с цветных ксилографий А. П. Остроумовой-Лебедевой — первый опыт таких изданий в Европе. Открытки Евгенианской общины превратились в своеобразную справочную книгу по искусству. Здесь издавались и монографии: о Н. К. Рерихе, К. А. Сомове и др. Красочное издание пушкинского «Моцарта и Сальери» со вступительной статьей М. О. Гершензона иллюстрировал

М. А. Врубель. Издательство имело исключительное право воспроизведения на открытках интерьеров дворцов. В 1920 г., в связи с ликвидацией Общины, ее издательство перешло в ведение Государственной академии истории материальной культуры под наименованием Комитета популяризации художественных изданий. В Комитет входили: А. Н. Бенуа, А. Н. Ильин, П. И. Нерадовский, Ф. Ф. Ноттгафт, И. М. Степанов и др.

Участие петербургских любительских обществ в Международной выставке в Лейпциге (инициатором русского отдела здесь, вопреки препятствиям, чинимым царской цензурой, было Российское общество книгопродавцев и издателей) как нельзя лучше выражало общую идею этих трех различных по своему характеру обществ, стремившихся на эту выставку «не ради каких-либо реальных выгод», а лишь из желания «принять участие в юбилейном празднике г. Лейпцига, в общем торжестве культуры человеческого духа, соединяющей народы на почве их мирного развития и взаимного уважения».

Москва

СРЕДИ РУКОПИСЕЙ

Созерцая рукописи выдающихся людей прошлого, я как бы по волшебству становлюсь их современником.

Гете

Один популярный писатель заметил, что если кому-нибудь и присущ истинный фанатизм, то это, конечно, коллекционерам. Спору нет, собирать марки или спичечные коробки — дело увлекательное. Но что может сравниться с величайшей страстью к рукописям! Принадлежа к племени книголюбов, берусь все же утверждать: с красотой рукописи, ее редкостью, неповторимостью не сравнится (при прочих равных условиях) прелесть книги. Рукопись всегда первична. Она предшествует своему печатному воплощению. Это всегда явление уникальное, в единственном экземпляре. Исписанные страницы с поразительной точностью передают характер и настроение лица, их создавшего.

Как-то, в нарушение издательских правил, я выпросил верстку одной великолепной книги с авторской правкой. В редакционной комнате зашел разговор о почерках. Вспомнили одного молодого, но уже известного периферийного автора. Редактор сказала:

— Этого молодого писателя я никогда не видела, читала лишь его письма и правку. Полагаю, он очень обязательный и аккуратный человек. Посмотрите, какой четкий, красивый почерк!

Я близко знал этого писателя и удивился точности характеристики. Впрочем, из сказанного вовсе не следует, что если у вас почерк торопливый, то вы не обязательны. Однако, получил на днях из Ленинграда от одного мало знакомого книжника торопливо набросанное письмо: «Ув. Вал. Викт.!» — и отвечать ему не захотелось.

Чтобы благоговеть перед рукописными строками, надо преклоняться перед их автором. Себастьян Бах хра-

нил нотные записи Генделя, Бетховен — Моцарта, Шуман — Бетховена. Мой институтский учитель, профессор И. М. Саркизов-Серазини долгие годы любовно хранил письмо А. С. Пушкина. Перед смертью он передал его в музей поэта. Библиофилы спасли для человечества немало рукописей.

В моем собрании около полутора тысяч автографов, включая письма, рукописи. Расскажу о некоторых из них.

«ВОЗБУЖДАТЬ ДОБЛЕСТИ СОГРАЖДАН»

Вам приходилось ночью вставать с постели и, боясь нарушить тишину спящего дома, брать с полки любимую книгу? Со мной это случалось. Нежно прикасаюсь к полужофаному переплету, заключающий в себе редкий список «Дум» К. Ф. Рылеева.

Список сделан в Риге в 1831 году. Современник Рылеева старательно выписал двадцать одно стихотворение. Бумага не из дорогих, видимо, переписчик не обладал большими средствами. Буквы зачастую проступают на обратной странице. Но почерк четок, легко читаем. Он прекрасен тем своеобразием и изяществом линий, которыми отличалось великое пушкинское время.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...—

так выводил рукою бережной анонимный поклонник казенного декабриста. Он несомненно знал, что за распространение стихов декабриста грозит расправа. И все-таки переписывал...

Впрочем, переписывал не шаблонно, а согласно своему вкусу изменил порядок стихотворений. Цикл стихов начал он «Иваном Сусаниным». Пройдут долгие годы, окончательно сложится мнение о «Думах». Литературоведы придут к единому мнению, которое когда-то высказал и А. С. Пушкин: Сусанин — самый правдивый с исторической точки зрения и вполне народный характер в «Думах».

Пушкин высоко оценил «Ивана Сусанина». Именно с этого произведения начал «подозревать» в его авторе

«истинный талант». «Прочел я недавно и до сих пор еще не опомнился — так он вдруг вырос», — находим мы в черновике письма Александра Сергеевича к Вяземскому от 4 ноября 1823 г. Во время свидания с Пушкиным 11 января 1824 г. он просит «обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические „Думы“».

Влияние «Дум» на современников было большим. Их популярность среди передовых людей все время росла. Трагическая судьба автора усиливала их значение. Вот почему вслед за гибелью К. Ф. Рылеева появляются любовно изготовленные копии его знаменитого произведения. Наша — одна из таких. Ее титульный лист стилизован под издательский. Список свидетельствует о желании сохранить для потомков произведение замечательного революционера. Это его имел в виду Бестужев, сказавший, что такие стихи имеют цель «возбуждать доблести сограждан».

Никогда никому не отдал бы эту рукопись, если... Если бы однажды не приехал ко мне в гости мой старый воронежский друг, писатель и библиофил Олег Ласунский. Он листал хрупкие страницы, и в его взгляде было столько любви и безнадежной печали. Ему очень хотелось иметь список, но он знал, что никогда никому я его не уступлю.

Тогда я сказал:
— Возьми, дарю.

И КАМЕНЬ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

В прошлом веке жил человек, который слыл чудачком. Его дом называли «русским музеумом». Многие видные деятели той эпохи посещали его. Среди них Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин, Н. С. Мордвинов, С. П. Жихарев и многие другие.

Хозяина музея звали Александр Иванович Сулакадзев. Он был титулярным советником и страстным собирателем различного рода редкостей. Гостям А. Сулакадзев демонстрировал грамоты русских царей, старинные рукописи, указы императрицы Анны Иоанновны, следственное дело о Пугачеве с автографом Екатерины II и даже дела

о декабристах. Пораженные посетители могли любоваться... камнем, на котором, по уверению Сулакадзева, отдыхал после Куликовской битвы Дмитрий Донской.

Хозяин музея явно питал слабость к мистификациям. Теперь известно, что часто он сам создавал «седую старину», фабриковал подделки. Но тем не менее в его собрание входило много ценных книг и подлинных рукописей.

В начале 30-х гг. XIX в. (точная дата не известна) А. И. Сулакадзев умер. Вдова запросила за библиотеку двадцать пять тысяч. Покупателя не нашлось, поэтому книги и рукописи продавались по частям. Некоторые из них нынче находятся в крупнейших государственных хранилищах.

Букинисты не припомнят, чтобы экспонаты из собрания Сулакадзева встречались в наши дни на книжном рынке.

Мне повезло. Заведующий «Пушкинской лавкой» Л. А. Глезер уступил мне весьма редкий том В. Г. Рубана «Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест...» Книга вышла в 1782 г. в Петербурге.

И к своему удовольствию я обнаружил владельческую надпись: «Из библиотеки Александра Сулакадзева № 958». На шести вклеенных страницах Сулакадзев как добросовестный летописец вел четким, изящным почерком хронике примечательных московских событий. Вот, к примеру, одна из них: «1817, октября 12, пятница. В Москве, на Воробьевой горе, заложен храм Христа Спасителя». В том же году записывает: «Через Москву-реку 4 моста: Замоскворецкий, Драгомиловский, Крымский, Краснохолмский».

Любопытен перечень книг о белокаменной, находившихся в библиотеке Сулакадзева. Это и «План Москвы Мичурина» 1739 г., и «Роспись московских церквей» 1776 г., и «Географический словарь Полунина» 1783 г. и многое другое. В этой библиографии нашла отражение и страсть Сулакадзева к рукописям: «Древности Московские. Сочинение Н. М. Карамзина. В рукописи на 3-х листах».

Особенно примечательна запись о посещении в 1811 г. дома Сулакадзева известными братьями Плавильщиковыми — актером и драматургом Петром и известным издателем Василием.

Спасибо книжным пометам! Спустя более чем полтора столетия они помогли дополнить портрет одного из крупнейших книжников прошлого.

«ИЗ МОЕГО АРХИВА»

116-страничная рукопись в самодельном картонном переплете. На первой странице читаем: «М. Исаковский. Из моего архива. Различные курьезные стихи, рассказы, письма и проч. 1943».

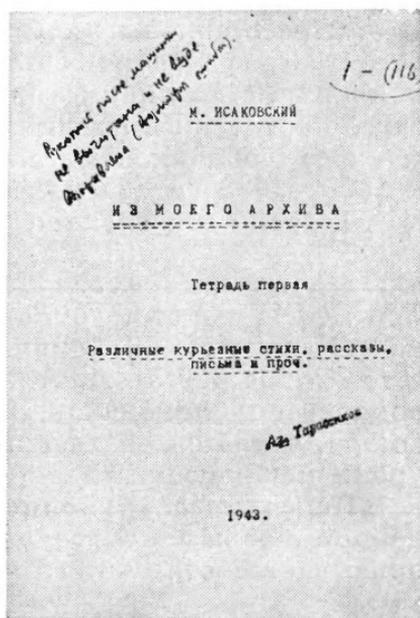
Да, автор этой самодельной книги — выдающийся советский поэт Михаил Васильевич Исаковский. Почему и как было создано это уникальное произведение? Автор это разъяснил в предисловии:

«Приводя в порядок свой архив, я обнаружил большое количество различных рукописных материалов — произведений начинающих поэтов, писателей, их писем, писем в редакцию и т. п. Эти материалы (главным образом, смешные и курьезные) я собрал во время работы в смоленской газете „Рабочий путь“ и в журнале „Колхозник“ в Москве.

Выбросить их мне было жалко. Поэтому я решил заново переписать хотя бы некоторые из них и, таким образом, сохранить для себя в удобочитаемом виде.

Я отобрал наиболее курьезные, наиболее смешные и объединил их в этой тетради.

Материалы переписаны здесь либо целиком, либо в выдержках. Никакому исправлению они не подвергались.

Титульный лист
машинописного сборника,
составленного М. В. Исаковским

В них расставлены лишь знаки препинания и устранены те орфографические ошибки, исправление которых не влияет на стиль написанного. В некоторых случаях даны заголовки (если в подлиннике их не было).

Все собранное здесь относится, главным образом, к 1928—1932 гг. (за некоторым исключением).

Тетрадь эта сделана в двух экземплярах.

М. Исаковский.

Много лет спустя Михаил Васильевич использует фрагменты из этой рукописи в трудах «О поэтическом мастерстве». Но это лишь малая крупица из объемистой тетради. Остается жалеть, что большая часть этой работы пока не опубликована. В ней немало блесков народного юмора, читается она легко. К тому же, это великолепные уроки начинающим литераторам.

Перечитывая рукопись, еще раз убеждаешься в безмерной любви замечательного поэта к родному языку, он призывает постигать его чистоту.

У БРЮСОВА НА МЕЩАНСКОЙ

Теплый осенний день. Абрамцево. Желтые листья неспешно плывут по Воре. Речушку воробей пешком перейдет. В Абрамцево издавна живут художники, многие из которых — гордость отечественного искусства. Рисуют и пишут ее уже несколько поколений.

Вот сейчас я люблю работу своего собеседника — Павла Александровича Радимова. Он пишет этюд. Человек этот знаменит сразу двумя талантами: художника и поэта. Последний председатель Товарищества передвижников. Для вступления в Товарищество поручительства дали ему И. Репин и В. Поленов. Случилось это в 1914 году. А двумя годами раньше вышла в Казани тиражом 1520 экземпляров его первая книга стихов «Полевые псалмы». За ней вскоре увидел свет сборник «Земная риза». Реалистичное изображение русской деревни привлекло внимание к молодому поэту. Критика благожелательно отнеслась к дебютанту. А. М. Горький отмечал талант Радимова и как художника и как поэта.

Бежали годы. Павел Александрович стал известным советским художником. Его картины украсили многие

музеи, Третьяковскую галерею. Вышли многочисленные поэтические сборники. Лишь в Библиотеке им. В. И. Ленина их более двадцати.

...На берегу Вори идет разговор о прошлом. Речь коснулась В. Я. Брюсова.

— В 1913 году, — вспоминает художник, — я приехал в Москву из Казани. Там преподавал в художественной школе. Мог ли не зайти к Брюсову, который был любимцем и кумиром молодежи! Я пошел на Мещанскую, где жил поэт.

Радимов рассказывает о том, как приветливо встретил его Валерий Яковлевич, познакомил с женой Иоанной Матвеевной. Поразила громадная библиотека. Завязалась живая беседа. Иоанна Матвеевна принесла чай. Художник поделился впечатлениями о жизни интеллигенции в Казани. Брюсов слушал с интересом, говорил о любви к Рембрандту. Назвал «староватыми» художников-передвижников.

Беседа затянулась до полуночи. Прощаясь, Павел Александрович подарил поэту сельский пейзаж — «Сарай». В следующий приезд Радимов увидел эту картину на стене брюсовского кабинета.

— Валерий Яковлевич подарил мне популярную тогда книгу «Путник», сделав на ней дарственную надпись, — Радимов вздохнул. — Но во время одного из своих переездов я ее утерял. Где она?

Разговор этот состоялся в середине шестидесятых годов. А несколько лет спустя, уже после смерти старого мастера, один московский книжник принес мне «Путника». На обложке мелким, но четким почерком выведено: «Павлу Александровичу Радимову, дружески, Валерий Брюсов. 1913».

РОЗАНОВ ПИШЕТ СТИХИ

Близилось 100-летие со дня рождения художника К. Ф. Юона. Будучи ведущим юбилейного вечера, я помогал готовить экспозицию картин и книг. Вместе с внуком художника Олегом Игоревичем мы разбирали архив.

— Вот такой книги у вас нет? — спросил мой собеседник. — Владейте!

На титульном листе читаю: «Ив. Розанов. Призраки звезд. 1916». И далее: «Издание не для продажи. Напечатано в количестве 100 экземпляров». Рядом автограф: «Дорогому Константину Федоровичу Юону от автора. 18.X.1930».

Удивительная встреча! Много лет искал это редчайшее издание. И вот, книжица в моих руках! Стихи лирические, написаны в духе, характерном для поэзии начала века:

Опять повеяло надеждой
С далеких милых берегов.
Целую край твоей одежды,
Целую след твоих шагов.

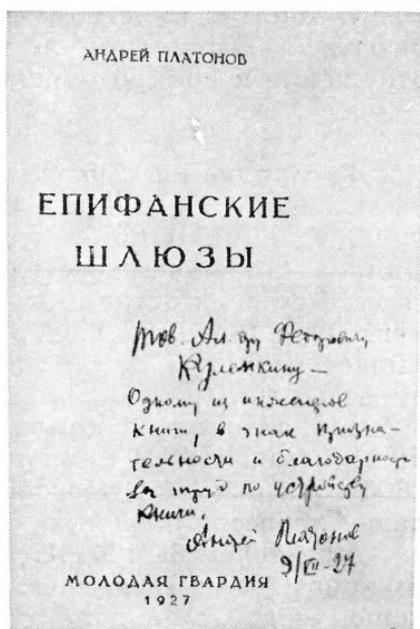
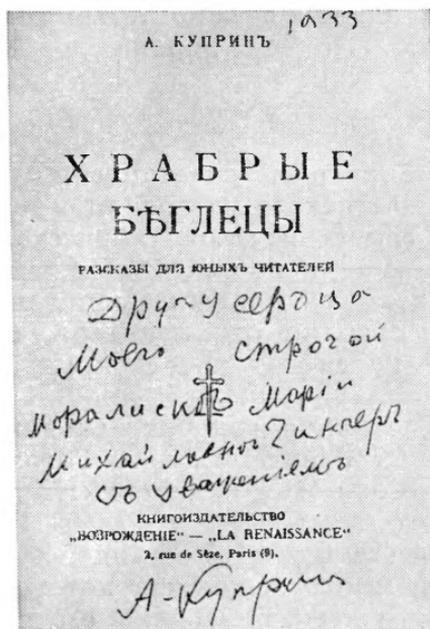
Я так устал в мечтах заката.
О, сердце бедное, молчи! —
Опять таинственно и свято
Бегут подземные ключи.

Тот, кто сам всю жизнь писал о поэзии, уверенно владел стихом. Какова история автографа? Почему Розанов спустя полтора десятилетия после выхода дарит художнику именно сборник стихов? Ведь за это время появились интересные исследования Розанова, к примеру, популярная книга «Литературные репутации» (М., «Никитинские субботники», 1928). И еще: что связывало двух видных представителей советской культуры?

На первый вопрос можно дать предположительный ответ. Юон сам любил писать стихи. В моем собрании лежит несколько его стихотворений. Больше того, в книге одного современного исследователя даже есть глава о Юоне-стихотворце. Известный чтец Иван Русинов читал как-то с эстрады стихи художника. Вполне вероятно, что Розанов знал о поэтических опытах Юона, поэтому и подарил свой сборник.

Но что связывало этих людей, где и когда они встречались? Ни в записках Константина Федоровича, ни в его опубликованных статьях нигде о Розанове не упоминается.

И вдруг в каталоге работ К. Ф. Юона за 1930 год (дата автографа!) читаю: «Портрет поэта и историка литературы Ивана Никаноровича Розанова. Карандаш». Юон дружил с Е. Ф. Никитиной, бывал на субботниках, даже написал известную картину ее участников. Сюда же заходил и И. Н. Розанов. Вот разгадка!

Титульные листы книг А. Куприна и А. Платонова с автографами авторов

Желая утвердиться в своем мнении, еду к Савеловскому вокзалу. Здесь в новом доме в самом начале Дмитровского шоссе живет вдова Ивана Никаноровича — Ксения Александровна Марцишевская. Именно она, выполняя пожелание мужа, передала его выдающееся собрание поэзии Пушкинскому музею.

Протягиваю полюбившийся мне экземпляр «Призраков звезд».

— Да, встречались они у Никитиной на субботах, — подтверждает Марцишевская. — А книжечка у вас очень хорошая. Редкая книжечка. Ведь было всего два сборника стихов Ивана Никаноровича. «Призраки звезд» — второй сборник. А первый — «Только о ней», 1915 года. Вы помните, она подписана — «Ев. Лаурин»? Та еще реже. У вас ее нет?

И Ксения Александровна протянула мне маленькую книжечку в сиреновой обложке:

— Вам, на память! В комплект к «Призракам».

С теплым чувством возвращался я домой. Приятно разгадать литературную тайну. Но еще дороже доброе отношение к собирательской страсти.

Гете однажды назвал собирателей счастливейшими из людей. Тогда собиратели рукописного материала счастливы вдвойне. Они стоят у самых истоков творчества. Они, пусть краешком глаза, могут наблюдать то, что скрыто от всех остальных — великий и потрясающий момент вдохновения. Почерк неотделим от характера, он выдает человека даже тогда, когда тот хочет скрыться от всего мира.

Но автографы порой не столько говорят, сколько лишь намекают. У меня в руках «Мертвые души» Гоголя 1855 года издания. На обороте обложки надпись: «Николаю Алексеевичу Некрасову от издателя».

Издателем был М. А. Корф (1800—1876) — лицейский товарищ А. С. Пушкина. Они много общались, хотя отношения их были далеки от дружеских. Но какие отношения у него были с Некрасовым? Об этом мне пока неизвестно. Судя по сдержанному автографу — довольно холодные.

А вот «Размышления в вечерние часы», вышедшие в 1787 г. Это перевод с немецкого Н. М. Карамзина и А. А. Петрова. Книга была в год выхода конфискована. На шмуцтитуле стоит владельческая надпись: «Из библиотеки Андрея Болотова». Выдающийся писатель XVIII века оставил на книге записи астрономического характера. Как связаны между собой религиозно-философское содержание тома и научного характера маргиналии? Сказать трудно...

Москва

Петря Крученюк

ОДА КНИГЕ

Из чудного, волшебного ларца
Мне в путь на память подарили жницы
Охапку роз и желтый сноп пшеницы —
Ключ золотой от мира без конца.

— Как хлеб насущный, дороги цветы, —
Они меня напутствовали строго. —
Коль сбережешь волшебный ключ в дороге,
Клад на земле большой откроешь ты...

...Листает мысль моя пласты земли,
Глаза вбирают ясный свет пространства.
И в душу рвется жажда постоянства,
Что щедро зреет в сказочной дали.

Встречаюсь я, покуда не остыл,
С колодцами, глубокими, как вечность.
Я ощущаю ветра быстротечность
И слышу звонкий плеск высоких крыл.

Читатель мой, ты слышал шелест вод
В моем краю, зенитом замороженным?
Открой же книгу — и тропой нехоженой
Она тебя к истокам поведет.

И те колосья, что среди зимы
Желтели, словно летом, друга встретят...
Ключи от мира — от тепла и света —
Как Прометеи, людям дарим мы.

*Перевод с молдавского
Михаила Фильштейна*

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. Г. ГОРНФЕЛЬДЕ

Не помню точно — не то в 1922, не то в 1923 г. я, живя в Петрограде, отнес свои стихи в один тонкий журнал. Через несколько дней получил приглашение от Аркадия Георгиевича Горнфельда навестить его.

Восторгу моему не было границ. Раз Горнфельд приглашает, значит ему понравились стихи! (Он участвовал в редактировании этого журнала.) Горнфельд был крупный критик и литературовед, в прошлом — член редакции «Русского богатства» и «Русских записок», где работал в ближайшем сотрудничестве с В. Г. Короленко, П. Ф. Якубовичем и другими прогрессивными литераторами.

Жил Горнфельд недалеко от Московского вокзала, на восьмом этаже. Лифты в ту пору в Петрограде не работали, однако для молодого человека это не составило препятствия. Сильно волнуясь, позвонил. Открыл сам Аркадий Георгиевич. Меня не предупредили, как он выглядит, и внешность его меня поразила. Я сам невысокого роста, а это был человек много ниже меня и к тому же хромым и горбатым, вся фигура изломанная. Непропорционально большая голова с высоким лбом. Умный, приветливый взгляд, с затаенной грустью.

Позже Горнфельд рассказал мне, что когда был совсем маленьким, нянька уронила его, были повреждены позвоночник и ноги. Такая страшная травма нарушила важные функции организма, он болел всю жизнь, но все же дожил до старости. Это объясняется его необычайным жизнелюбием, острым интересом к жизни во всех ее проявлениях, сильной волей и постоянным напряженным трудом.

Я постарался скрыть свое изумление и тяжелое впечатление, произведенное внешностью Горнфельда. Впрочем, это впечатление быстро сгладилось — таким живым, интересным и остроумным собеседником оказался Аркадий Георгиевич.

Выяснилось, что он вовсе не пришел в особый восторг от моих стихов и не собирался их печатать. Но кое-что в них его заинтересовало, и он пригласил автора для личного знакомства. И опять-таки не потому, что автор показался ему чем-либо особенно примечательным. Дело в том, что из-за физического уродства Горнфельд почти нигде не мог бывать: он и по своей-то квартире передвигался с трудом. А интерес к людям у него был огромный. Поэтому он охотно приглашал к себе многих — особенно, конечно, представителей литературной среды. Разговаривая с ним, посетители забывали о его болезненной внешности, о возрасте (он в ту пору был уже очень немолод) — настолько увлекательны были его оживленные беседы, меткие суждения, острые, а порой злые — и в то же время доброжелательные шутки. Да, тут была своеобразная двойственность. С одной стороны, он был несомненно доброжелателен к людям, а с другой — озлоблен из-за того, что жизнь его так тяжело сложилась. Ведь из-за своего уродства он остался вечным холостяком. Но он пристально интересовался всем кругом человеческих взаимоотношений. Его суждения — печатные о литературных явлениях и устные о жизни, о знакомых — не оставляли сомнения в том, что он великолепно разбирался в переживаниях и взаимоотношениях людей.

Как-то одна моя знакомая, очень элегантная женщина лет тридцати, упросила меня познакомить с ним, и я, с разрешения Аркадия Георгиевича, привел ее к нему. Ему доставляло большое удовольствие беседовать с ней. Ему было приятно, что она проявляет к нему внимание, приносит цветы. Он несомненно любовался ею, но всячески скрывал это. Его талант и щепетильность гарантировали его от малейшей тени назойливости.

Сдержанный и самолюбивый, он никогда не жаловался на свою судьбу. Насколько мне известно, он лишь один раз в печати глухо и печально упомянул об этом. В его статье «Слепой музыкант и слепой критик» (о «Слепом музыканте» В. Г. Кюроленко) есть такая фраза: «Все

А. Г. Горнфельд.
Фотография 1900-х гг.

обобранные, все исковерканные, все для полноты бытия и в сущности для бессмертия рожденные и этой полноты не познавшие, мы разнообразны в судьбах и еще разнообразнее в душах».

Я часто бывал у Горнфельда и долгими, но казавшимися мне очень короткими часами, беседовал с ним, предпочитая слушать его. При этом я узнал некоторые подробности его жизни.

Он родился в обеспеченной семье сева­стопольского нотариуса, получил хорошее образование. В детстве и молодости неоднократно бывал за границей. Это может показаться странным, если даже по своей квартире он пе-

редвигался с трудом. Но ведь пользоваться транспортом он мог.

Однажды мы, трое его молодых друзей, помогли ему съездить в Крым, к его близким родственникам. Спуститься по лестнице, как и подняться по возвращении, было ему, конечно, трудно, но все остальное — значительно проще. На извозчике мы доставили его на вокзал, по платформе до вагона при содействии носильщика довели на багажном автокаре.

Быт Горнфельда был своеобразен и в большой степени определялся его физическим состоянием. В те годы Петроград был слабо заселен, и Горнфельд целиком занимал квартиру из трех или четырех комнат. Но жить один не мог, так как нуждался в постоянном уходе. В одной из комнат жила немолодая, приветливая женщина, которая где-то работала и в то же время заведывала его хозяйством. У Горнфельда была хорошо подобранная библиотека. Это собрание книг очень помогало Аркадию Георгиевичу в работе, так как он не мог посещать публичную библиотеку.

Иногда мы с Горнфельдом совершали «прогулки». Они состояли в том, что мы подолгу сидели на балконе — это была его единственная возможность бывать на свежем воздухе.

Море крыш простиралось перед нами. Внизу дворы и улицы были по большей части пустынные. Можно было без конца слушать воспоминания Аркадия Георгиевича о его встречах с Короленко, о его собственном жизненном пути, отзывы о людях, о книгах — на все его беседы ложился яркий, неповторимый отсвет, состоявший из блестящей эрудиции, пронизательного ума, жадного интереса к жизни и порой веселой, порой грустной иронии — как солнечный свет состоит из ярких, разнообразных лучей спектра.

Во время беседы он сидел неподвижно, жестикуляция была скупа. Но это с избытком восполнялось быстрой сменой выражений лица — очень живого, энергичного, некрасивого — и одухотворенного, то задумчивого, то улыбающегося — улыбкой знающего и ценящего жизнь мудреца. Что-то гейневское было в его улыбке, улыбке человека, познавшего глубину страдания и личной скорби и сумевшего подняться над ними для широкого видения мира.

Нуждаясь в уходе, Горнфельд должен был расходовать на себя больше средств, чем здоровый человек. Но в деньгах не нуждался. Он много и с увлечением работал — писал, переводил, составлял рецензии о рукописях для петроградского отделения Госиздата и выполнял другие поручения издательства. Много раз переиздавался в его отличном переводе «Тиль Уленшпигель» Шарля де Костера.

В 1926 г. я переехал на постоянное жительство из Ленинграда в Москву. Возникла систематическая переписка с Горнфельдом¹. И вот в 1928 г. я получил от него письмо, которое меня встревожило.

Аркадий Георгиевич писал, что оказался в тяжелом материальном положении. Вероятно, потому, что он не мог лично бывать в издательстве, а также потому, что не в его характере было настойчиво напоминать о себе, кто-то забыл о нем в Ленгизе. С книгами вышла заминка. За-

¹ Письма А. Г. Горнфельда находятся в моем фонде в ЦГАЛИ.

казы на различные работы прекратились, и средства к жизни иссякли.

Зная, как не любит Горнфельд жаловаться, я понял, что положение серьезное, и сейчас же написал М. Горькому в Сорренто.

Так как с Горьким мне приходилось ранее переписываться, он немного знал меня. Из печатных высказываний Алексея Максимовича мне было известно, что он высоко ценил Горнфельда как критика и литературоведа и относился к нему с большим уважением. Кроме того, Горький, по моим расчетам, вскоре должен был встретиться на Лейпцигской книжной ярмарке с тогдашним директором Госиздата А. Б. Халатовым, и я просил его поговорить с Халатовым, чтобы Горнфельду снова предоставили работу. Чем старше становился Горнфельд, тем сильнее мучили его недуги, но ум его был ясен и остер по-прежнему, и он был вполне работоспособен.

Горький, не откладывая дела в долгий ящик, немедленно прислал мне записку в издательство «Известий». По этой записке я должен был получить из причитавшегося ему гонорара пятьсот рублей для Горнфельда. По тем временам это были немалые деньги. Но Горький не собирался ограничиться этой суммой. Он писал мне, что другую сумму он просит передать Горнфельду критика А. В. Дермана. При этом Горький подчеркнул в своем письме, что Горнфельд не должен знать о происхождении этих денег².

Зная крайнюю щепетильность Аркадия Георгиевича, я не сомневался, что он не примет денег и, кроме того, будет смертельно обижен. Горнфельд знал, что мои заработки были очень скромными и я не мог выделить из них такую сумму. Так как имя Горького не могло быть названо, то что же мог бы предположить Горнфельд? Очевидно то, что я за его спиной произвел в его пользу сбор среди писателей или без его разрешения занял для него деньги. Поэтому я возвратил Алексею Максимовичу его записку в издательство «Известий», объяснив, что при поставленном им условии поручение невыполнимо. Горнфельду нужен заработок, а не денежная помощь.

² Это письмо Горького опубликовано в № 10 журнала «Вопросы литературы» за 1967 г.

Вскоре Горнфельд сообщил, что с Ленгизом все улажено. По всей вероятности, Горький, действительно, поговорил с Халатовым.

Этот эпизод, ярко характеризующий заботу Горького о писателях, трогательное отношение к их нуждам, к сожалению, не нашел отражения в «Летописи жизни и творчества Горького».

Спустя некоторое время разрешился вопрос о государственном обеспечении: Горнфельду была назначена академическая пенсия, полностью покрывавшая его житейские расходы.

Незадолго до смерти (он умер в 1941 г., семидесяти четырех лет) Горнфельду выпала большая радость: переехала из Крыма и поселилась вместе с ним горячо любимая им семья родственников. С восторгом написал он мне, что кончилось его долголетнее одиночество, что он теперь окружен семейным уютом и заботой. Это скрасило конец его жизни.

До последних своих дней Горнфельд активно работал в советской печати, помещал в газетах и журналах критические и литературоведческие статьи; выпустил ряд книг. Широкое и разностороннее образование, прекрасное знание иностранных языков позволяли ему исследовать творчество не только русских, но и иностранных писателей. Например, блестяще написана им книга «Как работали Гете, Шиллер и Гейне» (М., 1933) — как бы только о технологии творчества этих писателей, но с глубоким проникновением в мир созданных ими поэтических образов.

Об интенсивности его работы может дать представление хотя бы открытка от тридцатого марта тридцать третьего года — чтобы не разрывать текста, привожу его целиком:

«Многоуважаемый Абрам Рувимович, книгу я сдал в „Мир“³, но появится ли она, все еще не выяснилось. Сдал и предисловие к рукописи Короленко в ГИХЛ. Теперь редактирую и перевожу Гейне. Не склонны ли Вы поговорить в Гос. Медич. Изд-стве (Никольская, 19), почему они не отвечают на мое письмо от 24 октября(!).

³ Речь идет, помнится, о вышеназванной книге.

Я требовал у них гонорар за перевод Даннемана⁴. Очень обяжете. До свидания, всего лучшего, А. Г.».

А ему в это время было уже шестьдесят шесть лет.

Как дорогие реликвии храню я несколько подаренных им мне книг, и особенно «Боевые отклики на мирные темы» (Л., 1924). Это — сборник небольших статей того жанра, который принято сейчас называть «эссе». Заглавие книги в точности соответствует содержанию. Речь идет о литературных явлениях, отделенных от нас уже рядом десятилетий. И, несмотря на это, статьи читаются с живейшим интересом — в них сквозит острый, энергичный, заражающий темперамент критика, язык — образный и лапидарный.

Многое из написанного Горнфельдом сохраняет ценность и ныне. Напомню, что А. М. Горький рекомендовал начинающим писателям его книгу «Муки слова».

⁴ Фридрих Даннеман. История естествознания. Пер. с нем. А. Г. Горнфельда. М., 1932.

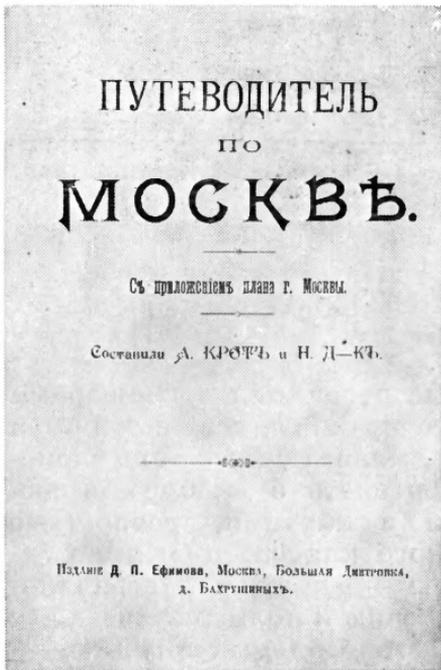
**НИЖНИЙ
РОЗВОЛ**

Ю. Александров

АНОНИМНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Одетые в тяжелые кожаные переплеты с гравюрами на титульном листе тома, многотиражные дешевые книги в яркой лакированной обложке, миниатюрные энциклопедические словари в гибком переплете с набором в два столбца, снабженные схемами и картами, роскошные книги с иллюстрациями высокого класса, цветные буклеты и малоформатные сувениры — все эти столь различные по художественному оформлению и полиграфическому исполнению издания объединяются одним понятием — путеводитель. Эти книги редко читают за письменным столом. Они зовут в дорогу и служат читателю верным спутником в его странствиях. Эти книги нередко дарят ему радость открытия в привычном и повседневном окружении, но чаще вводят в совершенно новый незнакомый мир. И название их поэтому нравственно обязывающее — путеводитель. Среди них можно встретить первые русские путеводители по Петербургу и Москве, выпущенные в конце XVIII века писателем и переводчиком, секретарем всеильного Г. А. Потемкина — В. Г. Рубаном, и многие другие любопытные издания.

Недавно в мои руки попало одно из них. Поверхностное знакомство не обещало ничего особенно интересного. Обычное портативное издание, формат которого точно рассчитан на карман пиджака покроя начала нашего века. На гибком прочном переплете — вялые, томные линии графического орнамента в духе модного тогда модерна. Открываю книгу. В самом ее конце обнаруживаю дату: 1905 год! Итак, в моих руках путеводитель по Москве накануне декабрьского вооруженного восстания. Нет обязательного: «Дозволено цензурой». Ведь это первый бес-

*Титульный лист
«Путеводителя по Москве», 1905 г.*

ны Москвы», на первый взгляд, так же показались весьма ординарными. Правда, некоторые сведения о происхождении московских улиц и их названий, об истории некоторых построек, характеристика Замоскворечья, Девичьего поля, местностей за городской заставой представляли известный интерес для московского краеведа или читателя, интересующегося историей Москвы. Но по достоверности и богатству информации этому путеводителю вряд ли можно было бы отдать предпочтение перед выпущенными ранее, например, путеводителем-справочником И. Ф. Горностаева и Я. М. Богуславского «По Москве и ея окрестностям» 1903 года. Скорее напротив, так как использованные авторами в расчете на занимательность предания и легенды внушали весьма мало доверия и даже поражали наивностью. Здесь и, впрочем, «едва ли справедливое» предание о том, что название Бабьегородского

цензурный путеводитель по дореволюционной Москве!

С нетерпением листаю страницы. На глаза прежде всего попадает назойливая реклама. Издатель Д. П. Ефимов рекомендует выпускаемые им книги. Рядом — объявления о продаже «наилучших гильз торгового дома С. Чадуков и Ко.», «художественно-световых картин для волшебного фонаря», «кофе Мокко, Ява, Цейлон... и много других сортов разных вкусов и ароматов», «цейлонского чая Янхао московского купца И. Е. Дубинина», «усовершенствованных фонографов „Пате“».

Ищу оглавление. Его нет. Из текста выясняется, что путеводитель имеет три раздела. Первый — «Историко-топографическое описание» и заключительный — «Окраины

переулка в Замоскворечьи связано с тем, что на этом месте перед нашествием на Москву Тохтамыша «несколько баб, собрав дерева, обрубались и землей обметались и сим средством избавились от татарского нападения». Это и широко известная легенда о том, что после окончания строительства собора Василия Блаженного Иван Грозный приказал выколоть глаза зодчим Барме и Постнику, чтобы «церковь сия осталась единственным памятником» их искусства; и упоминание о таинственной истории княжны Таракановой — «красавицы-монахини Досифеи» из Ивановского монастыря, которая после 25 лет одиночного заключения якобы была тайно похоронена в родовой усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре.

Листаю страницы путеводителя, и недоумение и разочарование растут. Текст почти ничем не отличается от любого «подцензурного» издания. Наконец в середине книги наталкиваюсь на раздел с довольно странным для путеводителя названием «Функции города Москвы». И вдруг в монотонное повествование историка и бытописателя не очень высокой квалификации врывается звонкий голос предреволюционной Москвы. В нем звучит резкое обличение капиталистических порядков. «Судьбы города перешли в руки крупной буржуазии, — утверждает автор. — Из 133 гласных Московской думы — 79 представители промышленного и торгового капитала». «Классовым антагонизмом капиталистов и рабочих» он объясняет то, «что интересы трудящихся масс не находят себе должного внимания... в то время, как оклады высших служащих города с каждым годом растут, рабочие не знают ни минимума заработной платы, ни максимума рабочих часов... многие десятки тысяч городского населения проводят жизнь в самых ужасных жилищных условиях, в тесноте и духоте, в подвалах, в квартирах с промерзающими, вечно отпотелыми мокрыми стенами, не имея даже отдельной койки... Если же взглянете на жилье рабочих классов, — пишет он далее, — то вы сейчас же натолкнетесь на те мрачные картины, которые за последнее время стали так хорошо известны москвичам благодаря появившимся описаниям «кочных квартир» и «углов»... К этому надо добавить, что налоговое бремя в Москве ложится всей тяжестью не на тот класс, к которому имеют счастье принадлежать „отцы города“».

Преобладанием в думах и управах домовладельцев и купцов, т. е. «наиболее состоятельных классов» автор объясняет все пороки и недостатки городского хозяйства. «Кому случалось видеть разъезжающие по улице Москвы бочки с водой, имеющие целью поливку московских улиц и бульваров, просыпаться по ночам от смрада, производимого очищением выгребных ям, кто тонул в московских лужах, исчезал в московских сугробах, задыхался от московской пыли, тому нечего долго описывать нашу городскую санитарию... Водоснабжение жителей города Москвы и устройство канализации далеко не совершенны, и нечистоты города не только заражают почву и воздух, но и воду Москвы-реки, употребляемую жителями...»

Всесторонняя страстная критика различных сторон жизни предреволюционной Москвы в путеводителе, который по своему «жанру» призван в первую очередь знакомить читателя с достижениями и достопримечательностями, отличает рассматриваемую книгу от подобных изданий. Отчетливо выявляется его главная задача — социальная критика московских властей с позиций защиты интересов трудящихся. Об этом косвенно свидетельствует и предисловие, где отмечается, что «описание динамики города, функций его учреждений... сделано несравненно подробнее, чем во всех изданных доселе». Таким образом авторы путеводителя в период революционной ситуации остроумно использовали популярный вид литературы для антикапиталистической пропаганды, надежно упрятав «крамольные страницы» в благонамеренном тексте.

Остается выяснить, кто же были эти авторы? В предисловии указано, что I и III разделы составил П. Крот (на титульном листе он значится, как А. Крот), а наиболее интересный, второй, написан г-ном Н. Д-кь. Вполне понятно, почему Н. Д-кь пожелал остаться для властей неизвестным, взяв псевдоним. Это нарушало прочную традицию: из всех московских путеводителей прошлого века только один был издан анонимно. Кто же скрылся под псевдонимом Н. Д-кь? Словарь псевдонимов И. Ф. Масанова не дает ответа на этот вопрос. Что же касается его соавтора П. или А. Крота, то в словаре упоминается псевдоним Павел Крот, под которым выступал А. Н. Ачкасов, журналист и составитель литературно-политических сборников, как сообщает о нем «Критико-биографи-

ческий словарь русских писателей и ученых» С. Венгерова. Ачкасов имел довольно широкий круг знакомств в Москве, о чем свидетельствует, в частности, его встреча с В. Брюсовым в 1900 г.

Косвенным подтверждением авторства Ачкасова служит его знакомство с издателем путеводителя Д. П. Ефимовым, который выпускал и рекламировал его книги «Песни русских писателей о воле», «Образцы изящной русской речи». Об Н. Д-кѣ, который, вероятно, входил в круг знакомых Ачкасова, можно сказать пока совсем немного. Это был человек демократических убеждений.

Москва

Иосиф Балцан

ПРИДАНОЕ

Собрату по перу

Как дочь-невесту, в трепетной истоме
Час пробил с грустью проводить из дому
Любимую, меньшую — книгу эту.
Что ждет ее на перекрестках света?

Смотрю, в толпе ее мелькнула тень —
Как из ночи осенней в майский день.
Приданое? Не в этот час ухода —
Оно придет потом, придет сквозь годы.

Придет само, как времени веленье,
Придет удачей, болью-наставленьем,
Придет к тебе, хотя не думал звать,
Как миг приходит, чтоб бессмертьем стать.

Придет не как торжественная дата —
Как дань судьбе и как ее расплата.
Придет, плутая медленно по свету,
Так — как приходит простота к поэту.

*Перевод с молдавского
Михаила Фильштейна*

«ОПАСНАЯ КНИГА» В БИБЛИОТЕКЕ ВОЛЬТЕРА

Шестнадцать книг из личной библиотеки Вольтера отмечены его пометой — «опасная»¹. В статьях, посвященных этому собранию, не раз обсуждался вопрос об «особого» типа отметке, приводились разнообразные гипотезы. «Для чего они ставились? К какому моменту относится эта практика? А главное, каковы формальные и реальные контуры этой категории?» Такие вопросы выдвигал В. С. Люблинский перед исследователями, выражая надежду, что загадка, представляющая интерес в специально вольтероведческом плане, поддастся, наконец, разрешению². Гипотеза о «предупредительном» характере пометы, ограничивающей выдачу книг посторонним лицам, была отвергнута В. С. Люблинским, поскольку, «ни владелец библиотеки, ни его секретарь и библиотекарь Ваньер в такого рода рекомендательных аннотациях не нуждались»³. Л. С. Гордон считал, что помета выражала желание Вольтера выделить книги, опасные мысли которых необходимо скрыть от читателя-плебей⁴.

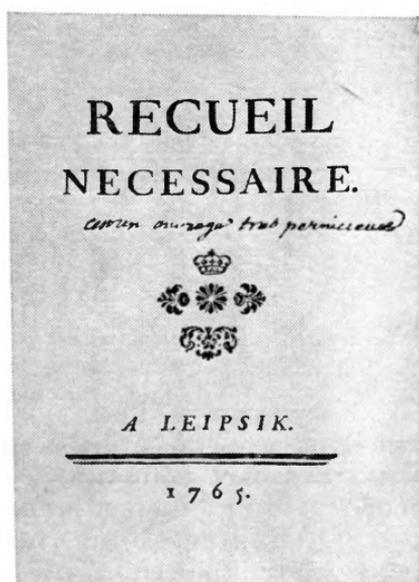
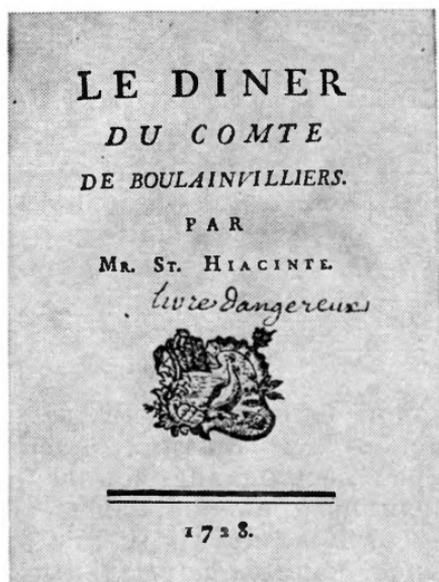
Разумеется, разгадать с полной определенностью, о чем думал Вольтер, ставя такую отметку, не представляется возможным. Тем не менее, наблюдения над кни-

¹ Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., 1961, №№ 503, 820, 909, 1650, 1652, 1663, 2547, 3315, 3330, 3548, 3594, 3748, 3750, 3844.

² В. С. Люблинский. Источники по истории религий в библиотеке Вольтера.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма». М., 1957, с. 379.

³ В. С. Люблинский. Маргиналии Вольтера.— В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. М., 1947, с. 120.

⁴ Л. С. Гордон. Вольтер — читатель Бейля и Неккера.— «Французский ежегодник. 1961». М., 1962, с. 479.

Титульные листы книг
из библиотеки Вольтера с его пометами

гами библиотеки Вольтера, сопоставление их с высказываниями писателя в переписке и произведениях, позволяют несколько приблизиться к разрешению некоторых из поставленных вопросов.

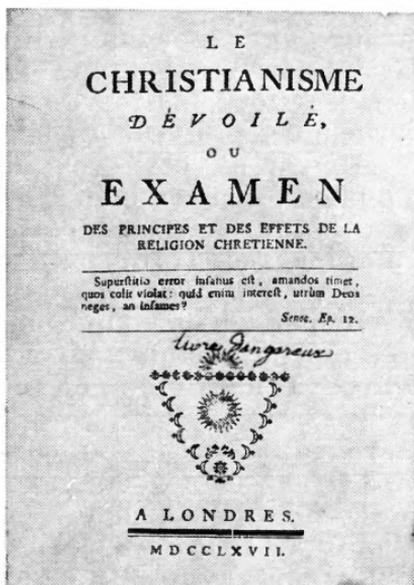
Почти все книги, снабженные пометой «опасная», носят ярко выраженный антиклерикальный характер. Большинство сочинений издано без имени автора, некоторые под псевдонимами. Выходные данные, как правило, ложные. Чаще всего на титульном листе в качестве места выхода указан Лондон. На деле, половина всех произведений была напечатана в Амстердаме у известного издателя Марка Мишеля Рей.

Книги были опубликованы в промежуток между 1765 и 1769 гг., преимущественно в 1767—1768 гг. В двух случаях дата изменена: на титульном листе сочинения Вольтера «Обед у графа Буленвилье» проставлен 1728-й г. вместо 1767-го, на «Необходимом сборнике» — 1765-й вместо 1766-го. Таким образом, практика отметки книг пометой «опасная» относится ко второй половине 60-х гг.

Наиболее сложный вопрос — назначение пометы. Если бы она в точности совпадала со списком книг, составленным королевским прокурором Омер Жоли де Флэри, или канцлером Сегье, то вопрос решался бы просто.

Однако ни на одной из книг, осужденных к сожжению постановлениями Парижского парламента от 23 января 1759 г. и 18 августа 1770 г., нет отметки Вольтера. Постановление 1759 г., включавшее арест первых семи томов «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, сплетено (в экземпляре из библиотеки Вольтера) с сочинением Гельвеция «Об уме». Чтение постановления вызвало у Вольтера бурную и гневную реакцию: «Весьма несправедливое обвинение», «это неверно», «какая детская декларация», — отмечал он на полях. О произведении Гельвеция Вольтер писал в письме от 23 января 1759 года своему другу Никола Тьерю: «Невозможно без возмущения наблюдать, как с остервенением непрерывно преследуют книгу, которую одно только это преследование может сделать опасной, заставляя искать в ней предполагаемый скрытый яд».

Особое внимание Вольтера привлекали сочинения Гольбаха: на семи его книгах (и переводах) имеется пометка — «опасная». Известно, что в своих выводах Гольбах шел дальше Вольтера, полностью отрицая существование верховного существа. Вольтер, одним из первых резко выступил против атеистических взглядов Гольбаха, содержащихся в «Системе природы». Несмотря на то, что это произведение Гольбаха не отмечено пометой, Вольтер так определял его в «Вопросах к Энциклопедии»:

Титульный лист книги
с пометой Вольтера

«Все вы, желающие использовать разум и обучиться, читайте красноречивый и опасный отрывок Системы природы». На экземпляре книги Гольбаха из библиотеки Вольтера отрывок этот отмечен загнутым углом, закладкой и подчеркнутой фразой.

Почти на всех сочинениях (и переводах) Гольбаха, хранящихся в библиотечке Вольтера, обнаружена помета — «опасная книга». Среди них — «Разоблаченное христианство» (1767), «О религиозной жестокости» (1769), «Разрушенный ад» (1769), «Портативная теология, или Краткий словарь христианской религии» (1768) и т. д. Вольтер резко критиковал «Разоблаченное христианство» Гольбаха, изданное под именем Буланже в 1761 г. «Книга эта ведет к атеизму, который я ненавижу. Я всегда рассматривал атеизм, как самое великое заблуждение разума». Отказываясь от авторства, которое ему приписывали, Вольтер писал в письме маркизу де Вильевиль: «Наши философы в настоящее время стали более ловкими, у них нет глупого и опасного тщеславия ставить имена на своих сочинениях».

На произведениях английских атеистов — Коллинза, Толанда, Вульстона, в переводах Гольбаха и Нэжона, также встречается помета Вольтера. «Философские письма» Джона Толанда, в переводе Гольбаха, с комментариями Нэжона, снабжены пометой «опасная книга». Ею отмечено яркое атеистическое сочинение Нэжона, написанное совместно с Гольбахом, «Письма Трасибула к Левкиппу», изданное в Амстердаме, осужденное к сожжению приговором Парижского парламента. Помета Вольтера оставлена на титульном листе одного из самых известных сочинений Яна Крелля — «О религиозной терпимости и свободе сознания», также изданном в Амстердаме (в 1769 г.) у Марка Мишеля Реи.

На титульном листе «Критического исследования апологетов христианской религии», вышедшего под именем Фрере (постоянного секретаря королевской Академии надписей и изящных искусств), Вольтер оставил запись: «Этот сборник — книга весьма опасная. Я не думаю, чтобы произведение Болингброка было точно переведено». Помета была зачеркнута, рядом с ней Вольтер приписал: «Я не думаю, чтобы это исследование принадлежало господину Фрере. Оно очень опасно для веры».

В составе библиотеки Вольтера сохранились три экземпляра сочинения, озаглавленного «О трех обманщиках», изданного в Ивердоне в 1768 г., без имени автора. На титульном листе одного экземпляра помета владельца — «опасная книга». Под впечатлением от прочитанного Вольтер написал стихотворное «Послание к автору книги „О трех обманщиках“», содержащее одно из самых известных его высказываний: «Если бы бога не было, его следовало изобрести». Вольтер, естественно, не мог определить автора атеистического трактата, оставшегося неизвестным до настоящего времени. В примечании 1771 г. к новому изданию «Послания» Вольтер заметил: «Эта книга о трех обманщиках является весьма скверным сочинением, переполненным грубого атеизма, лишенным смысла и философии».

Некоторые произведения самого Вольтера отмечены подобной пометой. На титульном листе «Важного исследования милорда Болингброка», изданного в Женеве в 1767 г., подписанного им (из цензурных соображений) именем Малле, французского переводчика трудов Болингброка, Вольтер оставил запись: «Опасное сочинение». 18 августа 1770 г. это произведение было осуждено к сожжению постановлением Парижского парламента, а затем и декретом римской курии от 3 декабря 1770 года.

Помета встречается на сочинении Вольтера — «Обед у графа Буленвилье», изданном под псевдонимом святого Гиацинта, без указания места издания, с ложной датой выхода. На обороте титульного листа третьего экземпляра, помещенного в составе «Секретного сборника», Вольтер приписал: «Это — безбожная книга, которую следует читать лишь с осмотрительностью, содержит...» (далее следует изложение содержания сборника). Предосторожность не была излишней, так как Парижский парламент осудил книгу к сожжению.

«Это весьма опасное сочинение», — отметил Вольтер на титульном листе «Необходимого сборника», изданного в Женеве в 1766 г., с указанием на Лейпциг в качестве места выхода. Почти все произведения, вошедшие в сборник, были запрещены. В целях конспирации, авторы — Дюмарсэ, Руссо, Вольтер выступили анонимно или под псевдонимами. В письме к Вольтеру от 3 января 1767 года Гельвеций писал: «Мне недостает, однако, „Необходимого

сборника“, и какую бы цену за него ни предлагали, его нельзя получить». Библиотека Вольтера располагает шестью экземплярами сборника. Помимо двух женевских изданий, в ней представлены три экземпляра Амстердамского издания сборника 1768 г. и один, изданный в Голландии в 1766 г. Эти издания отличались от женевского тем, что содержали два сочинения Вольтера — «Проповедь, произнесенную в Лондоне в 1765 году» и «Вопросы Запаты, переведенные господином Тампоне, доктором Сорбонны», а также «Завещание» Жана Мелье. Один из экземпляров «Необходимого сборника», хранящегося в библиотеке Вольтера, раскрывает не только его авторство, но и деятельность в качестве издателя и редактора. Исправления, сделанные рукой Вольтера, встречаются на произведении Дюмарсэ. Авторская правка — существенные изменения в тексте, не вошедшие в последующие издания, находятся на страницах «Катехизиса честного человека» Вольтера. Помета — «опасная книга» — на титульном листе не удержала Вольтера от привычки постоянно править собственные сочинения.

Что означает помета Вольтера на двух экземплярах сборника, подготовленного им самим к изданию? Книга, содержащая запрещенные атеистические и деистические произведения, стала, благодаря преследованиям, почти недоступной. Отметку владельца библиотеки и автора некоторых произведений, помещенных в сборнике, можно объяснить столь характерной для него осмотрительностью и вполне понятными опасениями быть раскрытым. В 1763 г. в письме к Даржанталю Вольтер писал: «Господа <советники парламента> прекрасно могут сжечь мою книгу, но я всегда говорил Крамерам <издателям в Женеве>, что хотел бы быть сожженным анонимно... я вовсе не хочу быть сожженным под своим собственным именем». Отрекаясь от своего произведения — «Защита милорда Болингброка», Вольтер замечал: «Это сочинение специально направлено против религии, оно весьма опасно, его невозможно ни издать, ни вменить ложно кому бы то ни было, не совершая преступления».

Замечания Вольтера на полях многих книг его библиотеки свидетельствуют о том, что он привычно (как и в письмах) отрицал здесь свое авторство, хотя сохранившаяся в ряде случаев авторская правка, стилистические

и смысловые исправления, полностью его выдавали⁵. Так, на чистом листе перед шмуцтитолом в сороковом томе «Обрамленного» собрания сочинений Вольтера, изданного братьями Крамер в 1775 г. в Женеве, встречается помета Вольтера: «Издатель, составивший это недостойное издание, наполнил три тома только произведениями, которые мне не принадлежат. Вольтер. 2 января». Между тем, авторская правка, сохранившаяся в 19-ти томах этого последнего, подготовленного к переизданию собрания сочинений, сводит на нет замечание Вольтера.

Известно, что отказы Вольтера от своих произведений, публичные его опровержения, не только не убеждали современников, но, напротив, вызывали повышенный интерес и приводили к увеличению цен на книги. Однако опасение быть раскрытым, желание уберечь себя и своих друзей от грозящей опасности или обмануть королевского цензора, приводили к тому, что Вольтер неуклонно придерживался этого правила всю свою жизнь. На титульном листе трагедии Вольтера «Саул» (в экземпляре из личной библиотеки) вычеркнуто указание на его авторство и добавлено: «Переведено с английского». Также вычеркнуто имя Вольтера на титульном листе его комедии «Умная женщина». К имени автора на титульном листе сочинения Вольтера «Доктор Пансоф, или Письма господина Вольтера» (изданного в Париже в 1766 г. с указанием на Лондон) добавлено рукой автора: «Доктор Пансоф принадлежит господину Борду из Лиона».

Известная закономерность наблюдается в помете, оставленной Вольтером на сочинениях Гольбаха, Нэжона, Фрере. Его реакция при чтении этих авторов схожа с констатацией ясного для него факта. Книги эти действительно казались ему опасными, в оценках его не чувствуется ни иронии, ни шутки. Вольтер-деист серьезно относился к своим противникам — атеистам, сочинения которых представлялись ему опасными. Пометы Вольтера на сочинениях писателей-атеистов обычно поражают искренностью и убежденностью. Подлинная позиция Вольтера

⁵ Этот факт опровергает предположение Т. Н. Копревой о том, что помета «опасная книга» была «своеобразным алиби» для «непосвященных (кем бы он ни был, в том числе и шпиком)». См.: Т. Н. Копрева. Библиотека Вольтера как общественный фактор.— Книга. Исследования и материалы. Сборник XXVII. М., 1973, с. 149.

по отношению к вопросам существования бога, бессмертия души проявляется в маргиналиях в гораздо более четкой и ясной форме, чем в переписке и произведениях. Тем не менее, широкое, однозначное, настойчивое и повсеместное употребление Вольтером таких выражений, как «опасная книга», «весьма опасное сочинение», «опасный отрывок», «опасный человек», «опасное имя» и т. д., дают основания считать его оценку серьезной, даже суровой, далекой от обычной иронии и усмешки.

Ленинград

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «МАРГИНАЛИИ»

Читатель «Альманаха библиофила» знаком с «Маргиналиями» — журналом библиофилов Германской Демократической Республики, выпускаемом Пиркгаймеровским обществом¹. В октябре 1977 г. вышел в свет специальный номер журнала, посвященный 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тема номера: «Библиофильство при социализме: Советский Союз». Об истории создания номера рассказывает послесловие редакции. «Когда мы планировали выпуск этого издания, — говорится в нем, — нам было совершенно ясно, что осуществить его мы можем только с помощью наших советских друзей, с которыми нас связывает длительная совместная работа. Мы обратились с соответствующей просьбой к директору Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, члену Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги профессору, доктору филологических наук Н. М. Сикорскому, который встретил нашу мысль с интересом и пониманием. Профессор Н. М. Сикорский в 1976 г. был в ГДР, и мы смогли подробно обсудить с ним этот вопрос. По его инициативе в Москве был создан авторский коллектив, в который вошли крупнейшие книговеды и известные библиофилы Советского Союза. Работу над созданием специального номера нашего журнала возглавили Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина и Центральное правление Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Подготовленный ими материал настоль-

¹ См.: Е. Л. Немировский. Журнал библиофилов ГДР. — «Альманах библиофила», 1975, вып. 2, с. 154—158.

ко обилен, что, к сожалению, не может быть помещен в одном номере «Маргиналий». Редакция предполагает опубликовать часть статей и, в частности, сообщения о библиофильских клубах Москвы, Ленинграда, Воронежа и Кирова, в следующих номерах журнала. С советской стороны сбор и редактирование материала осуществил заведующий Отделом редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина доктор исторических наук Е. Л. Немировский, который является также председателем Совета по редким изданиями при Центральном правлении ВОК. С немецкой стороны работу координировала Генеральный директор Государственной немецкой библиотеки в Берлине доктор Фридрихльде Краузе. Обе библиотеки связывает многолетнее дружественное сотрудничество, результатом которого были многие конкретные работы»².

Послесловие заключают слова о том, что работе над номером придавалось особое значение Культурфондом ГДР — общественной организацией, объединяющей и направляющей различные стороны культурной жизни братской республики.

Открывается номер поздравлением профессора Бруно Кайзера, президента Пиркгаймеровского общества, обращенным к советским любителям книги. «Этот номер нашего журнала, — пишет он, — мы посвящаем 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции и, в связи с юбилеем, советскому книговедению. В нем публикуются оригинальные, специально для этого номера подготовленные статьи советских авторов — известных ученых, исследователей, любителей и собирателей книг. Мы глубоко благодарны им за сердечную и дружескую готовность к сотрудничеству. Наша благодарность — лишь часть той признательности, которую каждый искренний друг Книги испытывает к Советскому Союзу за все то хорошее, что он сделал для Книги и ее читателя. Наши друзья из Советского Союза погасили пламя, в котором погибали лучшие книги. Они сделали Книгу оружием в борьбе против врагов книг. Они распространили миллионы и миллиарды хороших книг, способствующих

² Zu unseren Beiträgen. — «Marginalien. Zeitschrift für Buchkunst und Bibliophilie», 1977, Н. 67, S. 101.

миру во всем мире и радости мирной жизни».

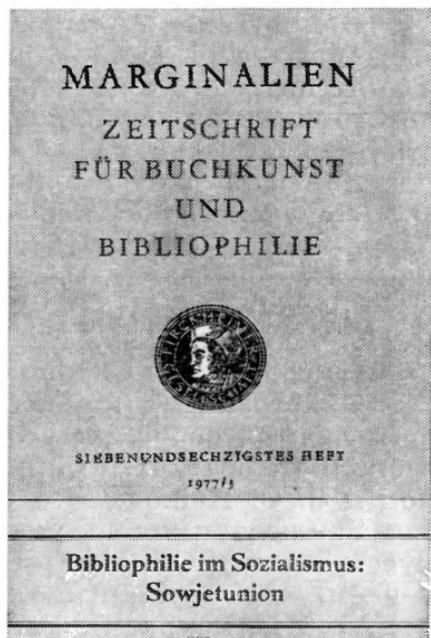
Вслед за поздравлением Б. Кайзера публикуется большая статья Н. М. Сикорского «Советское книговедение — комплексная общественная наука о книге и книжном деле». Она знакомит немецких читателей с достижениями нашего книговедения в изучении теории и истории издательского дела, полиграфии, книжной торговли, библиотечного дела и библиографии.

«Общество книголюбов» — так называется статья А. Н. Костакова, повествующая о задачах ВОК, о его структуре, о многогранной деятельности 40 тысяч первичных организаций общества, объединяющих ныне более чем 3 миллиона любителей книги. В статье сообщаются сведения об издании печатной продукции в нашей стране за 60 лет Советской власти.

Старейший советский библиофил А. И. Маркушевич вынес на страницы специального номера журнала «Маргиналии» свои раздумья о том, что такое советское библиофильство, каковы его задачи в условиях развитого социалистического общества. Он знакомит читателей с историей книголюбия в нашей стране, с горячими дискуссиями 20-х годов, с зарождением и становлением массового книголюбия в послевоенные годы.

Тема статьи Е. Л. Немировского — «Использование мотивов немецкой графики в русских рукописях и печатных книгах XV—XVI веков». В статье подчеркнут творческий и взаимообогащающий характер русско-немецких связей в области книжного дела.

Ю. К. Филонович рассказывает читателям о советском журнале «В мире книг».

Обложка журнала
«Маргиналии» (1977, № 3)

«Воля Ляхов — теоретик искусства книги» — так называется статья Н. А. Гончаровой, посвященная трудам и дням недавно скончавшегося известного советского учебного, одного из основоположников художественного конструирования книги.

Большой и тщательно документированный обзор О. Г. Ласунского посвящен советской библиофильской литературе 1972—1976 гг. Идет речь и о первых выпусках «Альманаха библиофила». Рассмотрены работы П. Н. Беркова, А. Г. Глухова, В. Г. Лидина, Е. С. Лихтенштейна, А. И. Маркушевича, Е. И. Осетрова, Е. Д. Петряева, Ф. Пуксоо, А. А. Сидорова, О. С. Чубарьяна...

На страницах номера помещены очерки о крупнейших личных собраниях. З. А. Покровская рассказывает о библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского, а Е. И. Яцунюк и С. С. Ишкова — о библиотеке А. К. Тарасенкова.

Заключает номер указатель «Библиофильство и искусство книги СССР на страницах нашего журнала». Мы узнаем, что в «Маргиналиях» публиковались статьи и очерки П. Амбура, Э. Ганкиной, Г. Кравцова, В. Конашевича, Н. Кузьмина, О. Ласунского, Д. Митрохина, Ю. Молока, А. Маркушевича, Е. Немировского, М. Рудомино, А. Сидорова, М. Флекеля, С. Фортинского и многих других советских авторов. Активно пропагандирует советское книжное дело на страницах «Маргиналий» Фридрихльде Краузе, которая в 1973—1976 гг. опубликовала статьи «Создание первого музея книги в УССР», «Общество книголюбов и клубы библиофилов в Советском Союзе», «Что такое книговедение? Дискуссия в Советском Союзе», «Чюрленис и искусство книги».

Специальный номер «Маргиналий» иллюстрирован репродукциями работ В. А. Фаворского, Л. М. Лисицкого, А. И. Калашникова, Г. А. Кравцова и других советских художников книги и мастеров экслибриса. Воспроизведены обложки журнала «В мире книг» и советских изданий по вопросам библиофильства. Среди последних — первый и второй выпуски «Альманаха библиофила».

Книговед

РОНИКX

ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ

Дела, события, факты

ОКТАБРЬ 1974 — ДЕКАБРЬ 1977

1974

3 октября. Москва. Колонный зал Дома Союзов. Учредительный съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Центральный Комитет КПСС направил Приветствие Учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Съезд принял резолюцию по докладу председателя Госкомиздата СССР Б. И. Стукалина «О создании и задачах Всесоюзного добровольного общества любителей книги», утвердил Устав ВОК, направил письмо Центральному Комитету КПСС, избрал Центральное правление и Центральную ревизионную комиссию ВОК.

В этот же день состоялся организационный пленум ЦП ВОК. Председателем ЦП ВОК избран академик Е. М. Жуков.

Октябрь — декабрь. Президиум ЦП ВОК утверждает нормативно-инструктивные документы: «Положение о первичных организациях Всесоюзного добровольного общества любителей книги»; «Положение о коллективных членах Всесоюзного добровольного общества любителей книги»; «Инструкцию о порядке оформления приема в коллективные (юридические) члены Общества, о правах и обязанностях коллективных членов», «Инструкцию о порядке учета членов Общества, сбора вступительных и членских взносов и выдачи членских билетов в организациях Общества».

Декабрь. Президиум Центрального правления ВОК утверждает образцы значка члена общества и документов, которые должен получать вступающий в Общество индивидуальный или коллективный член. К ним относятся: билет члена общества, билет коллективного члена Общества.

1975

Январь. Центральное правление ВОК и Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина издали методические рекомендации «О совместной работе библиотек с организациями Всесоюзного добровольного общества любителей книги (ВОК)». В рекомендациях подчеркивается, что одной из важных задач ВОК является участие организаций книголюбов в работе по пропаганде книжных фондов государственных библиотек, а также руководство чтением, забота о сохранности книг.

Февраль. Навстречу 30-летию Великой Победы в Октябрьском зале Дома Союзов состоялся литературный вечер «Книга-75», проведенный ЦП ВОК. Книголюбцы столицы встречались с руководителями издательств

«Художественная литература», «Советский писатель», Воениздат, «Молодая гвардия», «Современник». На вечере выступили писатели: Михаил Алексеев, Виктор Боков, Михаил Львов, Давид Кугультинов, Валентин Сококин, Михаил Львов, Владимир Туркин.

Апрель. Президиум ЦП ВОК принял постановление «О работе правлений Добровольных обществ любителей книги Белорусской, Казахской и Азербайджанской ССР по завершению организационного оформления республиканских обществ». Рекомендовано республиканским правлениям усилить работу по приему в индивидуальные и коллективные члены общества, повсеместно создавать первичные организации общества, широко пропагандировать опыт лучших коллективов по пропаганде книги.

Газета «Книжное обозрение» становится органом Госкомиздата СССР и ВОК.

Украинское республиканское общество совместно с Госкомиздатом УССР выпускает издание «Друг читача», Таджикское — информационный листок «Книгу в массы». В ряде республик стали регулярно транслироваться радиопередачи для книголюбов.

Май. Правление Московского городского отделения Общества открыло народный университет «Книга» с двумя факультетами: культуры чтения и истории книги. Ректором университета утвержден доктор филологических наук А. А. Леонтьев.

Подобные университеты открылись при правлениях Обществ Литовской, Украинской, Грузинской ССР. Народный университет общественной пропаганды книги и «Университет чтения» для юношества организован книголюбями Кишинева, народный университет библиографических знаний — книголюбями Кирова.

Коллегия Госкомиздата СССР и президиум ЦП ВОК приняли решение «О плане совместных мероприятий Госкомиздата СССР и Центрального правления ВОК». Республиканским комитетам и правлениям Обществ рекомендовано разработать и осуществить совместные мероприятия, направленные на дальнейшее развитие деятельности организаций книголюбов.

В рамках плана предусмотрено проведение Всесоюзного смотра работы клубов книголюбов, Всесоюзного общественного смотра пропаганды и распространения общественно-политической литературы в книготорговой сети и другие мероприятия.

Март—май. Книголюбые страны активно участвуют в подготовке и проведении в организациях Общества книжных выставок «Сражающаяся книга», посвященных 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. К этому же знаменательному событию были приурочены читательские конференции «Огненные годы», проведенные многими организациями Общества книголюбов. Военно-патриотической тематике посвящаются литературные вечера, встречи с ветеранами войны и труда.

Июнь. Президиум принимает специальное постановление об организации лекционной пропаганды в системе ВОК, в котором предлагает правлениям республиканских обществ развернуть активную работу по организации лекционной пропаганды книги. Главное содержание работы — пропаганда художественной, общественно-политической и научно-технической литературы, а также широкое освещение вопросов, связанных с кни-

говедческими знаниями, формированием читательских вкусов, дальнейшим развитием культуры чтения.

Сентябрь. Президиум ЦП ВОК и Госкомиздат СССР одобряют «Рекомендации о работе организаций ВОК и книготорговых предприятий по улучшению букинистической торговли и закупки книг у населения». Организациям Общества предложено создавать Советы содействия букинистической торговле, оказывать книготоргам организационную помощь в закупке книг у населения, систематически вести информационно-рекламную работу среди книголюбов по вопросам покупки и продажи книг.

Президиум ЦП ВОК и коллегия Госкомиздата СССР приняли решение «О мерах поощрения членов и организаций Всесоюзного добровольного общества любителей книги». Установлены в организациях общества следующие виды поощрения:

- занесение в книгу Почета ЦП ВОК;
- награждение значком «Активист общества книголюбов»;
- награждение Почетной грамотой ЦП ВОК;
- награждение Дипломом ЦП ВОК (для организаций общества книголюбов и его коллективных членов);
- объявление благодарности;
- выдача денежных премий или вручение ценных подарков.

19 декабря. В Москве в конференц-зале Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина состоялся II пленум Центрального правления ВОК.

Пленум принял постановление по докладу председателя ЦП ВОК академика Е. М. Жукова «О работе Всесоюзного добровольного общества любителей книги в свете постановления ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС».

В этом же году организации Обществ Москвы, Алма-Аты, Ростова и других городов организуют среди книголюбов обмен книгами. Утверждаются два вида книгообмена: во временное пользование — для чтения; в постоянное — с целью приобретения одной книги взамен другой. Правления определяют дни и часы работы пунктов, назначают дежурных, приглашают консультантов и работников букинистических магазинов, которые выполняют обязанности, связанные с оформлением покупки и продажи обмениваемых книг.

При Центральном правлении ВОК создаются Советы по пропаганде отдельных видов литературы, избираются их председатели: по пропаганде общественно-политической и военно-патриотической литературы (председатель — преподаватель ВППШ при ЦК КПСС, доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей СССР П. С. Фатеев); по пропаганде художественной литературы (председатель — писатель, лауреат Ленинской премии И. Л. Андроников); по пропаганде литературы для юношества (председатель — директор Государственной республиканской юношеской библиотеки им. 50-летия ВЛКСМ И. В. Бахмутская); по пропаганде научно-технической, научно-популярной литературы и книговедения (председатель — кандидат филологических наук, ученый секретарь РИСО АН СССР, зам. председателя ЦП ВОК Е. С. Лихтенштейн); по пропаганде библиотечно-библиографических знаний (председатель — зав. сектором общих проблем библиографии Всесоюзной книжной палаты В. А. Семеновкер); научно-методический Совет по лекционной пропаганде

книги (председатель — и. о. доцента Московского полиграфического института Ф. А. Кузин); Совет по изучению интересов книголюбков (председатель — доктор искусствоведения, профессор И. А. Рачук); Совет по работе с клубами книголюбков и общественными распространителями книги (председатель — управляющий Центрооопкнигой А. П. Марин). При ЦП ВОК созданы также секции: миниатюрной книги (председатель П. Д. Почтовик), экслибриса и книжной графики (председатель С. А. Вуль).

1976

Январь. В Центральном правлении ВОК состоялась встреча с чл.-кор. Академии наук СССР, известным библиофилом Алексеем Алексеевичем Сидоровым. А. А. Сидоров внес ряд предложений по улучшению работы Общества, организации комплексного изучения книги и координации этой работы со стороны ВОК.

Организационно-исполнительным бюро президиума ЦП ВОК А. А. Сидоров утвержден главным консультантом Центрального Правления Общества.

Апрель. Книголюбки страны, выполняя постановление президиума Центрального правления ВОК, начали сбор книг для рабочих коллективов Всесоюзных ударных комсомольских строек. Первому отряду минских комсомольцев, отправившихся на строительство Байкало-Амурской магистрали, вручена библиотека, которую собрали книголюбки Заводского района столицы Белоруссии. Книголюбки Ошского городского отделения общества книголюбков Киргизии собрали и доставили книги строителям «Тын-дастрой».

Многие сотрудники института «Сибгипротранс» работают на стройках Байкало-Амурской магистрали. Оставшиеся в городе товарищи по работе, члены первичной организации книголюбков института участвуют в жизни командированных по принципу: «А что ты сделал для товарища, ушедшего на трассу?» Они регулярно высылают обзоры новинок литературы, выполняют индивидуальные заказы товарищей. Клуб книголюбков «Первопроходцы» организовал заочную читательскую конференцию «Рабочий — главный герой современной литературы».

За короткий срок книголюбками России отправлено на стройки страны 250 тыс. книг, Украины — 100 тыс., Белоруссии — 40 тыс.

Июнь. В г. Днепропетровске прошел III Всесоюзный слет общественных пропагандистов и распространителей книги, организованный Госкомиздатом СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Министерством культуры СССР, Центросоюзом СССР и ЦП ВОК. Делегаты слета обсудили задачи дальнейшего развития и совершенствования общественных форм книгораспространения в свете решений XXV съезда КПСС. На слете принято Обращение ко всем пропагандистам и распространителям книги страны.

ЦП ВОК провело Всесоюзное совещание актива организаций Общества любителей книги, на котором были одобрены мероприятия ВОК по выполнению задач, вытекающих из решений XXV съезда КПСС.

Октябрь. Президиум ЦП ВОК рассмотрел работу первичных организаций Общества книголюбков Минского автомобильного завода и колхо-

за им. Желюка Тульчинского района Винницкой области. Отмечено стремление заводских и колхозных книголюбов рациональнее использовать книжные богатства библиотек, помочь читателю найти путь к книге. Одобрена работа по проведению смотров-конкурсов личных библиотек, оформлению предварительных заявок на специальную литературу.

ЦП ВОК провело Всесоюзный семинар ответственных секретарей и заведующих отделами организационной работы республиканских правлений, ответственных секретарей краевых, областных, республиканских (АССР) и городских отделений Общества, на котором рассмотрены вопросы организационной работы правлений Общества книголюбов и задачи ответственных секретарей по ее совершенствованию.

Ноябрь. Принято постановление президиума Центрального правления ВОК и Библиотечного совета при Министерстве культуры СССР о совместной работе библиотек и организаций Общества любителей книги Казахской ССР.

В г. Фрунзе состоялся межреспубликанский семинар ответственных работников организаций Общества книголюбов Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР. Руководители городских, районных и первичных организаций обменялись на семинаре опытом работы.

Декабрь. ВОК совместно с Госкомиздатом СССР, Президиумом ЦК профсоюза работников культуры и НТО полиграфии и издательств объявили Всесоюзный смотр организации изучения и формирования спроса населения на литературу.

Принято постановление президиума о проведении отчетно-выборных собраний в первичных организациях и конференций в районных и городских отделениях Общества любителей книги.

Коллегия Госкомиздата СССР и президиум ЦП ВОК утвердил «Положение о народном книжном магазине и киоске».

Ноябрь—декабрь. Краснопресненское районное отделение общества книголюбов Москвы развернуло большую работу по возврату книг, взятых читателями в библиотеках района. Активисты-книголюбы предложили свою помощь библиотечным работникам, и те приняли ее с благодарностью. Библиотекари подготовили для книголюбов почтовые открытки, в которых были названы фамилии читателей, их адреса и перечень невозвращенных книг. В результате рейда множество книг вернулось на полки библиотек.

Газета «Книжное обозрение» публикует статью под названием «Взял книгу? Верни!», в которой рассказывает о ходе рейда. Редакция приглашает руководителей первичных организаций Общества, районных и городских отделений, всех активистов высказаться по существу затронутого вопроса.

Газета публикует множество откликов, а затем подводит итог разговору выступлением Н. М. Сикорского—директора Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

В этом же году книголюбы Литвы взяли шефство над библиотеками судов торгового и рыболовного флота. Республиканское правление Общества заключило договор о культурной сотрудничестве с Литовским морским пароходством и Литовским производственным управлением рыбной промышленности. Более 10 тысяч книг собрано для судовых библиотек.

Ашхабадские книголюбцы передали экипажу пассажирского воздушного лайнера, совершающего рейсы по маршруту Москва — Ашхабад, библиотечку книг и брошюр общественно-политической и краеведческой тематики, сборники современной и классической поэзии. Первыми читателями «Летучей библиотеки» стали туристы, направлявшиеся из Москвы в Ашхабад. Часы, проведенные в полете, прошли для пассажиров с пользой — они познакомились с Туркменским краем, его историей, культурой.

При Центральном и республиканских правлениях Общества образованы редакционно-издательские советы. Они созданы из числа наиболее авторитетных книголюбцев, библиофилов, издательских работников. С эмблемой ВОК Центральное правление выпустило книги: «Краткий справочник книголюбца», «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, «Мысль и слово» А. Запалова, «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой, «Золотой ключ» Е. И. Осетрова. По инициативе правления Общества книголюбцев БССР выпущена «Песнь о книге». Правление Армянского общества издало буклет, посвященный Аветику Исаакяну.

При Центральном правлении ВОК образована редакционная коллегия по подготовке к выпуску «Словаря советских библиофилов». Завершена работа по сбору анкет книголюбцев, их заполнили более двух тысяч владельцев домашних библиотек.

Петр Флегонтович Панов — заслуженный агроном РСФСР из города Нерехта Костромской области награжден значком «Активист Общества книголюбцев». Его библиотека по существу стала народной, книгами Панова пользуются тысячи школьников. 115 000 книговыдач — таков результат подвижнической деятельности страстного книголюбца.

Как праздник всех книголюбцев города было отмечено 80-летие курганского педагога и пропагандиста книжных знаний Елены Александровны Рановой. Местное телевидение посвятило ей передачу, газеты опубликовали сообщения о праздновании. Любовь и уважение земляков Е. А. Ранова снискала тем, что свою квартиру она превратила в настоящий музей книги, который посещают не только отдельные читатели, но и экскурсанты-школьники, студенты, молодежь из сельских районов области.

1977

22 февраля. В Москве в конференц-зале Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина состоялся III пленум Центрального правления ВОК. Пленум принял постановление «О плане основных мероприятий Всесоюзного добровольного общества любителей книги по достойной встрече 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции; об участии организаций Общества книголюбцев в работе по эффективному использованию книжных фондов страны».

12 мая. Президиумом Центрального правления ВОК, Советом Главкниги Госкомиздата СССР и Центральнокоопкнигой Центросоюза СССР принято постановление «О практике работы книгообменных пунктов при организациях Всесоюзного добровольного общества любителей книги».

Май. Президиум ЦП ВОК, Совет Главного управления книжной торговли и пропаганды книги Госкомиздата СССР и Центральнокоопкнига Центросоюза СССР, ознакомившись с опытом работы существующей практики

книгообмена, принимают решение создать рабочую группу для выработки единых правил работы книгообменных пунктов.

Правлениям Московского, Ростовского, Красноярского отделений ДОК РСФСР, Алма-Атинского отделения Общества Казахской ССР и руководству Москниги, Ростовского, Красноярского, Алма-агинского книготоргов и потребсоюзов рекомендовано провести эксперимент совместной работы книгообменных пунктов на базе книжных магазинов, учитывая возможности применения информационно-поисковой системы с использованием вычислительной техники.

21 июня. Президиум ЦП ВОК утвердил «Примерное положение о работе клубов книголюбів».

Январь — июнь. Организации ДОК РСФСР приняли участие во II Всероссийском общественном смотре-конкурсе на лучшую работу по организации скупки и продажи книг у населения.

Август. В Москве в букинистическом магазине № 155 начался эксперимент по внедрению новой формы букинистической торговли — книгообмену.

Сентябрь. Общественным Советом по изучению интересов книголюбів завершён первый этап социологического исследования «Роль книги и чтения в формировании человека развитого социалистического общества».

6—14 сентября. Участие Всесоюзного добровольного общества любителей книги в работе I Московской международной книжной выставкярмарки. Выпуск проспекта об Обществе, организации павильона ВОК, устный выпуск «Альманаха библиофила» для гостей и участников ярмарки, проведение «Дня книголюбів» на ВДНХ.

Август — октябрь. Межреспубликанские праздники книги, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Грузии, Литве.

25 ноября. Вечер в Центральном музее В. И. Ленина в Москве, завершающий Ленинские чтения.

22 декабря. Президиум ЦП ВОК утвердил и одобрил инициативу правления республиканского украинского общества, решившего открыть музеи писателей О. Вишни, Д. Головки, П. Усенко.

Здания музеев будут построены на родине писателей, в сельских районах, по индивидуальным проектам, выполненным студенческими конструкторскими бюро.

В этом же году правления обществ Грузинской и Украинской ССР открывают производственные комбинаты по изготовлению предметов, связанных с книгой: обложек для книг и тетрадей, книжных закладок, сумок и т. д. Производственные мастерские также начали работать при Ярославском и Пензенском отделениях общества книголюбів РСФСР.

Агитбригада «Китап» («Книга») создана в Киргизии. Книголюбів, работники издательств, поэты, журналисты выезжают к чабанам и механизаторам в отдаленные районы республики.

Проходят Всесоюзные чтения по теме: «Ленин и книга», посвященные 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Основная цель чтений — всестороннее освещение вопросов, связанных с отношением

Ленина к печатному слову, его вклада в становление и развитие библиотечного и издательского дела страны.

По всей стране проходят юбилейные праздники «Октябрь и книга», организованные правлениями Общества книголюбов. Их участниками стали также представители госкомиздатов, Союзов писателей, органов культуры и других творческих организаций. «В размахе и впечатляющих итогах праздника „Октябрь и книга“, — писала газета „Книжное обозрение“, — проявилась зрелость общества книголюбов, его способность координировать усилия общественных и творческих организаций, участвующих в пропаганде книги».

Книголюбы страны в юбилейном году стремились сделать пропаганду литературы яркой и впечатляющей. Проводя Всесоюзные чтения «Ленин и книга» и Всесоюзную молодежную читательскую конференцию «Дорогой Октября», смотры и конкурсы, они стремились донести до читательских сердец вдохновенное слово партии, раскрыть глубокий смысл и историческое значение произведений Владимира Ильича Ленина, выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, решений XXV съезда КПСС, документов и материалов пленумов ЦК КПСС, внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР, принявшей новую Конституцию СССР. В поле зрения общественных пропагандистов и книгораспространителей была литература о десятой пятилетке, советском образе жизни, миролюбивой внешней политике Советского государства, книги, брошюры, плакаты, выпущенные Центральными и республиканскими издательствами к 60-летию Великого Октября.

1976 — 1977

Центральное правление ВОК совместно с Всесоюзной книжной палатой приняло участие в социологическом исследовании покупательского спроса на массово-политическую серийную литературу.

В соответствии с планом культурных связей с зарубежными странами делегации ВОК посетили Германскую Демократическую Республику, Венгерскую Народную Республику, Социалистическую Республику Румынии и Чехословацкую Социалистическую Республику. Установлены связи с объединениями книголюбов этих стран.

*Хронику составили
К. Аштаменко, Н. Котов, А. Чирва*

Москва

ХРОНИКА КЛУБА КНИГОЛЮБОВ ЦДЛ*

1971

4 октября. Книги из библиотеки Ф. М. Достоевского. (К 150-летию со дня рождения писателя.) Сообщение Г. Ф. Коган.

Заведующая Музеем-квартирой Ф. М. Достоевского Г. Ф. Коган обнаружила ряд книг, принадлежавших Достоевскому, но не отраженных в сделанном Л. Гроссманом описании его библиотеки. Рассказ о своей находке она предварила общей картиной чтения Достоевского.

19 ноября. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Сообщение В. В. Жданова, Н. К. Некрасова, А. И. Маркушевича.

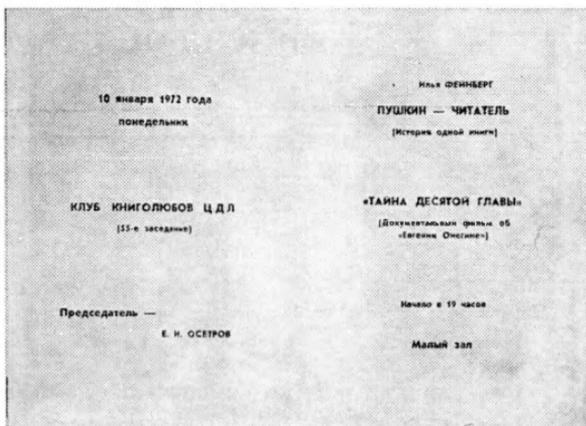
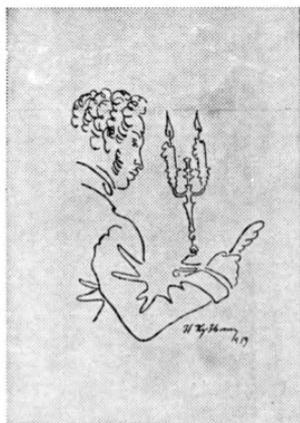
Председатель клуба Е. И. Осетров открыл вечер вступительным словом, в котором говорил о некрасовских традициях в современной поэзии. Литературовед В. В. Жданов в своем выступлении стремился очистить образ поэта от искажений, образовавшихся в результате отдельных ошибок в литературоведении. Известный библиофил А. И. Маркушевич показал редкие иллюстрированные книги некрасовских времен, отражающие быт эпохи. В заключение вечера выступил поэт и прозаик С. Н. Марков.

6 декабря. История великих книг. Загадка для библиофилов. Сообщение С. Л. Львова. Как я искал героев знаменитых произведений. Сообщение Р. С. Белоусова.

Рассказывая о своей работе над книгой «Эхо в веках», писатель С. Л. Львов показал, как одни книги разъясняют смысл и значение других, как писатели и художники отсылают исследователя один к другому: Монтень — к Петру Рамусу, Питер Брегель — к Монтеню и Костеру, а Монтень и Костер — к Брегелю. Затем он рассказал о своей работе над биографией испанского революционера Ван Галена, друга декабристов и генерала Ермолова. Журналиста Романа Белоусова знакомство с жизнью и деятельностью слепого поэта и путешественника Василия Ерошенко привело к идее написать книгу о литературных прототипах — «О чем умолчали книги». Много помогла ему переписка с представителями культуры других стран, снабжавшими его визуальными материалами. Он сообщил, что книг подобного типа почти не существует в мировой культуре.

20 декабря. К 70-летию со дня рождения А. А. Фадеева. Сообщения В. А. Сутырина, В. Г. Боборыкина, Л. Огановой.

* Хронику первых пятидесяти заседаний Клуба книголюбов ЦДЛ см.: Альманах библиофила. <Вып. I>, М., 1973.

В выступлении В. А. Сутырина шла речь о Фадееве как о руководителе писательской организации, о личных встречах с Фадеевым, об авторском чтении отрывков из «Последнего из удэге». В. Г. Боборыкин по следам Фадеева собирал материал о комсомольцах Краснодона и исследовал, как он преломлялся в романе «Молодая гвардия». Л. Оганова говорила о книгах, подаренных писателями Фадееву.

1972

10 января. Пушкин — читатель. Сообщение И. Л. Фейнберга.

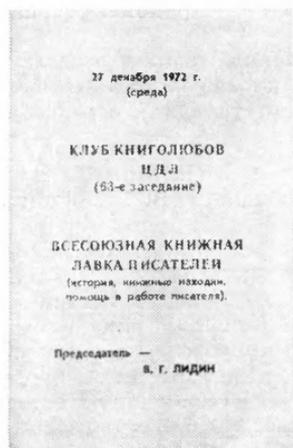
Известный пушкинист И. Л. Фейнберг рассказал историю своих поисков книги доктора Кука, принадлежавшей Пушкину. В конце заседания был просмотрен фильм об исследовании «Евгения Онегина» — «Тайна десятой главы».

14 февраля. Телешовские «среды». Сообщения В. Г. Лидина, К. М. Пантелеевой, Г. А. Бровмана, А. Н. Дубовикова.

Писатель В. Г. Лидин поделился воспоминаниями о телешовских «средах» и о своих встречах с их участниками в период, когда деятельность «сред» затухала. Историю телешовских «сред» вкратце рассказала литературовед К. М. Пантелеева. В выступлении критика Г. А. Бровмана речь шла о необходимости творческой среды для писателя в каждую эпоху. Литературовед А. Н. Дубовиков, готовивший для «Литературного наследства» тему «Бунин и Телешов», говорил о чертах личности Телешова, привлекавших к нему писателей.

1 марта. Редкие книги в моей библиотеке.

Писатели и гости клуба показывали принадлежавшие им книги и рассказывали о них. С. Н. Марков показал перевод Плотникова вогульского эпоса. Переводчик Е. А. Гунст — «Манон Леско» 1734 г. Литературовед А. В. Прямок — «Уединенный пошехонец» 1886 г. Библиограф Б. Я. Шиперович — «Мой город» Раисы Блох 1928 г. и другие книги. Библиофилы С. И. Богомоллов и Н. М. Ильин — издания библиофильских обществ, книги-малютки, изданные в Советском Союзе и других странах.

Переводчик В. В. Левик рассказал о записках киевского книговеда. В конце заседания состоялся книжный аукцион.

26 апреля. Сегодня и завтра московской книжной торговли. Сообщения С. Е. Поливановского и Л. А. Глезера.

На ряде убедительных примеров директор Москниги показал, что, несмотря на некоторые трудности, снабжение книгами в стране становится все лучше, он говорил также о перспективах книжной торговли. Букинист Л. А. Глезер рассказал о судьбах выдающихся московских частных библиотек. Вечер завершил книжный аукцион.

10 мая. «Найдено в бумагах Пушкина». Сообщение Н. Я. Эйдельмана.

Речь шла о пушкинских рукописях, извлеченных П. К. Миллером из канцелярии Бенкендорфа.

22 мая. Международный год книги в СССР и за рубежом. Сообщения Г. М. Мартиросяна, М. И. Рудомино, Б. И. Соловьева.

Заместитель председателя Госкомиздата СССР Г. М. Мартиросян говорил об огромной потребности в книге советских людей, о том, как удовлетворяется эта потребность, и об авторитете СССР во всем мире как книжной державы. Вице-президент Международной федерации библиотечных ассоциаций М. И. Рудомино рассказала о задачах международного года книги и о тех организационных формах, в которых он проводится. Заместитель главного редактора издательства «Советский писатель» Б. И. Соловьев говорил о популярности поэзии в последние годы. Я. Козловский и М. Кудинов прочли стихи зарубежных поэтов в своих переводах.

30 октября. Старейшее книгохранилище страны и его литературные реликвии. Сообщение С. Р. Долговой.

Главный библиотекарь Центрального государственного архива древних актов С. Р. Долгова, вкратце рассказав историю архива, остановилась на материалах портфеля И. Г. Миллера, бумагах Петра I, документах о Пушкине.

17 ноября. У нас в гостях клуб любителей книги г. Харькова. Сообщение И. Я. Каганова.

Председатель харьковского клуба И. Я. Каганов говорил о десятилетней работе клуба, о роли Харькова в истории культуры страны. Старейший член клуба Жаботинский познакомил присутствующих с редкими книгами своей библиотеки.

27 декабря. Всесоюзная книжная лавка писателей. (История, книжные находки, помощь в работе писателей.) Сообщения В. Г. Лидина, В. Б. Шкловского, И. Л. Гринберга.

Председательствовавший Лидин пригласил в президиум заседания внуку А. Ф. Смирдина, присутствовавшую в зале; затем он говорил о том, что Лавка была задумана как продолжение смирдинских традиций, рассказал о писателях, участвовавших в ее организации, и об уникальных книгах, продававшихся в ней. В. Б. Шкловского тревожит, что многие писательские библиотеки распадаются после смерти их владельцев, он считает, что библиотека ЦДЛ должна их сохранять. Критик И. Л. Гринберг вспоминал о ленинградской Лавке писателей в дни блокады. Кроме того, на этом заседании главный редактор журнала «В мире книг» Ю. К. Филонович рассказал о планах работы редколлегии журнала.

1973

15 января. Найдена библиотека Ломоносова. Заседание было посвящено истории поисков последней из четырех библиотек Ломоносова, след которой наконец обнаружен в Хельсинки. Писатель В. Н. Осокин утверждал, что собранные в последнее время материалы опровергают версию, будто Ломоносов все свои знания почерпнул в Германии, и доказывал, что еще до поездки за рубеж он был подлинным ученым.

12 февраля. Наши книжные сокровищницы. История и богатства Матенадарана — древнейшего книгохранилища Армении. Сообщение А. М. Аршаруни.

После рассказа о Матенадаране писателя Аршаруни выступил работавший над книгой о древнейшем книгохранилище Ким Бакиш. Он говорил о том, какую роль национальное хранилище играло в жизни Армении. Врач П. Л. Исаев поделился сведениями о книгах по медицине в Матенадаране.

19 февраля. М. М. Пришвин — читатель. Сообщение В. Д. Пришвиной.

Перед началом заседания председательствовавший А. М. Турков поздравил с 80-летием старейшего члена Совета клуба А. Р. Палея и преподнес ему подарок от членов Совета.

Рассказ Валерии Дмитриевны Пришвиной, вдовы писателя, вылился в разговор о творческой личности М. М. Пришвина, об его отношении к книгам, которые постоянно ставили перед ним острые жизненные и философские вопросы.

12 марта. Дарю сюжеты. Книги, портреты, архивы, страницы культуры XVIII—XIX вв. Рассказы С. М. Голицына.

В. Н. Осокин предварил выступление писателя рассказом о нем, об его талантливой педагогической работе и о книгах для детей на докумен-

тальном материале. Голицын сообщил ряд фактов из истории рода Голицыных, могущих послужить сюжетом для художественного произведения, а также рассказал о художнике В. Д. Поленове.

11 апреля. «Судьбы великих книг». Встреча с издательством «Книга».

Главный редактор А. Э. Мильчин рассказал о творческих поисках молодого издательства, задавшегося целью выпускать книги для книголюбвов. В центре этих поисков — серия «Судьбы книг». Выступил ряд авторов этой серии. Литературовед Т. Л. Мотылева говорила о книге «Верноподанный» Генриха Манна, Д. М. Урнов — об «Алисе в стране чудес», А. А. Аникст — о первых изданиях Уильяма Шекспира. К. А. Марцишевская рассказала о готовящемся описании библиотеки И. Н. Розанова.

6 июня. Надпись на книге. Сообщение Н. А. Подорольского.

Литературовед Н. А. Подорольский показал ряд интересных надписей на книгах его личной библиотеки. В его выступлении была намечена классификация дарственных надписей. Присутствующие пожелали ему продолжить и завершить работу над этой классификацией.

12 ноября. У нас в гостях Московский клуб экслибрисистов. Сообщение С. А. Вуля.

Сообщение председателя Московского клуба экслибрисистов С. А. Вуля представляло собой богатый сведениями отчет об истории и современной жизни клуба. С. М. Голицын выступил с рассказом о работе художника Фаворского в области книжного знака. В. Н. Осокин прочел отрывок из своей работы «Путешествие в страну экслибриса». Е. Н. Минаев, автор книги об экслибрисе, говорил о том, как множатся в настоящее время клубы экслибрисистов в нашей стране и о необходимости выйти на международную арену.

20 декабря. Новые материалы о В. Я. Брюсове. (О подготовленном брюсовском томе «Литературного наследства»). Сообщения Н. А. Трифонова, Т. Г. Динесман, А. Н. Дубовикова.

Член редколлегии «Литературного наследства» Н. А. Трифонов говорил о том, как не легко было найти ключ к пониманию личности В. Я. Брюсова. Научный сотрудник редакции Т. Г. Динесман рассказала об отношениях Брюсова с Верхарном. Член редакционной коллегии А. Н. Дубовиков остановился на ряде проблем, связанных с изданием тома, на публикации переписки Брюсова, на его отношении к войне.

1974

7 января. Писатели рассказывают о работе над книгой «В зрительном зале Владимир Ильич». Сообщение Сим. Дрейдена.

Известный театровед познакомил присутствующих с рядом проблем, встававших перед ним при работе над темой: «Ленин и искусство».

22 февраля. О книгах найденных и упущенных. Сообщение В. Г. Лидина.

В сообщении писателя было немало интересных библиофильских сюжетов: о том, как спасал он редкие книги в Тамбове; о книгах, которые он упустил, но которые помнит; о людях, выдававших себя за потомков Крылова и Мицкевича; о сыне Достоевского...

29 марта. О втором выпуске сборника «Встреча с прошлым».

Директор Центрального государственного архива литературы и искусства Н. Б. Волкова рассказала о составе сборника материалов ЦГАЛИ. Затем выступили работавшие над сборником сотрудники ЦГАЛИ. В. П. Коршунова говорила о рубрике, посвященной альбомам. Канд. филос. наук К. И. Суворова — о записках В. Шершеневича. Ю. А. Красовский — о черновых записях Зинаиды Райх, посвященных С. Есенину. Н. Г. Королева — об альбоме Мальвины Марьямовой. М. А. Рожковская — об архиве секретаря Л. Толстого В. Ф. Булгакова. Н. Павловский — о переписке Л. З. Собинова с Е. М. Садовской.

4 апреля. Пушкин — открытия и загадки. К 175-летию со дня рождения. Сообщение Н. Я. Эйдельмана.

На основе новых материалов литературовед развил свою мысль о встрече Пушкина с Пуцциным в Михайловском. Согласно этой версии, между друзьями произошел спор: у Пушкина была своя, отличная от декабристов, политическая позиция, которую он не менял и после встречи с Николаем I. В конце заседания народный артист РСФСР Дмитрий Журавлев читал стихи Пушкина.

17 мая. Новое о Пушкине. К 175-летию со дня рождения. Сообщения сотрудников Центрального государственного архива древних актов.

М. И. Автократова, вкратце изложив историю и описав характер старейшего русского архива, рассказала о четырех группах материалов о Пушкине, имеющихся в его составе. Главное в работе Е. П. Подъяпольской о Ганнибале — розыски его автобиографии. Н. Б. Востокова собрала материалы о семье Бобринских и их связях с Пушкиным. С. Р. Долгова говорила о первом директоре лицея В. Ф. Малиновском. И. М. Ободовская и М. А. Дементьев на материалах ЦГАДА, в основном, на переписке Гончаровых, подготовили книгу «Вокруг Пушкина».

22 октября. Иван Никанорович Розанов и его библиотека. К 100-летию со дня рождения.

И. Л. Андроников прочел предисловие к выходящему описанию библиотеки ученого; В. А. Дынный, назвав Розанова «поэтом поэзии», говорила вместе с тем об его уважении к факту. По признанию В. Г. Лидина, он мало знал людей, столь преданных поэзии. Л. А. Озеров говорил о Розанове как о большом русском просветителе. В заключение присутствующие поблагодарили К. А. Марцишевскую за ее служение библиотеке Розанова.

10 ноября. Вечер одной книги. Собиратели показывают свои находки.

А. А. Сидоров показал три книги о графике и искусстве книги. Художник А. Гончаров говорил о книгах А. А. Сидорова. В. Г. Утков продемонстрировал старинную книгу по географии. В. Н. Осокин — первое издание Олеария. А. И. Маркушевич рассказал об изданиях «Женитьбы Фигаро» и показал имеющиеся в его библиотеке экземпляры.

25 декабря. Издательство «Современник» в гостях у писателей. 500 книг «Современника».

Вечер прошел под председательством Ю. Прокушева. С чтением своих произведений выступили А. Вознесенский, А. Софронов, Ю. Нагибин, С. Орлов, Е. Исаев и другие авторы издательства.

1975

28 января. Новое о Козьме Пруткове. Сообщения Д. А. Жукова, В. В. Вагина, А. И. Анушкина.

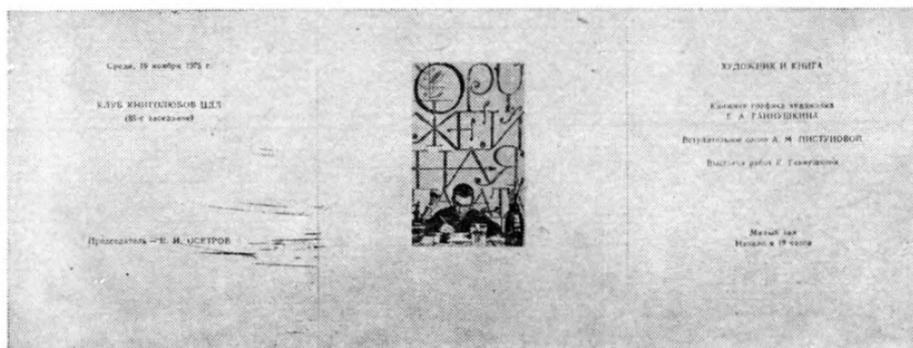
Литератор Дм. Жуков, работавший над книгой о Козьме Пруткове, в форме биографии вымышленного писателя рассказал историю его «жизни» и творчества. В. В. Вагин, главный художник издательства «Современник», говорил о своей работе над малоформатными изданиями Козьмы Пруткова в Перми. Ялтинский библиофил А. И. Анушкин сообщил историю найденной в Ялте библиотеки одного из авторов Козьмы Пруткова — В. М. Жемчужникова. Его сообщение послужило основой для статьи в «Альманахе библиофила».

12 февраля. Война в воспоминаниях современников. У нас в гостях авторы мемуаров и сотрудники Воениздата.

Заместитель главного редактора Воениздата С. М. Борзунов рассказал о работе редакции военных мемуаров. Генерал-полковник Н. М. Хлебников — о действиях командного состава. Генерал-полковник В. М. Шатилов — о Берлинской операции. Генерал-полковник И. М. Чистяков — о Сталинграде и Курской дуге. Генерал-полковник К. В. Крайнюков — о том, как важно изображать массовый героизм. Полковник А. П. Раменский — о том, как необходимы солдатские мемуары. Генерал-полковник Д. А. Драгунский дал ряд советов будущим мемуаристам. В. Е. Гиллер призвал писать о медиках в дни войны.

26 марта. Издатель пушкинской поры. К 180-летию со дня рождения Александра Филипповича Смирдина. Выступления И. Н. Кобленца и В. В. Сорокина.

Книговед И. Н. Кобленц прочел отрывки из своего труда о Смирдине: о предшественниках Смирдина в русском книгоиздательстве, о том, как воспринимали писатели то новое, что вносило в их жизнь его предприятие. Главный библиограф научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ В. В. Сорокин говорил о московском периоде жизни Смирдина.

25 апреля. О собрании книг, посвященных Дальнему Востоку. Сообщение Н. Н. Матвеева-Бодрого.

Во вступительном слове С. Н. Марков говорил о неутомимой деятельности Матвеева-Бодрого, о богатстве его собрания. Матвеев-Бодрый рассказал о себе и показал книги из своей библиотеки.

29 мая. «Книжные сокровища». Встречи с сотрудниками отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Встреча происходила в отделе редких книг Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Заведующий отделом редких книг Е. Л. Немировский сделал сообщение о составе отдела. Критерий редкости здесь — не количество сохранившихся экземпляров, а роль, которую сыграла книга в истории человечества. Рассказывая о том, над чем работает отдел, Немировский показал ряд редких книг. Сотруднице отдела И. М. Полонской удалось доказать, что приписывавшаяся Ломоносову пародия на «Отче наш» существовала задолго до него. З. А. Покровская говорила о собрании Смирнова-Сокольского, поступившем в библиотеку.

19 ноября. Художник и книга. Книжная графика художника Е. А. Ганнушкина.

Искусствовед А. И. Пискунова говорила о редком таланте Ганнушкина и о традициях культуры шрифта в России. Генерал А. Ф. Сергеев рассказал как 17-летний Ганнушкин нашел применение своему таланту во фронтовых условиях. Ганнушкин говорил о традициях И. И. Рерберга, о книге как предмете рассматривания, о том, что всякий раз, иллюстрируя книгу, он ищет и находит ее образный строй.

23 декабря. Судьбы частных книжных коллекций. Сообщения сотрудников Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

В выступлении Е. И. Яцунок шла речь о поступившем в библиотеку собрании А. Тарасенкова. В выступлении Л. В. Тигановой — о коллекции рукописей А. П. Гранкова. З. А. Покровская перечислила влившиеся в фонд библиотеки частные собрания и поставила ряд вопросов: как использовать эти собрания? Как узнавать о частной коллекции? Нужен учет. Нужны консультации, чтобы не возникали псевдоредкости.

1976

20 января. М. Е. Салтыков-Щедрин. К 150-летию со дня рождения. Сообщения научных сотрудников Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

К. И. Бутина рассказала об имеющихся в рукописном отделе документах, относящихся к Салтыкову-Щедрину. С. С. Ишкова — о 15 книгах с дарственными надписями писателя в отделе редкой книги. З. А. Покровская — об его нелегальных изданиях 80-х гг.

4 февраля. «Ради жизни на земле». (Встреча с редакторами и авторами нового двухтомника издательства «Современник».)

Выступали авторы и редакторы двухтомника.

17 марта. 350 рукописных томов Андрея Болотова. (Русский просветитель XVIII века.) Сообщения И. Ф. Мартынова и В. Я. Лазарева.

Научный сотрудник АН СССР И. Ф. Мартынов говорил о библиотеке Болотова. Писатель В. Я. Лазарев изложил историю его жизни. Он трактовал его как практического просветителя, стремившегося внести свой вклад в отечественную культуру. Лазарев предлагал издать избранного Болотова. А. В. Гулыга отметил, что философские взгляды Болотова были прогрессивны для своего времени, но как писатель Болотов недооценен.

Художник П. А. Кобяков рассказал, как в Богородицке на общественных началах воссоздают парк и дворец Бобринских и музей Болотова.

29 апреля. Художник и книга. Книжная графика художника Ф. Д. Константинова.

О Константинове говорили поэт Л. А. Озеров, искусствовед Ю. Э. Осмоловский, С. А. Вуль, поэтесса Маргарита Ногтева, педагог ВГИК А. Г. Нетужилин и другие. Все отмечали романтичность, глубину восприятия текста, глубокою современность его работ.

25 октября. Книги советских писателей к 60-летию Великого Октября.

Заместитель главного редактора редакции художественной литературы Госкомиздата СССР В. П. Туркин, главный редактор издательства «Советский писатель» В. П. Карпова, главный художник издательства «Художественная литература» Сергей Данилов рассказали о планах этих издательств к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

12 ноября. Сокровища писательских библиотек. Показ книг из библиотек писателей.

Были показаны редкие издания, а также книги с автографами из библиотек Н. П. Смирнова, К. А. Федина, Б. М. Филиппова, Е. А. Гунста, И. С. Новича, В. Н. Осокина, А. Р. Палая, А. М. Туркова, Е. И. Осетрова, С. И. Шуртакова.

8 декабря. «Листая забытые книги...» (Роман «Проделки на Кавказе»). Судьба книги, судьба автора. Сообщение В. И. Безъязычного.

Доцент Литературного института им. А. М. Горького В. И. Безъязычный рассказал о том, что роман «Проделки на Кавказе», изданный в 1844 г., содержал сатирическое изображение некоторых офицеров и генералов Отдельного Кавказского корпуса. Это повлекло за собой преследование книги и ее автора, писательницы Е. П. Лачиновой. «Проделки на

Кавказе» были запрещены и изъяты, тираж уничтожен. Из сохранившихся экземпляров автором доклада выявлено 12 (один из них — в библиотеке В. И. Безъязычного). Глубокие архивные разыскания, изучение разнообразных источников восстанавливают биографию писательницы, раскрывают смысл многочисленных намеков на подлинные события и действительных лиц. Выявлены связи автора романа с некоторыми из декабристов, служивших на Кавказе, а также с Л. С. Пушкиным, братом поэта, и М. Ю. Лермонтовым, с местным населением.

1977

19 января. У нас в гостях «Крылатое слово». Сообщения В. В. Воронцова, Е. С. Лихтенштейна, Т. С. Лавровой.

В. В. Воронцов, автор книги «Симфония разума», рассказал о том, как в России формировались сборники афоризмов, и развил мысль о методике составления таких сборников. Его труд высоко оценил Е. С. Лихтенштейн, автор книг «Слово о книгах» и «Слово о науке». Подобные сборники афоризмов собиратель назвал «обогачительными фабриками мысли». Т. С. Лаврова говорила о своей работе над международным справочным указателем сборников афоризмов, крылатых слов, поговорок и пр.

В конце заседания выступил Первый секретарь Московского отделения Союза писателей СССР Ф. Ф. Кузнецов. Он говорил о том, что афоризмы доносят до нас сгустки морали, выработанной веками.

14 февраля. Страницы давних путешествий. «Земной круг» и «Вечные следы». (Из истории создания книг.) Сообщение С. Н. Маркова.

Рассказ Маркова — о встречах с интересными людьми, о розысках и находках. О русском форте Росс в Калифорнии. О двоюродном дяде Циолковского. В заключение Марков прочел стихи о Калифорнии.

21 марта. Никитинские субботники. Вечер памяти Е. Ф. Никитиной (1895—1973 гг.).

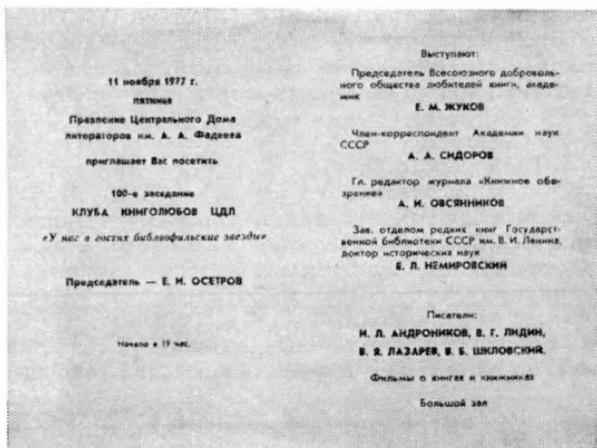
Чтец-исполнитель и литератор Н. А. Голубенцев прочел отрывок из своего романа, в котором идет речь о Никитиной, и предложил издать сборник ее памяти. О значении субботников у Никитиной говорил поэт А. Марков.

15 апреля. У нас в гостях — клуб книголюбов газеты «Советская культура». К 60-летию Великого Октября.

Главный редактор газеты А. В. Романов перечислил вопросы книголюбского движения, поднимавшиеся газетой. Е. Петряев изложил методику работы клуба книголюбов в Кирове. Выступили народные артисты СССР Б. П. Чирков и М. И. Жаров. Чирков рассказал, как профессиональные задачи привели его к библиофилии, а Жаров — о том, как книга вошла в его жизнь. Режиссер Б. Л. Рошаль говорил о редких книгах своей библиотеки. О роли книги в своей жизни — К. С. Рахилло. Б. М. Филиппов ставил вопрос о дальнейшем укреплении связи газеты с клубами творческих союзов. В. И. Безъязычный высказал свои пожелания газете.

20 мая. Издания первых революционных лет. Выступления С. С. Ишковой, Н. А. Трифонова, О. П. Михалычевой.

Старший научный сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина С. С. Ишкова рассказала о хранящихся в Отделе редких книг листовках, букварях, первых советских изданиях классиков и совре-

менной художественной литературы. Д-р филол. наук, ответственный секретарь «Литературного наследства» Н. А. Трифонов говорил о драматической судьбе книги С. Ф. Федорченко «Народ на войне», 3-я часть которой публикуется в «Литературном наследстве». Старший сотрудник Отделения научной информации по общественным наукам при Институте мировой литературы им. А. М. Горького О. П. Михалычева рассказала о ряде издательств и литературных групп и книг начала XX века.

11 октября. К итогам Международной книжной выставки-ярмарки в Москве.

Заместитель председателя Госкомиздата СССР В. А. Сластененко рассказал о том, как была организована выставка-ярмарка, об ее участниках, условиях работы.

Были приведены цифры, свидетельствующие об успехе ярмарки. О поражении, которое потерпели зарубежные противники Московской ярмарки, рассказал заместитель председателя Правления ВААП В. Р. Ситников. В организации ярмарки сказался дух Хельсинки. Директор издательства «Прогресс» В. Н. Седых говорил о впечатлении, произведенном на гостей гостеприимством советских людей, широтой издательского дела в Советском Союзе. Заместитель генерального директора Генеральной дирекции международных книжных выставок и ярмарок Р. Д. Мчедлидзе привел несколько эпизодов из жизни ярмарки.

В зале экспонировалась выставка книжной продукции издательства «Прогресс».

11 ноября. 100-е заседание. «У нас в гостях библиофильские звезды».

На юбилейном заседании выступили председатель клуба Е. И. Осетров, председатель Всесоюзного добровольного общества любителей книги академик Е. М. Жуков, писатели В. Я. Лазарев, В. Г. Лидин, заведующий редакцией Библиотеки всемирной литературы Б. Т. Грибанов, кандидат филологических наук О. Г. Ласунский, директор музея А. С. Пушкина в Москве А. З. Крейн, библиофил А. И. Анушкин, литературный критик А. М. Турков, председатель клуба книголюбов ЦДРИ и зав. отделом ред-

ких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Е. Л. Немировский, главный редактор газеты «Книжное обозрение» А. И. Овсянников, член правления ВОК И. А. Котомкин, поэт Л. А. Озеров. Были зачитаны приветствия дирекции издательства «Книга», действительного члена Академии педагогических наук СССР А. И. Маркушевича, В. Н. Осокина.

Шла речь о счастье общения с книгой, о любви к книге русских и советских писателей, о связях клуба книголюбов ЦДЛ с библиофилами Москвы и других городов, о чувстве товарищества, объединяющем советских библиофилов. Было названо много людей, причастных к созданию и работе клуба: Е. И. Осетров, Б. М. Филиппов, В. Б. Шкловский, И. Л. Андроников, В. Г. Лидин, Е. А. Гунст, А. Р. Палей, А. М. Турков, а также ныне покойные А. Ф. Иваненко, Н. П. Ильин и др.

В заключение вечера демонстрировались фильмы о книгах: «Путешествие за старыми книгами» и «Подвиг ежедневный».

Хронику составила Л. Наппельбаум

Москва

УЛЬЯНОВСКИЙ КЛУБ КНИГОЛЮБОВ «ПРОМЕТЕЙ»

Клуб книголюбов г. Ульяновска создан 26 сентября 1970 г. — в год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, по инициативе штурмана-инструктора Ульяновской школы высшей летной подготовки гражданской авиации Николая Ильича Яценко. Он же был избран первым его председателем.

Все свои заседания клуб книголюбов проводит в салоне магазина «Политическая книга», расположенном на центральной площади имени В. И. Ленина.

Активное участие в становлении клуба принимали: канд. ист. наук Н. Д. Фомин, ст. науч. сотрудник Ульяновского Облгосархива Л. И. Додонова, секретарь Горисполкома М. И. Тагильцева, преподаватель политехнического института Г. В. Степанов, начальник областного управления по печати Ф. Д. Андриянов.

Клуб книголюбов проводит встречи с авторами книг, писателями и поэтами, художниками, Героями Советского Союза, работниками библиотек, знакомит с искусством книжных знаков, архивными материалами, библиофилами прошлого и настоящего.

Помимо своих заседаний клуб организует выставки экслибрисов и книг из личных собраний книголюбов, выступления по радио, телевидению и в областных газетах. Газета «Ульяновская правда» два раза в месяц печатает материалы под постоянной рубрикой «Клуб любителей книги».

Начиная с 1976 г. клуб проводит исследовательскую работу, составляет разработки на малоизученные библиофильские темы.

Клуб постоянно поддерживает связь с Московским клубом книголюбов при ЦДРИ, Ленинградским, Харьковским, Куйбышевским, Одесским клубами любителей книги, Красноярским обществом экслибрисистов.

Ниже приводится хроника работы за 7 лет.

I СЕЗОН

- 26 IX 1970 г. Организация клуба книголюбов г. Ульяновска. Сообщение Н. И. Яценко. Председателем избран Н. И. Яценко.
- 17 X 1970 г. История русского и советского экслибриса. Доклад художника Б. Н. Склярука.
- 21 XI 1970 г. Ленин и Симбирск. (Документы, материалы, воспоминания). Доклад канд. ист. наук Н. Д. Фомина.
- 12 XII 1970 г. Встреча с авторами сборника «Подвиг солдата» (Приволж-

Всесоюзное добровольное общество
любителей книги

ПРИГЛАШЕНИЕ

ское книжное издательство, 1970) А. Р. Кузнецовым, А. И. Царевым, А. П. Макаровым.

- 16 I 1971 г. Человек и закон. Доклад ст. инспектора уголовного розыска А. А. Макарова.
- 20 II 1971 г. Библиотеки наших земляков — И. А. Гончарова и Н. М. Карамзина. Доклад зав. библиографическим отделом Дворца книги имени В. И. Ленина Н. И. Никитиной.
- 20 III 1971 г. Моя личная библиотека. Сообщение книголюбца М. И. Тагильцевой.
- 17 IV 1971 г. Библиографическая хроника жизни и деятельности В. И. Ленина. Доклад канд. ист. наук Н. Д. Фомина.

II СЕЗОН

- 16 X 1971 г. Прошлое нашего города в фотографиях. Беседа канд. ист. наук С. Л. Сытина.
- 20 XI 1971 г. Памятники г. Ульяновска. Доклад ответственного сек-

ретаря областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А. Н. Блохинцева.

- 18 XII 1971 г. Вечер поэзии Н. А. Некрасова (к 150-летию со дня рождения). Доклад Р. Я. Домбровского.
- 15 I 1972 г. Оформление детской книги. Доклад и показ книг преподавателя Ульяновского педагогического института Т. П. Швеца.
- 19 II 1972 г. Вечер поэзии Расула Гамзатова. Доклад К. М. Абрамова и чтение стихов.
- 18 III 1972 г. Международный год книги. Доклад зав. библиографическим отделом Дворца книги им. В. И. Ленина Н. И. Никитиной.
- 22 IV 1972 г. Книги в семье Ульяновых. Доклад канд. ист. наук Н. Д. Фомина.
- 13 V 1972 г. Встреча с Героем Советского Союза И. А. Музалевым.

III СЕЗОН

- 21 X 1972 г. Переписка И. С. Тургенева с П. В. Анненковым. Из фонда Ульяновского облгосархива. Доклад ст. науч. сотрудника облгосархива Л. И. Додоновой.
- 11 XI 1972 г. Стихи ульяновских поэтов В. И. Пыrkова и А. С. Бунина. Стихи читали авторы.
- 23 XII 1972 г. СССР — великая книжная держава. Доклад Н. И. Никитиной.
- 20 I 1973 г. Встреча с заслуженным художником РСФСР В. А. Сафроновым.
- 17 II 1973 г. Встреча с Героем Советского Союза И. Н. Бурмистровым и партизаном Великой Отечественной войны А. Р. Кузнецовым.
- 24 III 1973 г. 125 лет Дворцу книги в Ульяновске. Доклад зав. библиографическим отделом Дворца книги Н. И. Никитиной.
- 21 IV 1973 г. «Родной город Ильича» (к выходу в свет сборника). Выступление одного из авторов сборника А. Н. Блохинцева.
- 12 V 1973 г. По Франции. Рассказ о своей поездке по Франции М. И. Тагильцевой.

IV СЕЗОН

- 15 IX 1973 г. Книги Приволжского издательства 1974 г. Выступление ответственного секретаря Ульяновской областной писательской организации Союза писателей РСФСР В. И. Пыrkова.
- 20 X 1973 г. Вечер ульяновского поэта В. И. Пыrkова. Читал стихи автор.

- 17 XI 1973 г. По странам и континентам. Выступление председателя клуба книголюбов Н. И. Яценко.
- 15 XII 1973 г. Вечер поэзии А. Блока. Доклад канд. филол. наук А. С. Гальявина. Фотовыставка. Сообщение о ней книголюб А. А. Пирогова. Стихи читали студенты Ульяновского педагогического института.
- 19 I 1974 г. Экслибрисы ульяновского художника Б. Н. Склярука. Выставка его книжных знаков. Выступление автора.
- 16 II 1974 г. Архитектурный Ульяновск. Выступление главного архитектора г. Ульяновска Н. Н. Медведева.
- 16 III 1974 г. Акварели старейшего художника Д. И. Архангельского. Выставка его работ. Выступление Н. И. Яценко.
- 20 IV 1974 г. Ленинские материалы в периодической печати 1917—1924 гг. Выставка газет. Доклад канд. ист. наук С. Л. Сытина.

V СЕЗОН

- 19 X 1974 г. Вечер поэзии М. Ю. Лермонтова. (К 160-летию со дня рождения). Доклад А. С. Корнилова. Стихи читали студенты Ульяновского педагогического института.
- 16 XI 1974 г. Об Учредительном съезде ВОК. Доклад председателя правления Ульяновского областного отделения общества любителей книги, делегата Учредительного съезда Ф. Д. Андриянова.
- 21 XII 1974 г. Вечер поэзии. Свои стихи читали ульяновские поэты В. И. Пырков, Н. Р. Рябинин, А. С. Бунин, А. М. Наумов, Н. Л. Шустрова.
- 18 I 1975 г. История строительства Ульяновского речного порта в рисунках художника А. И. Титовского. Беседа автора рисунков.
- 15 II 1975 г. Как делается экслибрис. Беседа художника Б. Н. Склярука.
- 22 III 1975 г. Прошлое, настоящее и будущее родины Ильича. Доклад Г. В. Степанова.
- 19 IV 1975 г. Просмотр и обсуждение выставки «Лениниана в экслибрисах». Из личного собрания Н. И. Яценко.
- 10 V 1975 г. Обзор книг серии «Военные мемуары». (К 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.) Выступление Н. И. Яценко.

VI СЕЗОН

- 20 IX 1975 г. Отчетно-выборное собрание. Вручение членских билетов. Председателем избран Н. И. Яценко.
- 4 X 1975 г. Вечер поэзии С. Есенина. Доклад преподавателя Ульяновского педагогического института Э. И. Денисовой.

Выставка о жизни и творчестве поэта организована зам. председателя клуба книголюбов А. А. Пироговым.

- 15 XI 1975 г. Встреча книголюбов с продавцами книжных магазинов. Выступали: товаровед облкниготорга В. П. Лапина, сотрудница бибколлектора В. Д. Софронова, ст. продавец магазина «Техническая книга» В. И. Никитина, зав. отделом культуры газеты «Ульяновская правда» Н. А. Малинин, начальник облкниготорга А. И. Мартынова, книголюбы Н. И. Яценко и М. И. Тагильцева.
- 20 XII 1975 г. «Своей судьбой гордимся мы». (К 150-летию восстания декабристов). Доклад ответственного секретаря областного отделения общества охраны памятников истории и культуры А. Н. Блохинцева.
- 17 I 1976 г. Встреча с участником IV съезда писателей РСФСР В. И. Пырковым.
- 21 II 1976 г. «Пламенные революционеры» (обзор книг этой серии). Преподаватель Ульяновского педагогического института М. Н. Корнишина, группа студентов.
- 20 III 1976 г. Моя любимая книга. Выступили книголюбы А. А. Пирогов, Л. И. Додонова, Н. М. Бороденко, А. И. Титовский.
- 17 IV 1976 г. Литературные места Ульяновской области. Доклад канд. филол. наук П. С. Бейсова.
- 15 V 1976 г. По Лермонтовским местам. Беседа и выставка рисунков ульяновского художника А. И. Титовского.

Выставки

- Ноябрь 1975 г. Из опыта работы клубов книголюбов страны.
- Февраль 1976 г. Выставка экслибрисов «Соратники В. И. Ленина» художника А. С. Мистецкого (г. Киев).
- Март 1976 г. Книжные знаки художника Г. А. Кравцова (Москва).
- Апрель 1976 г. Экслибрисы художника А. Ю. Матуляускаса (г. Вильнюс).
- Май 1976 г. Книжные знаки ленинградских художников Ф. Ф. Махонина, А. А. Ушина, В. Г. Шапиля.

VII СЕЗОН

- 18 IX 1976 г. Журналист, газета, книга. Доклад журналиста газеты «Ульяновская правда» Н. А. Малинина.
- 16 X 1976 г. Выдающийся мастер экслибриса В. А. Фаворский. Беседу провел член Союза художников СССР Б. Н. Склярчук.
- 20 XI 1976 г. Творчество скульптора С. Д. Эрзи. (К 100-летию со дня рождения). Доклад искусствоведа художественного музея Л. В. Полозовой.

- 18 XII 1976 г. Листая страницы прошлого. (Симбирец Андрей Тургенев). Доклад ответственного секретаря областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А. Н. Блохинцева.
- 15 I 1977 г. Редкие книги в личных собраниях. С информацией выступили книголюбые Н. А. Малинин, Л. И. Додонова, А. А. Пирогов, М. А. Ваничкина.
- 19 II 1977 г. Архитектурные памятники на родине В. И. Ленина. Беседа краеведа Б. А. Аржанцева.
- 19 III 1977 г. Моя библиотека. С информацией выступили книголюбые Л. И. Додонова и М. А. Ваничкина.
- 16 IV 1977 г. Книги в семье Ульяновых. Доклад канд. ист. наук Ж. А. Трофимова.
- 21 V 1977 г. Пушкин в Симбирске. Беседа экскурсовода Р. В. Додоновой.

Выставки

- Сентябрь 1976 г. Экслибрисы художника Б. Н. Склярука (г. Ульяновск).
- Октябрь 1976 г. Книжные знаки Е. И. Кузнецовой (г. Пятигорск).
- Ноябрь 1976 г. Экслибрисы художника Л. Н. Щетнёва (г. Вологда).
- Декабрь 1976 г. Сибирский экслибрис. Художники: В. А. Марьин (г. Томск), А. И. Аносов (г. Иркутск), В. А. Зверев (г. Кемерово), С. П. Туров (г. Красноярск), В. А. Дубинский (г. Ачинск).
- Январь 1977 г. Экслибрисы художника В. А. Фролова (Москва).
- Февраль 1977 г. Книжные знаки художника А. И. Калашникова (Москва).
- Март 1977 г. Экслибрисы художника В. Ю. Розенталя (г. Киев).
- Апрель 1977 г. Лениниана в экслибрисе.
- Май 1977 г. Книжные знаки самодеятельного художника И. Г. Пантелюка (г. Косов, Ивано-Франковская обл.).

Хронику составил Н. Яценко

30 июня 1978 г. скончался наш товарищ, член редколлегии «Альманаха библиофила», член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР Алексей Алексеевич Сидоров. Один из старейших советских книговедов и искусствоведов, известный ученый, А. А. Сидоров был создателем новой научной дисциплины — искусствознания книги. Им написаны многочисленные труды в области истории книги, общей теории книговедения, теории и истории изобразительного искусства.

Событием в общественной и научной жизни страны стала ранняя работа А. А. Сидорова «Революция и искусство (1918)», в которой говорилось о будущем небывалом расцвете искусства при социализме.

Большой интерес ученых и книголюбов вызвал выход в свет сборника книговедческих трудов А. А. Сидорова «Книга и жизнь» (1972). По инициативе ученого были подготовлены коллективные монографические работы «Книга в России» (1924—1925), «400 лет русского книгопечатания» (1964), «Пятьсот лет после Гутенберга» (1968).

Около пятидесяти лет отдал А. А. Сидоров преподавательской работе, создал получившие широкий научный резонанс курсы «История оформления книги» и «История графических искусств».

В 20-е годы А. А. Сидоров стал одним из организаторов первых советских библиофильских обществ. Он активно участвовал в работе созданного в 1974 г. Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

А. А. Сидоров оказывал многостороннюю поддержку «Альманаху библиофила», входил в состав редколлегии. На страницах Альманаха увидели свет его воспоминания о советских библиофилах и книжном деле. Много сил отдавал ученый подготовке очередных выпусков, помогал редакции неоценимыми советами и консультациями.

Память об Алексее Алексеевиче Сидорове навсегда сохранится в наших сердцах.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ «АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»

Выпуски I—V

Учредительному съезду ВОК. Письмо ЦК КПСС	II—5
<i>Маркушевич А. И.</i> О книжных редкостях	I—15
<i>Мацуев Н.</i> На всю жизнь. (Из автобиографии)	I—35
<i>Наровчатов С.</i> Путешествие по книжным рекам	III—5
<i>Осетров Е.</i> Похвала книге	I—7
<i>Осетров Е.</i> Сражающаяся книга	II—5
<i>Смирнова А. Д.</i> В библиотеке А. М. Горького	I—24
<i>Шкловский В. Б.</i> Книги, прочитанные много раз	I—20

НАША АНКЕТА

<i>Баруздин Сергей.</i> Книга останется книгой	IV—11
<i>Кузьмин Николай.</i> Воспоминания о книгах	IV—20
<i>Ласунский О., Петряев Е.</i> Каков он, современный библио- фил?	V—14
<i>Маврина Татьяна.</i> О сказках... Путешествие по старым рукописям	IV—15
<i>Маркушевич А.</i> Счастье с книгами	V—6
<i>Овсянников Алексей.</i> А возможно ли без книг само будущее?	IV—17
<i>Осетров Евгений.</i> Глазами времени	IV—6
<i>Поливановский С.</i> Читая «Альманахи»	V—30

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Алтайский К.</i> Невыдуманные рассказы	I—50
<i>Бейлинсон Я.</i> История и жизнь страны в экслибрисах	IV—33
<i>Бирюкова Анна.</i> Наша библиотека	V—53
<i>Буров К.</i> Как возникла моя коллекция	III—54
<i>Вуль С.</i> Клуб любителей книжных знаков	III—61
<i>Глухов А.</i> «Межпланетные путешествия»	II—51
<i>Глухов А.</i> «От всей души рекомендую»	IV—27
<i>Голицын С.</i> Воспоминания «Всемирный следопыт»	II—61
<i>Зорин Б.</i> Одна военная встреча	V—62
<i>Лейфер А.</i> «Вольность не дается даром»	II—45
<i>Лешуков Т. В.</i> В старом рабочем городе	I—38
<i>Манукян-Мятляев.</i> Из книг, спасенных в блокаду	I—66
<i>Маркушевич А.</i> Советское библиофильство	II—15
<i>Мирошниченко Е.</i> Учитель Андрей Топоров и его книга	I—44

<i>Палей А.</i> Выдающийся деятель книги	II—58
<i>Петряев Евг.</i> Друзья уральского букиниста	I—68
<i>Почтовик И.</i> Заметки о советских миниатюрных изданиях	IV—48
<i>Ричмен И.</i> В степях Монголии	III—41
<i>Сидоров А.</i> Из воспоминаний книговеда	III—17
<i>Утков В.</i> Перо Жар-птицы	II—27
<i>Утков В.</i> Увлечение Степана Черных	III—32
<i>Черных Ст.</i> Зуагзеба и другие	III—36
<i>Шиперович Б.</i> Книги в жизни Николая Островского	V—39
<i>Шиперович Б.</i> Спасенные книги	I—57

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Анушкин А.</i> Библиотека В. М. Жемчужникова	II—92
<i>Анушкин А.</i> Кутузов и книги	V—90
<i>Вейсман Евг.</i> Подвиг русского библиографа	I—99
<i>Гольдберг А. Л.</i> Окно из Европы	I—145
<i>Генс Ю.</i> Из «Заметок библиофила»	III—96
<i>Дегтярев В.</i> «Мне мил и виноград на лозах»	II—89
<i>Дроздов М., Корпило Н., Макареня А.</i> О библиотеке Д. И. Менделеева	II—137
<i>Иващенко И.</i> История одного собрания	IV—93
<i>Каганов И. Я.</i> Эйзенштейн-библиофил	I—109
<i>Казанков В.</i> Верные спутники	I—118
<i>Кострин К.</i> Вслед за мною	II—69
<i>Кунин В.</i> Две библиотеки Дмитрия Петровича Бутурлина	II—106
<i>Кунин В. В.</i> История библиотеки Соболевского	I—78
<i>Кунин В.</i> Странный флорентиец	III—145
<i>Лейфер А.</i> Удивительная библиотека	I—123
<i>Лобанов В.</i> О библиотеке В. А. Жуковского	III—73
<i>Маркушевич А.</i> Рассказы о книгах	III—108
<i>Маслова А.</i> «...из книг М. И. Венюкова»	III—133
<i>Маслова А.</i> Хабаровские автографы	V—73
<i>Меламед Е.</i> Порницкий библиофил	V—115
<i>Немировский Е.</i> Журнал библиофилов ГДР	III—154
<i>Осокин В.</i> Воспоминания о С. П. Фортинском	I—127
<i>Рисс О.</i> Книжная сторона	IV—101
<i>Ротач П.</i> «Библиотеку мою завещаю...»	V—98
<i>Сидоров А.</i> Московские книголюбцы	IV—65
<i>Фортинский С. П.</i> Московские библиофильские организа- ции 1920—1930 гг. (по материалам изданий этих орга- низаций)	I—131
<i>Цейтлин Е.</i> «Таинственное дело — книги»	IV—109
<i>Шиперович Б.</i> О чем говорят автографы	III—121
<i>Шиперович Б.</i> Тургеневская библиотека в Париже	II—147

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Акутин Ю.</i> Автор «Семейства Холмских»	V—139
<i>Акутин Ю.</i> Ротмистр-Чернокнижник	IV—134
<i>Анисов Лев.</i> Письмо. Рассказ	IV—141
<i>Безязычный Вл.</i> Сколько было «Сборников газеты „Кав- каз“»?	V—129

<i>Белов С.</i> Об одной книге из библиотеки Ф. М. Достоевского	II—183
<i>Быкова Т.</i> Издания амстердамской типографии Яна Тесинга.	II—161
<i>Долгова С.</i> Судьба библиотеки Ф. Каржавина	II—166
<i>Исаевич Я. Д.</i> Русская инкунабула	I—194
<i>Истрин М.</i> Кто такой Мартын Задека	II—169
<i>Курочкин Ю.</i> Книжные встречи. (Из дневника книговеда)	I—150
<i>Ласунский О. Г.</i> Путешествие по старой библиотеке. (Из истории русского библиофильства)	I—168
<i>Ласунский О.</i> Судьба экземпляра	IV—127
<i>Лукьяненко В. И.</i> Судьба старопечатных русских книг	I—179
<i>Осокин В.</i> Заметки об экслибрисах писателей	II—188
<i>Петрицкий Велимир.</i> Библиофильские истории	V—158
<i>Стеклова Ф.</i> Густав Зелинский и его поэма	II—177
<i>Стригунов Ю. М.</i> Моё увлечение	I—200

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Александрова А.</i> Любители русских изящных изданий	V—223
<i>Белокрыс М.</i> Экслибрисы рассказывают	IV—193
<i>Блюм А., Мартынов И. С.</i> Минцлов и его библиофильские повести	II—201
<i>Блям А., Мартынов И.</i> Петроградские библиофилы. По страницам сатирических романов Константина Вагинова	IV—217
<i>Бурмистрова Н.</i> Книги и изрзцы	V—195
<i>Голицын С., Маштафаров В. И.</i> Гольшев — первый литограф провинциальной России	III—195
<i>Дрюбин Г.</i> Альбом Левкия Жевержеева	IV—204
<i>Иваненко А.</i> «Капитанская дочка» в Париже	III—169
Из воспоминаний М. В. Сабашникова	I—208
<i>Каганов И.</i> Иван Кронеберг и его «Брошюрки»	V—205
<i>Казанов И.</i> «Пешеход Василий Григорович-Барский» и книги	II—237
<i>Курбатов В.</i> «Художник с умом и чувством»	II—217
<i>Лавров В.</i> Среди рукописей	V—231
<i>Лазарев Владимир.</i> «Жизнь и приключения Андрея Болотова»	IV—182
<i>Мацуев Н.</i> «Третий лишний»	IV—200
<i>Наумов С. А.</i> Воспоминания о моем отце	I—217
<i>Немировский Е.</i> О библиотеках, книголюбях и... фальсификаторах	V—171
<i>Немировский Е.</i> По следам первопечатника. Главы из документальной повести	I—155
<i>Осоргин М. А.</i> Возлюбленной. (Похвальное слово)	I—244
<i>Палей А.</i> Воспоминания об А. Г. Горнфельде	V—242
<i>Петряев Е.</i> Библиофилы старой Вятки	II—239
<i>Петряев Евг.</i> Забайкальские редкости	III—183
<i>Пряжков А.</i> Странное и удивительное издание	III—200
<i>Рерих Н.</i> Листы	II—245
<i>Стеклова Ф.</i> Адольф Янушкевич и его книги	IV—189
<i>Утков В.</i> Глубокие корни	I—214
<i>Утков В.</i> О Н. И. Мацуеве	IV—198

<i>Утков Виктор.</i> Сибирский гость Л. Н. Толстого	V—216
<i>Шибанов П. П.</i> Друзья и враги книги	I—233
<i>Юниверг Л.</i> Незавершенный замысел	III—157

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Аверихин В.</i> Экслибрис в Сибири	III—226
<i>Аверихин В.</i> Экслибрис Г. В. Юдина	I—254
<i>Александров Ю.</i> Анонимный путеводитель	V—251
<i>Алексеев В. Н.</i> Библиографический уникум	I—257
<i>Альбина Л.</i> «Опасная книга» в библиотеке Вольтера	V—257
<i>Алянский С.</i> Сценка в книжном магазине	II—259
<i>Быкова Т.</i> Корректурные экземпляры «Ведомости» 1725 г.	I—261
<i>Глоцер В.</i> История одной книжечки	II—261
<i>Глоцер Вл.</i> Радует, как новая	III—231
<i>Гонца И., Чельшев Б.</i> Фронтовой дневник и обгоревшая книга	I—259
<i>Зорин Борис.</i> Надпись на книге	IV—243
<i>Книговед.</i> Специальный номер журнала «Маргиналии»	V—265
<i>Князев Г.</i> Самый маленький в мире экслибрис	II—271
<i>Коган Г.</i> Книга с автографом Державина	III—209
<i>Лесс Ал.</i> С фотоаппаратом	I—263
<i>Любавин А.</i> Девятая трагедия Сумарокова	III—216
<i>Манукян В.</i> Книжный знак для подземной библиотеки	II—268
<i>Мамировский Е.</i> Книга, напечатанная на табель-календаре	III—223
<i>Осокин В.</i> Северное чудо	IV—246
<i>Степанов Н.</i> Уникальный экземпляр «Миргорода»	III—207
<i>Терновский В.</i> Драгоценный автограф	II—257
<i>Фирсов Г.</i> Библиотека на почтовых марках	II—272
<i>Цимерников Б.</i> «...в пользу голодающих Поволжья»	III—221
<i>Шиперович Б.</i> Книги-борцы, книги-победители	IV—230

СТИХОТВОРЕНИЯ О КНИГЕ

<i>Аполлинер Гийом.</i> За книгой	V—69
<i>Балзан И.</i> Приданое	V—256
<i>Барышевский К.</i> Книга	I—65
<i>Брюсов В.</i> Терцины к спискам книг	IV—107
<i>Гамзатов Расул.</i> Стихотворение	IV—236
<i>Гюго Виктор.</i> «Без книги — в мире ночь...»	I—76
<i>Ионов К. А.</i> «Погасла лампочка...»	I—49
<i>Крученюк П.</i> Ода книге	V—241
<i>Кулиев Кайсын.</i> Стихотворение	I—98
<i>Куприянов В.</i> Стихотворение	II—301
<i>Кушнер Александр.</i> «Как люблю я полумрак...»	I—98
<i>Лазарев Владимир.</i> Книжник	V—36
<i>Мартынов Леонид.</i> «А красноречивей всех молчанье...»	III—194
<i>Маршак С.</i> Книжный червь	V—89
<i>Мартынов Леонид.</i> Стихотворение	IV—151
<i>Матвеева Новелла.</i> Жизнь книги	III—167
<i>Озеров Лев.</i> Надписи на книгах	II—297

<i>Радевский Христо</i> . Советская книга	IV—24
<i>Рождественский Всеволод</i> . Стихотворение	IV—216
<i>Рождественский Всеволод</i> . Стихотворение	III—31
<i>Слуцкий Борис</i> . Большие тома	III—132
<i>Фархади Раим</i> . Стихотворение	IV—203
<i>Фертио Франсуа</i> . Сонеты книголюбца	II—300

ХРОНИКА

«Воронежский библиофил». Составила Ю. Ровенская . . .	III—248
Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Дела, события, факты. Составили К. Аштаменко, Н. Ко- тов, А. Чирва	V—271
15 лет Клубу любителей книги при ЦДРИ. Составил А. Иваненко	II—279
Красноярская хроника	II—289
Ленинградская хроника	III—236
50 заседаний Клуба книголюбцев ЦДЛ. Составила Л. Нап- пельбаум	I—270
У книголюбцев Кировской области	II—291
У книголюбцев Омска	II—293
Ульяновский Клуб книголюбцев «Прометей». Составил Н. Яценко	V—291
Хроника деятельности секции книги и графики Ленин- градского Дома ученых им. А. М. Горького. Составили В. А. Петрицкий, И. Б. Семенов	I—128
Хроника Клуба книголюбцев ЦДЛ. Составила Л. Напельбаум	V—279

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абовян X. 130
 Абрамова К. М. 293
 «А. В-въ» см. Вышеславцев А. А.
 Аверьянов М. В. 160
 Автократова М. И. 284
 Адарюков В. А. 226, 227
 Адашев А. Ф. 183
 д'Аламбер Ж. Л. 259
 Алданов М. А. (Ландау) 43
 Александр I 122
 Алексеев М. Н. 272
 Алексеев М. П. 28
 Алексеевский Б. 146
 Альбертранди Я. 119
 Альд П. М. 194
 Алябьев А. А. 152
 Амбур П. 268
 Амман И. 174, 194
 Анакреон 110
 Анастасевич В. Г. 125
 Анджеевский А. 115
 Андреев Н. В. 192
 Андриянов Ф. Д. 291, 294
 Андроников И. Л. 273, 284, 290
 Аникст А. А. 283
 Анна Иоанновна 11, 233
 Анненков П. В. 293
 Аносов А. И. 296
 Анушкин А. И. 181, 183—185,
 285, 289
 Анфим 185
 Апулей 167
 Арандаренко Н. 102
 Арапов П. Н. 150, 213
 Аржанцев Б. А. 296
 Аристотель 125, 210
 Арсеньев В. К. 82—86
 Артемий 182, 184, 185
 Архангельский Д. И. 294
 Аршаруни А. М. 282
 Ахшарумов Д. Д. 105
 Ачкасов А. Н. 254, 255
 Ашкенази А. 43
 Бабель И. Э. 42
 Багашев И. В. 26
 Багрицкий Э. Г. 42
 Байрон Дж. Г. 43, 64, 213
 Базунов А. Ф. 33, 136
 Бакиханов А. А. 134
 Бакиш К. 282
 Бакст Л. С. 229
 Бакулев А. Н. 60
 Бальзак О. де 41, 44, 45
 Ваньш-Каменский Н. Н. 122
 Баратов С. 134, 135
 Баратынский Е. А. 98
 Барков П. А. 75
 Барма 253
 Барнавели Э. Г. 138
 Барникот Дж. 181
 Баруздин С. А. 34
 Бах И. 218, 231
 Бахмутская И. В. 273
 Бегич И. 147
 Бегичев Д. Н. 15, 142—157
 Бегичев З. Д. (Заккей) 147
 Бегичев И. В. 147
 Бегичев Н. М. 147
 Бегичев Н. С. 147
 Бегичев М. С. 147
 Бегичев С. Н. 146, 148—151
 Бегичева В. Н. 151
 Бегичева-Яблочкова Е. Н. 151
 Бедный Демьян 33, 45

- Безыменский А. И. 41
 Безъязычный В. И. 287, 288
 Бейль П. 257
 Бейсов П. С. 295
 Белинский В. Г. 129, 131, 143, 145, 205, 207, 214
 Белогорцев И. Д. 192
 Белоусов Р. С. 279
 Беммер И. 125
 Бенкендорф А. Х. 281
 Бентковский Ф. 121
 Бенуа А. Н. 225, 228, 230
 Берг Л. С. 81
 Беринг В. 81
 Берков П. Н. 33, 182, 268
 Бестужев (Марлинский) А. А. 146, 233
 Бестужев-Рюмин К. Н. 146
 Бетховен Л. 232
 Бехай-Шварцбах М. 6
 Бехтерев И. П. 144
 Бигмор Э. 187
 Биль Бэффало 217
 Бирюков Н. З. 53—55, 57—61
 Блок А. А. 294
 Блок Ж.-Р. 55
 Блох Р. Н. 280
 Блохинцева А. Н. 293, 295, 296
 Бляхин П. А. 54
 Боборыкин В. Г. 279, 280
 Бобринские 284, 287
 Бобровский П. О. 146
 Богданович П. И. 96, 98
 Богомоллов С. И. 280
 Богораз Н. А. 60
 Богуславский Я. Н. 252
 Бодлер Ш. 218
 Бодянский П. 102, 104
 Болингброк С.-Д. 260, 262
 Болотов А. Т. 240, 287
 Болтин И. Н. 94
 Боков В. Ф. 272
 Боккаччо Дж. 167
 Бондарский Б. С. 137
 Бонч-Бруевич В. Д. 33
 Борд см. Вольтер
 Борзунов С. М. 285
 Боровиковский А. И. 104, 111
 Бороденко Н. М. 295
 Брегель П. 279
 Бредель В. 42
 Брежнев Л. И. 278
 Брем А. Э. 85
 Брентано Бернхард фон 6
 Брентано Беттина фон 6
 Брентано Клеменс фон 6
 Брике Ш. 174
 Бровман Г. А. 280
 Броссе М. И. 133
 Бруно Дж. 210
 Брунов Н. И. 192
 Брусиловский К. А. 20
 Брюне 9
 Брюсов В. Я. 162, 165, 236, 237, 255, 283
 Брюхоненко С. С. 60
 Буало Н. 147, 210
 Буланже см. Гольбах П. А.
 Булгаков В. Ф. 284
 Бюлгарин Ф. В. 155, 193
 Бунин А. С. 293, 294
 Бунин И. А. 105, 107, 162, 280
 Бурденко Н. Н. 60
 Бурмистров И. Н. 293
 Буссе Ф. Ф. 79, 80
 Бутенко В. А. 176
 Бутина К. И. 287
 Бутков И. 111
 Бучневич В. Е. 102—104
 Бюффон Л. де 15
 Вагин В. В. 285
 Ваймен К. 187
 Валуев П. С. 121
 Ван Гален, Нуан-дон 239
 Ваничкина М. А. 296
 Ванков С. Н. 79, 82
 Ваньер 257
 Василевский В. Л. 99
 Василенко В. 105
 Василий Темный 189
 Васильев Ф. А. 183
 Васнецов В. М. 229
 Вахтангов Е. Б. 58
 «В-въ, А-й» см. Вышеславцев А. А.
 Вейнер П. П. 228
 Веневитинов Д. В. 34, 209
 Венгеров С. А. 255
 Венюков М. И. 81, 88
 Вересаев В. В. 57
 Верещагин В. А. 223—225, 228
 Вергилий 106

- Верн Ж. 42, 54
 Верхарн Э. 283
 Викторов А. Е. 172, 175, 178
 Викулин С. А. 144
 Вильевиль де 260
 Вильямс В. Р. 60
 Винкельман И. И. 210
 Витвицкий 76
 Вишневецкие 187
 Вишня Остап 277
 Владиславлев И. В. 33
 Внучков Б. 161
 Войнич Л. 54
 Вознесенский А. А. 284
 Волков Е. Н. 228
 Волков Н. М. 32, 33
 Волкова Е. 180
 Волкова Н. Б. 284
 Вольтер 90, 96, 97, 257, 264
 Вольф М. О. 24, 33
 Воронцов В. В. 288
 Востоков Н. Б. 284
 Врангель Н. Н. 228
 Врубель М. А. 229
 Вуль С. А. 274, 283, 287
 Вышеславцев А. А. 135
 Вяземский П. А. 233
- Гайнзиус 188
 Галявин А. С. 294
 Гамзатов Р. Г. 293
 Ганкина Э. З. 268
 Ганнибал А. П. 284
 Ганнушкин Е. А. 286
 Ганская Е. 45
 Гарелин Н. Ф. 187
 Гвоздев М. 81
 Гейне Г. 247
 Гельвеций 259, 261
 Гендель Г. Ф. 232
 Гераклитов А. А. 171—177
 Герцен А. И. 47
 Гершензон М. О. 229
 Гете И. В. 206, 207, 211—213,
 231, 239, 247
 Гиллер В. Е. 285
 Гладков Ф. В. 59
 Глазунов И. П. 33
 Глезер Л. А. 234, 281
 Глендал 189
 Глухов А. Г. 268
- Гнедич Н. И. 98—114
 Гоголь Н. В. 106, 112, 146, 155,
 227, 240
 Годунов Борис 147
 Голембиовский Л. 121
 Голембовский П. Д. 146
 Голенищев А. А. 227
 Голенищев-Кутузов (Смоленский)
 М. И. 90—97
 Голицын А. Н. 77
 Голицын Б. Б. 163—165
 Голицын С. М. 282, 283
 Голицына Н. И. 12
 Головки Д. 277
 Голубенцев Н. А. 288
 Голубов С. Н. 146
 Гольбах П. А. 259, 260, 263
 Гомер 91, 96, 100, 104, 106, 109,
 113, 213
 Гомулин А. К. 33
 Гонкур Э. де 43
 Гончаров И. А. 41, 292
 Гончаровы 284
 Гораций 104, 210
 Горбатов Б. Л. 42, 47
 Гордон Л. С. 257
 Горностаев И. Ф. 252
 Горнфельд А. Г. 242—248
 Горчак Б. 187
 Горчаков М. Д. 137
 Горький М. 33, 35, 41, 45, 48,
 59, 84, 85, 192, 236, 245—248
 Гофман Э. Т. А. 41
 Гранков А. П. 286
 Грессе 9
 Греч Н. И. 112, 114
 Грибанов Б. Т. 289
 Грибоедов А. С. 98, 134, 149, 151,
 152
 Григ Э. 218
 Гринберг И. Л. 282
 Гриневецкий М. 193
 Гродзицкий Ф. 119
 Гроссман Л. П. 279
 Грязнов Н. И. 23
 Грязнов К. 94
 Губельман М. И. 88
 Губинский В. И. 33
 Губко А. Т. 194
 Гудзий Н. К. 216
 Гулыга А. В. 287
 Гунст Е. А. 280, 287, 290

- Гусев Н. Н. 217
 Гусева М. И. (Ханова) 74
 Гутенберг И. 189, 192—194
 Гюго В. 41
- «Д. Б.» см. Бегичев Д. Н.
 Давыд 147
 Давыдов Д. В. 149
 Давыдова А. В. 149
 Даль В. И. 57, 58
 Дамаскин И. 190
 Данилова Р. А. 29
 Данилов С. А. 287
 Данеман Ф. 248
 Даржанталь 262
 Дежнев С. И. 80
 Дембинская В. 119, 126
 Дементьев А. Г. 133
 Дементьев М. А. 284
 Дементьева Т. 109
 Демихов 60
 Денис М. 190
 Денисова Э. И. 294
 Державин Г. Р. 147, 233
 Дерман А. В. 246
 Дефо Д. 147
 Джованьоли Р. 54
 Дзялынский Т. 126
 Дидро Д. 43, 259
 Диев М. Я. 146
 Диккенс Ч. 41
 Динесман Т. Г. 283
 «Дм. Б.....ъ» см. Бегичев Д. Н.
 Дмитриев И. И. 96, 233
 Дмитрий Самозванец 122
 Добровский И. 190
 Добужинский М. В. 167, 224, 227, 229
 Додонова Л. И. 291, 293
 Додонова Р. В. 296
 Дойль Конан 48
 Докучаев В. В. 60
 Долгова С. Р. 281, 284
 Долгоруков П. В. 147
 Домбровский Р. Я. 293
 Донской Дмитрий 147, 233, 234
 Достоевский Ф. М. 143, 144, 279, 283
 Достоевский Ф. Ф. 283
 Драгоманов М. П. 104
 Драгунский Д. А. 285
- Дрейдин Сим. 283
 Дропан С. 192—194
 Дубинский В. А. 296
 Дубовиков А. Н. 280, 283
 Дурих Ф. 190
 Дынник В. А. 284
 Дюма А (отец). 43, 48
 Дюмарсе 261, 262
 Дюрер А. 206
 Дюсис (Дюси) Ж.-Ф. 215
- Егоров Д. 177
 Екатерина II. 147, 189, 233
 Елизавета Английская 180
 Ермолов А. П. 134, 279
 Ерошенко В. 279
 Есенин С. А. 284, 294
 Ефимов Д. П. 252, 255
- Жаботинский 282
 Жаков В. Н. 191, 192
 Жанлис С. 91, 96
 Жаров А. А. 41
 Жаров М. И. 288
 Жданов В. В. 279
 Жемчужников В. М. 285
 Жеромский С. 42, 47
 Жид А. 42
 Жихарев С. П. 233
 Жуков Е. М. 271, 273, 289
 Жуков Д. А. 285
 Жуковский В. А. 111, 113
 Журавлев Д. Ю. 284
- Загоскин М. В. 111, 112
 Замойские 187
 Западов А. В. 276
 Запаско А. П. 180
 Захарченко А. 49, 50
 Зверев В. А. 296
 Зданович В. 125
 Здобнов Н. В. 33
 Зегерс А. 42
 Зеленецкий 110
 Землячка Р. С. 56
 Земнухов И. А. 64—68
 Земнухов А. А. 64—68
 Земнухова А. И. 64—67
 Земнухова Н. А. 64, 67

- Зернова А. С. 177—181
 Зигмунт 122
 Зиссерман А. Л. 135
 Змеев Л. Ф. 155
 Зубов П. Д. 68
 Золя Э. 41, 218
- Иван Грозный 147, 175, 182,
 185, 189, 192, 253
 Иваненко А. Ф. 290
 Иванов 33
 Иванов В. Н. 88
 Иванов Д. Л. 80
 Игельстром 117
 Изволенский Н. П. 103
 Ильин А. Н. 229, 230
 Ильин М. (Маршак И. Я.) 34, 42
 Ильин Н. М. 280
 Ильин Н. П. 290
 Ион Б. И. 152
 Иоселиани П. И. 130
 Исаакян А. С. 276
 Исаев Е. А. 284
 Исаев П. Л. 282
 Исаковский М. В. 235, 236
 Истомин К. 201, 202
 Ишкова С. С. 268, 287, 288
- «К» см. Кириллов Н. В.
 Кабанов Н. Е. 83
 Кавелин Л. А. 172, 179
 Каганов И. Я. 28, 282
 Казарин 147
 Кайзер Б. 266, 267
 Кайзер К. Г. 188
 Калайдович К. Ф. 171, 176, 178
 Калашников А. И. 268, 296
 Каллаш В. В. 107, 109
 Канделаки Д. А. 133
 Капитар Б. 190
 Капнист В. В. 98, 99
 Карабасников Н. П. 33
 Карамзин Н. М. 96, 106, 113,
 121—123, 198, 234, 240, 292
 Каратаев И. П. 172, 176
 Кардовский Д. Н. 227
 Карпова В. П. 287
 Кедрин Д. В. 192
 Кекелидзе К. С. 138
 Кеннан Дж. 216, 217
- Керимов Н. К. 134
 Кин В. П. 42
 Кипиани Д. И. 135
 Кириллов Н. В. 86—88
 Киселев Н. П. 177, 178
 Китина А. О. 147, 150
 Кларк С. 109
 Клочков В. И. 32, 33
 Княжнин Я. Б. 96
 Кобеко Дм. 150
 Кобяков П. А. 287
 Ковалевский П. М. 144
 Ковальский Н. П. 186
 Коган Г. Ф. 279
 Козловский Я. А. 281
 Колесник Е. А. 124, 125
 Коллонтай Г. 124, 125
 Коллинз У. 260
 Колобов Н. Я. 31
 Кологривов А. С. 148, 149
 Кологривов М. А. 152
 Кологривова А. И. 147
 Кольцов А. В. 53, 66, 147, 154
 Кольцов М. Е. 42
 Коляда Г. И. 179
 Комаров В. Л. 84
 Конашевич В. М. 268
 Кони Ф. А. 7
 Конрад Дж. 43
 Константинов О. И. 129, 133, 135,
 137, 138
 Константинов С. О. 137
 Константинов Ф. Д. 287
 Копреева Т. Н. 263
 Корнель П. 148
 Корнилов А. С. 284
 Корнишина М. Н. 295
 Коровицкий Я. 186
 Королева Н. Г. 284
 Короленко В. Г. 48, 105, 107,
 109, 110, 242, 243, 245, 247
 Корф М. А. 240
 Коршунова В. П. 284
 Косвен М. О. 130, 133, 138
 Костакова А. Н. 267
 Костер Ш. де 245, 279
 Костычев П. А. 60
 Костюшко Т. 117
 Котляревский И. Л. 96, 99, 101,
 104, 105, 114
 Котляревский Н. А. 146
 Котомкин И. А. 290

- Кравцов Г. А. 268, 295
 Крайнюков К. В. 285
 Крамеры 262, 263
 Красовский Ю. А. 284
 Краузе Ф. 266, 268
 Крафт Г. 11
 Крашевский Ю. И. 42
 Крашенинников С. П. 94, 97
 Крейн А. З. 289
 Крелль Я. 260
 Кронеберг А. И. 207, 214
 Кронеберг И. Я. 205—215
 Крот П. (А.) 254
 Крылов И. А. 10, 58, 92, 96, 101, 106, 107, 109—112, 227, 283
 Куглер Ф. 6
 Кугультинов Д. Н. 272
 Кудинов М. П. 281
 Кудринский Ф. 126
 Кудрицкий Е. М. 105, 106, 108
 Кузен В. 211
 Кузин Ф. А. 274
 Кузмин М. А. 165—168, 240
 Кузнецов А. П. 292, 293
 Кузнецов И. 216, 217, 220
 Кузнецов Ф. Ф. 288
 Кузнецова Е. И. 296
 Кузьмин Н. П. 268
 Кук Дж. 81, 95, 280
 Купер Ф. 42, 54, 85
 Куприн А. И. 41, 239
 Курбатов В. Я. 229
 Курганов Н. Г. 94, 96
 Кутузова Д. М. (Опочинина) 93
 Кутузова Е. И. 91, 92
 Кюхельбекер В. К. 150
- Лабрюйер Ж. де 139
 Лавренев Б. А. 41
 Лаврова Т. С. 288
 Лагарп Н. Ф. 114, 210
 Лажечников И. И. 11
 Лазарев В. Я. 287, 289
 Лазо А. С. 88
 Лазо С. Г. 88
 Лансере Е. Е. 229
 Лапина В. П. 295
 Лаптев И. 174
 Лапчинский 60
 Ласунский О. Г. 5, 16, 18, 22, 26, 233, 268, 289
- Латернер М. С. 80
 Лаурин Евг. см. Розанов И. Н.
 Леоронтен Ж. 140
 Лачинова Е. П. 287
 Лебедев И. И. 60, 61
 Левик В. В. 281
 Левин Ю. Д. 207
 Леклерк 94
 Леман И. И. 226
 Ленин В. И. 40, 58, 59, 278, 283, 291—293, 295, 296
 Леонов Л. М. 41
 Леонтьев А. А. 272
 Лермонтов М. Ю. 53, 58, 134—136, 227, 288, 294
 Лесажа А. Р. 43, 48
 Лесевицкая Т. Д. 98
 Лесков Н. С. 59
 Лессинг Г. Э. 210
 Лидин В. Г. 28, 41, 45, 49, 97, 268, 280, 282—284, 289, 290
 Липс М. К. 7
 Лисицкий Л. М. 268
 Лисовский Н. М. 131
 Литвинов В. В. 149
 Лихачев Н. П. 147, 174
 Лихтенштейн Е. С. 268, 273, 288
 Лабанов М. Е. 100—103, 107, 108, 112
 Ломоносов М. В. 94, 96, 147, 282, 286
 Лонгфелло Г. У. 44
 Лондон Дж. 44
 Лувель Л.-П. 55, 56
 Луковников П. В. 33
 Лукомский Г. Г. 227
 Луначарский А. В. 33
 Лушина Т. А. 53
 Львов Н. А. 109
 Львов М. Д. 272
 Львов С. П. 279
 Любимов А. Л. 177
 Люблинский В. С. 257
 Людендорф Э. 43
 Людовик XIV 96
 Людовик XV 96
 Ляхов В. 268
- Магницкий Л. Ф. 94
 Макаров А. П. 292
 Маковский К. Е. 229

- Маковский С. 228
 Максименко Ф. Ф. 186, 187
 Максимов 110
 Максимович М. А. 106
 Макунин П. И. 160—162, 218—222
 Малахов К. Ф. 161
 Калинин Н. А. 295, 296
 Малиновский А. Ф. 122
 Малиновский В. Ф. 284
 Малле см. Вольтер
 Мальцев П. М. 172
 Манкиев А. И. 189, 190
 Манн Г. 283
 Манн Т. 43
 Марат Ж. 47
 Марин А. П. 274
 Марков А. Я. 288
 Марков С. Н. 279, 286, 288
 Маркс К. 40
 Маркушевич А. И. 5, 33, 267, 268, 279, 284, 290
 Мармонтель Ж. Ф. 96
 Мартиросян Г. М. 281
 Мартынов И. 101
 Мартынов 33
 Мартынов И. Ф. 287
 Мартынова А. И. 295
 Марцишевская К. А. 239, 240, 283, 284
 Маршан Ж. А. 90
 Марьин В. А. 296
 Марьямова М. 284
 Масанов И. Ф. 174, 254
 Маслов М. А. 205
 Матвеев-Бодрый Н. Н. 286
 Матуляускас А. Ю. 295
 Махонин Ф. Ф. 295
 Мацюк О. Я. 193
 Машинский П. И. 79
 Маяковский В. В. 55
 Медведев Н. Н. 294
 Мелин 33
 Мелье Ж. 262
 Мельников М. П. 33
 Менделеев Д. И. 34
 Мендельсон М. Д. 211
 Менцель А. 7
 Меньшиков В. А. 23
 Мерзляков А. Ф. 209
 Мериме П. 43
 Межев В. И. 136
 Метгер М. 190
 Миддендорф А. Ф. 85, 86
 Миллер И. Г. 281
 Мильтон Д. 91, 96
 Мильчин А. Э. 283
 Милюшин А. А. 77
 Минаев Е. Н. 283
 Мистецкий А. С. 295
 Митрохин Д. И. 268
 Михайловский-Данилевский А. И. 92
 Михалычева О. П. 288, 289
 Мицкевич А. 283
 Мичурин И. Ф. 234
 Модзалевский В. 105
 Молок Ю. А. 268
 Мольер Ж.-Б. 147
 Монтень М. 279
 Мопассан Г. де 218
 Мордвинов Н. С. 233
 Мордвиновы 152
 Морозов Н. А. 158—165
 Мотуз Н. 54
 Мотылева Т. Л. 283
 Моцарт В. А. 232
 Мочалов П. С. 207
 Мошинский Ф. 125
 Музалев И. А. 293
 Мусин-Пушкин А. И. 122
 Мутер П. 58
 Мстиславец П. Т. 175, 179, 184, 185
 Мчелидзе Р. Д. 289
 Мятлев И. П. 11, 12
 Нагибин Ю. М. 284
 Нансен Ф. 84, 95
 Нарекный В. Н. 155
 Нарушевич А. 95, 119, 122
 Наполеон I Бонапарт 148
 Наумов А. М. 294
 Наумов И. С. 161
 «Н. Д-къ» 254, 255
 «Н. К.» см. Кириллов Н. В.
 Неккер 257
 Некрасов Н. А. 53, 240, 279, 293
 Некрасов Н. К. 279
 Немировский Е. Л. 265—268, 286, 290
 Непот К. 94
 Нерадовский П. И. 230
 Нестеров М. В. 229
 Негужилин А. Г. 287

- Нехачин Д. В. 188
 Нехачин И. В. 188—190
 Нечкина М. В. 151
 Никитин И. С. 53
 Никитина В. И. 295
 Никитина Е. Ф. 238, 239, 288
 Никитина Н. И. 292, 293
 Никифоров С. 189
 Николаев А. Г. 88, 89
 Николай I 152, 154, 284
 Новалис 213, 214
 Новиков Н. И. 31, 96, 107, 198
 Новитный А. 186, 188
 Нович И. С. 287
 Ногтева М. 287
 Носенко И. А. 192, 193
 Ноттгафт Ф. Ф. 230
 Нэжон 260, 263
- Ободовская И. М. 284
 Оболенский Ю. А. 154
 Овидий 96
 Овсяннико-Куликовский Д. Н.
 159
 Овсянников А. И. 34, 290
 Оганова Л. 279, 280
 Одоевский В. Ф. 56, 150
 Озаровский Ю. Э. 228
 Озеров Л. А. 284, 287, 290
 Олеарий 284
 Оленин А. Н. 232
 Олизар Г. 117
 Опочинин Ф. К. 94
 Опочинин Ф. П. 94
 Опочинины 93, 97
 Орлов А. С. 182
 Орлов С. С. 284
 Орловский А. О. 227
 Осетров Е. И. 268, 276, 279, 287,
 289, 290
 Осинский А. 120, 123
 Осипов Н. 106
 Осипова Э. 74, 77
 Осмоловский Ю. Э. 287
 Осокин В. Н. 282—284, 287, 290
 Осоргин М. А. 7
 Остолопов Н. Ф. 113
 Островский Н. А. 39—52, 55
 Острожские 188
 Острожский К. К. 122, 186, 187,
 Остроумова-Лебедева А. П. 229
- Павленков Ф. Ф. 33
 Павловский И. Ф. 104
 Павловский Н. 284
 Пайчадзе С. А. 74, 82
 Палей А. Р. 282, 287, 290
 Панов П. Ф. 276
 Пантелеева К. М. 280
 Пантелюк И. Г. 296
 Панферов Ф. И. 54
 Панцер Г. В. 190
 Параделов М. Я. 25, 33
 Паустовский К. Г. 50
 Педрилло (шут Анны Иоаннов-
 ны) 11, 12
 Петр I 154, 176, 196—198, 202,
 281
 Петр-Яков 115
 Петров А. А. 240
 Петровский 77
 Петряев Е. Д. 5, 14, 18, 19, 24,
 29, 87, 268, 288
 Пилсудский И. 43
 Пирогов А. А. 294—296
 Пиркгаймер 28
 Пискаатор см. Фишер Я.
 Пискунова А. И. 286
 Плавильщиков В. А. 235
 Плавильщиков П. А. 255
 Платонов А. П. 239
 Плотников 280
 Пнин И. П. 148
 Погодин М. П. 155
 Подорольский Н. А. 283
 Подъяпольская Е. П. 284
 Покровская З. А. 268, 286, 287
 Поле Ж. 207, 213
 Полевич К. И. 104
 Полевой Н. А. 139, 142, 153—
 155, 207
 Полевой К. А. 142, 152, 153
 Полонов В. Д. 229, 236, 283
 Поливановский С. Е. 5, 281
 Поликарпов Н. 154
 Поликарпов-Орлов Ф. 75
 Полкин К. А. 17
 Полозова Л. В. 295
 Полонская И. М. 286
 Полуниин Ф. А. 234
 Поляков И. С. 77—79
 Понсон дю Террайль 43
 Понятовский С.-А. 119, 121,
 124

- Попович П. Р. 88
 Попова О. Н. 33
 Поссевино А. 192
 Постник И. (?) Я. 253
 Потемкин Г. А. 251
 Почтовик П. Д. 20, 274
 Правдолюбов А. 143
 Пришвин М. М. 85, 282
 Пришвина В. Д. 282
 Прокушев Ю. Л. 284
 Пруст М. 48
 Прутков Козьма 285
 Прямоков А. В. 280
 Пуксоо Ф. 268
 Птасьник Я. 194
 Публий В. М. 111
 Пугачев Е. И. 233
 Пуффендорф 94
 Пушкин А. С. 41, 53, 55, 56, 58,
 64, 98, 106, 111, 112, 117,
 134 150, 151, 155, 168, 193,
 211, 213, 225, 226, 229, 230,
 232, 233, 240, 280, 281, 284,
 296
 Пушкин Л. С. 288
 Пущин И. И. 284
 Пырков В. И. 293—295
 Пятигорский А. Л. 227
- Рагоза А. 77
 Радзивиллы 194
 Радзишевский Ф. 126
 Радимов П. А. 236, 237
 Радзишевский А. 194
 Радищев А. Н. 148, 152
 Раевская М. Н. 117
 Райх Э. Н. 284
 Раменский А. П. 285
 Рамус П. 279
 Ранова Е. А. 276
 Расин Ж.-Б. 113, 148
 Ратнер А. В. 108
 Рахилло К. С. 288
 Рахманинов И. Г. 90
 Рачук И. А. 274
 Рейнбот П. Е. 226
 Ремарк Э.-М. 42
 Рембрандт В. Р. 237
 Репин И. Е. 229, 236
 Рерберг И. И. 286
 Рерих Н. К. 228, 229
- Рехбандер 187, 188
 Рея М. М. 258, 260
 Ричардсон С. 147
 Ровинский Д. А. 11, 226
 Рогачевский Л. 191
 Розанов Ив. Н. 16, 20, 25, 237,
 238, 283, 284
 Розенталь В. Ю. 296
 Розов Н. Н. 203
 Рожковская М. А. 284
 Романов А. В. 288
 Романов М. Ф. 189
 Романовы 253
 Ромэн Ж. 42
 Рошаль Б. Л. 288
 Рубан В. Г. 234, 251
 Рудомино М. И. 268, 281
 Румянцев Н. П. 122
 Русанов П. А. 85
 Русинов И. 238
 Руссо Ж.-Ж. 96, 128, 261
 Руссов С. В. 124
 Рэдклиф А. 96
 Рыбай И. 190
 Рыбаков Н. Х. 207
 Рылеев К. Ф. 98, 232, 233
 Рымша А. 194
 Рюрик 189
 Рябинин Н. Р. 294
- Садовская Е. М. 284
 Салаевы 33
 Салтыков-Щедрин М. Е. 84
 Сангушко Р. 187
 Сангушки 186—188
 Сапега Т. 125
 Саркизов-Серазини И. М. 232
 Сафронов В. А. 293
 Сафронова В. Д. 295
 Светлов М. А. 41
 Свифт Д. 48, 147
 Святковский Ф. 123
 Святополк Ф. 192, 193
 Седых В. Н. 289
 Селин Л. 42
 Семен Август 140
 Семеновкер Б. А. 273
 Сенкевич Г. 42
 Сен-Санс К. 218
 Серафимович А. С. 55
 Сервантес М. 41, 96

- Сергеев А. Ф. 286
 Сердюков И. И. 98
 Серошевский В. 42
 Сигизмунд I 121
 Сидорин Я. С. 20
 Сидоров А. А. 34, 182, 268, 274, 284
 Сикорский Н. М. 30, 265, 267, 275
 Сильвестр 183, 184
 Сиягин Н. К. 224
 Ситников В. Р. 289
 Скарга П. 192
 Скаррон П. 48
 Склярук Б. Н. 291, 295, 296
 Скокан П. И. 219
 Скорина Ф. 178
 Скотт В. 42, 111
 Сластененко В. А. 289
 Сливицкий И. А. 137
 Смирдин А. Ф. 31, 145, 282, 285
 Смирнов Н. П. 287
 Смирнов-Сокольский Н. П. 16, 20, 25, 45, 111, 132, 268, 276, 286
 Смолин-Степанов 33
 Смоллетт Т. 147
 Собинов Л. В. 58
 Собинов Л. З. 284
 Соковникова Е. П. 142, 151, 153
 Софронов А. В. 284
 Соленик К. Т. 207
 Соловьев Н. В. 33
 Соловьев Б. И. 281
 Соломонов М. 160
 Сомов К. А. 167, 229
 Сопиков В. С. 31, 33
 Сорокин Вал. Вас. 272
 Сорокин В. В. 285
 Софокл 104
 Спиноза Б. 211
 Станиславский В. 105
 Станько А. И. 131
 Стасов В. В. 216
 Стасюлевич М. М. 33
 Стеблин-Каминский С. 104, 111
 Стендаль 41
 Степанов А. П. (учитель латинского языка) 109, 110
 Степанов А. П. 146
 Степанов Г. В. 291, 294
 Стапанов И. М. 228, 230
 Стерн Л. 43
 Стецкий Я. 187
 Стивенсон Р. Л. 42
 Столпянский П. Н. 228
 Строганов С. Г. 76
 Строев П. М. 171
 Стронин А. И. 104
 Струг А. 47
 Стукалин Б. И. 271
 Суворин А. С. 33, 77
 Суворов А. В. 94, 97
 Суворова К. И. 284
 Судейкин С. Ю. 167, 228
 Сукин М. 175
 Сулакадзев А. И. 233, 234, 235
 Суликовский В. 192
 Сумароков А. П. 96, 147
 Сундуков Т. И. 143
 Суриков В. М. 26
 Суринов 154
 Сурков А. А. 62
 Суслов В. В. 227
 Сутырин В. А. 279, 280
 Сухотина-Толстая Т. Л. 276
 Сушков Н. В. 146
 Сытин И. Д. 33, 163, 219, 220
 Сытин С. Л. 292, 294
 Сю Э. 48
 Тагильцева М. И. 291—293, 295
 Талейран Ш.-М. 48
 Тампоне 262
 Тараканова (княжна) 253
 Тарасенков А. К. 16, 45, 268, 286
 Тарасиев Н. 185, 194
 Тарковский Р. Б. 198
 Тацит 104
 Твен М. 44
 Тевяшов Е. Н. 224, 226
 Телешов Н. Д. 280
 Терешкова В. В. 89
 Тиганова Л. В. 286
 Тик Л. 214
 Тимирязев К. А. 60
 Титов А. А. 146
 Титовский А. И. 294, 295
 Тихомиров М. Н. 182
 Толанд Дж. 260
 Толстая М. Л. 219
 Толстая С. А. 216, 219

- Толстой Л. Н. 27, 41, 58, 91,
96, 157, 160, 216—222, 284
Толстой Р. А. 122
Толь Ф. Г. 157
Торрезанский А. 194
Тохтамыш 253
Трегуб С. А. 44, 45
Третьяковский В. К. 96, 147
Тремер 11, 12
Трифонов Н. А. 288, 289, 283
Тримонин К. Я. 174, 188
Трофимов Ж. А. 296
Трощинский Д. Л. 98
Трусов В. В. 33
Тузов В. В. 33
Тургенев А. И. 122, 296
Тургенев И. С. 58, 293
Туркин В. П. 272, 287
Турков А. М. 282, 287, 290
Туров С. П. 296
Тухачевский М. Н. 46
Тьермо Н. 259
Тынянов Ю. Н. 48
- Уитмен У. 44, 48
Ульянинский Д. В. 26, 33
Ульяновы 293, 296
Ундольский В. М. 75, 180, 184
Урбинский П. В. 94
Урнов Д. И. 283
Усенко П. М. 277
Устинов Л. 175
Уткин И. П. 48
Утков В. Г. 284
Ушин А. А. 295
Уэллс Г. 43
- Фаворский В. А. 268, 283, 295
Фадеев А. А. 40, 62—64, 67, 280
Фадеев И. М. 33
Фаллада Г. 42
Фатеев П. С. 273
Федин К. А. 287
Федор Иоаннович 147
Федоров И. 81
Федоров И. (первопечатник)
73, 74, 171, 175, 178—181,
184—188, 190, 192—194
Федорченко С. Ф. 289
Фейнберг И. Л. 280
- Фейхтвангер Л. 42
Фелье 218
Фенелон Ф. С. 148
Фет А. А. 195
Фикер Ф. 210
Филиппов Б. М. 287, 290
Филонович Ю. К. 267, 282
Филдинг Г. 43
Фишер Я. 199, 200, 203
Фомин Н. Д. 291—293
Фонская С. И. 60
Фортинский С. 268
Форш О. Д. 42
Фофанов Н. 178
Флекель М. 268
Флери О. Ж. де 259
Флетчер Дж. 180
Флобер Г. 41
Флуг В. Е. 81
Франклин Б. 147
Франс А. 17, 18, 23, 41
Фрере 260, 263
Фрол Л. А. 97
Фролов В. А. 296
Фурманов Д. А. 42, 55
- Хавкина Л. Б. 33
Хайн Л. 174
Халатов А. Б. 33, 246, 247
Халип Я. Н. 62
Хан-Гирей 130
Ханов М. С. 74
Ханова А. И. 73, 74
Хенниг Р. 190
Херасков М. М. 107
Хвостов Д. И. 113
Хилков А. Я. 189
Хлебников Н. М. 285
Хоменко И. Л. 191
Храбровицкий А. В. 108
- Царев А. И. 292
Цветаев Л. А. 140
Цертелев Н. 104
Циолковский К. Э. 60, 288
Цицерон 94
Црноевич Г. 190
- Чацкий Т. 115—126
Чацкие 268

- Черенин А. Ф. 31
Чертков А. Д. 77
Чертова Н. В. 40
Черторыйский А. 125, 126
Чехов А. П. 26, 27, 41, 58, 59
Чирков Б. П. 288
Чистяков И. М. 285
Чубарьян О. С. 268
Чулков Н. Д. 96
Чюрленис М. К. 268
- Шапиль В. Г. 12, 295
Шатилов В. М. 285
Шаховский А. А. 150
Шварц А. И. 167, 168
Швец Т. П. 293
Шевченко Т. Г. 115
Шейдт Ф. 125
Шекспир У. 41, 64, 65, 91, 96,
167, 205, 207, 211, 213, 214,
283
Шеллингер Ф.-В. 210
Шереметьев С. Д. 12
Шеридан Р. Б. 217
Шершеневич В. 284
Шибанов А. Ф. 33
Шиллер Ф. 206, 207, 212, 213,
247
Шилов Ф. 32, 33
Шиперович Б. Я. 46, 280
Сихалиев Д.-М. М. 130
Шкловский В. Б. 30, 41, 282, 290
Шкляревский П. П. 213
Шлегель А.-В. 214
Шнеура 33
Шолохов М. А. 41
Шопен Ф. 218
Шторм Г. П. 152
- Шувалов Б. 151
Шуман Р. 232
Шуманский Е. А. 25
Шумей Ю. 192
Шуртаков С. И. 287
Шустрова Н. Л. 294
- Щетнев Л. Н. 296
- Эзоп 197, 198
Эйдельман Н. Я. 281, 284
Эльзевиры 10
Эмин Ф. А. 96, 147
Эренбург И. Г. 41, 42
Эристов (Эристави) Р. 130, 135
Эрзы С. Д. 295
- Юдин Г. В. 218—220
Юон К. Ф. 237, 238
Юрьев П. 193, 194
Юсуповы 196
Юшневский А. П. 100
- Яблоновский Ю. 125
Яблочкова Е. Н. 151
Яворский С. 98
Ягелла В. 119
Казимир Ягеллончик 193
Языков Д. Д. 90
Якир И. Э. 46
Якубович П. Ф. 242
Яремич С. П. 229
Яценко Н. И. 294, 295
Яцунок Е. И. 268, 286

СОДЕРЖАНИЕ

НАША АНКЕТА

<i>А. Маркушевич.</i> Счастье с книгами	6
<i>О. Ласунский, Е. Петряев.</i> Каков он, современный библиофил?	14
<i>С. Поливановский.</i> Читая «Альманахи»	30

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Б. Шиперович.</i> Книги в жизни Николая Островского	39
<i>Анна Бирюкова.</i> Наша библиотека	53
<i>Б. Зорин.</i> Одна военная встреча	62

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>А. Маслова.</i> Хабаровские автографы	73
<i>А. Анушкин.</i> Кутузов и книги	90
<i>П. Ротач.</i> «Библиотеку мою завещаю...»	98
<i>Е. Меламед.</i> Порицкий библиофил	115

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Владимир Безъязычный.</i> Сколько было «Сборников газеты „Кавказ“?	129
<i>Ю. Акутин.</i> Автор «Семейства Холмских»	139
<i>Велимир Петрицкий.</i> Библиофильские истории	158

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Е. Немировский.</i> О библиотеках, книголюбях и... фальсификаторах	171
<i>Н. Бурмистрова.</i> Книги и изразцы	195

<i>И. Каганов.</i> Иван Кронеберг и его «Брошюрки»	205
<i>Виктор Утков.</i> Сибирский гость Л. Н. Толстого	216
<i>А. Александрова.</i> Любители русских изящных изданий	223
<i>В. Лавров.</i> Среди рукописей	231
<i>А. Палей.</i> Воспоминания об А. Г. Горнфельде . .	242

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Ю. Александров.</i> Анонимный путеводитель . . .	251
<i>Л. Альбина.</i> «Опасная книга» в библиотеке Вольтера	257
<i>Книговед.</i> Специальный номер журнала «Маргиналии»	265

ХРОНИКА

Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Дела, события, факты. Составили К. Аштаменко, Н. Котов, А. Чирва	271
Хроника Клуба книголюбов ЦДЛ. Составила Л. Наппельбаум	279
Ульяновский Клуб книголюбов «Прометей». Составил Н. Яценко	291

СТИХОТВОРЕНИЯ О КНИГЕ

<i>Владимир Лазарев.</i> Книжник	36
<i>Гийом Аполлинер.</i> За книгой	69
<i>С. Маршак.</i> Книжный червь	89
<i>Петря Крученюк.</i> Ода Книге	241
<i>Иосиф Балцан.</i> Приданое	256

Содержание «Альманаха библиофила». Выпуск 1—5	298 .
Именной указатель	303

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск пятый

ИБ № 507

Редактор *М. Я. Фильштейн*

Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*

Технический редактор *Н. И. Аврутич*

Корректор *Л. И. Косова*

Сдано в набор 24.04.78. Подписано в печать 15.09.78. А02270. Формат бум. 60×84¹/₁₆. Типографская № 1. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 18,09. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2676. Изд. № 2655. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Книга»,

Москва, К-9, ул. Неждановой, д. 8/10.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по издательскому делу, полиграфии и книжной торговле.
Москва, М-54, Валовая, 28

**Альманах библиофила. Вып. 5.—М.: Книга,
А 57 1978.**

320 с. с ил.

Задуманный как продолжающееся издание, Альманах рассказывает о прошлом и настоящем Книги, о людях, посвятивших ей жизнь, о той роли, которую играет в жизни современного человека печатное слово. Начиная с четвертого выпуска, редакция публикует анкету, в которой предлагает обсудить некоторые актуальные вопросы библиофилии и книгоиздательского дела. На этот раз в обсуждении принимают участие библиофилы О. Г. Ласунский и Е. Д. Петряев. Публикуется продолжение документальной повести Е. Л. Немировского о русском первопечатнике Иване Федорове. Читатель найдет интересные очерки о книжном собрании М. И. Кутузова, о библиотеке Николая Островского, о первом издании романа Александра Фадеева.

Издание хорошо иллюстрировано. Предназначено для широкого круга любителей книги.

А $\frac{61001-118}{002(01)-78}$ БЗ-74-15-77

76.1

**Вниманию авторов
«Альманаха библиофила»!**

Редакционная коллегия просит авторов присылать статьи в двух экземплярах, перепечатанными в соответствии с установленными нормативами.

Все цитаты в тексте работы должны сопровождаться ссылками на источники.

В конце статьи необходимо сообщить краткие сведения об авторе и его подробный почтовый адрес.

Иллюстративный материал просьба присылать в двух экземплярах, размером 13×18 мм., желательно с негативами.

Редакционная коллегия рассматривает не только готовые материалы, но и заявки. Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: 103031, ул. Пушечная, д. 7/5, Центральное правление ВОК.